

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Т. Г. Погибенко

**Австроазиатские языки:
Проблемы грамматической реконструкции**

2013

ББК 81.2 (5М+5В+5К+5Ид+5Т)
П43

Ответственный редактор:

д. филол. н. Алпатов В. М.

Рецензенты:

д. филол. н. Морев Л. Н.

д. филол. н. Столбова О. В.

Погибенко Т. Г.

П43 Австроазиатские языки: проблемы грамматической ре-
.
- . : . , 2013. –
455 .

ISBN 978-5-89282-518-4

Австроазиатские языки мало изучены и мало известны в мировой лингвистике. На них говорят народы Южной и Юго-Восточной Азии – Индии, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Камбоджи, Вьетнама, Малайзии, Китая.

Эти языки характеризуются удивительным типологическим разнообразием. В настоящей монографии дается сравнительно-историческое исследование особенностей их аффиксации и полипредикации, которые связаны с историей форм зависимой предикации.

В работе описаны данные большого числа австроазиатских языков, привлекаются материалы, собранные во время полевых исследований языков малых народов Вьетнама в совместных российско-вьетнамских лингвистических экспедициях.

ББК 81.2 (5М+5В+5К+5Ид+5Т)

ISBN 978-5-89282-518-4

9

785892

825184

©

. . , 2013

©

, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Условные сокращения и обозначения	6
Предисловие	10
Введение	15
0.1. Классификация австроазиатской семьи языков	15
0.2. Факторы, искажающие результаты лексикостатистики в австроазиатских языках	21
0.3. Основные характеристики австроазиатских языков	35
0.4. Проблемы сравнительного изучения австроазиатской морфологии	55
Глава 1. Формы зависимой предикации в истории австроазиатских языков	67
1.0. Введение	67
1.1. Австроазиатские языки и шкала сентенциальных форм ...	73
1.2. Австроазиатские языки и шкала связанности полипредикативных конструкций.....	85
1.3. Рефлексы форм зависимой предикации в кхмерском языке.....	91
Глава 2. Рефлексы синтетических форм зависимой предикации в австроазиатских языках	104
2.1. Именные аффиксы в кэхо и ма.....	104
2.2. Маркер <i>gə</i> в кэхо и ма	155
2.2.1. Рефлексы <i>gə</i> как маркера зависимых предикаций	157
2.2.2. Маркер инактивности <i>gə</i> в глаголах.....	163
2.3. Именные аффиксы в чрау	215
2.4. Именные аффиксы в монических языках.....	222
2.5. Именные аффиксы в никобарских языках	236
Глава 3. Рефлексы аналитических маркеров зависимой предикации в австроазиатских языках	241
3.1. Зависимые предикативные конструкции в древнекхмерском	242
3.1.1. <i>ta</i> в функции маркера именных групп.....	243
3.1.2. Инфиксальные формы зависимой предикации.....	246
3.1.3. Маркеры зависимой предикации <i>ta</i> , <i>ti</i>	247

3.1.3.1. Предложения с сентенциальным сказуемым и «пассивные» предложения	253
3.1.3.2. Предложения со сдвигом ремы.....	257
3.1.3.3. <i>tí</i> как маркер семантической роли «инактивный агентс»	259
3.1.3.4. <i>tí</i> как маркер социального дейксиса.....	266
3.1.3.5. Конфликты стратегий маркирования.....	267
3.1.4. Маркер <i>ka</i>	272
3.2. Зависимые предикативные конструкции в палаунг	275
3.2.1. Конструкции с предикатными актантами	279
3.2.2. Сериальные конструкции	283
3.2.3. Определительные конструкции.....	285
3.2.4. Координативные конструкции	291
3.2.5. Рефлексы прото-австроазиатского маркера <i>*ta</i> в палаунг	293
3.2.6. Конструкции с сентенциальными включениями	294
3.3. Зависимые предикативные конструкции в лава	296
3.4. Зависимые предикативные конструкции в катуических языках	298
3.4.1. Бру.....	298
3.4.2. Пакох	302
3.4.3. Кату.....	308
3.5. Зависимые предикативные конструкции в бахнарических языках	314
3.5.1. Чрау.....	314
3.5.2. Бахнар	316
3.6. Кхаси.....	319

Глава 4. Аслийские языки: консервативные тенденции и дальнейшие пути развития.....	327
4.0. Введение.....	327
4.1. Джахай.....	335
4.1.1. Коммуникативные типы предложений.....	336
4.1.1.1. Тематические предложения в джахай.....	339
4.1.1.2. Тематические предложения в других австроазиатских языках	343
4.1.1.3. Предложения со сдвигом ремы в джахай	348
4.1.1.4. Предложения со сдвигом ремы в других австроазиатских языках	352
4.1.2. Полипредикативные конструкции	355

4.1.3. Маркеры именных групп	356
4.1.4. Рефлексы маркера зависимой предикации * <i>ta</i>	362
4.1.4.1. Атрибутивные формы прилагательных и указательных местоимений	362
4.1.4.2. Имена со значением множественности	366
4.1.5. Рефлексы инфиксальных форм зависимой предикации	367
4.1.5.1. Имена со значением множественности	367
4.1.5.2. Глагольная форма зависимой предикации	368
4.1.5.3. Рефлексы маркера зависимой предикации *- <i>n</i> -/ <i>n</i> - в отглагольных именах и счетных формах имен	371
4.1.5.4. Счетная конструкция в джахай	374
4.1.5.5. Рефлексы аффикса *- <i>n</i> -/ <i>n</i> - и маркера * <i>ta</i> в счетных конструкциях в других австроазиатских языках	378
4.2. Темиар	400
4.3. Семелай	408
4.3.1. Морфонология производных имен	408
4.3.1.1. Корневая и внекорневая аффиксация в мон-кхмерских языках	409
4.3.1.2. Стратегии достраивания пресиллаба до полного слога в мон-кхмерских языках	411
4.3.2. Функции производных имен	419
4.3.3. Маркер именных групп <i>hn</i> ≠/ <i>hn</i>	431
4.3.4. <i>n</i> -/ <i>n</i> -: деривация от имен	432
Библиография	437
Summary	454

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

Языки

АА	австроазиатский (-ие)
АН	австронезийские
АСЛ	аслийские языки
БХ	бахнарические языки
ДКМ	древнекхмерский
ДМ	древнемонский
КА	кхмерский ангкорского периода
КТ	катуические языки
КХМ	кхмуические языки
КЯ	кхмерский
М	мунда языки
МК	мон-кхмерский (-ие)
Н	никобарские языки
ПА	кхмерский преангкорского периода
ПМ	прото-монский

вьет.	вьетнамский
др. кхм.	древнекхмерский
др. мон	древнемонский
ксм.	ксингмул
кхм.	кхму
кхм.н.	кхму нгеан
кхм.т.	кхму в Таиланде
кхм.ю.	кхму юан
кхмер.	кхмерский
лит. мон	литературный мон
мдр.	мундари
млб.	млабри
нанк.	нанкаури
нях.	нях кур
с.	северный
смл.	семелай
ср. мон	среднемонский
ц.	центральный
ю.	южный

Грамматические понятия

ГГ	главный глагол
ЗП	зависимая предикация
ЗПК	зависимая предикативная конструкция
ИГ	именная группа
ИГ _{об}	объектная именная группа
ИГ _{суб}	субъектная именная группа
КПА	конструкция с предикатным актантом
П	подлежащее
ППК	полипредикативная конструкция

Условные сокращения, используемые в пословном переводе

AFF	аффикс
ASP	вид
AUX	вспомогательный глагол
CAUS	каузатив
CLF	классификатор
CNJ	союз
COMIT	комитатив
COND	условное (наклонение)
CONT	континуатив
COP	связка
COP (ID)	связка тождества
COP (PR)	предикативная связка
DAT	датив
DIR	директив
DPM	маркер зависимой предикации
DU	двойственное число
EX	эксклюзивный
EXCLM	восклицание
FEM	женский
FOC	маркер фокуса
FUT	будущее время
GEN	генетив
IN	инклюзивный
INTER	вопросительная частица
LOC	локатив
MSC	мужской
NEG	отрицание

NMZ	номинализатор
OBJ _{DIR}	прямой объект
OBJ _{IND}	косвенный объект
PL	множественное число
POSS	посессив(ный)
PREP	предлог
PRF	перфектив
PROH	прохибитив
PST	прошедшее время
PTCL	частица
RCP	реципрок
RFL	рефлексив
RHM	сдвиг ремы
S	подлежащее
SUB	субъектный
SG	ед. число
TEMP	темпоратив
TOP	маркер топиализации
TTL	название титула

Условные обозначения корпусов материалов

К Корпус опубликованных надписей Камбоджи

Названия анкет в материалах российско-вьетнамской лингвистической экспедиции:

АТР	Анкета «Атрибутивные отношения»
ВИД	Анкета «Значения вида и времени»
ВПР	Анкета «Вопросительные предложения»
КЛФ	Анкета «Классификаторы»
МОД	Анкета «Модальность»
ОМВ	Анкета «Обстоятельства места и времени»
ПРВ	Анкета «Первичная»
РЕЧ	Анкета «Части речи»
СЛЖ	Анкета «Сложное предложение»

Сокращения

асем.	асемантический слог
гл.	глагол
кор.	королевская лексика
служ.	служебное слово
совр.	современный
экспр.	экспрессив

Условные обозначения

//	фонологическая запись
[]	1) фонетическая запись 2) факультативный элемент
{ }	орфография источника
-	граница морфемы
=	граница клитики
.	1) граница слога 2) при пословном переводе отделяет компоненты перевода слова
—	лакуна в надписи Камбоджи

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена сравнительно-историческому исследованию австроазиатской (АА) аффиксации и полипредикации в том объеме этих грамматических явлений, в котором они связаны с историей АА форм зависимой предикации. Исследование в основном базируется на материале мон-кхмерских (МК) языков, а мунда и никобарские языки привлекаются только для сравнения, поскольку материалов по никобарским языкам недостаточно для всестороннего анализа, а языки мунда значительно отошли от АА прототипа и сохранили мало из общего инвентаря грамматических средств.

Выбор темы продиктован важностью данной проблемы для уточнения генетических связей и типологической характеристики АА праязыка. Генетическая классификация АА языков базируется на результатах лексикостатистики и фонологической реконструкции, морфологическая реконструкция могла бы внести свои уточнения в существующую классификацию. Кроме того, правильный морфологический анализ АА слов важен и для глоттохронологических подсчетов, и для фонологической реконструкции.

Выбор темы продиктован также слабой степенью изученности АА аффиксации в диахронии. Характерно высказывание Ж. Дифлота: «Сравнивая мон-кхмерские языки, в особенности такие отдаленные друг от друга члены этой семьи, как кхаси, кхму или семай, мы видим, что прото-мон-кхмерский язык обладал богатой и, возможно, имеющей регулярный характер продуктивной морфологией. Однако до сих пор очень мало сделано в плане ее точной и аккуратной реконструкции» (Diffloth 1984, 263).

Некоторые лингвисты просто считают, что морфологическая система АА праязыка во многом была похожа на морфо-

логическую систему языков мунда. Это предположение естественно вытекает из того, что из всех АА языков именно мунда обладают развитой морфологией. Г. Пиннов тоже предполагал, что языки мунда унаследовали и развили дальше прото-АА морфологическую систему. Он допускал, например, что объектные суффиксы в мунда восходят на прото-АА уровень (Pinnow 1966), однако, как ему удалось выяснить при тщательной реконструкции, далеко не все они восходят даже на уровень прото-мунда. Скорее всего, богатая морфологическая система мунда развилась после раннего отделения от праязыка. Их грамматическая структура стала быстро мигрировать в сторону совершенно другой типологии вследствие тех кардинальных изменений, которые произошли в силлабо-тонической структуре слова (Donegan 1993).

Несмотря на то что начиная с самых ранних этапов выделения и изучения АА семьи все исследователи обращали внимание на наличие общих аффиксов – префиксов и инфиксов, до сих пор проблема морфологической реконструкции АА праязыка не ставилась. На это есть свои объективные причины.

Во-первых, для языков АА типа теоретическая лингвистика пока не выработала адекватных принципов описания. За пределами ее возможностей остается выделение, понимание и описание многих аспектов грамматической структуры АА языков. К ним относятся: характер противопоставления частей речи; специфика грамматических категорий; бóльшая, нежели в традиционно изучаемых языках, ориентированность языковой структуры на прагматические аспекты высказывания; специфика дейксиса; меньшая синтаксическая сжатость конструкций, что делает их несопоставимыми с конструкциями других языков и т. д. Отсутствие общетеоретических ориентиров существенно затрудняет понимание, описание и реконструкцию филогенеза грамматических единиц АА языков. В результате нередки случаи, когда одни и те же грамматические явления описываются по-разному, вплоть до несопоставимости описаний, и это зависит от того, в какую из существующих

теоретических парадигм, выработанных на материале традиционно изучаемых языков, помещается то или иное явление, вырванное из лингвоспецифического контекста АА языка.

Во-вторых, типологические различия между отдельными группами языков внутри АА семьи и отсутствие общей фонологической реконструкции семьи делают сравнительно-историческое изучение морфологии затруднительным.

В-третьих, до сих пор ощущается острая нехватка материалов – словарей, грамматических описаний, связанных текстов. Кроме того, с начала семидесятых годов, когда в австро-азиатском языкознании преобладал дескриптивизм, главными стали такие принципы описания, как унификация, регулярность, дистрибутивный анализ, моделирование и алгоритм порождения, что не оставляло места иррегулярностям, аномалиям, рудиментам, диалектной и идиолектной вариативности, семантике, прагматике, логической структуре высказывания и дискурса. Отсюда – характерное для периода начала семидесятых – начала девяностых годов XX века преобладание фонологических описаний, либо морфологических описаний, отражающих только регулярные модели порождения словоформ, и почти полное игнорирование синтаксиса и прагматики.

Сравнительно-историческое изучение АА аффиксации необходимо и для синхронных грамматических описаний языков. Это, на первый взгляд, может показаться не столь очевидным, но точность описания грамматических явлений в современных языках во многом зависит от той диахронической парадигмы, в которую помещается то или иное конкретное явление АА языка.

В данной работе ставится задача реконструкции путей развития и последующей утраты в части АА языков двух типов форм зависимой предикации – синтетических форм с показателями **-n-/n-*, **-m-/m-* и аналитических форм с показателем **ta*. В современных АА языках производные с инфиксами имеют разную степень продуктивности. Обычно они являются отглагольными именами с различными значениями – именами

действия, агенса, пациенса, инструмента. Во многих языках они отмечаются также как прилагательные, наречия и служебные слова (грамматические показатели, союзы, предлоги). Значительно реже при помощи этих же инфиксов от имен образуются имена общие и классификаторы, а также имена с измененной областью референции.

В работе выдвигается гипотеза, что инфиксы **-n/n-*, **-m/m-* восходят к маркерам форм зависимой предикации, которые, предположительно, занимали центральное место в грамматической системе прото-АА языка и языков-потомков на том этапе развития, когда в них преобладал паратаксис и гипотаксис с недифференцированными средствами связи, которые маркировали отношение «ядро – периферия»¹. Данная гипотеза позволяет свести все семантическое и функциональное разнообразие производных с инфиксами в современных АА языках в одну непрерывную цепь исторического развития от форм зависимой предикации. В работе также выдвигается предположение, что уже на прото-АА уровне помимо синтетических инфиксальных форм существовали аналитические формы зависимой предикации с маркером **ta*.

Система форм зависимой предикации во всех группах АА языков распалась, оставив рефлексy разных типов. Синтетические формы подверглись лексикализации и грамматикализации. В первом случае в современных языках их рефлексами являются знаменательные слова – имена, классификаторы, прилагательные, наречия. Во втором случае – это служебные слова – предлоги, союзы, грамматические маркеры. История аналитических форм зависимой предикации во всех группах

¹ Это конструкции, в которых зависимые предикации разных семантических и структурных типов маркируются одинаково. В научной литературе конструкции данного типа иногда обозначаются термином «клаузальные цепи» (clause chaining). Они распространены в некоторых языках Африки, Южной и Северной Америки, Азии (Hopper, Traugott, 1993).

АА языков в основном связана с тем, что резко сокращалась их функциональная сфера. Они вытеснялись на периферию новыми грамматическими средствами – местоимениями, связками, союзами, предлогами. Их лексикализованные рефлексмы находим в отглагольных именах, они отмечаются как маркеры коммуникативной структуры предложения и выделяются в составе различных союзов и частиц.

В работе решается задача комплексного сравнительно-исторического изучения рефлексов синтетических и аналитических форм зависимой предикации в АА языках и реконструируются пути развития этих форм. Исследование показало, что формы зависимой предикации в АА языках оказались на пересечении таких диахронических процессов и типологических сдвигов, как смена синтетизма аналитизмом, переход от гипотаксиса с недифференцированными средствами связи к гипотаксису с дифференцированными средствами связи, а также такого сложного и малоизученного на конкретных примерах явления, как синтаксическая компрессия полипредикативных структур в диахронии.

Материалом для настоящей работы послужило то, что можно найти в научной литературе по АА языкам, а также полевые данные, собранные автором в ходе обследования языков малых народов Вьетнама в рамках совместной советско-вьетнамской лингвистической экспедиции, которая начиная с 1979 г. проводилась с регулярностью раз в два года. В работе используются также данные по древнекхмерскому языку, которые автор собрал, изучая тексты древних кхмерских надписей, опубликованных Ж. Сёдесом (Cœdès 1942–1966).

Работа состоит из «Предисловия», «Введения» и основной части, в которую входят четыре главы: 1-я – «Формы зависимой предикации в истории австроазиатских языков», 2-я – «Рефлексмы синтетических форм зависимой предикации в австроазиатских языках», 3-я – «Рефлексмы аналитических маркеров зависимой предикации в австроазиатских языках», 4-я – «Аслийские языки: консервативные тенденции и дальнейшие пути развития».

ВВЕДЕНИЕ

0.1. Классификация австроазиатской семьи языков

Австроазиатские языки (АА) – это семья языков, которая доминировала в регионе Юго-Восточной Азии до прихода туда тайцев, бирманцев и малайцев. Сейчас более сотни АА языков разбросаны на огромной территории, простирающейся от восточных частей Индии до восточных берегов п-ова Индокитай, от китайской провинции Юньнань до южной оконечности п-ова Малакка, а также на ряде островов Индийского океана. Общее число говорящих, возможно, доходит до 84 млн. Из всех АА языков только два – кхмерский и вьетнамский являются государственными. Исторически государственным языком был также монский, письменную традицию также имеет язык кхаси, остальные – это языки национальных меньшинств, проживающих на территории различных государств: Индии, Китая, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама, Камбоджи, Малайзии. Число говорящих на некоторых из австроазиатских языков доходит до нескольких миллионов, однако есть языки, на которых говорят всего несколько семей (млабри-б). Кхмерский и монский имеют эпиграфические письменные памятники: монский с VI по XVI вв., а кхмерский – с начала VII по XIV вв.

До сих пор нет единого мнения относительно того, на сколько ветвей распадается АА семья: две ветви – мунда и мон-кхмерские (МК), или три ветви – мунда, никобарские, мон-кхмерские. По одной из первых классификаций, принадлежавшей В. Шмидту (Schmidt 1907), АА языки группируются следующим образом:

-
- I семанг, сеной (т.е. аслийские)
 - II кхаси, никобарские, палаунг-ва-рианг
 - III мон-кхмерские, мунда

В последнюю ветвь Шмидт ошибочно включал австронезийские языки Вьетнама – чамский и раде, с которыми он также ошибочно группировал МК язык седанг.

В классификации Г. Пиннова 1963 г. АА языки распадаются на две ветви:

западная группа

нахали

мунда

а) северные б) южные

восточная группа

никобарские

палаунг-кхмерские

а) кхаси б) палаунг-ва

в) мон-кхмерские г) аслийские

В отличие от последующих классификаций, Шмидт и Пиннов принимали во внимание данные морфологии.

В лексикостатистической классификации Д. Томаса и Р. Хедли 1970 г. (Thomas, Headley 1970) никобарские языки не включены в МК семью, однако в модифицированной классификации Хедли 1976 г. (Headley 1976) они являются одной из групп МК семьи. Трехчленное деление АА семьи языков представлено в классификации Ж. Дифлота в его статье в Британской энциклопедии (Diffloth 1986):

мунда

северные мунда

южные мунда

а) центральные мунда: кхариа, джуанг

б) мунда Корапута: сора и др.

(?) нахали

никобарские

северно-никобарские: кар

центрально-никобарские: нанкаури

южно-никобарские: язык побережья о. Большой Никобар
шомпе, язык внутренних районов о. Большой Никобар

мон-кхмерские

кхаси

палаунгические

монические

кхмуические

вьет-мыонгские

катуические

бахнарические

а) южные б) западные в) северные

пеарические

кхмерский

аслийские

а) джахайские б) сенойские в) семелайские

Нет также единого мнения и относительно внутренней классификации МК семьи. По классификации Ж. Дифлота 1974 года, представленной в его статье в Британской энциклопедии, МК языки распадаются на три ветви:

восточная

кхмерическая

пеарическая

бахнарическая

катуическая

вьетская

северная

кхаси

палаунгическая

кхмуическая

манг

южная

моническая

аслийская (джахайская, сеноическая, семелайская)

никобарская

В эту классификацию Ж. Дифлот впервые внес также ряд МК языков на территории Китая. Известна также более поздняя классификация Ж. Дифлота 2005 г. (цит. по [Sidwell 2006]), которая базируется во многом на лексических инновациях. В ней МК языки разделены на три ветви, но сгруппированы иначе, нежели в классификации 1974 г.:

северная (кхаси-кхмуическая)

кхаси

западная палаунгическая

восточная палаунгическая

кхмуическая

восточная (кхмеро-вьетская)

вьетская

восточная катуическая

западная катуическая

западная бахнарическая

северо-западная бахнарическая

северная бахнарическая

центральная бахнарическая

южная бахнарическая

кхмерическая

южная (нико-моническая)

моническая

северная аслийская

сеноическая

южная аслийская

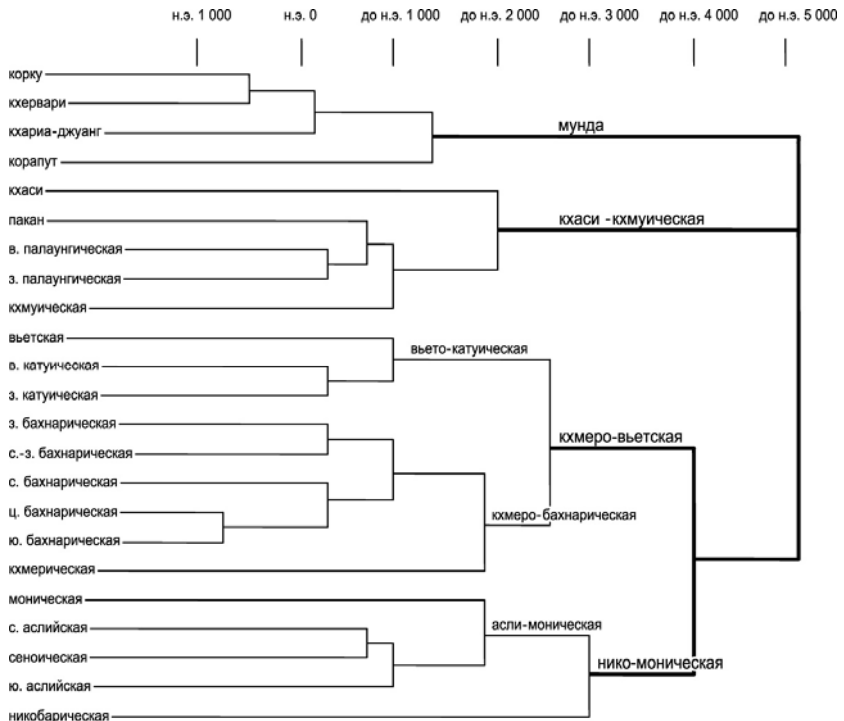
никобарическая

Вьето-катуическая гипотеза Ж. Дифлота, т. е. объединение катуической и вьетской подгрупп в одну группу кхмеро-вьетской ветви, представленное в данной схеме, постулируется для того, чтобы можно было объяснить соответствие прото-

МК *ʔ – вьетское *s, отмечающееся в относительно небольшом количестве общих МК слов. Как полагает Дифлот, фонетически оно проще всего объясняется через стадию вьетокатуического единства: прото-МК *ʔ → прото-вьетокатуическое */h → вьетское *s.

Таблица 1

Генетическое дерево австроазиатских языков по классификации Ж. Дифлота 2005 г.

В классификации И. Пейроса 1998 г., полученной путем лексикостатистических подсчетов, выделяется пять групп МК языков:

центральная (бахнарическая, катуическая, аслийская, моническая)

вьетская

северная (палаунг-ва, кхмуическая)

кхмерская

кхаси

В то время как по классификации Ж. Дифлота 2005 г. катуические языки сближаются с бахнарическими, вьетскими и кхмерским, у И. Пейроса они группируются с бахнарическими, аслийскими и моническими.

Классификация Пейроса 2004 г., подтверждающая трехчленное деление АА семьи, постулирует особое генетическое положение языка кхаси, а МК языки подразделяет на две дочерние ветви: центральную и северную:

мунда

никобарские

кхаси

мон-кхмерские

 центральные (вариант А)

 пеарическая

 кхмерская

 аслийско-моно-катуическая-бахнарическая

 аслийская

 моно-катуическая-бахнарическая

 монская

 катуическо-бахнарическая

 катуическая

 бахнарическая

 центральные (вариант Б)

 пеарическая

 кхмерская

 аслийская

 моно-бахнарическая-катуическая

северные
манг
вьетская
палаунг-ва-кхмуическая

Как отмечает И. Пейрос, варианты деления центральной ветви МК языков существуют в связи с тем, что троичное деление обосновывается весьма незначительным временным расхождением и может объясняться незамеченными этимологическими неточностями. Выделение северной ветви также под вопросом, поскольку разрыв между ней и центральной ветвью очень мал. Таким образом, Пейрос не отрицает возможности, что МК семья языков практически одновременно разделилась на четыре ветви: центральную, северную (кхму и палаунг-ва), вьетскую и манг.

На современном этапе исследований лексикостатистическому методу классификации АА языков справедливо придается исключительная важность. Лексикостатистическая классификация И. Пейроса 2004 г. сделана на огромном материале, значительная часть которого собиралась в разных странах специально для данного проекта. Значение этой работы для АА языкознания трудно переоценить. Вместе с тем, хотелось бы отметить её некоторые бросающиеся в глаза недостатки.

0.2. Факторы, искажающие результаты лексикостатистики в австроазиатских языках

Как представляется, расхождения в результатах лексикостатистических подсчетов, получаемых на пространстве МК языков, объясняются несколькими причинами. Прежде всего, это в основном языки малоизученные, и исследователи часто имеют дело со списками слов, собранными в режиме «сбора словника», со всеми вытекающими отсюда лексикографическими погрешностями, при этом они часто недостаточно знают о структурных и функциональных особенностях номина-

тивных единиц тех языков, с которыми они работают. Кроме того, при сборе лексики в режиме словника не всегда успешно решается задача выявления синонимов и квазисинонимов. В результате в диагностических списках под одним и тем же значением мы можем видеть, с одной стороны, разные этимоны с близким значением, а с другой – там могут быть представлены разные члены синонимических рядов. Это создает ряды ложных несоответствий между языками, которые в конечном счете искажают результаты лексикостатистики.

Еще одним фактором, который должен существенно влиять на результаты лексикостатистики, является поликомпонентность единиц номинации – глаголов, имен, местоимений. Поликомпонентность (в основном – двухкомпонентность) слов – это отличительная типологическая черта МК языков. Моносиллабизм и особенности семантической структуры таких единиц являются причиной того, что в речи они подвергаются трансформациям – редукции комплекса до одного компонента и синонимической замене компонентов. Правила, по которым происходят эти трансформации, можно описать только при наличии достаточного корпуса текстов или диагностических предложений.

Лексикостатистические подсчеты на материале МК языков также должны принимать во внимание морфологию, которая в МК языках стремительно разрушалась, но в разных языках и в разные периоды скорость ее разрушения была различной. Поскольку многие слова из диагностического списка – исконно (или вторично) производные, скорость их исчезновения зависела от поддержки со стороны морфологии и тем самым в разные периоды была разной.

Поясним сказанное на примерах из диагностических списков, приведенных в приложении к автореферату докторской диссертации И. Пейроса (Пейрос 2004). На значение «come» здесь мы обнаруживаем разные этимоны, имеющие разное значение: «идти к; приходить» (кхмер. *тэ́к*), «возвращаться»

(джахай *kəlwīl*), «идти к; возвращаться» (ксингмул-1 *ʔəɛm*), «доходить» (ксингмул-2 *pleh*). Здесь особенно парадоксально выглядят данные языка ксингмул, которые брались из двух разных источников – из Тематического словаря в работе *Язык ксингмул 1990*, собранного А. Ю. Ефимовым, Доанг Тхиен Тхуатом и Као Суан Хао, и списка слов, собранного Та Ван Тхонгом в 2001 г. специально для проекта Пейроса. В словаре первого источника на значение ‘приходить’ дается *pleh* (№ 811) и *dzuu pleh* (№ 812), а в списке Та Ван Тхонга – *ʔəɛm*, при этом в словаре первого источника *ʔəɛm* дается со значением ‘возвращаться’ (№ 813). На первый взгляд, можно подумать, что эта картина отражает диалектные различия, но только на первый, так как оба источника в данном случае неточны, и эта неточность связана с лингвоспецифическими особенностями членения соответствующего семантического поля в МК языках. Для сравнения отметим, что, например, в книге Й. Ришеля по языку млабри, который, как и ксингмул, входит в кхмуическую группу, на значение «come» даются четыре глагола: *leh* (женск.), *pruk* (мужск.), *maa*, *wal* (Rischel 1995), и это нормально, потому что различия в значении этих слов может выявить только более тонкий семантический анализ того, как они употребляются в речи в разных контекстах.

Так, например, в ксингмул анализ всех случаев употребления слов *ʔəɛm* и *pleh*, а также глагольных комплексов, которые они образуют, в корпусе предложений диагностических анкет в работе [Язык ксингмул, 1990] позволяет сделать вывод о том, что в семантической структуре глагола *ʔəɛm* дифференциальным является собственно дейктический компонент «перемещаться в дейктический центр», а интегральным – «достигать ориентира» (*Иди сюда* (МОД 13)), он тем самым противопоставляется глаголу *dzuu* ‘идти; перемещаться от дейктического центра’. Вместе с тем, в ксингмул отмечается гла-

гол *pəlweel*, который является соответствием джахай *kəlwīl* ‘come’ из диагностического списка И. Пейроса. Он, например, выступает в предложении *Охотник вернулся на тропу, которая вела в деревню* (СЛЖ 36), у этого глагола, как можно предполагать, дифференциальным является компонент значения «поворачивать», а интегральными – компоненты значения «перемещаться в дейктический центр» и «достигать ориентира». Отсюда можно предположить, что одинакова вероятность того, что, с одной стороны, и у глагола *ʔəɬ*, и у глагола *pəlweel* значение ‘возвращаться’ может возникать на базе интегрального компонента «достигать ориентира», а с другой – у глагола *pəlweel* может развиваться значение «приходить» на базе его интегральных значений. Первая возможность реализуется в ксингмул, где *ʔəɬ*, используется как переводной эквивалент вьет. глагола *lở* ‘возвращаться, приходить’, а *pəlweel ʔəɬ* – как переводной эквивалент вьет. глагола *lái* ‘приходить, возвращаться, приходить обратно’. Вторая возможность, как мы видим, реализовалась в джахай, где *kəlwīl* в диагностическом списке И. Пейроса дается как «come».

В ксингмул в семантической структуре глагола *pleh* дифференциальным является результативный компонент «достигать ориентира». Вот почему значение ‘приходить’ нормально в ксингмул выражается результативным глагольным комплексом *ʔəɬ pleh*, как, например, в предложениях *Хорошо, что ты пришел* (СЛЖ 54 ТЗ), *Она скоро придет* (ВИД 10), *Только он ушел, ты пришел* (ВИД 39 С). Однако в определенных случаях возможна редукция результативного комплекса до одного из двух его компонентов, она происходит по определенным правилам и зависит от семантической и коммуникативной структуры предложения. В предложениях со снятой утвердительностью комплекс редуцируется до компонента *ʔəɬ*, как, например, в предложении *Скоро ли привезут соль?* (ВПР 64), в

отличие от предложения *Ещё два дня и привезут* (ВПР 64 Т), где комплекс *¿эт pleh* не редуцируется. По этому же правилу редукция происходит и в предложениях *Мы только ждем, чтобы привезли кирпич, тогда построим амбар к концу месяца* (СЛЖ 108), *Сегодня я находился дома весь день, но не видел, как он приходил* (ВИД 11 Т), *Никогда больше не приходи к нам* (МОД 37), в отличие от предложения *Он скоро придет* (ВИД 10), где комплекс не редуцируется. В предложениях со сдвигом ремы, наоборот, комплекс редуцируется до компонента *pleh*, как, например, в предложении *Я пришел сюда утром* (СКД 46 Т). Это происходит и в тех случаях, когда компонент «достижение» находится в фокусе, как, например, в предложениях *Когда я прихожу, он пашет, когда меня нет, то он не пашет* (ВИД 8 Т), *Председатель уже идет* (ВИД 12 Т).

Эту достаточно сложную картину языка-объекта еще более усложняет язык-посредник, в качестве которого выступает вьетнамский, в котором исследуемый семантический континуум членится на лексемы иначе. В результате на одно и то же «диагностическое» предложение, взятое вне контекста, можно получить разные лексемы. Так, при переводе предложения *Я пришел домой* можно получить лексемы «вернуться», «идти к», «достигать», при переводе предложения *Гости пришли к нам в дом* – лексемы «идти к», «достигать» и даже «подниматься» (если речь идет о доме на сваях), последнее имеет место в предложении *К нам пришло пятеро гостей* (КЛФ 7), а на предложение *Кто еще не вернулся?* (ВПР 78) – глагол «идти к», потому что в семантической структуре глагола «возвращаться» присутствует компонент «достижение», который в языке ксингул не включается в предложения со снятой утвердительностью.

Парадоксальным, на первый взгляд, может показаться и то, что на «come» в диагностическом списке И. Пейроса дается вьетнамский глагол *{i}*, который является глаголом типа «go», поэтому в списке он дается на «go» тоже. Дело в том, что на

данном семантическом поле к проблемам, которые мы уже обозначили, в конкретных речевых актах добавляются проблемы, связанные с «come – go» дейксисом, который в МК языках может проявлять себя не так как в европейских. Например, при переводе «диагностического» предложения *Он уехал в отдаленную деревню* (РЕЧ 182) мы получили глагол типа «go» – *dzuu* для ксингмул, но глагол типа «come» – *{Ōn}* ‘приходить, приезжать, прибывать’ для вьетнамского. Это объясняется тем, что в конкретных речевых актах, когда описывается перемещение, происходящее с выходом из сферы говорящего, компонент «достижение» может становиться более приоритетным, нежели собственно дейктический компонент «движение от/из дейктического центра», таким образом манифестируется эмпатия говорящего. Естественно, что в предложении *Он уехал далеко* (РЕЧ 183) приоритетным остается дейктический компонент, и во вьетнамском переводе выступает глагол типа «go» – *{i}*. Есть и другие контексты, в которых компонент «достижение» становится более приоритетным, нежели компонент «движение от/из дейктического центра». Например, в предложении *Вам лучше сходить к врачу* (МОД 23) во вьетнамском также выступает глагол типа «come» *{Ōn}*, а в ксингмул – глагол типа «go» *dzuu*.

Наоборот, на «диагностическое» предложение для «come» можно получить глагол типа «go», например, в предложении *Она приехала в деревню мою и стала собирать материал*. Это возможно в тех случаях, когда смещения дейктического центра не происходит и дейктическим центром остается говорящий. В кхмерском языке такое возможно, когда говорящий – автор газетной статьи, который к тому же находится в «географическом» центре. Иерархия компонентов «достижение» и «движение из дейктического центра» может зависеть и от других факторов.

Сложной проблемой для исследователей, работающих в режиме сбора словника, является двухкомпонентность пере-

водных эквивалентов значений из диагностического списка Сводеша. Она достаточно сложна и для грамматиста. Переход от двухкомпонентной структуры к монокомпонентной в МК языках является скорее нормой, нежели исключением, этот переход облегчен характером силлабической структуры МК слова. Семантические правила редукции комплекса сложны и лингвоспецифичны. Как представляется, именно по этой причине в диагностическом списке у И. Пейроса на значение «all» для стандартного кхмерского дается монокомпонентный вариант *teəŋ*, а для диалекта сурина двухкомпонентный вариант *tâŋ ʔâh*, хотя в стандартном кхмерском значение «all» может выражаться тремя вариантами – *teəŋ vɰh*, *teəŋ*, *vɰh*.

Еще одним серьезным фактором, который влияет на результаты глоттохронологии, является то, что сбор лексики в режиме словника не всегда выявляет синонимы и квазисинонимы. Например, в диагностическом списке И. Пейроса на значение «холодный» для кхмерского языка дается *trvceəŋk* – корень, который в списке на значение «холодный» больше нигде не представлен, но не дается *rɰŋiə* – корень, который широко представлен в этом списке для других языков. На значение «знать» в диагностическом списке дается *dəŋ* для стандартного кхмерского и *skuəl* для диалекта сурина, но это слова с разным, хотя и близким, значением: в стандартном кхмерском *dəŋ* является собственно когнитивным глаголом, а *skuəl* имеет значение ‘знать (человека, дорогу и т.д.), уметь’.

Равным образом, непонятно по какому принципу отбирались слова со значением «not». В кхмерском языке, например, отрицательная полярность выражается разными служебными словами: *miun*, *miun meen*, *ət*, *kmian*, *pum*. В диагностическом списке Пейроса на значение «not» приводятся заведомо разные функциональные типы отрицаний. Отрицанию млабри *ki meen* (букв. ‘NEG правильный’ (Rischel 1995)) в кхмерском по

функции соответствует *tuun tɛɛn* (букв. ‘NEG правильный’). Отрицание языка кар *öt*, судя по описанию Дж. Уайтхеда (Whitehead 1925, 222), совмещает функции кхмерских отрицаний *tuun* и *ət*. Поскольку для кхмерского в список включено только *tuun*, на значение «not» все три языка дадут ложные несоответствия.

В основном списке Сводеша также есть ряд значений, «чувствительных» для эвфемистических замен, как, например, значение «умирать». Возможно, что игнорирование этого фактора привело к тому, что для ксингмул-1 наряду с глаголом *siəp* ‘умирать’ дается глагол *hɛɛt*, который, как можно думать, является заимствованием из вьетнамского – *hõ̃t* ‘кончиться, прийти к концу’.

Еще одна проблема заключается в том, что ряд предикатных значений диагностического списка Сводеша в МК языках, по-видимому, изначально выражался разными лексемами, у которых актаны различались по признаку одушевленности или личности. Эти лексемы в современных языках могут, в частности, сохраниться как стилистические варианты, как, например, в стандартном кхмерском *slap* ‘умирать (о человеке)’ – *ɲiəp* ‘увядать (о растении); издыхать (о животном); подыхать (о человеке)’. Однако в диагностическом списке на значение «умирать» для стандартного кхмерского дается *slap*, а для диалекта сурина – *ɲiəp*. Еще один случай такого рода – это слова, которые приводятся на значение «burn tr.». Здесь представлены, как минимум, два разных корня – со значением «зажигать, сжигать (о человеке)» и «гореть, сжигать (об огне)», оба корня сохранились в кхмерском языке – *dot* и *chɛh*, соответственно. Такие пары глаголов, по всей вероятности, сильно искажают результаты лексикостатистических подсчетов по следующей причине: категория одушевленности–неодушевленности (или активности–инактивности) в МК языках имела

поддержку со стороны морфологической системы (в отглагольных именах и каузативных формах), тем самым скорость и характер распада этих пар глаголов зависели от скорости и характера разрушения древней морфологии, что нарушает два основных постулата глоттохронологии: о равенстве шансов сохранения или не сохранения слов из основного списка и о постоянстве доли исчезающих слов на протяжении любого интервала времени протяженностью t .

МК морфология ощутимо сказывается на результатах лексикостатистических подсчетов, поскольку она существенным образом влияет на большую или меньшую устойчивость лексики. Скорость разрушения морфологии в МК языках была связана с изменением слоговой структуры слова, что зависело от многих причин, в частности, от характера контактов. Есть немало слов из списка Сводеша, которые были инфиксальными отглагольными производными.

По глоттохронологическим данным, полученным И. Пейросом, разделение кхмерского языка на стандартный диалект Камбоджи и суринский диалект Таиланда отнесено к середине девятого века, что противоречит выводам М. Ферлю, который в результате тщательного изучения исторической фонологии пришел к выводу, что разделение кхмерского языка на три диалекта – кардамонский, суринский и стандартный кхмерский – приходится на среднекхмерский период (XIV – XVIII вв.), причем сначала отделился кардамонский диалект, а потом произошло деление на стандартный кхмерский и суринский (Ferlus 1992). Более ранняя датировка И. Пейроса, как представляется, может быть следствием тех технических трудностей, о которых мы говорили выше. В диагностических списках Пейроса можно насчитать до двенадцати вхождений, которые выглядят как несоответствия между стандартным кхмерским и суринским диалектом. На самом деле, из них только одну пару можно считать несоответствием («feather»), одна пара выглядит таковым из-за опечатки («who»), два вхождения остаются под вопросом («what» и «thou»), а остальные

пары следует отнести к ложным несоответствиям, потому что они являются результатом тех ошибок, о которых мы говорили выше. Рассмотрим эти случаи.

Следующие несоответствия следует признать ложными в силу того, что берутся разные компоненты синонимических пар:

«die»: кхмер. станд. *slap* ‘умирать (о человеке)’ – сурин. *ɲuəp*, в стандартном кхмерском есть *ɲiəp* ‘увядать (о растении), издыхать (о животном), подыхать (о человеке)’;

«green»: кхмер. станд. *srəŋaat* – сурин. *khîw*, в стандартном кхмерском есть *khîəw* ‘синий, зеленый’;

«know»: кхмер. станд. *dəŋ* – сурин. *skuəl*, в стандартном кхмерском есть *skəəl* ‘знать (человека, дорогу и т.д.), уметь’;

«say»: кхмер. станд. *srədey* – сурин. *ɲjeɲ*, в стандартном кхмерском есть *niyɲəu* ‘говорить, разговаривать’, в стандартном кхмерском *srədey* и *niyɲəu* являются стилистическими вариантами;

«I (1SG)»: кхмер. станд. *khnom* – сурин. *ɲan*, в стандартном кхмерском *khnom* и *ɲan* являются вариантами по степени вежливости, *khnom* (этимологически ‘раб’) используется при выражении нейтральной вежливости по отношению к адресату (есть еще более вежливые формы, использующиеся, например, при обращении к королю), в современном кхмерском *khnom* выступает еще как имя общее со значениями ‘раб’, ‘слуга’, *ɲan* используется как нейтральное в тех ситуациях, когда вежливость выражать не требуется, и как невежливое в других ситуациях.

Следующие ложные несоответствия возникают в результате того, что исходно данное значение выражалось двукомпонентным комплексом:

«sleep»: кхмер. станд. *deek* – сурин. *deɛ? luə?*, в стандартном кхмерском *deek* имеет два значения: ‘ложиться’ и ‘спать’,

поэтому при выражении значения ‘спать’ употребляется *deek lǐək*, где *lǐək* ‘спать безмятежным сном, be asleep’;

«good»: кхмер. станд. *lʔv* – сурин. *ciə*, в стандартном кхмерском есть двукомпонентный комплекс *lʔv ciə* (букв. ‘хороший здоровый’), например, *nijəu lʔv ciə* ‘хорошо говорить’;

«we»: кхмер. станд. *jəəŋ* – сурин. *phooŋ jâəŋ*, где первый компонент является показателем множественности, возникшем в результате грамматикализации имени общего. Этот показатель множественности широко употреблялся в древнекхмерском и выступал как с именами, так и с местоимениями в постпозиции. В стандартном кхмерском он как показатель множественности уже не употребляется, хотя еще отмечается в отдельных идиоматических выражениях, например: *nĕək srok phuum phvŋ rəbəəŋ ciə tuəu* ‘односельчане’ (букв. ‘селяне *phvŋ* ограда одна’). В функции показателя множественности в стандартном кхмерском выступает *ruək*, который является результатом грамматикализации имени общего со значением ‘группа, отряд, стадо’; в стандартном кхмерском *phvŋ* употребляется как наречие со значением ‘также, тоже’.

Формально редукция исконного двукомпонентного комплекса – частный случай «распада» слов, однако скорость «распада» этих единиц несопоставима со скоростью «распада» простых лексем.

Таким образом, приведенные восемь ложных несоответствий между стандартным кхмерским и суринским диалектом, обнаруженные в диагностическом списке И. Пейроса, могли послужить причиной более ранней датировки разделения кхмерского языка на стандартный диалект Камбоджи и суринский диалект Таиланда.

Итак, мы видим, что на пространстве МК языков лексико-статистические подсчеты могут давать существенно разные результаты по чисто субъективным причинам и зависеть как

от характера используемых источников, так и от того, в какой степени исследователь может верифицированно отбирать лексику для основного диагностического списка.

Что касается глоттохронологии на всем пространстве АА языков, включая языки мунда и никобарские, то тут роль субъективного фактора еще больше. Так, И. Пейрос отмечает, что его подсчеты неожиданно дали раннее отделение никобарских языков. Это не удивляет, поскольку, как отмечает сам И. Пейрос, «отсутствие каких-либо лингвистических реконструкций заметно осложняет этимологические идентификации никобарских корней» (Пейрос 2004, 22). Следует добавить, что эта ситуация еще более осложняется тем, что МК языки, с одной стороны, а мунда и никобарские – с другой, с определенного периода развивались в противоположных направлениях, в частности, это касается порядка слов и развития словоформы и фонетического слова. Развитие в сторону односложности в МК языках вело к утрате исконной внутрисловной морфологии, развитие фонетического слова в мунда и никобарских вело к компрессии словосочетания и наращиванию синтетизма. В результате многие слова никобарских языков кар и нанкаури из диагностического списка могут содержать рефлекс плохо распознаваемых корней компонентов исконных словосочетаний, порядок следования которых к тому же может быть не тот, что в МК языках. К таким случаям, например, относятся нанкаури *tuləŋhatsi* и кар *ləək* из списка «good». Слову *ləək* следовало бы в нанкаури поставить в соответствие не *tuləŋhatsi*, а *lapaa*, которого в списке нет. Слова *ləək* и *lapaa* содержат один и тот же корень со значением ‘хороший’ и рефлексы разных усилительных частиц. В кар *ləək* имеет другие варианты: *ləəkə* (Whitehead 1993, 175) и *кəлəк* (Man 1889, 231). Во всех трех вариантах слова выступает рефлекс частицы, которая в кар отмечается как префикс в прилагательных, например: *kataləək* ‘хороший во всех отношениях’ от *taləək* ‘хороший’ (Whitehead 1993, 104). В нанкаури ей соответствует

постпозиционная ударная усилительная частица *ka*. Разная позиция её рефлексов по отношению к корню может объясняться особенностями изменения порядка слов в никобарских языках, о которых говорил Пиннов (Pinnow 1963, 143). Слово *lapaa* содержит другой усилительный компонент – *raa* ‘indeed’. На этом примере можно видеть, что для того, чтобы провести этимологическую идентификацию никобарского материала, надо обладать хорошим знанием морфологии никобарских языков, а также тех нетривиальных диахронических процессов, которые имели место в АА языках.

Интересно, что лексикостатистические подсчеты, сделанные Д. Томасом и Р. Хедли (Thomas, Headley 1970), не показали вхождение аслийских языков в МК семью. Это, по-видимому, в большой степени связано с неудачами этимологической идентификации, происходящими по той причине, что фонология аслийского слова кардинальным образом отличается от фонологии слова в МК языках, прежде всего, обилием позиционных и комбинаторных вариантов фонем, а также обилием морфонологических альтернатив. Например, в кратком описании грамматики языка темиар Дж. Бенжамин описывает многочисленные особенности фонетики и фонологии слова: кода-копирование (копирование финали сильного слога в пресиллабе), кода-ассимиляция (переход глухих финалей сильного слога в носовой), разные инвентари гласных для открытых и закрытых неударных слогов, разные комбинаторные и позиционные реализации глухих взрывных и носовых согласных и др. (Benjamin 1976a). Многие морфонологические альтернативы связаны с наличием инфиксов. Так, например, в северном диалекте темиар глухие взрывные финали сильного слога при наличии инфикса *-n-* переходят в гоморганный носовой, например: **lanek* → *laney* ‘знание’ (от *lek* ‘знать’). При наличии инфикса *-mn-* морфонологические чередования бывают нескольких типов: а) ассимиляция глухой взрывной финали, как в предыдущем случае, например: **ketnəp* → *ketnət*

‘захоронение’ (от *kəp* ‘хоронить’); б) полная ассимиляция финали предударного слога инициали сильного слога, в результате чего инфикс *-mn-* принимает форму *-nn-*, и факультативная ассимиляция финали сильного слога инициали сильного слога, например: **bennɔt* → *bennɔt* ~ *bennɔn* ‘кормление грудью’ (от *bət* ‘кормить грудью’); в) ассимиляция финали предударного слога инициали сильного слога и факультативная ассимиляция финали сильного слога инициали сильного слога, например: **tem.naac* → *tejn.naac* ~ *tejn.naaj* ‘плетение’ (от *taac* ‘плести’). При этом в данном случае факультативность ассимиляции финали следует понимать как описание процесса в синхронии, однако, поскольку формы с ассимиляцией финали сильного слога характерны для речи старшего поколения, а формы без ассимиляции финали сильного слога – для речи младшего, в диахронии, скорее всего, ассимиляция имела место, но поскольку она приводила к большому количеству носовых в словоформе, в том числе гоморганых носовых, за ней следовала диссимиляция финали сильного слога по способу образования. На эту достаточно сложную картину накладываются диалектные различия, носители которых находятся в тесном контакте. Так в южном диалекте морфонология инфиксальных производных иная, поскольку в нем глухим взрывным финалям северного диалекта соответствуют звонкие. Здесь имеет место полная ассимиляция финали предударного слога инициали сильного слога, поэтому форме северного диалекта *bennɔn* соответствует форма южного диалекта *bednɔd*, а форме *tejnnaaj* – форма *tejnaaj*. Морфонологические чередования гласных в темиар также сложны. Например, в предударных закрытых слогах гласные среднего подъема / e э о / заменяются на гласные высокого и низкого подъема / i е u /; средние гласные переднего и заднего ряда – на высокие (e → i, o → u), а средний гласный среднего ряда – на низкий

переднего ряда (ə → ε) – процесс, который Дж. Бенжамин описывает как чередование «внутренних» и «внешних» гласных. В предупредных открытых слогах происходит частично обратное: «внешний» гласный / ε / заменяется на «внутренний» гласный / ə /.

Мы привели далеко не все типы комбинаторных, позиционных и морфонологических чередований, описанных Дж. Бенжином для языка темиар, однако этих примеров достаточно, чтобы предполагать, что отождествление корней аслийских языков при лексикостатистических подсчетах – трудная задача для исследователя, если нет надежных реконструкций. Ситуация с аслийскими языками осложняется еще тем, что лингвисты вынуждены использовать материалы Ч. Благодена, опубликованные в 1906 г., которые по-прежнему остаются одним из основных источников по лексике аслийских языков. Включение их в диагностические списки наряду с более поздними материалами, записанными в фонологической транскрипции, также, на наш взгляд, существенно осложняет задачу отождествления корней при проведении лексикостатистических подсчетов.

0.3. Основные характеристики австроазиатских языков

Пока внутренняя классификация АА и МК языков окончательно не установлена, в работах описательного характера принято просто исходить из того, что АА семья состоит из 12 групп. Ниже состав различных групп АА семьи языков дается по работам [Mourner 1974], [Thomas, Headley 1970], [Ferlus 1974a, 1974б, 1974в], [Diffloth 1975].

1. Мунда

Подразделяются на две ветви: северную – корку, сантали, мундари, хо, корва, и др., южную – кхариа, джуанг, сора (сва-

ра), горум, гутоб, ремо и др. Языки мунда представлены в индийских штатах Бихар, Зап. Бенгалия, Орисса; общее число говорящих – 9 млн, из них 5,4 млн говорят на сантали. Исторически развивались в контакте с дравидийскими и индоарийскими языками.

Типологически языки мунда агглютинирующие с элементами полисинтетизма. Они отличаются от всех других АА языков сложной системой глагольной аффиксации, наличием категории падежа, выражаемой послелогом. В морфологической структуре слова ярко выражено преобладание суффиксации над префиксацией. В них порядок слов сильно отличается от порядка слов в других АА языках, он характеризуется преобладанием препозиции зависимых элементов, как на уровне словосочетания (определение – определяемое), так и на уровне предложения (SOV). Еще одна яркая отличительная черта языков мунда – это слабая противопоставленность имени и глагола, выражающаяся в смешении их синтаксических функций и категориальных форм.

2. Никобарские

В эту группу входят языки нанкаури, кар, чховра, тересса, южно-никобарский, шомпе, на них говорят на Никобарских островах (Индия); до недавнего времени число говорящих было 20 тыс., после цунами 2004 г. это число существенно уменьшилось, в особенности – говорящих на языке кар.

Это очень однородная группа языков. Никобарские были одними из первых АА языков, описанных миссионерами. Язык кар использовался как язык местной колониальной администрации. Словарь Дж. Уайтхеда дает полное представление о его структуре (Whitehead 1993). Словарь Э. Мэна (Man 1889) и по сей день остается наиболее полным и подробным описанием языка нанкаури. Словарь Ропстрофа (Röepstroff 1875) имеет некоторые расхождения со словарем Мэна, они, по-видимому, идиолектного характера.

Фонологическая система никобарских языков сильно отличается от систем МК языков по составу фонем, а также тем, что она не является фонологией слогового типа, то есть может быть описана без обращения к категории слога. Инвентарь согласных в конце слова составляют 15 фонем, в то время как во вьетнамском их только семь (Лекомцев 1990). Слово в никобарских языках полисиллабично, в нем нет противопоставления сильного и слабого слогов, наблюдаются комбинаторные изменения.

Типологически никобарские языки имеют смешанный характер: в них в равной степени представлена и изоляция, и агглютинация. Яркая отличительная черта никобарских языков – богатство их морфологической системы. Они, с одной стороны, сохранили общий МК инвентарь префиксов и инфиксов, а с другой – в них есть большое количество суффиксов. Чаще всего, как можно предполагать, суффиксы являются результатом грамматикализации полных слов, как, например, многочисленные направительные суффиксы, которые происходят от полных глаголов. Некоторые морфемы, выступающие в суффиксальной позиции, имеют обще-АА происхождение, как, например каузативный суффикс *-ha*, который в никобарских языках отмечается и в виде префикса. Синтаксис сохранил одну древнюю черту, которая обнаруживается также в кхаси, вьетнамском, аслийских языках – порядок слов в транзитивном предложении (S)VO, в то время как в интранзитивном – VS.

3. Кхаси

На кхаси говорят в Индии, штат Мегхалая (879 тыс.), и в Бангладеш (500 тыс.). До недавнего времени господствовала точка зрения, что группу кхаси составляет один язык, имеющий несколько диалектов. В научной литературе он с самого начала изучения был представлен тем, что считалось стандартным диалектом, на котором говорят в районе Черапунджи, на юге штата Мегхалая, и который используется в школах,

газетах и как язык литературы. Однако расхождения между диалектами кхаси настолько значительные, что их носители не понимают друг друга. Поэтому в последнее время принято считать, что данную группу представляет не один язык, а по меньшей мере пять разных языков: стандартный кхаси (черапунджи кхаси), синтенг (пнар), диалекты вар и амви, лингам (джо), бхой. Языки кхаси исторически развивались в контакте с индоарийскими и тибето-бирманскими языками.

Фонологическая структура кхаси типично мон-кхмерская. Типологически это префиксально-агглютинирующий язык с некоторыми свойствами языка изолирующего строя. В литературе всегда отмечалась его отличительная черта – наличие категории рода (мужской, женский) и числа, однако, на наш взгляд, показатели этих категорий, которые обычно называют артиклями, имеют много общего с классификаторами.

4. Палаунгические (палаунг-ва)

Палаунгические языки подразделяются, как минимум, на три подгруппы: *палаунг-рианг*: ламет, каанг, наанг, рیانг, палаунг (румай), пале, данав, таанг, наеанг; *ва*: буланг, ла, лава, параок, пхалок (кхало), ва; *ангку*: амок, ангку, ху, самтао, у (пума) (Sidwell 2004). В работе [Ferlus 1974a] палаунгические языки делятся на восемь подгрупп: румай, рیانг, данав, ва, ламет, пуман, пума, кхао.

Эта группа, насчитывающая до 30 языков, очень неоднородна. Палаунгические языки разбросаны на большой территории в районах вдоль границы Китая с Мьянмой, в сев. Лаосе, Таиланде; общее число говорящих – 1 млн. Палаунгические языки развиваются в контакте с тайскими, тибето-бирманскими и языками мяо-яо.

Палаунгические языки долгое время оставались слабо изученными, многим из них грозит исчезновение. В последнее время, благодаря усилиям тайских и китайских лингвистов, корпус данных по этим языкам стал значительно пополняться надежными, аккуратно собранными списками слов и фоноло-

гическими описаниями. Из грамматических описаний и по сей день единственным представительным источником остается грамматика языка палаунг Л. Мильне (Milne 1921).

Для палаунгических языков характерно смешение прото-МК серий преглоттализированных и звонких взрывных, которые совпали в одной серии звонких взрывных, а затем в большинстве дочерних языков подверглись оглушению (только румай и таанг сохранили исконные звонкие взрывные). В результате во многих языках развились два регистра – грудной (breathy) и чистый (clear) – или даже два тона (в группе ангу). В некоторых диалектах лава грудная фонация была либо утрачена, либо заменена серией придыхательных.

5. Кхмуические

В работе [Ferlus 1974a] выделяются шесть групп: кхму; мал (пхай, тин); мрабри, юмбри, кхон-па (или камлуа); пуок (или ксингмул); пхонг; хат. В работе [Sidwell 2004] выделяются еще три группы: бит; кханг, кхао; тхай тхен. Кхмуические языки распространены на севере Лаоса, где они составляют 10% населения страны, в Таиланде, Вьетнаме, вост. Мьянме и сопредельных районах Китая; общее число говорящих оценивается в 500 тыс. Кхму обычно селятся рядом с тайцами, поэтому их язык и культура содержат много тайских элементов.

Основной по числу говорящих язык кхму хорошо описан. В работе [Swantesson 1983] дается подробное описание фонологии и морфологии, существует также целый ряд словарей, например [Suwilai 1998], подготовленных по проекту *Тезаурус диалектов кхму Юго-Восточной Азии*, который осуществляется тайскими лингвистами под руководством Сувилай Премрират в Махидольском университете. В рамках проекта *Российско-вьетнамская лингвистическая экспедиция*, работа по которому ведется с 1979 года, вышла большая коллективная монография *Язык ксингмул*, которая содержит грамматическое описание, словарь-тезаурус, а также большой корпус грамма-

тических анкет с литературным и пословным переводами на русский и вьетнамский языки.

Кхмуические языки сильно различаются по степени сохранности АА морфологии. Так, кхму сохранил основной корпус АА аффиксов, а в ксингмул насчитывается относительно небольшое количество аффиксально производных слов. Важная черта кхму – это сохранение и развитие уникальной морфонологической стратегии, укрепляющей структуру производного слова, – кода-копирования, при котором происходит копирование конечного согласного сильного слога в позиции конечного согласного слабого слога – пресиллаба. Из всех других АА языков такая стратегия развита только в аслийских языках.

6. Монические

Эту группу составляют два языка – монский и няхкур (ня-коуль). Монский язык имеет эпиграфические памятники, которые датируются с VI по XVI вв. Общее число говорящих оценивается в 500 тыс., языки распространены на территории Мьянмы (монский) и Таиланда (няхкур).

Существуют словари древнемонского (Shorto 1971), современного монского (Shorto 1962) и словарь реконструированных слов дваравади прото-монского (т. е. прото-монского языка периода царства Дваравади), который содержится в работе Ж. Дифлота (Diffloth 1984).

7. Пеарические

В эту группу входят: пеар, самре, чхонг, саоть. Распространены на территории Камбоджи и частично – в Таиланде. Общее число говорящих – 4 тыс. Отличительной чертой пеарических языков является противопоставление четырех регистров. В литературе представлены только фонологическими описаниями и списками слов.

Название языка и народности *svmrae* представляет интерес в рамках проблематики, обсуждаемой в данной работе: оно

используется в Камбодже как общее наименование горных народностей и представляет собой инфиксальное производное от слова *srae* ‘рисовое поле’. У мон-кхмерских народов это не единственный случай, когда данный этимон служит базой для названий или самоназваний народностей. Носители языка кэхо используют слово *sree* ‘рисовое поле’ как самоназвание своей народности, оно также используется носителями других языков: так называют себя те, кто выращивает рис на заливных полях на равнинах Вьетнама. Кхмерское производное *svmrae* может представлять собой лексикализованный рефлекс формы зависимой предикации с инфиксом *-m-. В древнекхмерском и современном кхмерском слово ‘крестьянин’ образуется по одной модели: кхмер. *něək srae* (букв. ‘человек рисовое.поле’), ДКМ ^a*nak sre*, где выступает простое непроеизводное слово. В древнекхмерском находим производное от того же корня с инфиксом *-n- – *sanre* ‘название меры, служившей для измерения рисовых полей’. Таким образом, вполне возможно, что слова кхмер. *svmrae* и ДКМ *sanre* являются рефлексом оппозиции форм, соответственно, с инфиксом активности *-m- и инфиксом инактивности *-n-.

8. Кхмерский

Представлен четырьмя диалектами: стандартным диалектом Камбоджи, суринским диалектом Таиланда, кардамонским диалектом юго-запада Камбоджи и шокчангским диалектом, на котором говорят на юге Вьетнама в дельте Меконга. Общее число говорящих – 8 млн. Как считает М. Ферлю, разделение на кардамонский, суринский и стандартный кхмерский диалекты приходится на среднекхмерский период (XIV – XVIII вв.). Сначала отделился кардамонский диалект, а потом произошло деление на стандартный кхмерский и суринский (Ferlus 1992). Отделение шокчангского диалекта произошло в конце XVII в.

Кхмерский один из двух АА языков, являющихся государственным (второй – вьетнамский), и один из двух, имеющих

древние эпиграфические памятники (с начала VII в. по XIV в.) (второй – монский).

В составе МК семьи языков кхмерский составляет отдельную группу.

В истории этого языка принято выделять четыре периода. Древнекхмерский – язык эпиграфических памятников – распадается на два периода: преангкорский и ангкорский. Преангкорский период начинается с надписи K600 из Ангкор Борей (провинция Такео, Камбоджа), датируемой 611 г. н. э., и заканчивается надписями VIII в. Ангкорский период – с IX по XIV в., заканчивается надписью K413 (провинция Сукхотхай, Таиланд), датируемой 1347 г. н. э. (Long Seam 2000). Среднекхмерский период – с XIV по XVIII в. Современный кхмерский – с XIX в.

Кхмерский язык отличается богатым вокализмом. В нем большой процент двусложных слов и слов, образованных при помощи инфиксов и префиксов.

9. Вьет-мыонгские

В настоящее время в литературе нет единого мнения относительно состава и внутренней классификации этой группы языков Вьетнама, на которых говорят около 40 млн. человек. Обычно в эту группу включают языки: вьетнамский, мыонг, тхавунг, пакатан, харем, арем, понг, хунг, май, рук, сать, нгуон.

Некоторые языки этой группы, например, вьетнамский, полностью моносиллабизировались и утратили остатки АА морфологии, однако есть языки, в которых мы можем видеть её рудименты, как, например, в языке рук (Язык рук, 2001).

10. Катуические

Это очень большая и разнородная группа языков. На них говорит 1,3 млн человек, проживающих на территории Таиланда, Камбоджи, Вьетнама и Лаоса. Наибольшее число говорящих (более миллиона) приходится на западную подгруппу куй-бру, они проживают в основном в Лаосе и Камбодже, хотя

большая часть катуических языков распространена в Лаосе (провинции Салаван и Секонг) и прилегающих районах Вьетнама.

Катуические языки подразделяются на две ветви: западные (со, бру-ванкиеу, мангконг, три, тьяли, кхуа, леунг, кало; суой, нанянг; куй) и восточные (пакох, пхыонг; кату, тхап; конту, конту тамприль, конту пилу, конту талуй; катанг; та-ойх, тонг, онг, кхайн; нгек или (н)крианг, кхакох или лор; та-ренг).

Катуическим языкам посвящено много работ по фонологии (Watson R. 1964, Difloth 1989), морфологии (Costello 1966, Miller J. 1964, Wallace 1966, Watson S. 1966, Watson S. 1976), лексике (Miller J., Miller C. 1996). Существует внушительный сборник текстов, составленный Н. Костелло (Costello 1993). Сделан также ряд фонологических реконструкций (Dorothy Thomas 1967, Difloth 1982, Ефимов 1983, Peiros 1996), однако они в значительной степени противоречат друг другу.

Для фонологии некоторых из катуических языков характерна исключительно богатая система гласных фонем (40 гласных в бру), однако остается неясным вопрос, является ли это инновацией или архаизмом. В катуических языках отмечаются системы регистров трех типов: в куй и бру, аналогично кхмерскому языку, произошло расщепление гласных на грудной и головной регистры после, соответственно, звонких и глухих инициалей с дифтонгизацией гласных; в пакох различаются напряженный и ненапряженный регистры, не связанные с глухостью/звонкостью согласных; в онг отмечается гортанный регистр, относительно которого Ж. Дифлот выдвинул предположение, что он, возможно, является рефлексом прото-АА «creaky voice» (Difloth 1989). Для структуры слова в кату характерен полисиллабизм: слово может содержать до трех пресиллабов.

Морфологическая структура слова в кату характеризуется обилием аффиксов, словоформа может содержать до трех словообразовательных аффиксов обще-австроазиатского проис-

хождения. Есть множество слов с префиксами и инфиксами, которые информанты осознают как правильные слова, но не знают, как их употреблять. Имена могут образовываться при помощи инфиксов от разных основ, например, простой, каузативной с *pa-* и каузативной с *ta-*. Возможны комбинации каузативных префиксов. В языке таойх существует система прономинального маркирования.

В синтаксисе катуических языков прежде всего обращает на себя внимание вариативность порядка слов, служащая для выражения разных коммуникативных вариантов предложения.

Таким образом, катуические языки очень важны для сравнительно-исторического изучения, потому что они, как это уже неоднократно отмечалось в литературе, сохранили ряд архаичных черт в фонологии и лексике. Следует добавить, что у них немало уникальных грамматических особенностей, которые, возможно, и выглядят на фоне других МК языков как инновации, но, несомненно, являются развитием тенденций, заложенных еще в праязыке.

11. Бахнарические

Бахнарические языки – это одна из самых крупных и очень разнородных групп АА семьи языков. В нее входит до 30 языков на территории Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, на которых говорит до 700 тыс. человек. Бахнарические языки распадутся на три ветви. Северные: такуа, куа, катуа, кайонг, халанг, седанг, хрэ, джих, тодрах, алак, касенг, бахнар, тампуан, ренгао. Западные: лавен (джру); брао (лаве); сапуон; няхун (няхэнь); чхенг; су, сорк, ой. Южные: стиенг; центральный мнонг: прэх, биат, бунэр, бурунг, дих, бри, будонг; южный мнонг: нонг, пранг; западный мнонг: гар, тиль, куань, ролом; кэхо, ма, срэ, лать, транг; чрау.

Типологически бахнарические языки сильно диверсифицировались. С точки зрения фонологии, они, в основном, довольно консервативные, хотя есть языки, в которых были существенные инновации. По части сохранения прото-АА

морфологии некоторые бахнарические языки довольно консервативны (кэхо, бахнар, джех), некоторые практически ее утратили (языки мнонг).

О бахнарических языках существует много литературы, в том числе по морфологии (Smith 1979, NPTK 1985) и синтаксису (Gregerson, 1979).

12. Аслийские

Эта группа языков – самая южная, самая компактная и, пожалуй, до недавнего времени она была наименее описанная. На аслийских языках говорит не более 35 тыс. человек, проживающих во внутренних районах Малайзии. После работ Ж. Дифлота их классификация уже не вызывает проблем. Выделяются три ветви. Северные: тонга, мос, джахай, кентак-бонг, менрик, батег, минтиль, чхек вонг. Центральные (сеноические): семай, темиар, джах-хут, ланох, салсум, семнам. Южные: семок бри, семелай, мах мери, темок.

Находясь на южной периферии АА ареала, аслийские языки обнаруживают как архаичные черты, так и инновации. В них есть что-либо общее с разными языковыми группами АА семьи: как и языки мунда, они имеют прономинальное субъектное маркирование в глаголе; как кхмуические языки, они имеют морфонологию кода-копирования, которая здесь была доведена до абсолютной регулярности, что способствовало сохранению и консервации исконной АА аффиксации. В них есть любопытные лексические совпадения с кхмерским языком, которые, возможно, являются результатом более поздних контактов. Аслийские языки сохранили большой пласт АА морфологии, как именной, так и глагольной. В последнее время интерес к аслийским языкам значительно вырос. Вышли в свет подробные грамматики двух языков, подготовленные по полевым материалам: грамматика семелай австралийской исследовательницы Николь Круспе (Kruspe 2004), и грамматика джахай Никласа Буренхульта (Burenhult 2005).

В работе [Ferlus 1974] наряду с палаунгическими и кхмуическими выделяется группа манг-ы. Некоторые авторы рассматривают возможность объединения групп 4–11 и группу манг-ы в одну ветвь: восточноазиатскую или индокитайскую (Thomas, Headley 1970).

Группы 2–12 (т. е. АА без мунда) принято обозначать терминами мон-кхмерские или кхмер-никобарские (Пиннов) языки. Данная таксономическая единица используется в настоящей работе как устоявшаяся. В работе [Pinnow 1959] термин мон-кхмерские языки используется также в узком смысле – для обозначения групп 5–11 (т. е. АА без мунда, никобарских, кхаси, палаунгических и аслийских). Группы 4–11 (т. е. АА без мунда, никобарских, кхаси и аслийских) иногда обозначаются термином индокитайская ветвь АА языков или восточно-австроазиатские языки.

АА языки – это, пожалуй, одна из самых неоднородных в типологическом отношении языковых семей мира. Считается, что распад этой семьи сопровождался миграциями АА народов (Pinnow 1963), в результате чего разные группы АА языков оказались в ареалах распространения языков разных семей: индоарийских, дравидийских, китайско-тибетских (китайского, тайских и тибето-бирманских), кадайских, австронезийских, а также андаманских и гималайских. В работе [Pinnow 1963] предлагается карта первоначального расселения АА народов и пути их миграции.

Типологическое разнообразие АА языков впечатляет. Здесь мы имеем два типологических полюса. С одной стороны, это вьетнамский язык, с порядком слов SVO и постпозицией определения, обладающий всеми атрибутами изолирующего языка – такими, как моносиллабизм, тоны, морфологическая значимость слогаделения, отсутствие словоизменятельных морфологических категорий, необязательность выражения грамматических значений, преобладание паратаксиса над гипотаксисом (особенно в разговорных вариантах языка), грамматическая значимость порядка слов, слабое противопос-

тавление знаменательных и служебных слов. С другой стороны, это флективно-аналитические с элементами полисинтезизма языки мунда, с порядком слов SOV и препозицией определения, для которых характерна сложная система глагольного словоизменения (так, например, в мундари 4 залога, 4 наклонения, 21 видовременная форма), категория падежа (выражается послелогоами), прономинальное субъектное и объектное маркирование, а также личный показатель посессора в глагольной словоформе (в сантали – три объектные позиции), сочинительные и подчинительные союзы (часто индоарийского происхождения), придаточные предложения (временные, условные, уступительные) вводятся постпозиционными показателями локатива или генитива. Все остальные АА языки располагаются между этими двумя полюсами, со сдвигом к первому полюсу. Аслийские языки сильно отличаются от других МК языков полисиллабизмом, наличием синтетических видовых форм и прономинальных субъектных клитик. В аслийских языках отмечаются разные варианты порядка слов (SVO, OVS, VSO). Никобарские языки значительно отличаются от остальных МК языков полисиллабизмом словоформы и агглютинативным характером морфологии. Все остальные МК языки либо моносиллабические, либо с сильной тенденцией к моносиллабизму, типологически они являются языками изолирующего строя и различаются между собой только степенью моносиллабизма, наличием/отсутствием тонов, все они имеют порядок слов SVO и постпозицию определения.

Объединение ряда АА языков в одну языковую общность началось уже с середины XIX в. с работ Дж. Логана (Logan 1856), за которыми последовали работы Форбса (Forbes 1881), Кина (Keane 1882) и других исследователей. Однако только в начале XX в., когда уже накопился значительный описательный и лексический материал, АА семья языков была постулирована и научно обоснована выдающимся немецким компаративистом Вильгельмом Шмидтом, который одним из пер-

вых применил идеи младограмматизма за пределами индоевропейской семьи языков. В. Шмидт с 1901 по 1907 г. посвятил обоснованию этой семьи серию статей, из которых самая известная была переведена на французский язык (Schmidt 1908). Шмидт дал классификацию АА семьи и постулировал аустрическую семью, куда он включил австроазиатские и австронезийские языки. Дальнейшие исследования показали, что его АА семья в основном была выделена правильно, но его аустрическая гипотеза так и не нашла серьезной поддержки со стороны других исследователей, хотя нельзя сказать, что эта идея совсем перестала будоражить умы (см.: Reid 1994). Располагая малым количеством данных, В. Шмидт точно определил состав АА семьи, если не считать «смешанной группы», куда он включил австронезийские языки Вьетнама. В. Шмидт основывался не на общих поверхностных характеристиках типа позиции классификатора в счетной конструкции (ср. Headley 1976), он придавал исключительно важное значение архаичной аффиксации, следы которой обнаруживаются во всех АА языках. Шмидт был первым, кто связал важные структурные различия, существующие между отдельными группами АА языков, с особенностями их исторического развития. Заслуживает внимания его попытка связать явление префиксации с постпозицией определения и обосновать условия перехода к обратному соотношению в отдельных группах АА языков. В. Шмидт сделал значительное для исторического языкознания того времени открытие: он показал, что языки могут переходить из одного типологического состояния в другое и что в структуре языка часто можно обнаружить рефлексы предыдущего типологического строя. Эти идеи применительно к АА языкам позднее развил Г. Пиннов (Pinnow 1966), а также, в более широком типологическом контексте, В. Леман (Lehmann 1973). В. Шмидт, как и его предшественники, начиная с Дж. Логана, видел свою задачу в том, чтобы обосновать родство отдельных разрозненных групп АА языков, задачу

установления внутренних связей он возлагал на последующие исследования.

Позже ошибку В. Шмидта с включением в АА семью языков чам, радэ, джарай повторил Ж. Пшилуский (Przyluski 1924). Он так же, как и В. Шмидт, придавал большое значение древней синтетической аффиксации при установлении родства АА языков. Он связывал явление падения древней морфологии с изменением типологии АА языков. Он полагал, что в прото-АА была значительно развита словообразовательная и словоизменяющая аффиксация, при помощи которой дифференцировались разные категории слов и выражались грамматические связи слов в предложении. Разрушение старой морфологии Ж. Пшилуский связывал с тем, что в части АА языков стала развиваться новая морфология агглютинативного типа, а в восточном ареале АА языков стали развиваться элементы изоляции. Таким образом, фундаментальные различия в грамматическом строе разных групп АА языков, мешавшие исследователям объединить их в одну семью, Ж. Пшилуский объясняет особенностями единого диахронического процесса – разрушения синтетической морфологии и возникновения морфологии нового типа. То, что Ж. Пшилуский вслед за В. Шмидтом ошибочно включает австронезийские языки Вьетнама в «смешанную группу», объясняется тем, что, с одной стороны, эти языки заимствовали префиксы и даже инфиксы из МК языков, а с другой – исконные австронезийские аффиксы часто по форме и по функции напоминают АА аффиксы².

² Например, некоторые аффиксы бугийского языка совпадают по форме и по набору функций с аффиксами языка кату. В бугийском есть инфикс *-an-*, при помощи которого образуются абстрактные имена, имена действия и инструмента (Сирк 1975). В кату, равно как и в других АА языках, есть инфикс *-n-* с аналогичными функциями. В бугийском есть префикс *ta-*, который имеет значение произвольности действия и результата. В кату есть префикс *ta-*, который, с одной стороны, отмечается в функции образования форм ненамеренно-

Та идея, что типологическая однородность языков – необходимое условие для объединения языков в одну генетическую семью, некоторое время оставалась важным препятствием на пути изучения АА семьи языков. Так, А. Масперо очень скептически относился к идеям В. Шмидта и отвергал родство вьетнамского с МК языками (Maspero 1912). А. Масперо выдвинул теорию смешения языков. Так, анализируя сочетания начальных взрывных с плавными в диалектах мыонг, он приходит к выводу, что их поведение отчасти напоминает поведение МК префиксов, однако, поскольку типологическое несходство МК и вьет-мыонгских языков для него исключает возможность родства и поскольку совпадения слишком существенные, чтобы говорить просто о заимствовании, он квалифицирует это как смешение языков.

Ч. Благдену, исследовавшему языки п-ова Малакка (Skeat, Blagden 1906), также не удалось избежать той непоследовательности, которая была свойственна А. Масперо, но он пошел дальше, провозгласив, что проблема происхождения языков не совпадает с вопросом об их современной классификации (с. 461). Он считал, что некоторые языки Малакки, которые испытали и продолжают испытывать влияние малайского языка, можно рассматривать как диалекты малайского. Ч. Благден считал, что грамматика может использоваться как критерий только при типологической классификации языков, поскольку она нестабильна, в частности, он полагал, что нефлексивные языки могут относительно легко переходить из одной семьи в другую. Мысли о нестабильности грамматического компонента языка и невозможности его использования в сравнительно-историческом аспекте и для доказательства родства

го действия и, в редких случаях, антикаузативных форм, а с другой – в формах с антикаузативным значением, выступающих в позиции определения. В кату и бугийском отмечаются также каузативные префиксы *pa-* и *pa-ka-*, последний в кату выступает как двойной каузативный показатель, т. е. увеличивающий число участников ситуации не на одного, а на два актанта.

объясняются недостаточной степенью изученности грамматик АА языков и, в частности, аслийских, а также недостаточным уровнем готовности языкознания того периода воспринимать грамматику иносистемных языков как закономерный этап филогенеза языковых систем. Современные описания аслийских языков свидетельствуют о том, что они, во-первых, сохранили некоторые консервативные черты праязыка, полностью утраченные прочими представителями АА семьи, а, во-вторых – дальше других языков прошли по путям развития грамматической системы, которые были заложены еще в праязыке.

Идеи В. Шмидта стали объектом суровой критики в работе Т. Себеока (Sebeok 1942). Родство мунда с МК автор полагал недоказанным, поскольку считал, что морфологический анализ АА словоформ, который проводил В. Шмидт, – это просто демонстрация поверхностного сходства способов словообразования в МК и мунда, как, например, в случае сантали *tao* ‘нагревать’, мон *ktau* ‘горячий’, кхаси *pyrtiu* [pərtiw] ‘нагревать’. Себеок справедливо указывает, что соответствия подобного рода можно постулировать только после того, как установлены фонетические соответствия.

Т. Себеок считал, что сопоставление префиксов и инфиксов в МК и мунда неубедительно еще и потому, что в мунда и никобарских есть суффиксы, которые не обнаруживаются в других МК языках. Заметим, что это не совсем точное утверждение. Во-первых, Лонг Сеам отмечает в древнекхмерском суффикс *-an* у существительных в функции определения, например: *damrii svāyuan* (K904A) ‘плантация манго’ (*svāy(y)* ‘манго’), *plu tmuran* (K22) ‘дорога волов’ (*tmur* ‘вол’) (Лонг Сеам 2000)³. Суффикс *-an* отмечается также в древнемонском (Shorto 1956). Во-вторых, многие суффиксы в никобарских языках восходят к словам, которые в других языках функционируют как полнозначные или служебные слова. Например, в

³ Ф. Дженер высказал предположение, что этот суффикс заимствован из древнеяванского (DPAK, 215).

нанкаури распространен глагольный суффикс *-la* (*-lare*, *-le*), он обозначает движение вверх, на север и становление качества. В кар – это суффикс *-len* (*-lö*, *-il*, *-l*), который обозначает движение вверх, вправо (если стоять лицом к морю). В кхмерском этому суффиксу соответствует глагол *laəŋ* ‘подниматься’, который может обозначать движение вверх, начинательность и нарастание качества. Во вьетнамском – это глагол *lên* ‘подниматься’, который обозначает движение вверх, на север, с востока на запад. Распространенный в никобарских языках глагольный суффикс *-ta/-tö* восходит к маркеру зависимых предикаций и косвеннообъектных именных групп, который распространен во многих АА языках, в том числе – никобарских. Сравним примеры:

кхмер. <i>daə laəŋ</i> ‘подниматься’
(<i>daə</i> ‘идти’)	–	нанк. <i>chiatla</i> ‘восходить (о солнце, луне)’ (<i>chiat</i> ‘асем.’)
вьет. <i>mās lõn</i> ‘восходить (о солнце)’ (<i>mās</i> ‘расти’)		
кхмер. <i>craəŋ laəŋ</i> ‘увеличиваться’ (<i>craəŋ</i> ‘многочисленный’)	–	нанк. <i>iteakla</i> ‘сонный’ (<i>iteak</i> ‘спать’)
вьет. <i>c`t lõn saø</i> ‘возводить’ (<i>c`t</i> ‘поднимать’, <i>saø</i> ‘высокий’)	–	кар <i>vilö</i> ‘строить’ (<i>vi</i> ‘делать’)
палаунг <i>dəeh ta əə</i> ‘дай мне’	–	кар <i>kəktöre</i> ‘взять’, <i>kəktö</i> ‘приносить, давать’ (<i>kək</i> ‘брат’, <i>re</i> ‘RFL’)
нанк. <i>dāk</i> , <i>dākta</i> ‘приходить’
нанк. <i>ta ñi meñ</i> ‘в твоей хижине’	–	кар <i>söлта</i> ‘прибывать в’ (<i>söl</i> ‘входить’)
кар <i>teungta</i> ‘прибывать в’ (<i>teung</i> ‘достигать’)

Т. Себеок не понял идею В. Шмидта о том, что префиксация и суффиксация связаны с позицией определения и что в языке могут оставаться структурные рефлекссы предыдущего состояния (как, например существование в никобарских и суффиксов, и префиксов), он назвал это положение В. Шмидта «бессмысленным» и «специально для данного случая выдуманым» (с. 209). Шмидт предположил, что в мунда произошел переход от префиксации к суффиксации, что объясняется переходом от постпозиции определения к препозиции, и это — следствие влияния окружающих языков (дравидийских или тибето-бирманских). Т. Себеок убежден, что синтаксические характеристики подобного рода редко заимствуются. Однако В. Леман в статье «Структурный принцип языка и его последствия» (Lehmann 1973) указывает, что есть много примеров, когда языки совершают подобный переход в результате заимствования порядка слов (финский, амхарский, древние северогерманские диалекты). Приводя в качестве примера языки мунда, он пишет: «один из самых замечательных переходов такого рода произошел в АА семье языков» (с. 57). В. Леман, по-видимому, не знаком с выводами В. Шмидта, однако некоторые из его положений совпадают с выводами последнего. Он, как и В. Шмидт, полагает, что сначала изменяется порядок слов, а потом изменения переходят на морфологический уровень. Он отмечает также еще одну закономерность, хотя и выведенную на другом материале, но согласующуюся с данными АА языков: языки с препозицией определения относительного определяемого и препозицией объекта относительно сказуемого имеют тенденцию к агглютинации (ср. мунда), а языки с обратным соотношением имеют тенденцию к изоляции (ср. МК языки).

Основная идея Т. Себеока о том, что АА компаративистика должна переходить на новый уровень исследований — от установления отдельных примеров сходства и общих черт к последовательным реконструкциям, правильная. Однако для этого совсем не обязательно категорически отвергать все то,

что на первый взгляд кажется не совсем убедительным. Идеи В. Шмидта – это определенный этап изучения АА языков, когда делалась первая попытка обобщить имеющиеся данные и дать им интерпретацию в рамках единой генетической теории. В. Шмидт писал во вступлении к своей работе [Schmidt 1908], что существуют два взаимосвязанных принципа сравнения: первый – это тот, что «два объекта нельзя сравнивать, пока не будет достаточно изучен каждый из них в отдельности», а второй – что «изучение отдельного языка или группы языков может быть успешным только в определенных пределах». Далее он предупреждал: «Бесполезно и даже опасно и вредно стремиться только к детальному изучению и только в данной области пытаться найти разрешение всех возникших вопросов. Тут либо исследователю грозит опасность потеряться в большом количестве мелких частных, либо в своем стремлении непременно разрешить все вопросы он может совершить насилие над самими фактами». В. Шмидт сознательно пошел по второму пути, который, как он считал, «не обойдется без некоторых шагов наугад и даже настоящих ошибок» (с. 214). Целым рядом своих работ он успешно завершил намеченный им предварительный этап исследования, обозначив одну из интереснейших языковых семей на лингвистической карте мира, создав тем самым основу для дальнейших конкретных исследований в данной области.

АА семья языков прошла уникальный путь развития, ее распад сопровождался миграциями АА народов в различные типологические ареалы, что вызвало развитие в разных, прямо противоположных, направлениях – от бурного наращивания новой агглютинативной морфологии в языках мунда и, отчасти, в никобарских – до стремительного движения в сторону моносиллабизации исконной словоформы и изоляции в остальных МК языках. Последовательно моносиллабическим и изолирующим стал вьетнамский язык. Теперь он оказывает влияние на другие МК языки Вьетнама, ускоряя их ход развития в данном направлении. Тем не менее, все АА языки сохра-

нили в той или иной мере рефлексы исконной АА морфологии – префиксы и инфиксы, которые в одних языках стали словообразовательными и непродуктивными, а в других – подверглись дальнейшему развитию, что привело к созданию новых грамматических парадигм на базе совершенно иных грамматических категорий.

0.4. Проблемы сравнительного изучения австроазиатской морфологии

Сравнительно-исторический метод применяется для установления исторических закономерностей развития языков. Он позволяет определить этапы развития родственных языков, реконструировать праязыковые состояния групп и семей и обосновать этапы их развития. Сравнительно-исторический метод может включать в себя компоненты типологического и исторического анализа, что позволяет дать вероятностную реконструкцию путей развития структурных фрагментов языка. Комплекс методических приемов сравнительно-исторического исследования в значительной степени определяется конкретной семьей языков и особенностями ее существования во времени и пространстве.

Главным стимулом сравнительно-исторического подхода к исследованию АА языков в рамках данной работы является не только идея воссоздания некоторого праязыкового состояния, но и желание объяснить разрозненные эмпирические факты, внешне разные и даже диаметрально противоположные, но вместе с тем обнаруживающие некоторое единство, которое должно быть выявлено и обозначено как единый прототип через непрерывность и последовательность исторического развития форм.

Специфическая история развития отдельных семей АА языков в основном определяется двумя прямо противоположными тенденциями, одна из которых – это стремительная утрата исконной морфологии и наращивание элементов изоля-

ции, другая – это резкий отход от праязыкового прототипа и наращивание новых грамматических маркеров агглютинативного типа, которые могли в дальнейшем подвергаться фузии. Эта специфика развития АА семьи языков определяет и характер методических приемов, которые можно использовать. Ретроспективный метод здесь становится малоэффективным, в противоположность методу проспективному и аксиоматическому, который позволяет последовательно и аргументированно двигаться от некоторого первоначального состояния, исторически засвидетельствованного или аксиоматически постулированного, к более поздним состояниям, объясняя все идиосинкратическое и иррегулярное через специфику путей исторического развития языков.

Известно, сколь важное значение придавалось сравнительно-историческому изучению грамматики в индоевропейстике. Однако на протяжении вот уже более чем полутора вековой истории изучения АА языков практически не было работ по сравнительно-исторической грамматике. Исключение составляют работы Г. Пиннова по языкам мунда.

Г. Пиннов, опубликовавший серию работ по АА компаративистике (Pinnow 1959; Pinnow 1963; Pinnow 1966; и др.), основное внимание уделял изучению истории языков мунда в сравнении с другими АА языками в области развития фонологической системы, структуры слова и аффиксации. Г. Пиннов подчеркивал, что особое внимание следует уделять морфологии. Наиболее интересные идеи относительно принципов классификации и тенденций исторического развития АА языков Г. Пиннов высказал в работе [Pinnow 1963].

Хотя для всех МК языков характерно наличие рефлексов некоего общего инвентаря префиксов и инфиксов, выделение этих рефлексов зависит от того, насколько далеко языки в своем развитии продвинулись по пути моносиллабизации словоформы и упрощения пресиллабов и стечений согласных в начале слова.

С самого начала изучения и уточнения состава АА семьи языков исследователи обращали внимание на наличие общего инвентаря префиксов и инфиксов или их предполагаемых рефлексов. Многие исследователи, изучавшие отдельные языки и группы языков МК семьи, единодушны в том, что в прото-МК существовала развитая система аффиксов – префиксов и одногласных инфиксов, которая в одних группах утратила свою продуктивность и стала фактором непродуктивного словообразования, а в других сохранила только реконструируемые рефлексы. Однако сравнительная АА морфология так и не получила развития. Попытки обобщения фактов на всем пространстве АА языков неизбежно порождали ошибки и мифы, потому что на этом уровне неясно что и как сравнивать⁴. Попытки поэтапной реконструкции снизу вверх часто не приводили к содержательным построениям, потому что большая часть МК языков стремительно продвигается в сторону моносиллабизации и разрушения системы производных форм. Так, Ж. Дифлот в работе «Дваравати древнемонский язык и нях кур» пишет: «Сравнивая мон-кхмерские языки, в особенности такие периферийные языки, как кхаси, кхму или семай, мы видим, что прото-МК обладал богатой и возможно регулярной, продуктивной морфологией; однако и по сей день очень мало внимания уделялось ее аккуратной реконструкции (Schmidt 1916; Jenner 1982). Имея именно это в виду, я, приступая к этой работе, ожидал, что данные языка нях кур позволят реконструировать формы и значения тех многочисленных аффиксов, которые, судя по надписям на древнемонском языке, были в дваравати древнемонском. Однако, в этом отношении, нях кур разочаровал меня: в нем очень мало продуктивных аффиксов, здесь есть только некоторые остатки деривации» (Diffloth 1984, 263).

⁴ Например, миф о том, что в прото-мунда и прото-АА существовало ограничение на длину имени: в позиции синтаксической вершины оно не могло содержать меньше двух мор (Anderson, Zide, 2002).

Д. Томас, критикуя В. Шмидта и его последователей, отмечает один из главных недостатков сравнительных исследований по АА морфологии, заключающийся в том, что, как правило, сравниваются отдельные, внешне похожие аффиксы, значение которых описано неадекватно, и для которых можно найти похожие соответствия, например, в австронезийских языках (Thomas 1964). Однако нельзя согласиться с Д. Томасом в том, что для АА морфологии может быть эффективной только последовательная реконструкция снизу вверх, начинающаяся с близкородственных языков и даже диалектов, продвигающаяся постепенно вверх по генеалогическому древу. Степень сохранности древних АА аффиксов, характер и количество аномалий с ними связанных во многих языках таковы, что они не обеспечивают необходимого пространства для внешней и внутренней реконструкции фрагментов распавшейся исконной системы, поскольку, с одной стороны, мала степень регулярности рядов соответствий между разными группами АА языков, а, с другой – велика степень субъективности при интерпретации остаточных форм, обособленных рядов, малых парадигм и аномалий. Реконструкция этих фрагментов возможна только в том случае, если у исследователя есть более или менее четкое представление об исходной системе и об общих и специфических путях грамматического развития АА языков.

Ж. Дифлот в своей работе, посвященной реконструкции древнемонского языка периода царства Дваравати (VI – IX вв.), существовавшего на территории современного Таиланда, описывает ситуацию для языка нях кур (Diffloth 1984). Он отмечает, что аффиксальные формы стремительно уходят из употребления. Например, один информант в возрасте семидесяти двух лет после некоторых колебаний смог вспомнить «более длинные» формы слов, которые он, очевидно, не использовал в течение многих лет. Такая ситуация типична и для других МК языков. Из девяти информантов кату, работавших в совместной российско-вьетнамской лингвистической экспе-

диции 1986 г., только один хорошо владел аффиксальными формами, часть из них он активно использовал, другие же он знал пассивно (мог объяснить более или менее уверенно, что они означают); были и такие формы, значение которых он не знал, хотя слышал, как их используют носители языка кату более старшего поколения. Ж. Дифлот отмечает, что у информантов нях кур в некоторых случаях отмечаются непонятные расхождения, как, например, в случае слова ‘гнездо-корзинка для цыплят’, которое информанты произносят с разными пре-силлабами (т. е. слогами, предшествующими последнему, ударному слогу) – *səmpuk*, *thəmpuk*, *kəmpuk*.

Типологическое разнообразие АА языков, разнообразие путей их исторического развития, разнообразие иррегулярностей и аномалий, связанных с рудиментами аффиксальных форм, являются исключительно продуктивными для реконструкции.

Общей чертой МК аффиксации является то, что функции префиксов и инфиксов, как правило, не дифференцированы по отношению к частям речи. Так, Э. Мэн отмечал, что в никобарском многие аффиксы одинаково употребляются с несколькими разными частями речи – глаголами, прилагательными, существительными, наречиями, предлогами. Это же отмечает Дж. Хоффман для мундари, где, по его словам, границы частей речи размыты (Hoffmann 1903, 8).

Исследователей всегда привлекала АА аффиксация, т. е. общий инвентарь консонантных аффиксов, как в сравнительно-сопоставительном аспекте, так и в плане описания аффиксальных производных в одном конкретном языке, однако при этом аффиксация часто становилась объектом невероятных, ни на чем не основанных гипотез, догадок, предположений, которые, будучи однажды высказаны тем или иным автором, так и оставались ни доказанными, ни опровергнутыми, а переносились из одной работы в другую. Так, например, в энциклопедии «Языки мира» известный французский ориенталист А. Масперо, говоря о том, что МК языки имеют общие аффик-

сы, выделяет следующие аффиксы и их функции (Maspero Н. 1952):

заднеязычный:	1) образование непереходных и возвратных глаголов 2) образование имен деятеля и инструмента 3) употребление в именах родства, названиях животных и растений
дентальный:	функции 1) и 2) заднеязычного префикса 3) образование прилагательных
щелевой и палатальный:	1) образование прилагательных 2) образование имен
губной:	образование переходных и каузативных глаголов

Из всех перечисленных функций заднеязычного префикса только последняя выделена правильно. Относительно первой функции отметим, что, хотя в отдельных случаях можно найти словообразовательные ряды типа ксингмул *pak* ‘ломать’ – *kəlpak* ‘сломанный’, *sək* ‘рвать’ – *kəlsək* ‘рваный’ (Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990), *kəl-* здесь может являться рефлексом одного из трех грамматических показателей **ka-*, реконструируемых на прото-МК уровень: префикса интенсивности, каузативного префикса и маркера зависимой предикации. Что касается функции образования имен деятеля и инструмента, по видимому, А. Масперо имел в виду производные типа кхмерских *kancah* ‘развалина’ от *cah* ‘старый’. Они являются отглагольными именами, образованными при помощи носового инфикса от производной основы, содержащей префикс интенсивности **ka-*. Среди примеров, иллюстрирующих его выводы относительно заднеязычного префикса, фигурируют такие, как кхмер. *kbae* ‘каемка, край, сторона’ от *bae* ‘поворачивать’, бахнар *kədap* ‘быть покрытым’, и они хорошо показывают некоторые проблемы, с которыми приходится сталкиваться ис-

следователю, приступающему к изучению АА аффиксации. Так, из приведенных примеров *kəɗəp* является простым словом, не содержащим этимологических аффиксов. В словаре Ж. Дурна, где собраны слова из разных говоров языка кэхо, близкородственного языку бахнар, находим: *dəp* ‘крышка котелка’, *kəɗdəp* ‘покрывать, затыкать’, *ndəp* ‘покрывать, скрывать’ (Dournes 1950). Нет никаких сомнений в том, что это рефлексы разных стадий опрощения двух дисиллабических слов – простого непроизводного глагола **kadəp* и производного имени с инфиксом **ka-n-dəp*. Что касается кхмерских слов *bae*, *kbae*, если второе слово и содержит этимологический префикс, то это префикс интенсивности действия **ka-*, рефлекс которого обнаруживаются во многих МК языках и который, возможно, имеет общее происхождение с префиксом **ka-*, который в МК языках отмечается в терминах родства, названиях животных и растений; в языке ма он выступает в именах собственных мужчин.

Другой пример подобного рода рассуждений находим у Ю. А. Горгониева. В работе [Горгониев 1966] он высказал предположение о возможности существования суффиксов в кхмерском языке, о чем, по его мнению, свидетельствуют ряды слов наподобие следующих: 1) *ləə* ‘находящийся сверху’, ‘сверху’, ‘на’, *lək* ‘поднимать (руку)’, ‘сооружать’, ‘повышать (например, урожай)’, *laəŋ* ‘подниматься, вставать’, ‘лезть’, ‘увеличиваться’, *ləəh* ‘превосходить’, ‘превышать’, ‘более’; 2) *bae* ‘поворачивать(ся)’, *baek* ‘делить, отделяться’, *baeŋ* ‘отделять’, *beh* ‘срывать’. Хотя нельзя отрицать то, что суффиксы в прото-МК, возможно, существовали, сами по себе такие ряды слов по большей части представляют собой случайную подборку лексем, различающихся сегментной единицей в плане выражения и имеющих один или два общих дифференциальных признака в семантической структуре, и, что важно, эти общие

признаки часто являются интегральными, а не дифференциальными. Например, в значение слова *læ* входит признак «нахождение на поверхности чего-то», но он отсутствует в семантической структуре всех других членов данного ряда; в семантической структуре слова *læh* есть дифференциальный признак «быть больше нормы», которого также нет в семантической структуре остальных членов предполагаемого ряда однокоренных слов. Что касается второго ряда предположительно однокоренных слов, то он не выдерживает никакой критики: в семантической структуре слова *bae* есть дифференциальный признак «(резко) поворачивать(ся) в сторону», у слова *baek* – дифференциальный признак «ломать, нарушать единство, целостность чего-то», откуда у него такие значения, как ‘ломать, бить’, ‘ответвляться’, ‘расставаться, быть в разлуке’, у слова *baey* есть дифференциальный признак «делить на части», у слова *bek* – дифференциальный признак «удалять какую-то (периферийную) часть целого», откуда у него значения ‘рвать (плоды, цветы)’, ‘снимать кожуру’. Кроме того, в этих рядах предположительно однокоренных слов одному и тому же дифференциальному сегменту плана выражения невозможно всякий раз приписывать одно и то же значение.

Проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении АА морфологии, это то, что АА аффиксы – префиксы и инфиксы – не имеют четкой привязки к одной части речи. Так, Ю. А. Горгониев отмечал, что «использование префиксов и инфиксов в хммерском словообразовании несомненно, хотя значения этих префиксов и инфиксов по большей части неясны. Можно лишь констатировать, что мертвые ныне аффиксы, видимо, были слабо связаны с частями речи либо какие-то фонетические трансформации нарушили эту связь» (Горгониев 1966, 54).

В отличие от Масперо, который считал, что функция ден- тальных и постдентальных префиксов, в частности префикса

**k-*, – это образование непереходных и возвратных глаголов и имен агента и инструмента, Ю. А. Горгониев полагает, что в кхмерском языке «из значений префикса *k-* определенно можно указать одно – образование прилагательных». В подтверждение он приводит следующие примеры: *сḥḥ* ‘быть соединенным’ – *khсḥḥ* ‘прочно присоединенный’, *ḥḥ* ‘задираться кверху’ – *khḥḥ* ‘задранный кверху’, *iḥḥ* ‘быть наклоненным’ – *khḥiḥḥ* ‘кривой’, *viḥḥ* ‘быть изогнутым’ – *khviḥḥ* ‘изогнутый’, *cat* ‘расставлять’ – *khcat* ‘разбросанный, рассеянный’, *liḥ* ‘удаляться’ – *kliḥ* ‘отдаленный’, *daw* ‘огонь’ – *khdaw* ‘горячий’, *hḥk* ‘извилина’ – *kohḥk* ‘лживый’ (Горгониев 1966, 55). Приведенные примеры мало убеждают в том, что *k-* – это префикс, при помощи которого образовывались прилагательные от глаголов. По-видимому, здесь только можно говорить о том, что префикс *k-* образует глаголы со значением интенсивности (интенсивные стативные глаголы), при этом два последних примера отыменного образования явно в эту словообразовательную модель не входят. Так *сḥḥ* и *khсḥḥ* оба являются непереходными глаголами: *сḥḥ* ‘связанный’, ‘привязанный’, ‘соприкасающийся’, ‘пойманный’, от него образуются два каузативных глагола – *psḥḥ* ‘соединять’, *bhḥсḥḥ* ‘связывать’; *khсḥḥ* ‘быть твердым, стойким, крепким, выносливым’. Как видим, у производного с префиксом *k-* ярко выражено значение намеренности субъекта быть носителем признака, требующего интенсивной контролируемости со стороны субъекта. Что касается пары *ḥḥ* – *khḥḥ*, то в словаре [КЕЕКД 2000] *khḥḥ* интерпретируется как интенсивная форма *ḥḥ*, а в словаре [ДС 1967] также говорится, что *khḥḥ* используется для усиления значения слова *ḥḥ* и выступает в комплексе с последним: *ḥḥ khḥḥ*.

Приведем еще один пример – речь идет о выводах известного ученого Е. Хендерсон – иллюстрирующий справедливость слов В. Шмидта, которые мы цитировали выше: «Изучение отдельного языка или группы языков может быть успешным только в определенных пределах. Бесполезно и даже опасно и вредно стремиться только к детальному изучению и только в данной области пытаться найти разрешение всех возникших вопросов. Тут либо исследователю грозит опасность потеряться в большом количестве мелких частных, либо в своем стремлении непременно разрешить все вопросы он может совершить насилие над самими фактами». (Schmidt 1908). Е. Хендерсон, фонолог и специалист по кхмерскому и монскому языкам, в статье [Henderson 1976] писала, что фонологическая структура языка кхаси очень схожа с фонологическими структурами кхмерского и монского языков, чего нельзя сказать о морфологии: сходство кхаси с другими МК языками менее очевидно и не столь впечатляюще. Тем не менее, В. Шмидт придавал исключительное значение кхаси, посвятив ему одну из своих работ (Schmidt 1904)⁵. Хендерсон высоко оценила выводы В. Шмидта, сделанные на весьма ограниченном материале, которым можно было располагать в то время, но она не согласилась с некоторыми его выводами.

Так, Хендерсон критически оценивает возможность выделения префикса *k-/kh-*, который, как полагает Шмидт, выступает во многих названиях частей тела человека и животных, терминах родства, названиях домашних и диких животных, а также насекомых. Шмидт приписывал ему значение одушевленности и отметил то обстоятельство, что при словосложении он опускается. Шмидт также обратил внимание на то, что в словах с велярной инициальной данный заднеязычный префикс замещается денальными и альвеолярными. Хотя Хендерсон

⁵ В литературе высказывались предположения, что изучение морфологической системы других диалектов/языков кхаси внесет большой вклад в реконструкцию прото-МК морфологии (Sidwell 2006).

также пришла к выводу о том, что в кхаси существует запрет на гоморганные инициальные стечения согласных, она считает, что нет оснований выделять данный заднеязычный префикс, как это делает Шмидт, так как аналогичный по форме префикс отмечается в глагольном словообразовании. Хендерсон приводит примеры характерные для заднеязычного префикса интенсивности действия: *laaw* ‘снимать, развязывать (to loose)’ – *khlaw* ‘вынимать, выдалбливать’, *riy* ‘тащить (к себе), тянуть’ – *khriy* ‘склонять на свою сторону’. Хендерсон считает, что пока нет полной реконструкции прото-МК инициальных кластеров, будет трудно отделить кластеры от префиксов. На что хотелось бы возразить, что такая реконструкция невозможна без предварительного *морфологического* анализа ряда соответствий, на основании которых она делается. Как бы то ни было, но префикс активности **ka-*, который выступал в именах как маркер имен активного класса, а в глаголах – как префикс, образующий глаголы активного (воз)действия, хорошо реконструируется на прото-МК уровень, так как имеет рефлексы во многих языках (Погибенко 1975).

Вместе с тем, говоря о том, что в кхаси достаточно более надежных примеров рядов слов, подтверждающих предположение о существовании в праязыке весьма широкой системы аффиксальных форм, Хендерсон приводит следующий ряд слов: *tnat*, *'nat* ‘ветка, прутик’, *pnat* ‘раздвоенная ветвь’, *thnat* ‘имеющий раздвоенный палец’, ‘шпора у петуха’. Приведенный ряд прекрасно иллюстрирует распространенный в МК языкознании ошибочный подход к выделению словообразовательных рядов. На самом деле этот ряд содержит рефлекс только одного инфикса – **-n-*, но не префиксов, как предполагает Хендерсон, т. е. все слова данного ряда являются рефлексами одного и того же производного от глагольного корня со значением типа ‘расщеплять, раскалывать’, который не сохранился, что типично для МК словообразования. Как представ-

ляется, в данном случае *tnat* и *thnat* – это фонетические варианты, отражающие то известное обстоятельство, что в кхаси произошло неполное передвижение взрывных согласных: здесь прото-МК глухие взрывные стали придыхательными, звонкие – глухими, а имплозивные – звонкими. Известно, что это передвижение прошло до конца только у заднеязычных, ему совсем не подверглись звонкие палатальные, в то время как лабиальные и дентальные имеют смешанные рефлексы (Sidwell 2006), что мы и имеем в случае *tnat* и *thnat*. Слово *pnat*, скорее всего, является результатом действия того закона, которое вывела сама Хендерсон для кхаси, о чем говорилось выше, – это запрет на гоморганные инициальные стечения согласных. Если семантическая дифференциация слов рассматриваемого ряда действительно существует, а не является результатом лексикографических неточностей, она могла возникнуть в результате лексикализации различных фонетических вариантов одной и той же формы зависимой предикации.

Из всех приведенных примеров неудачных попыток выделения аффиксов и определения их функций следует вывод: задача сравнительно-исторического исследования АА аффиксации заключается в том, чтобы выделить инвентарь АА аффиксов и наметить возможные пути его развития от праязыка до нынешнего состояния, находя свидетельства на всем пространстве АА языков.

ГЛАВА 1. ФОРМЫ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ В ИСТОРИИ АВСТРОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКОВ

1.0. Введение

Австроазиатские аффиксы – префиксы и инфиксы – всегда были яркой отличительной чертой АА языков, несмотря на то, что в подавляющем большинстве языков они не являются ни продуктивными, ни регулярными. Однако АА аффиксация буквально завораживала первых исследователей – ведь речь шла о языках, которые были так не похожи на все известные прежде языки, т. к. они нефлективные, не обладают словоизменительными категориями и привычными средствами связи слов в предложении. Поэтому исследователи с надеждой взирали на АА инфиксы и префиксы, полагая, что они представляют собой остатки некогда богатой морфологии индоевропейского типа. Задолго до того как АА аффиксы были тщательно изучены, они стали использоваться как критерий генетической принадлежности к АА семье языков. В основном, этот критерий работал, но иногда давал досадные сбои, как, например, в случае ошибочного включения в АА семью чамского языка ввиду того, что он заимствовал некоторые аффиксы из МК языков.

Несмотря на всю их притягательность, для компаративиста АА аффиксы – крепкий орешек. Первая трудность состоит в том, как и в каком количестве их выделять. Вторая трудность – какие функции им приписывать. Неверные решения порождали опасные заблуждения. Одно из самых больших заблуждений – это то, что, как полагали некоторые исследователи, одни и те же префиксы и инфиксы встречаются в не-

скольких семьях языков на большом пространстве материковой и островной Азии, а именно: китайско-тибетской, австроазиатской и австронезийской. В связи с этим характерно следующее высказывание Н. Холмера: «Хорошо известно, что австроазиатские языки (этим термином автор обозначает сино-тибетские, мунда, мон-кхмерские и австронезийские языки. – *Т.П*) в большом количестве используют префиксы. Мы видим их в письменном тибетском и в реконструкции древнекитайского. В пограничных языках Ассама и Верхней Бирмы, а также мунда-сантали и мон-кхмерских языках они еще четко выделяются и в устной речи, а в австронезийских они развились в чрезвычайно сложную систему. Хотя мы, возможно, и мало знаем об их первоначальной функции (выделено мною. – *Т.П*), мы повсюду замечаем поразительные совпадения в их форме» (Holmer 1963, 21). В качестве таких «общих» аффиксов далее рассматриваются префиксы, содержащие *p-*, *t-*, *k-*, *m-*, *s-*, *h-*, и инфиксы, содержащие *-l-*, *-r-*, *-n-*, *-m-*.

Еще один пример некорректного использования АА аффиксов при сравнении языков находим в книге известного индийского ученого Д. Шармы, которая посвящена связям языков мунда с гималайскими языками (Sharma 2003). В ней дается анализ общих черт, которые, по мнению автора, могут считаться субстратом языков мунда. Шарма придает исключительное значение морфологии, потому что, как он полагает, морфология более стабильна и с течением времени не подвергается таким изменениям, каким подвергается фонологический состав и значение лексем. Д. Шарма приходит к выводу, что одной из наиболее ярких общих черт в мунда и гималайских языках является инфиксация. Однако носовые инфиксы, которые сравнивает ученый, несопоставимы по функции. В мунда они образуют имена от глаголов, например: мундари *tono-l* ‘узел’ от *tol* ‘связывать’, *ma-na-raŋ* ‘величие’ от *maran* ‘великий’. В гималайских языках носовые инфиксы являются просто соединительными согласными между корнями сложно-

го слова, например: тинани *sa-ŋ-gul* ‘землетрясение’, где *sa* ‘земля’, *gul* ‘дрожание’, гар *chu-m-puŋr* ‘водопад’, где *chu* ‘вода’, *puŋr* ‘падать’.

С определением функций общих АА аффиксов дела обстояли еще хуже. Первая проблема, с которой сталкивались исследователи, та, что одни и те же аффиксы отмечались в разных частях речи, как полнозначных, так и служебных – в именах, глаголах, прилагательных, наречиях, числительных, союзах, предлогах, частицах. Это, в свою очередь, породило еще более опасный и трудно искоренимый миф о том, что, возможно, в прото-АА не было частей речи. К этому тезису лингвисты возвращаются вновь и вновь, говоря о языках мунда (см. историю вопроса и критику в [Evans, Osada, 2005]).

Отсутствие четких критериев выделения аффиксов как *двусторонних единиц* приводило к тому, что их инвентарные списки включали слишком много позиций. Рассмотрим, например, списки префиксов языков палаунг (1700 слов), рианг-ланг (1700 слов) и праок (1850 слов), которые приведены в статье [Shorto 1963]⁶:

палаунг		рианг-ланг				праок	
имен- ные		глаголь- ные	имен- ные		глаголь- ные	имен- ные	глаголь- ные
<i>ə-</i> (2)		<i>kə-</i> (2)	<i>kə-/tə</i> (3)		<i>tək-</i> (2)	<i>g-/</i> (4)	<i>g-</i> (9)
<i>kən-</i> (1)			<i>tək-</i> (1)		<i>p-</i> (1)	<i>si-</i> (6) N	<i>si-</i> (6)
<i>kər-</i> (1) N			<i>tən-</i> (1)		<i>sək-</i> (1)		<i>sib-</i> (1)
<i>pə-</i> (1)			<i>tər-</i> (6)		<i>sən-</i> (1)	<i>g-</i> (5)	
<i>rə-</i> (12)			<i>rəŋ/pən-</i> (2) N			<i>b-</i> (1) V	
<i>i-</i> (2)		<i>kə-</i> (1)	<i>rə-</i> (3)			<i>vui-</i> (5)	
<i>kən-</i> (1)		<i>kən-</i> (2)	<i>sə-</i> (1)			<i>si-</i> (2)	
<i>kər-</i> (1) V		<i>kər-</i> (13)	<i>sən-</i> (1)				

⁶ N и V – тип корня, соответственно, именной и глагольный, *v* – озвончение, в скобках – число слов, в которых отмечается префикс.

<i>pən-</i> (18)	<i>p-</i> (2)	<i>tək-</i> (3)	<i>kəm-</i> (1)
<i>rə-</i> (39)	<i>pən-</i> (2)	<i>tən-</i> (1)	<i>tək-</i> (39)
<i>rən-</i> (1)	<i>rə-</i> (2)	<i>tər-</i> (3)	<i>tən-</i> (1)
		<i>pək-</i> (2)	<i>tər-</i> (26)
		<i>pən-</i> (1) V	<i>pək-</i> (6)
		<i>pər-</i> (3)	<i>pəy-/pən-</i> (3)
		<i>rək-</i> (1)	<i>p-</i> (3)
		<i>rəm-</i> (3)	<i>ph-</i> (1)
		<i>rəy-</i> (20)	<i>pər-</i> (1)
		<i>səm-</i> (7)	<i>rək-</i> (1)
			<i>sə-</i> (1)
			<i>sək-</i> (9)
			<i>sən-</i> (1)
			<i>səm-</i> (1)

Таким образом, делает вывод Г. Шорто, из трех рассмотренных палаунгических языков рианг-ланг обладает самой сложной морфологической системой – это восемнадцать префиксов, выступающих в тридцати шести функциях (с. 54). Поскольку Г. Шорто не дает значений этих префиксов, определить их статус не представляется возможным.

Носовые АА инфиксы, которые мы рассматриваем в данном исследовании, также образуют и от глагольных, и от именных корней слова различных частей речи – имена общие, классификаторы, прилагательные, наречия, служебные слова. По этой причине им невозможно приписать какой-то однородный набор функций. Тем не менее, сравнительный анализ этих инфиксальных производных позволяет высказать предположение, что огромное количество слов, в которых они выделяются, восходят к формам зависимой предикации (ЗП), выступавшим в позиции зависимого предиката различных полипредикативных конструкций (ППК). Сравнительный анализ функций служебного слова *t(a)* в АА языках, а также слов, содержащих префикс *t(a)-*, позволяет предположить, что уже на

прото-АА уровне существовали два типа форм ЗП: синтетические формы с аффиксами **m-/*-m-*, **n-/*-n-* и их комбинацией **-mn-* и аналитические формы с маркером **ta*. Система этих форм во всех группах АА языков распалась, оставив разные рефлексы. Синтетические формы подверглись лексикализации и грамматикализации. В первом случае в современных языках они оставили рефлексы в виде знаменательных слов – существительных, классификаторов, прилагательных, наречий. Во втором случае они оставили рефлексы в виде служебных слов – предлогов, союзов, грамматических показателей. Что касается аналитических форм ЗП, то во всех группах АА языков их функциональная сфера резко сокращалась. Вытесняемые другими грамматическими средствами – местоимениями, союзами, связками, предлогами – зачастую они оставляли рефлексы только на периферии своей первоначальной функциональной сферы. Это делает их возведение к одному показателю нетривиальной процедурой. Их рефлексы мы находим также в глагольном словообразовании: каузативная и декаузативная формы, форма реципрока в МК языках часто образуются при помощи префикса *ta-*. Они оставили свои рефлексы в виде падежных маркеров – как правило, маркеров косвенно-объектных именных групп. Их рефлексы также отмечаются как маркеры коммуникативной структуры предложения – тематизации, сдвига ремы, эмфазы. Они выделяются в составе различных союзов и частиц.

Впервые предположение о том, что в древнекхмерском слова с инфиксами *-m-* и *-mn-* не во всех случаях можно квалифицировать как существительные, высказал Лонг Сеам (Лонг Сеам 1989, 14)⁷.

Данные древнекхмерского языка позволяют также предположить, что на прото-МК уровне существовал еще один

⁷ Однако он считает, что *-m-* является субъектным маркером, а *-mn-* – показателем пассива.

аналитический маркер ЗП – **ka*. Его рефлексы в языках-потомках не столь многочисленны. В древнекхмерском существовала также оппозиция маркеров *ta* и *ti*, которая выглядит как чисто кхмерская инновация. Она, как можно предполагать по данным древнекхмерского языка, некоторое время поддерживала исконную семантическую оппозицию «активный – инактивный» инфиксов **-m-* и **-n-*.

Лексикализованные рефлексы форм зависимой предикации более или менее одинаковы во всех группах АА языков. Это свидетельствует о том, что процесс их лексикализации и, возможно, грамматикализации начался еще в праязыке, задолго до разделения на отдельные группы. Напротив, рефлексы аналитических форм зависимой предикации функционально разнородны, и значит, пласт аналитических форм – более поздний, чем пласт форм синтетических.

Формы зависимой предикации – центральный компонент грамматической структуры АА праязыка – языка с преобладанием паратаксиса и гипотаксиса с недифференцированными средствами связи. Они являются стержневым компонентом в диахронии АА языков, поскольку именно в этой сфере происходили самые важные структурные преобразования и продвижение АА языков по пути развития гипотаксиса и синтаксической компрессии полипредикативных структур.

Характерная черта многих АА языков – та, что в них различные типы полипредикативных конструкций представлены менее сжатыми структурными вариантами, нежели соответствующие конструкции в других языках мира. Наличие большого количества несжатых полипредикативных конструкций, по-видимому, было свойственно праязыку. Рассмотрим эту типологическую черту более подробно.

1.1. Австроазиатские языки и шкала сентенциальных форм

Полипредикативные конструкции в естественных языках возникают в результате действия синтаксического механизма, направленного на нарушение прототипического иконического соотношения: одно предложение – одна пропозиция. Этот механизм называют синтаксической компрессией (Золотова 1995) или сжатием (Балли 1955). В результате действия механизма синтаксической компрессии в поверхностном представлении предложений естественных языков мы находим, как это сформулировано в работе [Бергельсон, Кибрик 1987], непрерывную иерархию сентенциальных форм, различающихся по степени их свернутости или, наоборот, эксплицитности: одни из этих форм есть полный аналог пропозиции, а другие – большая или меньшая степень ее редукции. Пропозиция может быть выражена: независимым предложением, оборотом, копредикатом, определителем, именной группой, служебным словом, грамматической категорией, частью лексического значения слова.

Значительное сходство между языками в отношении наличия в них иерархии сентенциальных форм связано прежде всего с тем, что компрессии подвергаются синтаксические единицы, содержащие наиболее частотные комбинации смыслов. Значительные расхождения, наблюдаемые между языками, обусловлены разного рода факторами, в том числе – диахроническими и типологическими. Языки могут находиться на более ранних или более поздних этапах прохождения шкалы сентенциальных форм. Так, по сравнению с индоевропейскими языками, изолирующие языки Азии, в частности, МК, находятся в целом на более ранних этапах формирования сжатых сентенциальных форм. Это, как представляется, в немалой степени связано с формами существования языка. Синтаксическая компрессия больше свойственна письменным языкам. В бесписьменном языке, связанном только со звуковой суб-

станцией, ритмико-интонационные средства значительно богаче собственно сегментных средств, опора на контекст значительно больше, поэтому синтаксическая компрессия как решение задачи экономии синтаксических средств для бесписьменного языка менее актуальна, нежели для письменного. Не случайно, что для разговорной речи письменных языков характерно наличие менее сжатых типов ППК, например: *Возьми шоколадку, я там купила; Кто умеет хорошо готовить – картошка вещь замечательная; У кого нет разменной монеты – у водителя есть абонементные книжечки* (Розенталь 1988, 233). Обычно такие явления разговорной речи рассматриваются как отклонения от нормы, так что в каждом конкретном случае им ставится в соответствие некая нормативная конструкция, которая по отношению к ним выступает как кодифицированная и первичная. Это, в свою очередь, предопределяет термины, в которых описываются явления такого рода: опущение союзных средств, опущение соотносительных слов, минимизация категориальных сигналов и др. Например: *Почты не было, ты шел? < Почты не было, когда ты шел мимо почтового ящика?* (Золотова 1995, 104).

У Ш. Балли в его теории генезиса неэлементарного предложения – простого распространенного и сложного – некодифицированные структуры с паратактическим соединением частей фигурируют как первичные, предшествующие кодифицированным со специализированными средствами связи. Он считал, что синтаксические единства двух связанных по смыслу, но формально никак не зависящих друг от друга предложений типа *Il gèle. Nous ne sortirons pas*, которые и семантически, и коммуникативно асимметричны («причина» vs. «следствие», «тема» vs. «повод»), в истории языков подвергаются сжатию, в результате которого возникают кодифицированные формы сложного предложения со специализированными средствами связи.

В МК языках, бесписьменных или младописьменных, менее сжатые, некодифицированные формы сложного предложения в целом преобладают. Предложения, связанные по смыслу, часто не имеют никаких показателей связи, как, например, в следующих предложениях из кату:

- (1) *kah chana adī palââng têêng tpeq*
NEG еда здесь другие делать выбрасывать
'Здесь нет еды. Другие выбросили' (Costello 1993, 64)
- (2) *do pəh alua adah achek*
3SG/PL спешить действительно зверь тот
'Он поспешил (туда и убедился, что это). Действительно то животное' (Costello 1993, 62)

Рассмотрим самую сжатую и не эксплицитную форму на шкале сентенциальных форм – компонент значения лексемы – и посмотрим, какие менее сжатые структуры ему соответствуют в изолирующих языках.

Хорошо известно, что лексеме индоевропейского языка, многокомпонентной в плане содержания и монокомпонентной в плане выражения, в изолирующем языке часто ставится в соответствие (выступает в качестве переводного эквивалента) единица, которая является многокомпонентной и в плане содержания, и в плане выражения такая, что между компонентами плана содержания первой и компонентами плана выражения второй часто имеет место одно-однозначное соответствие. Приведем примеры глаголов русского языка, которым в кхмерском как переводные эквиваленты будут соответствовать трехкомпонентные комплексы: *раздобыть* (*Она где-то раздобыла белую тряпку*) – *təw rəð baan* букв. 'идти', 'извлекать', 'получать', в этих трех компонентах, соответственно, представлены три компонента плана содержания: «совершать определенные действия для достижения результата», «способ получения», «результат»; *интересоваться* (*До сих пор никто*

из них не интересовался жизнью народа) – *aərəđ kuit kiin* букв. ‘проявлять уважение’, ‘думать’, ‘рисовать’; *удалиться* (Молодой человек поспешно удалился) – *thəəu seŋ baat* букв. ‘отступать, отодвигаться’, ‘выходить’, ‘пропадать’ и т. д. Как отметил Д. И. Еловков, «номинация ситуации по-кхмерски есть экспликация семантических компонентов значений русских глаголов» (Еловков 1995, 40).

На этих примерах видно, что, когда в глаголе русского языка содержатся не эксплицитные пропозиции, свернутые до компонентов ее значения, в соответствующей номинации кхмерского языка эти пропозиции представлены эксплицитно, в разных линейных сегментах, которые могут устраняться или восстанавливаться в зависимости от целей высказывания. Это последнее положение особенно важно. Так, в кхмерском переводном эквиваленте глагола *прилетать* (*Отец прилетел на свадьбу*) – пример, который разбирается в работе [Богуславский 1985], – в отличие от русского глагола, семантические компоненты «прибывать» и «передвигаться воздушным транспортом» представлены в разных сегментах: *cih uiəŋ hvh tək dvl* букв. ‘ехать на самолете’, ‘приходить’, ‘достигать’, поэтому в кхмерском языке не возникают проблемы с определением сферы действия отрицания такие, как в русском языке. Так, в русском языке в предложении *Отец не прилетел на свадьбу* компонент «прибывать» имеет статус ассерции и на него распространяется отрицание, а в предложении *Отец не прилетел, а приехал на машине* – ассертивный статус имеет компонент «передвигаться воздушным транспортом», который и входит в сферу действия отрицания. В многокомпонентной кхмерской номинации при негации используется только ассертивный компонент, соответственно переводным эквивалентом негации *не прилетел* в *Отец не прилетел на свадьбу* будет *thiŋ tək tɛə* (букв. ‘NEG приходить NEG’), а в *Отец не прилетел, а приехал на машине* – *thiŋ*

cih yuən hph tè (букв. ‘NEG ехать самолет NEG’). Как видим, в глагольных номинациях фрагментов действительности изолирующий язык проявляет тенденцию к более иконическому ее отражению.

Известны трудности, возникающие при определении статуса такого рода многокомпонентных единиц в изолирующих языках. По семантическим и ряду грамматических признаков их можно квалифицировать как слова, однако по другим признакам, связанным с сегментностью их состава и характером этих сегментов – словесностью – они словами не являются. Так, например, в работе [Stankewich, Nguyen Tai Kan 1975] в отношении таких комплексов используется термин «фиксированная группа», при этом указывается, что часть их можно назвать словами, а часть их является фразеологическими единицами. В работе [Еловков 1977] используется термин «лексический комплекс», который определяется как «последовательность простых слов или знаменательных самостоятельных и/или несамостоятельных морфем, которая обладает всеми или некоторыми свойствами простого слова ... Такие последовательности иногда включаются в грамматику ... Однако такие последовательности могут считаться фразеологическими оборотами ... и, следовательно, подлежат рассмотрению в лексикологии» (с. 91).

Если исходить из представления о шкале сентенциальных форм, – можно сказать, что типологическая особенность лексических глагольных комплексов кхмерского языка – единиц, поликомпонентных и в плане выражения, и в плане содержания, заключается в том, что они являются единицами номинации менее сжатыми и более эксплицитными, то есть располагаются на шкале сентенциальных форм ближе к ее началу, нежели соответствующие поликомпонентные в плане содержания и монокомпонентные в плане выражения номинативные единицы европейских языков. С сегментностью их состава и с характером этих сегментов – словесностью – связано то, что они могут подвергаться трансформациям как парадигмати-

ческого, так и синтагматического характера, при этом одни трансформы могут иметь характер воспроизводимых единиц, а другие – порождаться в речи.

Интересный и показательный для обсуждаемой проблематики пример – результативные лексические комплексы изолирующих языков. В аспектологии индоевропейских языков отмечаются аномальные случаи употребления форм совершенного вида в значении ингрессива⁸. В русском языке такую аномалию обнаруживают ментальные глаголы – *понял, увидел* и др. Как отмечается в работе [Падучева 1996], они демонстрируют странное, квазисинонимическое, соотношение между сов. видом прошедшего времени и несов. видом настоящего времени: *Я понял (≈ понимаю), на что он намекал*. Для объяснения всех случаев употребления видовых пар глаголов с таким типом видового соотношения во всех типах контекстов Е. И. Падучева предлагает такое их толкование, в котором маркируется коммуникативный статус компонентов в терминах ассерция, презумпция, фон и др. Глагол *понять* (*Я понял, на что он намекал*) имеет следующее толкование: «1) до момента *t* X не знал ответа на вопрос и хотел понять [презумпция]; 2) в момент *t* X действовал – прилагал мысленные усилия, обдумывал релевантные факты [гетерогенный компонент; презумпция]; 3) это привело к результату, соответствующему цели X-а; началось состояние: X знает ответ на вопрос [ассерция]; 4) в момент наблюдения X пребывает в этом состоянии [перфективный компонент, неустойчивый]» (Падучева 1996, 156). Глагол *понимать* содержит все те же компоненты, но компоненты 2 и 3 имеют коммуникативный статус фона (т. е. не будучи ассертивными, могут не сохраняться при отрицании), а перфективный компонент является ассертивным. Таким образом можно, в частности, объяснить, почему *Я пони-*

⁸ В работе [Comrie 1993] предлагается несколько вариантов анализа подобной ситуации, которые сам автор считает неудовлетворительными (с. 19–20).

маю/не понимаю употребляется и в ситуации, когда субъект пытался в чем-то разобраться, и в предложениях типа *Я понимаю/не понимаю по-английски*, а видовая контрформа *Я понял/не понял* употребляется только в первом случае.

Такое адекватное и исчерпывающее, но сложное описание – это цена, которую приходится платить за простоту – монокомпонентность – плана выражения русской глагольной лексемы, поликомпонентной в плане содержания: экономия и простота в плане выражения оборачивается тем, что усложняется структура плана содержания. В кхмерском языке в качестве переводных эквивалентов глаголов совершенного вида, входящих в перфектные пары типа *понял – понимаю*, могут выступать результативные лексические комплексы, в которых ассертивные и неассертивные компоненты представлены в разных сегментах. Так, ‘понял’ – *kut yuəl* букв. ‘думать’ ‘понимать’, ‘не понял’ – *kut miun yuəl tèt* букв. ‘думать’ ‘NEG’ ‘понимать’ ‘NEG’, ‘понимаю’ – *yuəl*. Аналогичным образом ‘захотеть’ (до момента *t* не хотеть, в момент *t* сделать усилие и оценить ситуацию, в результате чего начинается состояние «хотеть») – *niuk svu* букв. ‘думать’ ‘хотеть’; ‘не захотеть’ – *niuk miun svu tèt* букв. ‘думать’ ‘NEG’ ‘хотеть’ ‘NEG’; ‘хотеть’ – *svu*; ‘не хотеть’ – *miun svu tèt* букв. ‘NEG’ ‘хотеть’ ‘NEG’.

Таким образом, мы видим, что результативные лексические комплексы изолирующих языков являются менее сжатыми в плане выражения формами, нежели их переводные эквиваленты в русском, поскольку неэксплицитные пропозициональные компоненты значения последних в них представлены более эксплицитно.

Аналогичный сдвиг на шкале сентенциальных форм в сторону меньшей сжатости в МК языках обнаруживают и некоторые другие типы полипропозитивных конструкций, например, конструкции с предикатными актантами (КПА). И в европейских языках КПА могут иметь синтаксические вари-

анты различной степени сжатости: *Я велел ему уйти – Я велел, чтобы он ушел* (Храковский 1985, 3). Некоторым семантическим типам КПА европейских языков можно поставить в соответствие менее сжатые синтаксические варианты КПА в МК языках.

Так, в языке кату КПА с фазисными глаголами, помимо синтаксического варианта с порядком компонентов «главный глагол – зависимый глагол», имеют более частотный вариант с продвижением главного глагола в начало предложения, например:

(3) *song ku têêng buông thôi*
 заканчивать 1SG работать лодка достаточно
 ‘Я закончил делать лодку’ (Costello 1993, 66)

(4) *tək nhi bəər do viêng tapai*
 достигать DU два 3SG/PL гнаться заяц
mót kalóóng tóng
 входить внутри дыра
 ‘Когда они догнали зайца, заяц спрятался в нору’ (Costello 1993, 258)

(5) *sasau tamooq ku luch dó dóng*
 внук сестра 1SG переставать 3SG давать
 ‘Внук моей сестры, он перестал давать (рис)’ (Costello 1993, 640)

Аналогичный порядок следования компонентов отмечается и в КПА, образованных модальными глаголами, но здесь он менее распространен. Например:

(6) *bâân ku ââi*
 мочь 1SG отвечать
 ‘Я могу ответить’ (Costello 1993, 66)

С другой стороны, в КПА, образованной деонтическим модальным глаголом *katui* ‘мочь’, в начало предложения выносится зависимый глагол:

- (7) *chô* *təət* *thôi* *dó* *katui*
возвращаться оставаться PTCL 3SG/PL мочь
‘Они смогли вернуться в дом’ (Costello 1993, 67)

Как можно заключить из последнего примера, зависимый глагол может иметь свою модальную периферию, что говорит о еще меньшей синтаксической сжатости КПА⁹.

В МК языках можно также найти различные варианты каузативных конструкций, сдвинутых на шкале сентенциальных форм в сторону меньшей сжатости. Так, в кату, наряду с обычной для МК языков каузативной конструкцией, отмечается ППК расчлененного типа с паратактическим соединением частей. Приведем примеры:

- (8) *priêng* *yua* *padüil* *óm*
сухой велеть женщина веять
‘(Когда рис) сухой, (они) велят женщинам веять’ (Costello 1993, 488)

- (9) *həq* *dó* *yua* *adyen* *adyen* *mót*
затем 3SG/PL велеть муравей муравей входить
‘Затем он велел муравью войти’ (Costello 1993, 75)

⁹ Описанные изменения порядка слов имеют характер синтагматической трансформации, результатом которой является изменение синтаксической структуры; хотя семантически предикаты связаны, синтаксически они расчленены (Гак 1985, 18), поэтому термины «главный глагол», «зависимый глагол» в таких случаях становятся элементами описания семантической, а не синтаксической структуры.

Конструкция данного типа представляет исходный, не подвергшийся сжатию синтаксический прототип каузативной КПА.

Помимо этих двух конструкций, в кату представлен еще один тип каузативной КПА – менее сжатой, нежели та, что представлена в (8), и более сжатой, нежели та, что представлена в (9). Это каузативные конструкции, в которых произошло кореферентное сокращение ИГ₂, но сохранились темпоральные маркеры при зависимом глаголе, например:

- (10) *uua* *buəl* *e* *ting* *ót*
 велеть деревня FUT следовать пить
 ‘Они велят жителям пить за ними’ (Costello 1993, 492)

В кату обнаруживается ППК, от которой в результате последующего сжатия произошли разносубъектные результативные лексические комплексы.

В МК языках отмечаются две модели предложения с результативным комплексом в позиции сказуемого: с инкорпорацией объектной ИГ в результативный комплекс и без инкорпорации. Рассмотрим примеры из ксингмул:

- (11) *soo* *aak* *ceem* *siən*
 собака кусать птица умирать
 ‘Собака задушила птицу’ (СКД 30)

- (12) *aŋ* *caa* *giət* *tuəh* *lew*
 1SG есть банан кончатся PRF
 ‘Я съел банан’ (ПРВ IV-3, T-2)

- (13) *aŋ* *pak* *kəlpak* *cəlgəŋ* *boo*
 1SG ломать сломанный рог бык
 ‘Я сломал у быка рог’ (ПРВ V-3, T-1)

В кату в ППК, образованной предикатами с семантическим соотношением «действие – результат», от которой про-

исходят разносубъектные результативные комплексы в других МК языках, предикаты выступают как сказуемые двух сочиненных предложений:

- (14) *thôî dyəq tambiik adrêêh chet adrêêh*
 PTCL уже ударять Адрех умирать Адрех
 ‘Все, (они) ударили Адреха, умер Адрех’ (Costello 1993, 70)

Если говорить о придаточном предложении – самом развернутом и эксплицитном типе на шкале синтаксических форм, то в кату и эта синтаксическая форма может быть представлена синтаксическими структурами различной степени сжатости. Так, придаточные определительные имеют несколько структурных типов, начиная с самого развернутого – структуры до применения правила анафорической замены кореферентной ИГ, например:

- (15) *tangai rayiu vôiîq chô dah*
 день завтра идти возвращаться есть мясо
adah palââng bâân adah
 животное другие поймать животное
 ‘На следующий день (он) опять пошел туда есть мясо животного, которого поймали люди’ (Costello 1993, 61)

Следующий по степени сжатости тип – это структура, получающаяся после применения правила анафорической замены, происходящей «in situ»:

- (16) *ve mai lâi panóh diq duuul do*
 иметься 2SG видеть красный узор в край 3SG/PL
róh adik diq duuul gahul
 влетать тот в край набедренная повязка
 ‘Ты видела красный узор по краю, который они ткут по краю набедренной повязки?’ (Costello 1993, 412)

В качестве анафора может выступать не только местоимение, но и имя общее, представляющее собой ослабленную но-

минацию, например, слово *rau riik* ‘вещь’, как в следующем примере:

- (17) *ô kruôh lai ô adah chana*
EXCLM Круох видеть EXCLM животное еда
akóón kasai dóng rau riiq nhəp
ребенок Касай давать вещь грязный
‘Круох увидела и сказала: О, животное и еда, которую Касай принес, грязные’ (Costello 1993, 64)

Следующая по степени сжатости конструкция получается после применения правила «Equi–NP–Deletion» – опущения кореферентной ИГ:

- (18) *ve haviq chan phu dóng*
иметься рис правительство давать
‘Был рис, который дало правительство’ (Costello 1993, 651)

Если вершинное имя обозначает личного актанта, то вместе с правилом «Equi» применяется правило релятивизации опущенной позиции:

- (19) *ve ngaai du têêng adââk dõ*
иметься люди REL работать свинья здесь
‘Здесь есть люди, которые разводят свиней’ (Costello 1993, 653)

Таким образом, мы рассмотрели некоторые типы ППК МК языков, которые демонстрируют сдвиг на шкале сентенциальных форм в сторону меньшей сжатости, нежели их аналоги в индоевропейских языках.

1.2. Австроазиатские языки и шкала связанности полипредикативных конструкций

Еще одним важным инструментом для определения типологии прото-АА форм зависимой предикации является шкала связанности сентенциальных форм. Обе шкалы – связанности и сжатости отражают диахроническую перспективу развития ППК.

В начале шкалы располагаются синтаксические конструкции с минимальной степенью кодификации, которые образованы соположением относительно свободных простых предложений, без сегментных средств связи – это собственно паратактические конструкции. Их компоненты – предложения – не являются абсолютно свободными: они являются относительно связанными, поскольку объединены общим интонационным контуром. В бесписьменных МК языках такие конструкции очень распространены. Они широко представлены в древнекхмерском, например:

- (20) *ge* *cer* *ājñā* *vraḥ* *kaṃratāñ* *añ*
3PL нарушать приказ TTL TTL TTL
ge *daṅḍa*
3PL наказанный
‘Кто нарушит приказ короля, – будет наказан’ K49

Из-за недифференцированного характера паратактической связи конструкции такого рода порождают разночтения при переводе. Например, Ф. Дженнер переводит это предложение следующим образом: ‘Они нарушают [тем самым] приказ короля, [и] они должны быть наказаны’ (Sak-Humphry 1993, 8).

Паратактические конструкции, без каких-либо средств связи их частей, в ДКМ сосуществуют и часто свободно варьируют с гипотактическими конструкциями, где в вершине зависимой предикации выступает синтетическая или аналитическая форма зависимой предикации. В надписи K49 (664 г.) в

формуле проклятья¹⁰, из которой взят предыдущий пример, целый ряд зависимых предикаций маркируется при помощи *ta*:

(21)	<i>ge</i>	<i>ta</i>	<i>dap</i>	<i>gui</i>	<i>ge</i>	<i>ta</i>	<i>sak</i>
	3PL	DPM	мешать	здесь	3PL	DPM	красть
	<i>gui</i>	<i>ge</i>	<i>ta</i>	<i>soṃ</i>	<i>gui</i>	<i>ge</i>	<i>ta</i>
	здесь	3PL	DPM	просить	здесь	3PL	DPM
	<i>hau</i>	^a <i>nak</i>	<i>pak</i>	<i>tok</i>	<i>ta</i>	<i>gui</i>	
	звать	люди	ломать	вырывать	LOC		здесь
	<i>ge</i>	<i>ta</i>	<i>pre</i>	<i>roḥ</i>	<i>gui</i>	<i>sot</i>	
	3PL	DPM	использовать	предметы	здесь		также
	<i>ge</i>	<i>cer</i>	<i>ājñā</i>	<i>vraḥ</i>	<i>kaṃratañ</i>	<i>añ</i>	
	3PL	нарушать	приказ	TTL	TTL		TTL
	<i>ge</i>	<i>daṇḍa</i>					
	3PL	наказанный					

‘Те, кто здесь чинят препятствия, те, кто здесь крадут, те, кто подстрекают людей здесь ломать, вырывать, а также те, кто используют то, что здесь находится, кто нарушает приказ короля, – будут наказаны’ K49

В следующих примерах в формуле проклятья выступают синтетическая (с инфиксом) и аналитическая (с *ta*) формы ЗП:

(22)	<i>ge</i>	<i>cmer</i>	<i>ājñā</i>	<i>ge</i>	<i>daṇḍa</i>
	3PL	<i>m</i> -нарушать	приказ	3PL	наказанный
					‘Те, кто нарушат приказ, – будут наказаны’ K940

¹⁰ Формулой проклятья завершаются многие надписи. Это предложение, обращенное к потенциальным нарушителям. В нем перечисляются те или иные типы неправомерных действий, которые могут быть совершены по отношению к данной постройке, и говорится, что нарушителей постигнет кара.

- (23) *ge ta tve vipatya gi*
 3PL DPM делать разрушение здесь
saptapitā saptamatā
 7 поколений предков мужчин 7 поколений предков женщин
pañcamaharau ravanarakāḥ patañti
 5 великий раурава ад падать
 ‘Те, кто совершают разрушения, [их] предки до седьмого
 колена падут в пять великих адов раурава’ K127

В следующем примере из надписи K728 (VIII в.) в формуле проклятья находим комбинацию синтетической и аналитической форм ЗП:

- (24) *ge ta sak gi ge ta*
 3PL DPM красть здесь 3PL DPM
caṃlāk gi lāñ vraḥ
m-высекать (на камне) здесь восставить бог
 ‘Те, кто крадут здесь, те, кто высекают здесь, восстанут про-
 тив бога’ K728

Следующими по степени связанности выступают координативные конструкции с сегментными средствами связи. В теории грамматикализации считается, что координативные средства связи обычно возникают относительно поздно или заимствуются из более высоких функциональных стилей, при этом инвентарь их нестабилен и часто обновляется (Норрег, Traugott, 1994, 173). В ДКМ есть несколько координативных союзов, и все они, как правило, совмещают несколько функций. Характер этой полифункциональности говорит о том, что в кхмерском языке координативные союзы, скорее всего, происходят от некоординативных средств связи, которые, в свою очередь, возникли в результате грамматикализации полнозначных слов. Например, в словаре древних кхмерских надписей Лонг Сеама (Лонг Сеам 1994) функция координативного союза отмечается у двух слов – *pi* и *ni*. У служебного слова *pi* следующие функции: 1) координативного союза, 2) союза придаточного цели, 3) показателя принадлежности, 4) делибе-

ративного предлога¹¹. В современном кхмерском ему соответствует *ниш*¹². В КРС выделяются как омонимы следующие полнозначные и служебные слова: *ниш* I ‘быть неизменным’, *ниш* II 1) ‘сочинительный союз’, 2) ‘комитативный предлог’, 3) ‘инструментальный предлог’, *ниш* III ‘показатель будущего времени’, *ниш* IV ‘показатель инфинитива’. ДКМ *ли* имеет функции: 1) ‘координативный союз’, 2) ‘союз придаточного цели’, 3) ‘показатель предстоящего действия’. В современном языке ему соответствует является *пə̀w* ‘жить, находиться’.

Далее на шкале связанности ППК располагаются гипотактические конструкции. Начинают эту часть шкалы конструкции с неспециализированными средствами связи, в которых маркируется отношение «ядро–периферия» и только оно. Это конструкции, в которых зависимые предикации разных семантических и структурных типов маркируются одинаково. В научной литературе конструкции данного типа иногда обозначаются термином «клаузальные цепи» (clause chaining), они распространены во многих языках Африки, Южной и Северной Америки, Новой Гвинеи и Азии. Маркеры ЗП данного типа часто выражают референциальные значения – числа, лица, разнотелности, т. е. значения, характеризующие участников ситуации, описываемой ППК, в частности сложным предложением (Hopper, Traugott, 1994, 173). Данные АА языков говорят о том, что такие маркеры ЗП могут также выражать значение активности/инактивности референтов. Синтетические и аналитические маркеры зависимой предикации в МК языках относятся именно к показателям данного типа.

¹¹ В ДПАК, ДАК координативная функция не выделяется, в ДВК – выделяется.

¹² В ДПАК, ДАК и ДВК ему ставится в соответствие *ni:*, в ДПАК и ДАК – с пометой «архаичное», в других словарях кхмерского языка это слово не отмечается.

Следующими на шкале связанности выступают гипотактические конструкции со специализированными средствами связи – это союзы, присоединяющие условные, временные, придаточные цели, определительные придаточные предложения. Этот последний сегмент шкалы связанности МК языки еще не прошли до конца: в научной литературе по МК языкам часто отмечается неразвитость союзных средств.

Проекция шкалы сжатости и шкалы связанности ППК на этапы распада АА семьи языков в общих чертах представляется следующей:

прото-АА:

Паратаксис и гипотаксис первой ступени (маркеры ЗП). Сосуществование маркеров зависимой предикации обоих типов: синтетических **n-/-n-*, **m-/-m-*, **-mn-* и аналитического **ta*, возможно, **ka*¹³. Идет процесс лексикализации, начинается процесс грамматикализации синтетических форм ЗП. Преобладание несжатых конструкций.

прото-МК:

Вытеснение синтетических маркеров ЗП аналитическими. Продолжается лексикализация и грамматикализация синтетических форм, начавшаяся на предыдущем этапе.

прото-семьи:

На уровне прото-семей языки развивались как общими, так и различными путями. К общим путям развития можно отнести: вытеснение маркера **ta* новыми маркерами ЗП, сужение функциональной сферы аналитических маркеров ЗП, появление специализированных средств связи (союзов). Дальнейшее движение по шкале сжатости синтаксических форм. К лингвоспецифическим путям развития можно отнести: утрату старых и образование новых аффиксально-производных слов, а также лексикализацию и грамматикализацию старых и новых аналитических форм ЗП.

¹³ Его рефлексы отмечаются в древнекхмерском, в ряде других МК языков, а также в никобарских.

В прото-АА у маркера *ta* была еще одна функция. Он употреблялся как маркер именных групп с нецентральными синтаксическими ролями, т. е. как показатель единого косвенного падежа. Эту же особенность имеет и маркер *ka*, который в ДКМ отмечается в некоторых функциях *ta*, но значительно реже. В главе 3 будет показано, что в ДКМ, палаунг и никобарских языках прослеживается употребление *ta* в этой падежной функции. В нанкаури произошло парадигматическое выравнивание, и *ta* стал маркировать и прямой объект тоже. На наш взгляд, рефлекс падежного **ta* в некоторых АА языках отмечаются в составе предлогов (мунда), а в никобарском языке кар – в виде глагольного суффикса.

В древнекхмерском языке – языке древних кхмерских эпиграфических надписей мы обнаруживаем рефлексы всех трех обозначенных выше этапов развития: здесь еще остаются рудименты синтетических форм ЗП, здесь мы наблюдаем пик развития аналитических форм ЗП, наконец, здесь широко распространены новые, дифференцированные средства связи. При этом все три типа грамматических средств связи не только свободно варьируют, но и могут выступать в комбинации.

Данные древнекхмерского языка позволяют предположить, что некоторые специализированные средства связи, вытеснившие аналитические маркеры *ta*, *ti*, сами восходят к формам зависимой предикации. Например, новый маркер *tel* в ДКМ выступает в одной из функций маркера *ta* – вводит придаточные относительные, он отмечается также как полнозначное слово – ‘оставшийся’, ‘тот же самый’. Вполне вероятно, что слово *tel* является по происхождению формой ЗП с маркером *ta* несохранившегося глагола со значением типа ‘оставаться’¹⁴.

Помимо того, что, как мы видели, аналитический маркер ЗП *ta* может дублировать старые синтетические формы ЗП, он мо-

¹⁴ В ксингул находим *ʔal* – 1) *гл.* оставаться 2) *служ.* показатель длительности (Погибенко, Буй Кхань Тхе, 1990).

жет также дублировать и новые союзные средства связи; в следующем примере он выступает с координативным союзом *nu*:

- (25) *gi noḥ vnoḥ ka vraḥ ta nu poñ*
 COP ID тот группа GEN TTL и Понь
tañ paṃre ta gi pramathagaṇa
 Танг служить LOC LOC праматхагана
 ‘Группа служителей бога и Понь Танг – вот кто будут от-
 правлять службу в корпорации праматхагана’ К38

Приведем пример, в котором «падежное» *ta* дублирует предлог *aṃvi* ‘от’:

- (26) *sre aṃvi ta poñ vinayakīrtti ai*
 поле от ABL Понь Винайякирти LOC
teṃ canloñ
 Тем Чанлонг
 ‘Рисовое поле, полученное от Поня Винайякирти, находится
 в Тем Чанлонг’ К910

1.3. Рефлексы форм зависимой предикации в кхмерском языке

Рефлексы синтетических форм

Данные нашего исследования позволяют сделать предположение, что слова, образованные при помощи инфиксов, столь распространенные в МК языках, восходят к инфинитным формам, употреблявшимся в ЗП, в которых инфиксы **-m-* и **-n-* противопоставлялись как «активный» – «инактивному». В современных МК языках рефлексы инфиксальных форм ЗП выступают как существительные, прилагательные, наречия, глаголы и служебные слова, т. е. суть результат лексикализации и грамматикализации исконных форм ЗП. В современном кхмерском языке обнаруживаются все эти типы рефлексов. В ДКМ инфиксальные формы в основном выступают как имена, наречия или служебные слова, но некоторые из них употреб-

ляются и как формы ЗП, выступающие в основном в определительных придаточных предложениях.

В современном кхмерском языке во многих случаях именно происхождение от форм зависимой предикации объясняет специфический характер полисемии и полифункциональности инфиксальных производных. Рассмотрим пример.

Так, для кхмер. *kəmloŋ* в КРС даются следующие значения: 1) ‘группа людей’, например, *kəmloŋ siə tuəu* ‘те, кто живет под одной крышей’ (‘домочадцы’) (букв. ‘*kəmloŋ* СОР один’), в DC – *nəw knoŋ kəmloŋ siə tuəu kniə* (букв. ‘жить в *kəmloŋ* СОР один вместе’), не удивляет то, что для этой фразы в КЕЕК дается два разных перевода: ‘в один период времени’ и ‘в одной группе’; 2) ‘опека, покровительство’, например: *nəw knoŋ kəmloŋ əwruk mdaay* ‘находиться под опекой родителей’; 3) ‘период’, например: *knoŋ kəmloŋ* ‘за период’; DC также дает значения ‘место’, ‘люди’, ‘группа’, ‘забота’.

В КЕЕК отмечается, что слову *kəmloŋ* в ДКМ соответствует *kamlūn* и *kaṃlvān*, в ДКА находим *kaṃluñ*, *kaṃloñ* ‘в, внутри’, там же Лонг Сеам отмечает форму *kaṃnuñ*, которую мы уже можем поставить в соответствие кхмер. *knoŋ* ‘в’ и предполагать чередование *-ml/-mn-*.

В надписи K205 слово *kamlūn*, похоже, выступает в функции союза причины или условия:

(27) (Четверо высокопоставленных чиновников выделили каждый по куску своей земли другому высокопоставленному лицу с тем, чтобы тот мог подарить эту землю храму; высокопоставленное лицо уведомило короля о том, что доходы этих четырех чиновников сократились, и король распорядился):

<i>mān</i>	<i>vrah</i>	<i>karuṇā</i>	<i>pre</i>	<i>tāk</i>	<i>pāñjīya</i>
PTCL	TTL	король	повелеть	занести	книга записей
<i>pī</i>	<i>las</i>	<i>arddhabhāga</i>	<i>dau</i>	<i>sap</i>	
чтобы	уменьшать	половина	идти; в пользу	все	

mūla neḥ° kaṃluñ maṇ ti ^anak neḥ

TTL этот поскольку DPM DPM люди этот

prārthaṇa pi ou bhūmi poḥ guḥ

желать чтобы давать земля тот только

перевод Ж. Сёдеса: ‘Его Величество распорядился вписать в реестр уменьшение наполовину каждому из этих мул, *исключительно принимая во внимание тот факт*, что эти люди [сами] пожелали отдать эти земли’ (K205)

перевод Лонг Сеама: ‘Тогда король распорядился занести в книгу доходов уменьшение [доходов] вдвое всем своим старшинам, *в случае если* они пожелают отдать эти земли’

перевод Ф. Дженнера: ‘There was [issued] a royal command bidding [him] deduct half for each of these chiefs, *provided only* that it was desired by these individuals to give the land in question’ (DAK, 29)¹⁵

Таким образом, в ДКМ вариативные формы с инфиксами – *ml-/-mn-* отмечаются в памятниках только в предложной и союзной функциях, их рефлексy *kaṃloṃ* и *kaṃlo* в современном кхмерском дистанцировались в результате дифференциации форм и значений, при этом функция предлога закрепилась за *kaṃlo*. Чередование *-mn-/-ml-* на ДКМ уровне, возможно, объясняется стечением нескольких носовых в слове, односложность/двусложность инфикса в таком случае может быть связана с тем же фактором, при этом представляется закономерным, что при расщеплении слова на два служебная функция закрепилась за более простой формой.

Интересно, что ни один из словарей не дает глагола, от которого эти инфиксальные формы образованы. Например, ни

¹⁵ Маркеры ЗП здесь используются как маркеры сдвига ремы; объектный маркер *tí* используется вместо субъектного маркера *ta* для выражения социального дейксиса, в ситуации когда в актуализированное денотативное пространство входит король и его подданные (см. главу 3).

один из этих источников не рассматривает слово *koŋ* как возможную производящую основу. В КРС у данного слова отмечаются значения: 1) ‘дуга, дугообразный предмет’, 2) ‘добывать обманным путем’; из комплекса *koŋ pōət* ‘обходить, делать круг’, где второй компонент имеет значение ‘окружать, обходить вокруг’, видно, что предикат *koŋ* имеет значение ‘окружать, делать круг’; КЕЕК дает еще значение ‘изогнутый’; ЛКМ также дает значения ‘согнутый, изогнутый, выгнутый’, ‘сгибать, поворачивать’. Как можно видеть, все значения кхмер. *kmloŋ* и *knoŋ* легко выводятся, если исходить из того, что они происходят от формы зависимой предикации глагола *koŋ* ‘окружать’.

Формы ЗП могли грамматикализировываться и становиться служебными словами. Так, в сноске к надписи K728 Ж. Сёдес обратил внимание на то, что слово *kaṃvoŋ*, которое там отмечается, соответствует совр. кхмер. *kmpruŋ* – показателю длительности. Однако, как можно заметить, в надписи *kaṃvoŋ* выступает как полнозначное слово в вершине ЗП со значением ‘находиться, пребывать’:

- (28) *ge ta sak gi ge ta caṃlāk*
 ЗРЛ ДРМ грабить здесь ЗРЛ ДРМ делать надписи
lāŋ vraḥ avicīnaraka mahāraurava... gi nā
 препятство- TTL Авичи-ад Махараурава СОР ID там
 вать
ge tel kaṃvoŋ doŋ ge pitāmātā ge
 ЗРЛ ДРМ находиться вместе ЗРЛ предки ЗРЛ
 ‘Те, кто грабит здесь, те, кто делает надписи ... ад Авичи, [ад]
 Махараурава ... вот где¹⁶ они будут находиться с их предками’
 K728

¹⁶ В ДРАК слово *tel* в данном случае рассматривается как наречие со значением ‘постоянно, всегда’ (с. 197–198). Эта трактовка возникает оттого, что маркер ЗП находится не в начале ЗП, а при сказуемом.

Возможно, что форма ЗП *kaṭṭvoī* образована от глагола, рефлексом которого в современном кхмерском является *kəṅ* ‘сидеть, садиться (семья короля и монахи), ‘жить, поселяться (король, монахи)’; ЛКМ дает значения: ‘быть устойчивым, твердым, неуязвимым, выносливым, стойким, стабильным’; для каузативной формы *pkəṅ* ЛКМ дает значения: ‘содержать’, ‘обеспечивать’, ‘сохранять’, ‘заботиться’.

Есть случаи, когда одна и та же форма зависимой предикации дала и лексикализованный, и грамматикализованный рефлекс, например, *svṭṭiəh* от *siəh* ‘заменять’, которая в современном кхмерском употребляется и как существительное ‘замена’, и как предлог ‘вместо’.

В современном кхмерском языке также часто отмечается как рефлекс форм ЗП употребление инфиксальной формы вместо простой в позиции зависимого предиката. Например, у производного от слова *tɕjəp* ‘тяжелый’ – *tumɕjəp* в словарях отмечаются значения ‘тяжесть’ и ‘быть беременной’. Это два разных слова, возникших в результате лексикализации формы ЗП. Однако в кхмерском языке инфиксальная форма отмечается и в значении ‘тяжелый’, хотя только в устойчивых выражениях, т. е. в связанном виде, например:

- (29) *tək* *təəl* *əwruk miə* *daəl* *kəṭṭvuj*
 приезжать навещать дядя который CONT
miəp *siṭṭjəsi* *siə* *tumɕjəp*
 иметь болезнь СОР/ДРМ *m*-тяжелый
 ‘... приехал навещать дядю, который тяжело болен’ (Конг Пончхиен)

В данном примере служебное слово *siə*, которое в совр. кхмерском имеет две функции – предикативной связки и нового маркера ЗП, вводящего качественные определения, только подтверждает наше предположение. Это нередкая для кхмерского языка ситуация, когда новый маркер ЗП дублирует ста-

рую синтетическую форму ЗП. Приведем другой пример, где слово *sah* ‘старый’ выступает в форме с инфиксом – *səmnaḥ*, которая в словарях дается только как имя ‘старость, дряхлость’:

- (30) *pèel nuḥ srap tae miən borɔḥ*
 время тот внезапный DPM ADV иметься мужчина
səmnaḥ mñək baan daə mək cut
m-старый один-CLF PST идти приходить близкий
 ‘Тут вдруг подошел какой-то пожилой мужчина’ (Конг Пончхиен)

В следующем примере инфиксальное производное *səmruəl* употребляется вместо ожидаемого простого слова *sruəl* ‘легкий’, несмотря на то что в словарях *səmruəl* отмечается только как каузативный глагол ‘облегчать, делать более понятным’:

- (31) *chiən cumhiən taam səmruəl*
 шагать шаг следовать *m*-легкий
 ‘легко шагать вперед’ (Ун Сокхиенг)

В следующем примере инфиксальное производное *kəmsey* употребляется вместо ожидаемого *khsey* ‘брать в долг’, как, например, в выражении *praak aoy khsey* ‘заем’ (букв. ‘деньги давать брать.в.долг’):

- (32) *cən nuḥ pɔvɔl praak*
 китайцы FUT предоставлять деньги
kəmsey ɔvɔl kəmɕiə
m-брать в долг DAT Камбоджа
 ‘Китай предоставит Камбодже денежный заем’ (The Cambodia Daily)

Таких случаев немотивированного употребления аффиксальных форм вместо ожидаемых простых много. Грамматики

и словари это явление не отмечают, либо трактуют производные формы как существительные. Мы предлагаем рассматривать эти случаи как рудименты форм зависимой предикации.

Многие формы ЗП в современном кхмерском лексикализовались и как имена, и как наречия, например: *kɔmrɔv* от *krɔv* ‘бедный’, ‘редкий’, ‘достающийся с трудом’, которое отмечается и как существительное – ‘редкое явление’, ‘трудность’, и как наречие – ‘с трудом’, ‘редко’. Как наречие оно выступает в разного рода устойчивых выражениях и нередко сопровождается новыми маркерами специализированной связи, например, словами *daou* и *tae* – служебными словами, вводными обстоятельство образа действия: *kɔmrɔv miən tvəə* ‘редко случаться’ (букв. ‘*m*-редкий иметь(ся) делать’), *miən daou kɔmrɔv* ‘быть большой редкостью’ (букв. ‘иметь ADV *m*-редкий’), *kɔmrɔv tae ceh bontec* ‘знать очень мало и поверхностно’ (букв. ‘*m*-редкий ADV знать немного’). Некоторые формы ЗП лексикализовались только как наречия, например: *khət* ‘стараться’ – *khməət* ‘старательно, усердно’. Многие лексикализовавшиеся формы ЗП в словарях помечаются как глаголы, однако употребляться они могут только не в вершинной позиции, как, например, *sɔtɔv* ‘тишина’, у которого в словаре [ДК 2000] находим еще одно значение – ‘оставаться тихим или спокойным, притаиться’.

Приведем пример формы ЗП, которая в ДКМ оставила лексикализованный рефлекс в виде наречия, а в современном кхмерском – в виде прилагательного: кхмер. *tumɲəp* ‘современный’, ДКМ *daɲnep* ‘недавно, в последнее время’. В ДКМ слово *dep* отмечается и как глагол, и как наречие – ‘происходящий сейчас, новый, недавний’, ‘сразу после, затем’, в современном кхмерском слово *təp* отмечается как наречие – ‘только тогда, затем’. Приведем пример из ДКМ:

- (33) *a^anak* *āśrama* *nai(ɽ)tī* *daṃnep* *jvann*
 люди храм юго-восток недавно дарить
ta *gi* *sruk* *ta* *pvānn* 100-20-2
 DAT этот земля DPM 4 122
 ‘Люди юго-восточного храма, недавно дарованные этим
 четырьмя землям – 122 [человека]’ K56A

В ДКМ форма ЗП *thnvar* ~ *tnor* от глагола *tvar* ~ *tor* ‘менять’ употребляется как имя ‘обмен’ и как наречие ‘в обмен’, например:

- (34) *ti pi* *oy* *thnvar* *ta* *vāp vis*
 чтобы давать n-менять DAT Вап Вис...
 ‘...чтобы отдать в обмен Вап Вис_’ K 257

Однако в современном кхмерском эти лексикализованные формы не сохранились, сохранился только глагол – *dou* ‘менять’.

Приведем еще примеры инфиксальных предикативных форм, которые перешли в класс наречий и/или прилагательных, например: *khniəw* ‘гурьбой, толпой’ от *khieaw* ‘подцеплять, поддевать’, *khməət* ‘старательно’ от *khət* в *khət khvm* ‘прилагать усилия’. При этом многие из таких прилагательных отличаются от исконных, первичных, производных прилагательных, составляющих вместе с глаголами класс предикативов, тем, что они не могут употребляться в функции вершинного сказуемого.

Многие лексикализованные формы ЗП в современном кхмерском употребляются только атрибутивно, как, скажем, *dvtnaal* ‘идентичный, тождественный’ от *daal* ‘распространяться’, например: *aaʉʉ? dvtnaal khieə* ‘быть одного возраста’ (букв. ‘возраст идентичный вместе’), *təw dvtnaal khniə* ‘уйти в одно время’ (букв. ‘уходить идентичный вместе’).

Свидетельства того, что лексикализованные и нелексикализованные формы ЗП могли какое-то время сосуществовать, находим в надписи K54 (629 г.) из Кдей Анг, расположенном в непосредственной близости от Вьядхапуры, древней столицы государства кхмеров Фунань. Как полагает Ж. Сёдес, то, о чем в ней говорится, имеет непосредственное отношение к восстановлению разрушенной захватчиками обители, восходящей к эпохе Фунань. Ж. Сёдес отмечает, что в этой надписи, по сравнению с другими надписями того же периода, в большей мере сохраняются архаичные черты написания, сближающие ее с надписями эпохи Фунань. Он считает, что граверы и писцы из окрестностей древней столицы лучше других сохранили графические традиции предшествующего столетия (IC VII, 158). Следовательно, можно предполагать, что и язык надписи сохраняет некоторые архаичные черты. В тексте этой надписи мы находим разные стадии лексикализации слова *aṅṅou* – инфиксального производного от глагола *ou* ‘давать’. Слово *aṅṅou* – одно из самых частотных, поскольку надписи Камбоджи в основном были посвящены описанию актов дарения храмам земель, рабов, ценных вещей.

Во-первых, здесь слово *aṅṅou* выступает как форма ЗП in situ, т. е. в позиции вершинного сказуемого ЗП:

- (35) *kantaṅ* *mrataṅ* *ṣanaṅcara* *aṅṅou* *ta*
женщина Мратань Шанайшчара *m*-давать DAT
vraṅ *kaṅmrataṅ* *aṅ* *ku* *vṅau*
TTL TTL TTL Ку Вняу
‘Женщина, которую Мратань Шанайшчара отдал [в услужение] богу, – Ку Вняу’ K54

Далее мы находим предложение, где форма ЗП *aṅṅou* уже поднята в начальную позицию ЗП и непосредственно примыкает к вершинному имени:

- (36) *kñiṃ* *aṃṇou* *kurāk* *hvāk* *ta*
 раб *m*-давать Курак Хвак DAT
vraḥ *va* *bhavadās*
 TTL Ва Бхавадас
 ‘Раб, отданный Курак Хваком богу, – Ва Бхавадас’ K54

Отметим, что в надписи K76 находим структуру аналогичную данной, но с маркировкой понижения синтаксического статуса ИГ_{СУБ} при помощи предлога *aṃvi* ‘от’:

- (37) *sre* *aṃṇou* *ta* *vraḥ* *aṃvi* *kañjrap*
 поле отданный DAT TTL от Канджрап
tī *ta* *dau* *saṃ* *travañ* *tāñ kanigārr*
 земля DPM идти до озеро Танг Канигар
 ‘Рисовое поле, подаренное богу от Канджрапа, земля доходит до озера Танг Канигар’ K76

Наконец, мы находим предложение, в котором слово *aṃṇou* выступает в вершине именной группы, т. е. как полностью субстантивировавшаяся форма:

- (38) *aṃṇou* *va* *jleñ* *ta* *vraḥ*
 отданный/дар Ва Джленг DAT TTL
kamratāñ *añ* *va* *et*
 TTL TTL Ва Эт
 ‘Отданный Ва Джленгом богу – Ва Эт’ K54

Мы видим, что в данном тексте эти три структуры используются как варианты в стилистических целях, причем именно в том порядке, в котором они здесь приводятся. Случайно это или нет, но порядок их появления в тексте соответствует этапам развития инфиксальных форм ЗП в диахронии. Дальше в тексте, где перечисляются рабы, подаренные другими дарителями, используются только структуры третьего типа, т. е. с субстантивированной формой *aṃṇou*. Принимая во внимание сказанное Ж. Сёдесом о профессиональных качествах граверов и писцов, составлявших эту надпись, вполне возможно, что это не случайность, а стилистический прием. Поскольку

(40) *daoy saa tae kana? kammv-kvv boh chnaot nuj kana? kammv-kvv ciət prvchaŋ nuj vmpəə puk rəluəy baan pdvə saŋnaa dvv məŋ mat cəmpuəh ruəŋ raaw təəŋ nuh kèe məəl khəəŋ thaa kəmpuŋ tae miən kaa prae pruəl haəy haəy saŋnaa nih kvv kəmpuŋ tae thvəə aoy nəək dael nəw pii kraoy khnvvəy miən kaa khlaac rəlaa*

‘Благодаря тому что высшая избирательная комиссия и государственный комитет по борьбе с коррупцией смогли предоставить *убедительные документы* (букв. ‘документы *dvv* убедительные’) относительно всех этих случаев [коррупции], можно сказать, что уже сейчас есть улучшение и что эти документы уже сейчас заставляют тех, кто за этим стоит, бояться’ (Прыттебат Срав Чриев)

Маркер *ti* оставил рефлекс в словообразовании: он выступает как асемантический компонент при образовании каузальных глаголов от аффективных. Это немногочисленная группа глаголов типа *ciə tii srəvəŋ* ‘любимый’ от *srəvəŋ* ‘любить’, *ciə tii coul cət* ‘любимый’ от *coul cət* ‘любить’, *ciə tii kəorəp* ‘уважаемый’ от *kəorəp* ‘уважать’. В этих комплексах помимо рефлекса ДКМ показателя зависимой предикации *ti* еще отмечается служебное слово *ciə*, которое в современном кхмерском выступает как предикативная связка и как новый показатель зависимой предикации.

Можно также отметить отдельные случаи лексикализации форм зависимой предикации с маркером *ta* как в древнекхмерском, так и в современном кхмерском, например:

совр. кхмер. *dvdael* ‘тот же самый’ – ДКМ *ta tel* ‘тот же самый’;

ДКМ *ta daŋnepra* ‘начиная от’;

ДКМ *ta gi ukk* ‘сверх того, в придачу’

Итак, гипотеза о происхождении инфиксальных производных от форм зависимой предикации позволяет дать простое объяснение той аномалии, когда одни и те же инфиксы обнаруживаются в разных частях речи, в том числе служебных словах. Эта гипотеза позволяет также объяснить случаи немотивированного использования производного слова вместо простого непроизводного, которые так часто отмечаются в кхмерском.

ГЛАВА 2 РЕФЛЕКСЫ СИНТЕТИЧЕСКИХ ФОРМ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ В АВСТРОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКАХ

2.1. Именные аффиксы в кэхо и ма

В этой главе в качестве отправной точки для реконструкции синтетических маркеров зависимой предикации, путей их дальнейшей лексикализации и грамматикализации, а также причин распада системы синтетических форм мы выбираем бахнарический язык кэхо. Во-первых, в кэхо еще сохраняются отдельные переходные случаи, когда лексикализация синтетической формы ЗП окончательно не наступила. Во-вторых, в этом языке аффикс активности **m-/*-m-* еще не перестроился на выражение значения одушевленного агенса и отмечается в отглагольных именах, обозначающих естественные предметы и артефакты, т. е. сохранил исходное значение активности. Кроме того, по языку кэхо есть много материалов: два словаря, собранных в разное время разными исследователями на большой территории расселения носителей языка кэхо, словари содержат большое количество примеров, что дает возможность исследователю самостоятельно анализировать материал и не всегда соглашаться с его трактовкой в источниках. Важно также и то, что мы располагаем своими собственными полевыми материалами по языку ма, который находится с кэхо в очень близком родстве. Эти материалы были собраны во время российско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года.

Для кэхо реконструируется интересная особенность перехода от синтетических форм ЗП к аналитическим формам, ко-

гда аналитическая форма с маркером *gə* какое-то время сохраняла функцию выражения значения инактивности, которое было унаследовано от парадигмы синтетических форм ЗП с инфиксами **m-/-m-* и **n-/-n-*. Еще одним специфическим путем развития здесь было то, что маркер *gə*, происходящий от местоимения 3 лица, полностью вытеснил прото-АА маркер ЗП **ta* из его прототипической функциональной сферы в сферу выражения каузатива, где, в свою очередь, также сложилась не прототипическая для МК языков ситуация, когда дентальный показатель каузатива *ta* практически вытесняет губной показатель каузатива *pa* на периферию системы. Таким образом, для кэхо реконструируется следующая схема развития функциональной сферы маркеров ЗП:

синтетические	<i>*n-/-n, *m-/-m-</i>	маркер ЗПК ⇒ отглагольные имена
⇓		
аналитический	<i>*ta</i>	маркер ЗПК ⇒ каузатив
⇓		
	<i>*gə</i>	⇒ маркер ЗПК ⇒ маркер инактивности ⇒ различные семантические типы производных глаголов

Языки кэхо и ма входят в южную подгруппу бахнарической группы АА семьи языков. Они очень близки, во всяком случае, носители языка ма считают, что они свободно понимают кэхо. В работах часто ставится вопрос о том, какова степень родства кэхо и ма: являются ли они диалектами одного языка или это разные языки.

Источником по языку ма нам послужили материалы российско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 г. (Материалы 1981). Материалы по языку кэхо взяты из трех источников: «Вьетнамско-кэхо словаря» (Т [VK 1983), «Грамматики языка кэхо» (NPTK 1985) и «Срэ (кэхо)-французского слова-

ря» Ж. Дурна (DSKF 1949). Первые две книги были изданы в провинции Ламдонг и подготовлены к изданию Институтом языкознания КОН СРВ при содействии Отдела культуры и пропаганды провинции Ламдонг. Они выполнены на основе диалекта срэ. Работа Ж. Дурна тоже, по-видимому, выполнена на основе диалекта срэ. Ниже примеры из языка ма приводятся в фонологической транскрипции, примеры из языка кэхо приводятся в письменности тех источников, из которых они взяты; там, где это необходимо, дается фонетическая или фонематическая транскрипция. Примеры из словаря Ж. Дурна имеют помету (JD), примеры из вьетнамских источников – помету (VK). Во вьетнамских источниках используется письменность, созданная на основе современного вьетнамского письма quâc ngữ. Ж. Дурн пользуется письменностью, созданной им для языка кэхо на основе латинского алфавита. Как письменность Ж. Дурна, так и письменность вьетнамских источников создавалась прежде всего для практического использования носителями языка кэхо. Принцип простоты здесь доминирует, равно как и принцип минимальных отклонений от соответственно латинского и вьетнамского алфавитов, поэтому однозначный перевод в фонематическую транскрипцию не всегда возможен¹⁷. В результате, в словаре Ж. Дурна наблю-

¹⁷ Так, комиссия по созданию письменности, работавшая в г. Далат в 1949 г., в которую помимо Ж. Дурна входил и такой известный лингвист как Ф. Мартини, предложила руководствоваться следующим принципом: «Система записи должна предназначаться для населения, которое говорит на данном языке или диалекте, для которого осуществляется романизация письма. Следовательно, надо избегать излишней детализации, которая была бы полезна разве что для иностранцев, тем более что речь идет о диалекте, где между разными говорами наблюдаются незначительные фонетические вариации. Фиксирование чрезмерного количества фонетических деталей, хотя и имеет несомненное научное значение, будет неизбежно основыв-

даются некоторые отклонения от последовательно фонематического принципа записи, что хорошо видно при сравнении с записью в Т [VK, это в особенности касается записи гласных. Однако эти отклонения не создают особых сложностей при изучении морфологического состава словоформы¹⁸.

Уточнения требуют термины «кэхо» и «срэ», объем значения которых в использованных источниках не совпадает. В «Грамматике языка кэхо» и «Вьетнамско-кэхо словаре» термин «кэхо» используется в качестве названия языка, включающего несколько диалектов. Это срэ (sre), носители которого живут в уезде Зилинь (Di Linh), а также отчасти – в уезде Баолок (Bào Lạc); ноп (nêp), носители которого живут на юге уезда Зилинь в общинах Шондиен (Sên [iõn) и Зябак (Già Bắc); кээён (kêdàn), носители которого живут на юго-востоке уезда Зилинь и в уезде Баолок; тиль (chil) – живут на севере и северо-востоке от горного массива Ламвиен (Lê-m Viõn), ближе к южной границе провинции Даклак ([Æk Lắc) в уезде Лакзыонг (Lắc Dõêng), а также небольшое количество – в уезде

ваться на произношении одной конкретной группы носителей и будет создавать трудности для других групп» [Dournes 1949: viii-ix].

¹⁸ Некоторые знаки алфавита Ж. Дурна заменены: *dd* на *d*; *bb* на *b*, *õ* на *ə*, *ä* на *o*, *o* на *ɔ*, *ny* на *ɲ*, *ng* на *ŋ*. Письменность вьетнамских источников оставлена без изменений. В этой письменности сохраняются следующие условности, принятые в quấc ngừ: гласные среднего ряда верхнего и среднего подъема записываются, соответственно, как *ô*, *ê*; закрытые гласные – как *ô*, *ä*; *ɲ* – как *nh*, *ŋ* – как *ng*; кроме того, некоторые знаки quấc ngừ в письменности кэхо используются иначе: знаки ´ и ` – для обозначения регистров в некоторых типах слогов, знак акута – также для обозначения краткости в закрытых слогах, сильные звонкие (которые в кэхо реализуются как полувзвонкие) обозначаются как *b*, *ʃ*, их простые звонкие корреляты – как *v*, *d*.

Дыкчонг ([ʊc Tɾāŋg]); лать (lʰɛt), носители которого живут на юге и юго-западе горного массива Ламвиен в уезде Лакзыонг, а также в районах, прилегающих к г. Далат.

В названии словаря, составленного миссионером Ж. Дурном, термины «кэхо» и «срэ» используются как варианты наименования языка кэхо. Поскольку во вьетнамских источниках выделяется диалект срэ языка кэхо, получается, что у Ж. Дурна название языка совпадает с названием одного из его диалектов, что, впрочем, было бы не лишено основания, поскольку срэ является самым представительным диалектом. Однако, по-видимому, причина, по которой Ж. Дурн использует термин «срэ» другая: это самоназвание народности кэхо, образованное от слова *sree* 'рисовое поле'. Носители языка кэхо предпочитают употреблять это самоназвание потому, что слово «кэхо», будучи чамского происхождения, широко используется для обозначения целого ряда горных народностей, населяющих районы, прилегающие к районам расселения чамов. Равным образом, наименование «срэ» используется также носителями других языков по отношению к самим себе: «срэ» называют себя те, кто выращивает рис на заливных полях, на равнинах¹⁹.

Данные словаря Ж. Дурна и данные вьетнамских источников сопоставимы, если принять некоторые оговорки. Словарь Ж. Дурна, по-видимому, тоже в основном сделан на основе диалекта сре, но с включением туда форм, диалектная верификация и идиолектная унификация которых проводилась недостаточно четко, что в особенности сказывается на морфологии;

¹⁹ Этот факт сообщила нам А. Лескинен, которой при полевой работе приходилось слышать утверждения типа: «Раньше я был ма, а теперь я стал сре» Это надо понимать так, что говорящий некогда был переселен из горного района на равнину, в одну из так называемых стратегических деревень.

так что при поиске аффиксальных производных в словаре приходится принимать во внимание то обстоятельство, что в нем могут быть зафиксированы разные диалектные и идиолектные варианты, не говоря уже о фонетических вариантах одного и того же слова. Здесь сказалось естественное желание исследователя, работающего с уникальным материалом, включить максимальное количество зафиксированных им форм. Но для диалекта сре данный подход усугубляется тем обстоятельством, что он долгое время играл особую роль в данном регионе: в провинции Ламдонг им пользовались не только носители других диалектов языка кэхо (тиль, ноп, кэ-зён, лать), но и носители других языков, например ма, роглай и пр. Кроме того, здесь осуществлялись значительные миграции населения в процессе создания так называемых стратегических деревень. Ж. Дурн пишет в предисловии к словарю, что он собирал свой материал в разных деревнях по разным диалектам и говорам в районах расселения кэхо вдоль шоссе, соединяющего г. Далат и г. Хошимин, наибольшая плотность расселения которых приходится на районы вокруг г. Зилинь. Такая методика сбора материала, когда он собирается в разных населенных пунктах от разных информантов, хотя и позволяет собрать максимальное количество форм, – создает определенные сложности при его подаче в словаре, поскольку приходится решать вопрос о вариантах, инвариантах, свободном варьировании, междиолектном и междиалектном варьировании. Адекватное решение таких вопросов требует не в последнюю очередь знания тех морфологических и морфонологических процессов, которые имеют место. Аккуратное решение этих вопросов особенно важно как для языковой ситуации данного типа, так и для МК языков типа кэхо, где идут стремительные процессы моносиллабизации словоформы (так, в языке ма сохранилось значительно меньше производных слов, хотя он находится в близком родстве с кэхо), поскольку оно позволит реконструировать этапы этого процесса в диахронии.

Ж. Дурн отмечает ряд фонетических явлений, связанных с вариативностью, однако, как нам представляется, статус чередований некоторых типов еще нуждается в уточнении. Рассмотрим некоторые из них, а именно те, которые непосредственно связаны с морфонологией.

Чередование $p\sim b$, $t\sim d$: Ж. Дурн включает в словарь либо обе формы, если они находятся в отношении свободного варьирования, либо ту, которая встречается чаще.

Чередование $m\sim n$ в первой позиции инициального стечения согласных сильного слога – *trɒn* (JD), *prɒn* (JD) ‘доска’: Ж. Дурн считает, что *prɒn* искаженное произношение.

Чередование $n\sim\emptyset$ в той же позиции, что и чередование $m\sim n$ – *dɒp* (JD), *ndɒp* (JD) ‘накрывать, покрывать, прятать’: исчезновение n в этой позиции Ж. Дурн также квалифицирует как небрежность в произношении.

Чередования гласных в сильном слоге: Ж. Дурн отмечает, что долгота и краткость не подвергаются варьированию, но качество гласных значительно варьирует: $\varepsilon\sim a$ – *bɛp* (JD), *baɪp* (JD), *vʈp* (VK), *vaɪp* (VK) ‘отец’; $ee\sim ii$ – *he* (JD), *hi* (JD) ‘мы’; $o\sim uu$ ²⁰ – *tor* (JD), *tuur* (JD), *tæɾ* (VK) ‘ухо’.

Чередования гласных в пресиллабе: $\partial\sim i$ – *jətɾei* (JD), *jitrei* (JD) ‘долото’; $\partial\sim a$ [v] – *pəɟgar* (JD), *paɟar* [pɛŋgar] (JD) ‘изгородь’; *hədaɟ* (JD), *hadaɟ* [hɛdaɟ] (JD) ‘сверху’.

Все эти типы чередований имеют различный статус. В пресиллабе различие гласных не является фонологическим. Чередования в сильном слоге, по-видимому, имеют разный статус. Здесь отметим только, что в работе [Ефимов 1990, 35] высказывается мнение, что, например, в словах *bɛp* (JD), *baɪp* (JD) ‘отец’ представлены разные корни. Чередование $m\sim n$ в инициальной позиции сильного слога является комбинатор-

²⁰ Фонема o в словаре Ж. Дурна не имеет противопоставления по долготе.

ным, а $n \sim \emptyset$ манифестирует стадии опрощения инфиксального производного:

$$*prf-n-CVC, C-n-CVC > \begin{cases} n-CVC > CVC \\ m-CVC \text{ (перед губным)} > CVC \end{cases}$$

Перед губной инициальнойю корня в кэхо выступают губные алломорфы инфикса $*-n-$: $-əm-$, $m-$, $-əb-$. Приведем примеры морфонологических вариантов производных, представляющих собой разные стадии такого опрощения: *kəndəh* (JD), *ndəh* (JD) ‘бутылочная тыква, при помощи которой ловят рыбу (черпак)’ от *təh* (JD) ‘раскалывать вдоль’; *kəndul* (JD), *dul* (JD) ‘живот’; *nran* (JD), *tran* (JD), *trɛn* (VK) ‘доска’; *trɛng* (VK), *rang* (JD), ‘клф. для плоских предметов’ (например: *trɛng jêng* (VK), *raj jəŋ* (JD) ‘ступня’, *trɛng t̂* (VK), *raj ti* (JD) ‘ладонь’, *raj chi* (JD) ‘плоская сторона куска дерева’) ²¹.

Итак, словообразовательные ряды можно строить только с учетом возможных фонетических и морфонологических чередований. Структура производного слова в кэхо подверглась значительному опрощению. От богатой морфологической системы, которая существовала в праязыке, здесь остались только фрагменты, между которыми парадигматические связи значительно ослаблены. Здесь помогает сравнение с другими МК языками, знание морфологии этих языков и тех явлений, которые могли иметь место при опрощении пресиллабов в диахронии. Приведем пример.

²¹ Дифференцированное опрощение для имени общего и классификатора связано, по-видимому, со служебной функцией последнего.

В кэхо отмечается ряд производных с пресиллабом *rə*: *rədəh* (JD) в *lu rədəh* ‘гравий’ (*lu* ‘камень’) – *təh* (JD) ‘ударять сверху вниз; высекать огонь’; *rədap* (JD) ‘куча, стопка’ – *dap* (JD) ‘накладывать одно на другое’; *rəbɔŋ* (JD) ‘канал, канава’ – *pəŋ* (JD) ‘углублять’; *rəbut* (JD), *rɛvɔt* (VK) ‘буря, сильный ветер’ – *wət* (JD) ‘быстрый’. В этих рефлексах производных пресиллаб *rə* не является по происхождению префиксом. Это рефлекс инфикса **-n-* с плавным аугментом, возникший в результате опрощения инфиксального производного от основы, содержащей префикс, где опрощению подвергся и префикс, и инфикс, остался только плавный аугмент последнего.

Таким образом, мы видим в кэхо одну из типичных схем развития производного с инфиксом от основы, осложненной префиксом, или двусложной основы с пресиллабом. В качестве префикса могли выступать каузативные префиксы **pa* и **ta* и префикс интенсивного действия **ka*. Приведем схему развития с префиксом **pa*:

**pa-n-CVC* > **p-ərn-CVC* > переразложение на слоги:

**pəɾənCVC* > **ɾənCVC* > *rəCVC*

Слово *tərneh* (JD) ‘огниво’ входит в один словообразовательный ряд со словами *rədəh* (JD) ‘гравий’, *təh* (JD) ‘ударять сверху вниз; высекать огонь’, а слово *pərniŋ* (JD) ‘след зверя в том месте, где он долго топтался или лежал’ входит в один словообразовательный ряд со словами *rəbɔŋ* (JD) ‘канал, канава’, *pəŋ* (JD) ‘углублять’. Слова *tərneh* и *pərniŋ* являются рефлексами производных с тем же инфиксом **-n-* с плавным аугментом, но только от основы нулевой ступени. Здесь инфикс не подвергся опрощению:

**CVC* → **C-n-VC* > *C-ərn-VC*

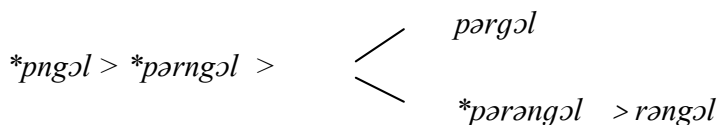
Таким образом, пресиллаб *rə* это рефлекс того же инфикса, что и в словах *tərneh* и *pərnuj*. Таких примеров в кэхо много.

Еще одна проблема, которую приходится решать при работе с источниками, неточность переводов. Существует, на наш взгляд, вполне объективная причина, которая может быть источником неоднозначности переводов. Инфиксальные производные имена в МК языках являются продуктом вторичной номинации – они ведут свое происхождение от зависимых предикативных форм, которые в дальнейшем подверглись субстантивации. Семантическая структура вторичных номинаций имеет свои особенности и свою специфику. Тем не менее, при описании семантики инфиксальных производных имен исследователи обращаются с ними как с первичными номинациями, обозначающими объекты с конкретными субстанциональными или функциональными свойствами, что порождает неточности в переводе. И в словаре Ж. Дурна обнаруживается много окказионализмов – переводов, сделанных исходя из объяснений информанта. Рассмотрим пример. Сравним слова: *rəngəl* ‘дерево (бревно), на которое опирают корзину при кратковременной передышке в пути’; *kərnəl* ‘маленький кусочек циновки, который подкладывают за пояс, чтобы избежать трения корзины’, это слово также входит в лексический комплекс *kərnəl bou* ‘подушка’ (*bou* ‘голова’); *pərgəl* ‘клин, который вбивают, чтобы нарастить конструкцию’ и *kəl* ‘помогать, приходить на помощь’. Все три диссиллаба – *rəngəl*, *kərnəl* и *pərgəl* – являются рефлексами производных, образованных от одного и того же корня *kəl*. Данное утверждение, на первый взгляд, может показаться весьма неубедительным из-за неточных или неполных переводов слов *kəl*, *rəngəl*, *kərnəl* и *pərgəl*.

Если перевод слова *kəl* сделан верно, а он такой же и в Т[VK, то следует учесть, что, вероятно, его первичное значение было такое, как, например, у кхмерского соответствия *kpl*

‘класть, подкладывать для придания устойчивости; вбивать клин’²². В словах *rəngəl*, *kərnəl* и *pərgəl*, которые, как уже было сказано, по происхождению суть вторичные номинации, возникшие в результате субстантивации зависимых предикативных форм, семантика процессуальности преобладает над семантикой субстанциональности. Они, скорее всего, сохранили исходное значение ‘опора, подпорка’, которое, например, есть у двух следующих кхмерских инфиксальных производных от того же корня, одно из которых с простым инфиксом *-n-*: *khnnəl* ‘1) опора, подпорка; 2) подушка под голову или ноги; табуреточка под ноги’ (LKM), а второе – с инфиксом, усиленным носовым аугментом: *kənnnəl* ‘1) опора, подпорка; 2) подношение колдуну или шаману’ (LKM). Лексический комплекс языка кэхо *kərnəl bou* (JD) ‘подушка (*bou* ‘голова’)’ только подтверждает наше предположение.

Судя по форме, слова кэхо *rəngəl* и *pərgəl* являются двумя разными рефлексами одного и того же слова – производного с инфиксом **-n-* с плавным аугментом от каузативной основы, содержащей корень **kəl* ‘класть, подкладывать для придания устойчивости’, и представляют собой результат двух разных вариантов опрощения этого трехморфемного производного, которое произошло после расширения плавным аугментом и последующего переразложения:

²² Семантическое развитие от ‘подпирать’ к ‘помогать’ представляется нормальным, ср. англ. *support*.

Таким образом, в слове *rəngəl* нет рефлекса каузативного префикса, остался только инфикс с плавным аугментом, а в слове *pərgəl* остался рефлекс каузативного префикса и плавный аугмент инфикса.

Вообще в МК языках инфиксальные производные часто становятся объектом ошибочного семантического анализа, если не принимается во внимание их происхождение и семантическая структура тех единиц номинации, в составе которых они выступают. Компоненты номинативных единиц здесь не имеют морфологических показателей тех или иных частей речи, что порождает определенный произвол в интерпретации их семантической структуры. Поясим это на примере из Т[VK]. Вьетнамское слово *ba chll* ‘нежирный (о мясе)’ переводится на кэхо словом *səmpà* (VK), которое извлечено из комплексной номинации *puʒc səmpà* (VK) ‘нежирное мясо’ (*puʒc* ‘мясо’). Неверный структурный и семантический анализ данной номинации привел к ошибочному переводу: на самом деле *səmpà* является инфиксальным производным именем от глагола, который в современном кэхо имеет рефлекс с простой инициалю: *pà* (VK), *pəɔ* (JD) ‘заворачивать, паковать’, поэтому в словаре Ж. Дурна *səmpə* совершенно верно переводится как ‘боковые мышцы’, т. е. ‘то, что оборачивает’ или ‘то, чем оборачивают’ (точнее сказать нельзя, так как инфикс *-m-* здесь может быть рефлексом как агентивного **-m-*, так и неагентивного **-n-*, подвергшегося ассимиляции перед губным). В МК языках есть много примеров, когда исконная инфиксальная форма в составе комплексной номинации сохраняется в своей первоначальной функции – функции зависимого предиката, т. е. не подвергается субстантивации. В таких случаях лексикографы часто выделяют форму из комплекса, приписывая ей значение части речи исходя из того, что комплекс анализируется как имя + модификатор, где в синхронном состоянии языка в позиции модификатора может выступать либо имя,

либо предикатив (глагол или прилагательное). Возможно, что в данном случае в кэхо мы имеем дело с двумя разными рефлексивными инфиксальными производными от одного и того же глагола со значением ‘заворачивать’: *sêmpà* (VK) в комплексной номинации *pu̯ɨc sêmpà* (VK) ‘мясо оборачивающее’, где оно сохранилось как связанная форма ЗП, и *səmpə* (JD) ‘боковые мышцы’, которое является результатом субстантивации исходной формы в составе другой комплексной номинации. Разнофункциональные омонимы, восходящие к одной и той же исконной форме ЗП, – явление широко распространенное в МК языках, например, кхмер. *kumləy* 1) сущ. ‘прокаженный, 2) прил. ‘прокаженный’ от *kləy* ‘проказа’.

Приведем еще один пример ошибочного семантического анализа инфиксального производного слова из кхмерского. В КРС от глагола *twv* ‘быть продолжением; соединять; скреплять’ отмечается инфиксальное производное *dvmtwv*, для которого указываются следующие значения: ‘1) место соединения, узел; 2) преёмник; 3) переходный период’, для этого же слова в LKM даются значения: ‘1) соединение; 2) продолжение, наследование; 3) место соединения’. Здесь вызывает сомнение значение ‘преёмник’, которое указано только в КРС, кроме того, в слове *dvmtwv* представлен неагентивный инфикс *-n-* с назальным аугментом, что в слове со значением ‘преёмник’ маловероятно, в этом случае здесь следовало бы ожидать агентивный инфикс *-m-*. По-видимому, значение ‘преёмник’ возникает в результате неверного семантического анализа словосочетания *ciə dvmtwv* в следующем выражении:

- (1) *saoj riəc* *ciə dvmtwv twv* *p̄i*
 вступить на престол COP DPM продолжать после
 ‘вступить на престол после ...’

При таком анализе слово *ciə* рассматривается как связка, а слово *ɔmɔv* как имя. Однако в кхмерском языке у служебного слова *ciə* есть другая функция – маркера ЗП, например: *ciə craəp* ‘много’, *ciə juik jəj* ‘часто’. В приведенном примере, как нам представляется, *ciə* выступает как маркер ЗП: *ciə tɔv (pi)* ‘продолжая (после)’, ‘в продолжение (после)’, аналогичный пример – *ciə tɔv təw (tiət)* ‘далее’ (букв. ‘DPM продолжать идти еще’). Поэтому в идиоматическом выражении *ciə ɔmɔv tɔv (pi)* слово *ɔmɔv* выступает не как имя, а как связанная форма ЗП, являющаяся рефлексом инфиксальной формы ЗП древнекхмерского языка, которая в силу своей связанности в данном выражении не подверглась, как другие аналогичные формы, дальнейшей субстантивации. Таким образом, данное идиоматическое выражение имеет довольно сложную структуру: здесь выступают две формы ЗП от одного и того же глагола *tɔv*: инфиксальная форма *ɔmɔv* дублируется новой, аналитической формой *ciə tɔv*. Подтверждением сказанному служит то, что в современном языке слово *ɔmɔv* не может выступать в синтаксических позициях, являющихся прототипическими для имен существительных, т. е. не может быть вершиной ИГ, в этих позициях выступают другие слова: *utɔvraathikareu* или *nəək snɔv* ‘преемник’. Кстати сказать, слово *snɔv* также является инфиксальным производным, оно образовано от глагола *snɔv* ‘возвращать, возмещать, восстанавливать’. В современном языке *snɔv* имеет значение ‘средство возмещения’, ‘возмещение’, ‘преемник’ (ЛКМ). Однако при обозначении лица субстантивация не прошла до конца, и при выражении значения ‘преемник’ используется номинация *nəək snɔv*, где ‘слово *snɔv* выступает не в позиции вершины а в позиции модификатора (*nəək* ‘человек’). В древнекхмерском *snāi* выступает в выражениях, где его функция

формы ЗП еще хорошо видна: *ou snāñ niṣkraya* K493 ‘давать в качестве компенсации долга’ (ДКА, 600) (букв. ‘давать *n*-возвращать долг компенсация’), *tmūr tap dneṃ snāñ* K388C ‘десять пар быков, отданных в качестве уплаты долга’ (букв. ‘бык десять пара *n*-возвращать.долг’). В современном кхмерском есть выражение со словом *snvuj*, синонимичное тому, которое представлено в (1), где оно тоже выступает как форма ЗП:

- (2) *laəu* *saoj riəc* *snvuj*
 подниматься вступить на престол *n*-возмещать
 ‘вступить на престол в качестве преемника’ (КЕЕК)

Можно привести еще один случай дублирования старых глагольных форм ЗП новыми формами в современном кхмерском. На этот раз речь пойдет о дублировании старых аналитических показателей новыми. В современном кхмерском есть устойчивые выражения, в которых ДКМ маркер ЗП *ti* дублируется новым маркером ЗП *ciə*, например: *ciə tii srɔlɔŋ* ‘любимый’ (*srɔlɔŋ* ‘любить’), *ciə tii cool cət* ‘любимый’ (*cool cət* ‘любить’), *ciə tii kòorɔp* ‘уважаемый’ (*kòorɔp* ‘уважать’). В таких выражениях выступают только аффективные глаголы.

Ж. Дурн при составлении своего словаря практически не учитывал феномен именной аффиксации. В предисловии к словарю он дает подробное и довольно точное описание глагольных префиксов, но не выделяет номинализирующих инфиксов. В словарных статьях Ж. Дурн во многих случаях дает отсылки к разным глагольным производным, образованным при помощи префиксов, но не делает отсылок к инфиксальным именным производным. Тем не менее, словарь Ж. Дурна – это уникальный источник, поскольку в нем собраны лексемы, обозначающие реалии совершенно особого материального и духовного мира, которые невозможно было бы собрать используя обычные иноязычные словники. Диалектная и идио-

лектная неоднородность словаря, во многих случаях затрудняющая поиск аффиксальных производных, является хорошим источником для внутренней реконструкции, поскольку дает динамику возможных путей развития производных слов как в плане выражения, так и в плане содержания, динамику как наращивания, так и опрощения морфонологического состава слова. Именно материалы такого рода, как данные языка кэхо, в том виде, как они представлены в словаре Ж. Дурна, с его окказиональными переводами, воссоздают живую картину того, как в разных условиях – будь то диалектная изоляция или диалектное смешение и заимствование слов в другие языки – могли возникать характерные не только для кэхо, но и для других МК языков специфические словообразовательные ряды слов, имеющих частичное сходство и в плане выражения, и в плане содержания, которые в синхронии уже не связаны строгими корреляциями.

Язык ма в меньшей степени, нежели язык кэхо, сохранил рефлексy древних инфиксальных производных, поскольку он дальше продвинулся по пути моносиллабизации.

Аффикс, образующий имена от глаголов, в ма представлен следующими алломорфами: *-ərn-*, *-ər-*, *rən-*. Он встречается только в отдельных словах, например: *pərnaj* ‘барабанная палочка’ – *paj* ‘бить в барабан’; *sənəm* ‘лекарство’ – *səm* ‘лечить’; *gənəs* ‘метла’ – ср. *pəs* ‘подметать’; *gənɛɛ* ‘зажигалка’ – ср. *tɛɛ* ‘зажигать’. Слова *gənəs* и *rənɛɛ* являются опрощенными рефлексами исконных инфиксальных производных, что хорошо видно из сравнения с соответствиями из близкородственного языка кэхо: *pərnəs* (JD) ‘метла’ – *pəs* (JD) ‘подметать’ и *tərnɛh* (JD) ‘огниво’ – *tɛh* (JD) ‘ударять сверху вниз; высекать огонь’. Словама *gənəs* и *gənɛɛ* являются результатом ресиллабации и опрощения исходных производных с инфиксом, усиленным плавным аугментом:

**pəs* → **p-n-əs* > **p-ərn-əs* (добавление плавного аугмента и разложение на слоги) > **pərnəs* (переразложение на слоги) > *rənəs*

В кэхо производных слов с этим аффиксом во много раз больше. Здесь отмечаются следующие его алломорфы: *-ən-*, *-ərn-*, *-rən-*, *-əŋ-*, *-ərn-* (только перед губными), *rə-*, *rən-*, *n-*, *m-* (перед губными), *-əb-* (перед губными).

Рассмотрим семантические типы имен языка кэхо, образованных от глаголов при помощи инфиксов **n-/n-* и **m-/m-*.

1) Имена объекта, возникающего в результате действия

Здесь представлены следующие алломорфы инфикса **-n-*: *-ən-*, *-ər-*, *-ərn-*, *-ərn-* (перед губными), *m-* (перед губными), *rən-*, *rə-*. Рассмотрим примеры:

kəmbuh (JD) ‘пудра, пыль, мякина’ – *bɔ* [bɔʔ] (JD), *vβ* [bɔʔ] (VK) ‘толочь’, ср. вьет. *bôl* ‘пыль’, *bàk* [bək] (VK) ‘мука’. Структура слова *kəmbuh* говорит о том, что либо корень, от которого велось образование, имел стечение согласных в инициали, которое затем упростилось, либо образование велось от основы с префиксом, например, с префиксом интенсивности **k-*. О том же свидетельствуют и соответствия из кхмерского языка: *lbok* ‘ступка, пестик; короткая дубинка’ (LKM) и *vmbok* ‘поджаренный и затем обрушенный рис (KPC); клейкий рис, сжатый до созревания, затем дробленный и пожаренный (LKM)’ от *bok* ‘дробить, толочь (рис); утрамбовывать (землю); вбивать (кол, сваю)’. Оба кхмерских производных содержат рефлексы инфикса в виде его аугментов, соответственно, плавного и носового, это говорит о том, что производящая основа либо была основой с префиксом, либо основой со стечением согласных в инициали. В этих случаях в кхмерском языке

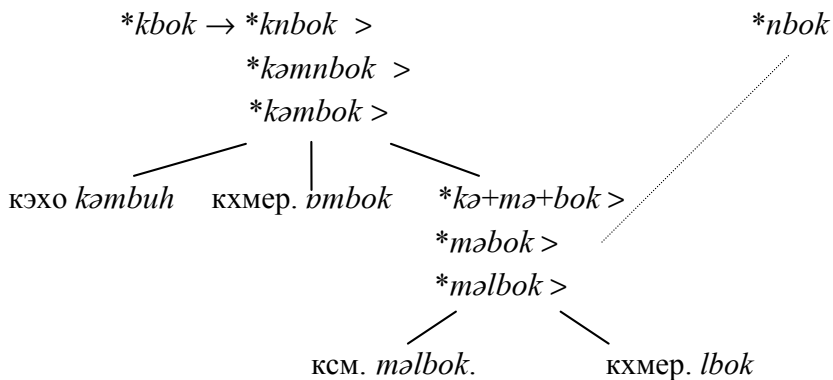
ке инфикс подвергался опрощению после добавления аугмента, а в производных от основы CVC инфикс сохранялся, например: *kɔmɔp* ‘клад’ от *kɔp* ‘закапывать’, *kɔmraal* ‘настил’ от *kraal* ‘настилать’.

Приведем соответствия из языка ксингмул. Они выступают как связанные асемантические морфемы в двух комплексных номинациях: *bii məbok* ‘толочь’ (*bii* ‘делать’, *məbok* ‘асем.’²³) и *bəə ɲoo* ‘толочь’ (*bəə* ‘асем.’, *ɲoo* ‘рис; зерно’). Слово *məbok* в современном ксингмул выступает только как связанная морфема, т. е. в отличие от всех других соответствий данного ряда является рефлексом связанной формы ЗП, не подвергшейся дальнейшей субстантивации (что, впрочем, не исключает того, что свободная субстантивированная форма существовала, но впоследствии исчезла из языка). Пресиллаб слова *məbok* содержит носовой сегмент, являющийся рефлексом исчезнувшего аффикса **n-/-n-* и плавный аугмент более позднего происхождения, который в современном языке выступает не только в пресиллабах производных слов с инфиксом или с префиксом, как то: *pəlnal* ‘крыло’ от *pal* ‘летать’, *pʔum* ~ *pəʔum* ~ *pəlʔum* ‘кормить грудью’ от *ʔum* ‘сосать’, но и в других случаях, в том числе в заимствованных словах, например: вьет. *quən* ‘быть знакомым с’ – ксм. *kəlwiən*, вьет. *thi məc* ‘столяр’ – ксм. *səlmok* (Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990, 16, 23). При этом не исключено также, что слово *məbok* содержит рефлексы двух аугментов разных периодов – носовой и плавный.

На первый взгляд, трудно предположить, что кэхо *kəmbuh* (JD) ‘пудра, пыль, мякина’, кэхо *bək* (VK) ‘мука’, кхмер. *ɔmbok* ‘дробленый и пождаренный рис’, кхмер. *lɔbok* ‘ступка,

²³ По-видимому, – ‘дробленый’.

пестик; короткая дубинка’, ксм. *məlbok*, у которого реконструируется значение ‘дробленый’, являются соответствиями, образованными при помощи одного инфикса от одной и той же глагольной основы. Каким образом на базе одного корня могли возникать подобные словообразовательные ряды, где производные имена довольно далеки как в плане выражения, так и в плане содержания? Это могло происходить в условиях диалектных вариаций и межъязыковых контактов в результате процессов, происходивших на левом стыке корня и инфикса, таких, как наращивание аугментов, ресиллабация, опрощение инфиксов и пресиллабов (о причинах, приводящих к семантической дифференциации, речь будет идти ниже). Приведем две из возможных схем такого развития:

В приведенных соответствиях данного словообразовательного ряда в некоторых языках в рефлексах простого слова наблюдается отпадение конечнослогового *k*, сопровождающееся удлинением предшествующего гласного. Это явление для языка ксингмул описано в работе [Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990, 21]. Там отмечаются чередования типа *nek* ~ *ne?* ~ *nee* ‘маленький’. В наших примерах отпадение конечнослогового *k* сопровождается еще и понижением подъема гласного, сравним примеры:

	Рефлекс простого слова	Рефлекс производного слова
1. кэхо (JD)	<i>bɔ</i> [bɔʔ] ‘толочь’	<i>kəmbuh</i> ‘пудра, пыль, мякина’
2. кэхо (VK)	<i>vβ</i> [bɔʔ] ‘толочь’	<i>bàk</i> [bàk] ‘мука’
3. вьет.		<i>bôi</i> ‘пыль’
4. ксм.	<i>bɔɔ</i> ‘толочь’	<i>məlbok</i> ‘асем.’ (‘дробленый’)
5. кхму	<i>bβk</i> ‘мотыжить’	<i>khbβk</i> ‘мотыга, кирка’
6. кхмер.	<i>bok</i> ‘толочь, дробить, утрамбовывать, вбивать’	<i>lbok</i> ‘ступка, пестик, дубинка’ <i>ɓmbok</i> ‘дробленый рис’

Здесь следует сделать некоторые замечания. Хотя в ряду (2) соответствий из Т[VK как в рефлексе простого, так и в рефлексе производного слова записывается гласный одного подъема, следует принять во внимание то, что в Т[VK, в отличие от словаря Ж. Дурна, в записи отражается просодическое противопоставление в закрытых слогах. В грамматике языка кэхо оно квалифицируется как высокий (´) и низкий (̀) регистры (NPTK 1985, 20–25)²⁴. По-видимому, это пока условное название явления, которое, как можно понять из его описания, связано со структурой слога, характером конечнослоговых, долготой гласного, высотой регистра, контуром движения тона, напряженностью слога. Известно, что регистры в МК языках связаны и со степенью подъема гласного: низкий регистр дает бóльшую закрытость гласного, а высокий – бóльшую открытость, в частности, посредством, соответственно, закрытой и открытой прединтонгизации (Ferland 1992). Отметим, что просодические артикуляционные и фонотакти-

²⁴ Знак акута (´) используется для обозначения смычки: *vβ* [bɔʔ] ‘толочь’.

ческие характеристики данного явления языка кэхо очень похожи на характеристики просодического явления, описанного для языка ксингмул в работе [Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990, 23]. В слове *kəmbuh* гласный высокого подъема вместо ожидаемого среднего объясняется тем, что в системе гласных кэхо Ж. Дурна отсутствует краткий гласный среднего подъема (хотя для всех других гласных противопоставление по долготе имеет фонологическую значимость)²⁵. Относительно конечно-слогового согласного отметим, что это, возможно, запись одной из реализаций конечнослогового *k*. Так, например, в работе [Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990, 21] отмечается, что в языке ксингмул конечнослоговой *k* может реализоваться как увулярный придыхательный аллофон, например: *liək* [liəqχ] ‘бояться’, *luək* [luəqχ] ‘белый’.

Обратим внимание на одно очень важное обстоятельство: в приведенных соответствиях словообразовательных рядов в рефлексах простых слов и рефлексах производных идут разные процессы преобразования фонемного состава словоформы, что в немалой степени способствует процессу распада словообразовательного ряда. В рефлексах простых слов идет упрощение финалей – отпадают конечнослоговые, что влечет за собой изменение предшествующего корневого гласного, в рефлексах производных слов сначала идут процессы опрощения пресиллаба, в то время как конечнослоговые сохраняют стабильность. Таким образом, принцип регулярности фонетических изменений здесь в значительной степени обусловлен морфوناتактическими характеристиками слова. На данном примере можно видеть, какие механизмы приводят к тому, что парадигматические связи между членами одного словообразовательного ряда ослабевают, исконные словообразователь-

²⁵ В предисловии к словарю Ж. Дурн отмечает, что в разных населенных пунктах при произношении одних и тех же слов наблюдается варьирование [o] ~ [ou] ~ [uu] (Dournes: xvi).

ные ряды слов разрушаются и возникают те характерные для МК языков ряды слов, частично связанных в плане выражения и в плане содержания. Такие ряды слов часто создают почву для разного рода домыслов, например, о возможности существования явления фонетического щепления (Горгониев 1966, 61) или возможности существования большого инвентаря аффиксов.

На данном примере также хорошо видна другая особенность инфиксальных производных соответствий в МК языках – разнородность их семантической структуры. В данном примере, как видно из таблицы соответствий, наряду с именами объекта, возникающего в результате действия, представлены и имена, обозначающие инструмент. На наш взгляд, эта особенность объясняется тем, что все эти имена суть разные результаты субстантивации одной и той же исконной формы ЗП в составе разных комплексных номинаций со структурой «имя + глагол», т. е. одного из типов конструкций, где изначально выступали инфиксальные формы ЗП. В позиции вершинного имени таких номинаций могли выступать имена с различными вещественными значениями. Первоначально в этих комплексах только вершинное имя было носителем предметного значения, глагольная форма была носителем процессуального значения, потом в процессе субстантивации оба типа значений объединились в глагольной форме. Комплексные номинации данного структурно-семантического типа распространены и в современных МК языках, только теперь в позиции зависимого предиката в них выступает простая, а не производная форма глагола. Например: ксм. *dziəŋ ʔeep* ‘школа’ (букв. ‘дом учиться’), ксм. *phaan ʔətaa* ‘алтарь предков’ (букв. ‘стол делать.подношение’), ксм. *peh təcih* ‘трость’ (букв. ‘палка опираться’), ксм. *peh khaan* ‘коромысло’ (букв. ‘палка нести (на плече)’), кэхо *gai jra* (VK) ‘трость’ (букв. ‘палка опираться’), кэхо *gai anəŋ* (JD) ‘коромысло’ (букв. ‘палка нести на плече’), кхмер.

salaariən ‘школа’ (букв. ‘дом учиться’), кхмер. *vndooj rae* ‘скважина’ (букв. ‘колодец бурить’). Комплексные номинации данного структурно-семантического типа обозначают реалию, выраженную вершинным именем в ее отношении к некоторому действию. Это отношение может быть разным, но оно детерминировано вершинным именем. В спектр задаваемых отношений входит значение инструмента, объекта воздействия, объекта результата, места действия и некоторые другие типы отношений. В процессе субстантивации формы ЗП в семантическую структуру зависимого предиката включались как субстанциональный компонент предметного значения вершинного имени, так и функциональный компонент предметного значения всего комплекса, т. е. значение инструмента, объекта и другие. Вершинное имя становилось семантически избыточным, и зависимый компонент начинал функционировать в позиции вершинного компонента, т. е. приобретал функциональные свойства имени. Таким образом, инфиксальные формы ЗП могли субстантивироваться в разные семантические типы имен – имена инструмента, объекта и другие, и это определялось семантикой вершинного имени. Интересно, что в комплексных номинациях данного структурно-семантического типа, выступающих в современных МК языках, процесс семантического развития по понятным причинам не может идти в этом направлении, но он часто идет в противоположном направлении: вершинное имя может включать в свою семантическую структуру процессуальное значение зависимого предиката и функциональный компонент предметного значения всего комплекса, например, кхм. *salaariən* может употребляться в том же значении, что и *salaariən* ‘школа’, а кэхо *gai* в том же значении, что и *gaijra* ‘трость’ (букв. ‘палка опираться’).

В кэхо еще можно наблюдать описанный процесс субстантивации исконных предикативных форм с разным предметным значением. Так форма *tərneh* (JD) от *təh* (JD) ‘ударять сверху

вниз' здесь функционирует и как несвязанная субстантивированная форма – *tərneh* (JD) 'огниво', например, *tɛh tərneh* (JD) 'высекать огонь' (букв. 'ударять огниво'), и как связанная несубстантивированная, например, в *lu tərneh* (JD) 'кремень' (*lu* 'камень'), *daa tərneh* (JD) 'сок' (*daa* 'вода'). Поскольку в словаре Ж. Дурна не приводится покомпонентный перевод, остается только предполагать, что форма *tərneh* в приведенных комплексах для носителей языка является асемантической, наподобие формы ксм. *məlbok*, которая приводилась выше. Аналогичным образом и форма *rədəh* (JD) – рефлекс инфиксальной формы ЗП, содержащей тот же корень – в языке кэхо функционирует и как несвязанная субстантивированная, и как связанная несубстантивированная форма. Эта форма является рефлексом инфиксального производного от основы, содержавшей каузативный префикс. В результате опрощения она утратила и префикс, и инфикс, остался только плавный аугмент последнего. В качестве связанной несубстантивированной формы она выступает в комплексной номинации со значением объекта, возникающего в результате действия: *lu rədəh* (JD) 'гравий, дробленый камень' (*lu* 'камень'), как несвязанная субстантивированная форма она выступает со значением инструмента: *rədəh* (JD) 'спусковой крючок арбалета'.

Форма *tərleh* (JD) в словаре Ж. Дурна также зафиксирована и как связанная, и как несвязанная субстантивированная: *sim tərleh*, *tərleh* 'дятел' (*sim* 'птица'). Маловероятно, что эта форма образована от того же корня *tɛh*, что и предыдущие, поскольку ксм. *tleh* 'дырять', *təlleh* 'долото' заставляют предполагать, что корень, от которого велось образование, содержал стечение согласных в инициали.

Форма *səmbah* (JD) 'разветвление' – *paʔ* (JD) 'расколотый надвое, разбитый', *pʰ* (VK) 'ломать', которая является рефлексом инфиксального производного от основы, содержавшей

каузативный префикс, также функционирует и как несвязанная субстантивированная, например, *səmbah chi* (JD) ‘разветвление дерева’ (*chi* ‘дерево’), и как связанная несубстантивированная, например, в комплексной номинации *chi səmbah* (JD) ‘раздвоенное дерево’.

На данном примере можно также видеть, что на той стадии развития языка, когда рефлексy форм ЗП уже не функционируют как словоизменяемые, а выступают как связанные в составе комплексных номинаций, начинается процесс их стремительного исчезновения из языка. С одной стороны, они не могут субстантивироваться в большом количестве разных комплексов, где выступает одна и та же форма ЗП, это привело бы к возникновению большого количества омонимов, таких, как *tərneh* ‘огниво’, **tərneh* ‘кремень’, **tərneh* ‘сок’, **tərneh* ‘ступка’, **tərneh* ‘дробленый камень’, **tərneh* ‘каменоломня’ и так далее, с другой – одни и те же формы не могут выступать как связанные в большом количестве комплексов. Однако возможность субстантивации одной и той же формы в разных комплексах, т. е. субстантивации с разными значениями, все же существовала. Это могло особенно легко происходить в том случае, когда формы изменялись фонетически настолько, что их субстантивация уже не приводила к омонимии. Причины фонетической дифференциации форм могли быть разные, одна из самых простых и очевидных – слоговая структура всего комплекса. Приведем пример из ксингмул: *phaan ʔəmaə* ‘алтарь предков’ (букв. ‘стол делать.подношение’) и *ksiij bii maə* ‘шаман’ (букв. ‘человек делать.подношение’)²⁶. При-

²⁶ В языке ксингмул, как можно судить по другим примерам, в комплексных номинациях со структурой имя + глагол, имеющих значение агенса, компонент *bii* добавляется, если речь идет о постоянной или профессиональной деятельности, т. е. по этой модели образуются имена, могущие в высказывании приобретать и референтный и

мечательно, что, хотя значение компонентов *ʔэтаа* и *таа* достаточно прозрачно, информанты испытывали трудности с их переводом (Язык ксингмул, № 733, 729, 730). Это, в частности, – следствие того, что слово существует в двух фонетических вариантах.

Результатом разного фонетического развития в языке кэхо, по-видимому, являются следующие рефлексы одной и той же исконной формы ЗП: *tərlum* (JD) ‘колодец’ и *trum* (JD), *trəm* (VK) ‘дыра’. Благодаря фонетической дифференцированности, исконная форма субстантивировалась с разными значениями. Кроме того, форма *tərlum* в кэхо может еще выступать и как связанная несубстантивированная, например, в комплексной номинации *daa tərlum* (JD) ‘колодец’ (DSKF, 45) (*daa* ‘вода’), ср. *daa tərlum* (JD) ‘вода из колодца’ (DSKF, 251), где она уже выступает как несвязанная субстантивированная.

Другие примеры имен со значением объекта, возникающего в результате действия:

jənu (JD) ‘рассказ’ – *jau* (JD) ‘рассказывать’;

jirao (JD), *jrañ* (VK) ‘табак’ – *jao* (JD) ‘класть’. Перевод инфиксального производного сомнений не вызывает, поскольку оно выступает в словосочетаниях типа: *dij jirao* (JD) ‘курительная трубка’ (*dij* ‘трубка’), *jirao pout* (JD) ‘сигарета’ (*pout* ‘наматывать, обматывать’), *iu jirao, joup jirao* (JD) ‘курить табак’ (*iu* ‘курить’, *joup* ‘вдыхать, сосать’). Здесь мы имеем дело с результатом развития семантики производного слова, которое первоначально имело значение ‘то, что кладут (в том числе в трубку)’, в результате которого семантика процессуально-

предикатный статус, в то время как аналогичные комплексные номинации, не содержащие компонент *bii*, могут употребляться только референтно. Ср. в русском языке: *всадник* и *наездник*, на что обратила внимание Е. В. Падучева (Падучева 1985).

сти вторичной отглагольной номинации полностью замещается семантикой субстанциональности. Можно привести пример инфиксального производного из кхмерского языка, где имело место аналогичное семантическое развитие: *cɔmrɔvɔk* ‘начинка, набивка’ – *crɔvɔk* ‘набивать, впихивать, всовывать’;

kəndɔh, *ndɔh* (JD) ‘бутылочная тыква, при помощи которой вычерпывают воду (черпак)’ – *tɔh* (JD) ‘рубить, раскалывать в длину’, ср. также *kəndɔh bow* (JD) ‘череп’ (*bow* ‘голова’); форма была образована от основы, содержащей, как можно предполагать, префикс интенсивности **k*-;

panha (JD) выступает только как связанная предикативная форма в составе комплексной номинации *chi panha* ‘стружка’ (*chi* ‘дерево’) – *haa* (JD) ‘раздвигать, раскрывать, раскалываться (о дереве)’, ср. также ксм. *phaaw* ‘строгать’; в кэхо глагол со значением ‘строгать’ заимствован из вьетнамского – *bɔo* (VK); форма *panha* образована от основы, содержащей каузативный префикс, рефлекс самого каузативного глагола в кэхо не сохранился;

pəniɾ (JD) ‘перегородка’ – ср. *pir*, *pipir* (JD) ‘большой в длину и в ширину’ (возможно, ‘удлинять’), путь семантического развития не ясен;

pəniɯ (JD) ‘след зверя в месте, где он долго топтался или лежал’ – *pəŋ* (JD) ‘углублять’;

səniɿ (JD) ‘парцелла, кусок горного рисового поля’ – *sii* ‘колоть на все более мелкие щепки’;

səne (JD) ‘развилка, соединение’ – *crɒ* (VK) ‘рвать, разделять’;

səmbah (JD) ‘разветвление’ – *paʔ* (JD) ‘расколотый надвое, разбитый’, *pʰ* (VK) ‘ломать’; инфиксальная форма образована от основы, содержащей каузативный префикс, она выступает и как несвязанная субстантивированная, например, в

sambah chi (JD) ‘разветвление дерева’ (*chi* ‘дерево’), и как связанная несубстантивированная форма, например, в *chi sambah* (JD) ‘раздвоенное дерево’;

rədəh (JD) выступает в комплексной номинации *lu rədəh* (JD) ‘гравий, дробленый камень’ (*lu* ‘камень’) – *təh* (JD) ‘ударять сверху вниз’; данная форма является рефлексом инфиксальной формы, образованной от основы, содержавшей каузативный префикс, исконная форма подверглась опрощению, в результате которого исчез и префикс, и инфикс, остался только плавный аугмент последнего; в кэхо также выступает несвязанный субстантивированный рефлекс этой же формы: *rədəh* (JD) ‘спусковой крючок арбалета’; в кэхо также отмечается рефлекс другой предикативной формы с тем же корнем, но субстантивировавшейся со значением инструмента – *tərneh* (JD) ‘огниво’; эта форма была образована от основы нулевой ступени и сохранила как рефлекс самого инфикса, так и рефлекс его плавного аугмента;

tərnʒp (VK) ‘коса, вязанка’ – *sʒp* (VK) ‘заворачивать’; форма образована от основы с префиксом, инфикс исчез, остался только плавный аугмент;

sêndʒ (VK) ‘западня’ – *dʒ* (VK) ‘ставить западню’; форма образована от основы первой ступени, инфикс сохранился;

gênap (VK) ‘край, кайма’ – *gap* (VK) ‘окаймлять’;

rêndap (VK) ‘куча’ – *dap* (JD) ‘складывать’; форма образована от основы с каузативным префиксом, который не сохранился, но сохранились инфикс и плавный аугмент;

pêrleh (VK) ‘сущность’ – *pleh* (JD) ‘очищать, освобождать’; сохранился только плавный аугмент инфикса;

pênai (VK) ‘кусочек’ – *pʒ* (VK) ‘делить’;

pêrnât (VK) ‘клубок’ – *pât* (VK) ‘скручивать’;

kên'h [kənhəʔ]²⁷ (VK) ‘плевок, мокрота’ – ср. кхмер. *khaak* ‘плевать, отхаркивать’, *kəmhaak* ‘плевок, мокрота’; в инфиксальном производном кхмерского языка инфикс не сохранился, сохранился только носовой аугмент инфикса, а в инфиксальном производном языка кэхо инфикс сохранился, но нет следов аугмента.

Семантическим подклассом имен со значением объекта, возникающего в результате действия, являются имена со значением меры:

mɔʔt (VK) ‘пригоршня’ – *pʔt* (VK) ‘брат пригоршней’;

rənuj (JD) ‘мера соломы для покрытия крыши’ – *ruj* (JD) ‘падать на землю’.

2) Имена объекта, на который направлено действие

Здесь отмечаются следующие алломорфы *-n-: -ən-, -ərn-/ -rəp-.

səpət (JD) ‘лекарство’ – *sət* (JD) ‘давать лекарство’;

tərneh (JD) ‘огниво’ – *təh* (JD) ‘ударять сверху вниз; высека́ть огонь’; как мы уже отмечали выше, в языке кэхо данная форма выступает и как связанная несубстантивированная, например, в комплексных номинациях: *lu tərneh* (JD) ‘кремень’ (*lu* ‘камень’), *daa tərneh* (JD) ‘сок’ (*daa* ‘вода’);

tərnēs, trēnēs (VK) ‘гвоздь’ – *tēs* (VK) ‘забивать гвоздь’;

tərnuij (JD) ‘носилки’ – *tuij* (JD) ‘нести вдвоем на плечах’;

tərnui (JD) ‘вязанка’ – *tui* (JD) ‘нести на плече’;

sənuh (JD) ‘насос, мех’ – *uh* (JD) ‘дуть в музыкальный инструмент’, *asuh* (VK) ‘накачивать воздух’.

²⁷ В системе записи, принятой в Т [VK, комбинацией графем *nh* записывается фонема /ɲ/, а комбинацией графем *n'h* – сочетание согласных фонем /nh/ на стыке слогов.

3) Имена инструмента

Здесь отмечаются следующие алломорфы: *-n-: -ən-, -ərn-, -ər-, rən-, n-.

těrněp (VK) ‘крышка’ – *děp* (VK) ‘покрывать крышкой’, *ndəp* (JD) ‘покрывать’; слово со значением ‘крышка’ и в словаре Ж. Дурна, и в Т [VK еще представлено производными с губной инициальной корня: *bənp* (JD), *věněp* [bənp] (VK), *věrněp* [bərp] (VK), возможно, что в этих производных выступает другой корень, однако достаточно вероятным представляется и предположение, что они являются рефлексом инфиксального производного от того же корня, но от основы с губным каузативным префиксом, где произошло опрощение дентальной инициальной корня в позиции после дентального инфикса. Возможен еще один вариант анализа: аномалии чередования в инициальной слабого слога (пресиллаба) в инфиксальных производных являются рефлексом развития исконной сильной звонкой инициальной корня, которая при аффиксации оказалась в позиции инициальной слабого слога.

Отметим, что в соответствующей деривационной паре из языка бахнар мы обнаруживаем аномалию в виде «блуждающей» преглоттализации: *dəp* ‘покрывать крышкой’ – *tənp* ‘крышка’. В МК языках отмечаются и другие аномалии в данной морфологической позиции. Так, например, Я. О. Свантесон описал явление «блуждающей» палатальности в языке кхму, которое заключается в том, что при инфиксации палатальная инициальная корня становится дентальной, а дентальный инфикс – палатальным: *crn* > *trn* (Svantesson 1983, 65). Разные варианты изменения сильной звонкой инициальной корня, оказавшейся при инфиксации в слабом слоге, описаны в работе [Banker E. 1964] для языка бахнар. В бахнар сильный звонкий в позиции инициальной сильного слога сохраняется только при редупликации. При инфиксации сильный звонкий либо становится простым звонким, либо глухим с переносом преглотта-

лизации на инфикс («блуждающая» преглоттализация), либо переходит в /ʔ/ (Banker E. 1964, 104). Наконец, возможно еще одно объяснение: в некоторых МК языках отмечается явление уподобления конечнослогового согласного слабого слога конечнослоговому согласному сильного слога, например: кхму *kpnàp*, *krnàp* ‘край’ – *kap* ‘обрамлять’, *rtkaàt* ‘бревно, на которое кладут стебли риса, чтобы они не полегли’ – *kaàt* ‘подкладывать бревно, чтобы стебли риса не полегли’ (Lindell, Swantesson, Damrong Tayanin). Однако это явление отмечается только для финалей слабого слога, поэтому неясно, можно ли чередование инициалей слабого слога в [*tərnáp* – *bərnáp*] объяснить тем, что ослабление исконного сильного звонкого корня, оказавшегося при инфиксации в слабом слоге, дошло до стадии его ассимиляции по месту образования конечнослоговому сильного слога.

gənar (JD) ‘бамбуковая конструкция, при помощи которой скрепляют соломенную хижину’ – *gap* (JD) ‘собирать’;

jiriŋ (JD) ‘воск’ – *jiŋ* (JD) ‘сшивать’;

kənaŋ (JD) ‘гончарная глина’ – *kaŋ* (JD) ‘закупоривать’;

kərnal (JD) ‘засов’ – *kal* (JD) ‘запирать на засов’;

pərnae (JD) ‘лопатка, скребок (для того, чтобы мешать или вынимать рис)’ – *pai* (JD) ‘смешивать продукты и варить долго, помешивая’;

nsæc (VK) ‘шило’ – *sæc* (VK) ‘жалить’, *souc* (JD) ‘колоть’;

pərnəs (JD) ‘метла’ – *bəs* (JD) ‘подметать’;

tərneh (JD) ‘огниво’ – *təh* (JD) ‘ударять сверху вниз’;

sənər (JD) ‘плавник’ – *hər* (JD), *hàr* (VK) ‘течь (о воде)’, по всей вероятности, данное слово имеет и значение ‘плыть (о рыбе)’;

rənət (JD), *rên{ət* (VK) ‘пила’ – *ət* (VK) ‘пилить’, оба слова являются рефлексами производного от основы, содержав-

шей каузативный префикс; обратим внимание на переход /ʔ/ > /d/, зафиксированный в форме из Т [VK, в инициали сильного слога после дентального инфикса, что является прогрессивной ассимиляцией по месту образования;

pərnaŋ (JD) ‘барабанная палочка’ – *paŋ* (JD) ‘резать, рубить’, ср. ма *paŋ* ‘бить в барабан’;

rənai (JD) ‘пест, молот, цеп (для шелушения риса)’ – *kuēi* (VK) ‘шелушить’;

kəni / (VK) ‘колени’ – *ki* / (VK) ‘вставать на колени’;

pənhət (JD), *pənhət* (VK) ‘долото’ – *phaat* (JD), *phət* ‘долбить’ (VK);

kəni (VK) ‘крюк, ключ от двери’ – *ku* (VK) ‘вытаскивать’;

kənar (VK) ‘скребок’ – *kər* (VK) ‘скрести’.

Следующие слова, которые имеют значение инструмента, по всей вероятности, тоже являются рефлексами инфиксальных производных: *vərnə* (VK) ‘ткацкий станок’; *tərnə* (VK), *tərnəm* (VK) ‘черпак’.

Как мы уже отмечали, в языке кэхо есть три рефлекса инфиксальных производных со значением инструмента от глагола *kəl* (JD) ‘помогать, приходить на помощь’, *ki* / (VK) ‘помогать (в работе, деньгами)’, ср. кхмер. *kol* ‘класть, подкладывать для придания устойчивости; вбивать клин’. Это следующие производные:

kərnəl (JD) ‘маленький кусочек циновки, который подкладывают за пояс, чтобы избежать трения корзины’, это слово также входит в комплексную номинацию *kərnəl bou* (JD) ‘подушка’ (*bou* ‘голова’);

pərgəl (JD) ‘клин, который вбивают, чтобы нарастить конструкцию’, это рефлекс производного от основы, содержавшей губной каузативный префикс; сама каузативная форма в языке кэхо не сохранилась, но в кхмерском языке находим рефлексы

этой формы: *prvkvɔl* ‘опирать на, ставить на’ от *kvɔl* ‘класть, подкладывать для придания устойчивости; вбивать клин’, возможно также *prvkvuəl* ‘давать премию, награду’, в котором получило развитие вторичное значение исходного корня, зафиксированное для *kvɔl* в кэхо; напротив, исходное значение корня – ‘подпирать’, сохранившееся в кхмерском *kvɔl*, в кэхо у *kvɔl* не зафиксировано ни у Ж. Дурна, ни в Т [VK, однако семантика всех трех производных от этого корня имен явно мотивирована именно этим значением;

rəngɔl (JD) ‘дерево (бревно), на которое опирают корзину во время кратковременного отдыха’; слова *rəngɔl* и *pərgɔl* являются двумя разными рефлексами одного и того же слова – производного с инфиксом *-n- с плавным аугментом от каузативной основы, содержащей корень *kvɔl*, и представляют собой результат двух разных вариантов опрощения этого трехморфемного производного, которое произошло после расширения плавным аугментом и последующего переразложения, так что в слове *rəngɔl* исчез префикс, остался только инфикс с плавным аугментом, а в слове *pərgɔl* остался префикс и плавный аугмент инфикса.

Все три слова *kərnɔl*, *pərgɔl*, *rəngɔl* имеют значение инструмента. Данное словообразовательное гнездо имеет соответствие в кхмерском: *kvɔl* ‘класть, подкладывать’ – *kvɔnɔl* ‘опора, подпорка; подношение колдуну или шаману’ (с рефлексом алломорфа инфикса с назальным аугментом), *khɔnɔl* ‘опора, подпорка; подушечка под голову или ноги; табуреточка под ноги’ (с рефлексом инфикса без аугмента). Слово *khɔnɔl* также входит в состав комплексных номинаций различных структурных типов: *khɔnɔl pɔaek* ‘подушка’ (*pɔaek* ‘опираться на’), *khɔnɔl khɔnɔl* ‘подушка’ – здесь слово *khɔnɔl*, в свою очередь, является инфиксальным производным от глагола *kaɔl* ‘класть

голову на’, *chàə khnvl* ‘деревянная опора’, *khnl sàəj* ‘подставка под ноги’ (*sàəj* ‘ноги’).

В табл. 2 представлены рассмотренные рефлексы производных от корня *kvl* в кэхо и кхмерском языке. Можно хорошо представить все те процессы исторического развития аффиксальных форм, которые в конечном счете приводят к специфической конфигурации словообразовательных гнезд, столь характерной для МК языков, в которой слова частично различаются как в плане выражения, так и в плане содержания, и, вместе с тем, невозможно выделить морфемы и приписать им конкретное значение. Это, во-первых, расщепление одного исходного производного на два разных слова в результате процессов аугментации, ресиллабации и опрощения. Во-вторых, это возникновение синонимических рядов в результате того, что формообразование шло от разных глагольных основ. В-третьих, это развитие значений слов, уже не связанных исконными парадигматическими связями, но приобретших новые, синтагматические связи в составе комплексных номинаций различных структурных и семантических типов. Не удивительно, что словообразовательные гнезда с подобной конфигурацией исследователи иногда связывают с явлением корнеобразования особого типа – фонетическим щеплением. Здесь только хотелось бы подчеркнуть, что многое из того, что относится на счет фонетических щеплений, на самом деле находит вполне конкретное объяснение в исторической морфологии МК языков.

4) Имена места

Здесь выступают следующие алломорфы инфикса *-n-: *-ən-, -ərn-, rən-, rə-*.

dərnən (JD) ‘жертвенник на кладбище в виде хижины уменьшенного размера, куда складывают дары духам умерших предков’ – *dan* (JD) ‘просить, требовать’;

Таблица 2.

Производные от корня *kvl* в кэхо и кхмерском

		кэхо	кхмерский
1. Непроизводный глагол (основа нулевой ступени)		<i>kɔl</i> (JD) ‘помогать, приходить на помощь’ <i>ki l</i> (VK) ‘помогать (в работе, деньгами)’	<i>kvl</i> ‘класть, подкладывать для придания устойчивости; вбивать клин’
2. Инфиксальное производное от основы нулевой ступени	без аугмента		<i>khɳvɔl</i> ‘опора, подпорка; подушка под голову или под ноги; табуреточка под ноги’ <i>khɳvɔl pʔaek</i> ‘подушка’ (<i>pʔaek</i> ‘опираться на’) <i>khnaəu khɳvɔl</i> ‘подушка’ (<i>khnaəu</i> ‘подушка’)
	с аугментом	<i>kərnɔl</i> (JD) ‘маленький кусочек циновки, который подкладывают за пояс, чтобы избежать трения корзины’ <i>kərnɔl bou</i> (JD) ‘подушка’ (<i>bou</i> ‘голова’)	<i>kəmnɔl</i> ‘опора, подпорка; подношение колдуну или шаману’

3. Производный глагол с префиксом (основа первой ступени)	губной	без аугмента		
		с аугментом		<i>prvkol</i> ‘опирать на, ставить одно на другое’
	дентальный	без аугмента		<i>tkol</i> ‘быть неподвижным’ ДКМ ‘быть поднятым на возвышение (опору?)’
		с аугментом		<i>dvmkol</i> ‘устанавливать на высокое место, возвышать’
4. Инфиксальное производное от основы первой ступени	губной	без аугмента		
		с аугментом	<i>pərgol</i> (JD) ‘клин, который вбивают, чтобы нарастить конструкцию’ <i>rəngol</i> (JD) ‘дерево, на которое опирают корзину’	

kərnac (JD) ‘маленькая корзина для переноса урожая, собранного на горном поле’ – *kac* (JD) ‘жать рис на горном поле’;

rənəs (JD) ‘сторожевая вышка на поле, шалаш, укрытие на поле, приподнятое над землей (предназначенное также, по-видимому, и для собранного урожая)’ – *rəs*, *rəs* (JD) ‘убирать рис на горном поле (вымолачивая зерна в корзину)’;

pənhər (JD) ‘сушилка для риса, установленная над очагом’ – *hiər* (JD) ‘сухой, высушенный (о мясе)’, *hiêr* (VK) ‘сушить’; инфиксальное производное образовано от основы первой ступени, содержащей каузативный префикс;

pənur (JD) ‘полка для хранения котелков’ – *pər* (JD) ‘раскладывать для сушки над огнем’;

tərnəh (JD) ‘маленький мешочек из тростника, куда складывают еду’, *rəndə* (JD) (возможно это произносится как [rəndəʔ]) ‘мешочек из тростника, куда складывают еду (больше, чем *tərnəh*)’, оба образованы от глагола *təh* (JD) ‘класть вареный рис впрок в маленький мешочек’; *tərnəh* и *rəndə* являются рефлексам инфиксальных производных от разных основ: *tərnəh* образовано от основы нулевой ступени, а *rəndə* – от основы с префиксом, в этом слове, как и во многих других аналогичных случаях производных от основы с префиксом, префикс подвергся опрощению, остался только плавный аугмент. Как представляется, то различие в значении, которое Ж. Дурн отмечает для *tərnəh* и *rəndə*, объясняется именно тем, что во втором случае образование велось от каузативной формы;

rəsən (VK) ‘гнездо’ – ср. *êp* (VK) ‘класть, укладывать’.

5) Имена неодушевленного агенса и носителя признака

В данной группе имен отмечаются следующие алломорфы инфикса *-n-: -əp-, -əpn-, -əp-, əm- (перед губным).

gənu (JD) ‘куча (дров)’ – *gru* ‘многочисленный’;

gəneɯ (JD) ‘клык’ – *geɯ* (JD) ‘растущий не в том направлении (о роге, бивнях)’;

bərlah (JD) ‘зерна трав, сорняков, попадающихся в неочищенном рисе’ – ср. кхмер. *plah* ‘менять, изменять’;

kənas (JD) ‘молния’ – ср. *kas* (JD) ‘открывать глаза новорожденному’;

kənuɯ (JD) ‘сердцевина дерева’, возможно также *kənuɯ* (JD) ‘внутренность яйца’ – *kuəɯ* (JD), для которого Ж. Дурн дает значение ‘глава’, что, по-видимому, является результатом неверного структурно-семантического анализа комплексной номинации *cau kuəɯ* (JD) ‘глава’ (*cau* ‘человек’); более вероятно, что слово *kuəɯ* здесь выступает как зависимый предикат со значением ‘главный’ – ср. комплексную номинацию с аналогичной структурой и сходной семантикой: *cau tì m* (VK) ‘начальник’, где *tì m* (VK) ‘главный’, *təm ~ tɔm* (JD) ‘главный, основной’; насколько можно судить по примерам, слово *kənuɯ* также выступает и как связанная несубстантивированная форма, например, в комплексной номинации *jərcɯ kənuɯ* (JD) ‘внутренний столб, на котором держится крыша’ (*jərcɯ* ‘столб, колонна’); слова *kənuɯ* ‘сердцевина дерева’ и, возможно, *kənuɯ* ‘внутренность яйца’ восходят к одной и той же инфиксальной форме от глагола *kuəɯ* ‘главный’; от того же корня образовано слово *kəmbɔɯ* (JD) ‘большой клюв тукана; рог носорога’, однако оно восходит к производному с инфиксом *-m- и будет рассмотрено ниже в группе 7;

pənoa (JD), *pənuɯ* (VK) ‘подмышка’ – *pɔɔ* (JD), *pə* (VK) ‘обертывать, заворачивать, упаковывать’, ‘сверток’; от этого же корня образовано *səmpɔɔ* (JD) ‘мышцы на боках и под боками’; первое производное образовано от основы нулевой сту-

пени, второе – от основы с префиксом, второе производное может содержать рефлекс как дентального инфикса *-n-, так и губного инфикса *-m-, в первом случае инфикс ассимилировался согласному корня; интересно, что в кхмерском языке слово ‘подмышка’ также является инфиксальным производным от глагола: *kliək* ‘подмышка’ – *kiək* ‘схватить, зажав под рукой, прижав к боку’; обращает на себя внимание то обстоятельство, что в кэхо от корня *pəɔ* нет производного со значением ‘пакет, сверток’, наличие которого свойственно для корней с такой семантикой в МК языках (как, например, в случае *pət* (VK) ‘сворачивать’ – *pêrnət* (VK) ‘рулон’); в кэхо слово со значением ‘пакет, сверток’ омонимично глаголу. Причина, как мы уже говорили выше, в том, что в МК языках инфиксальные глагольные формы подвергались субстантивации, как правило, только в одной комплексной номинации, реже – в двух, в последнем случае фактор фонетической дифференцированности форм, возникшей по той или иной причине, становился почти непременным условием для того, чтобы рефлекс одной и той же исконной инфиксальной формы могли субстантивироваться в разных комплексных номинациях с разными значениями;

tərne (JD) ‘сорт дикорастущего салата’ – *tee* (JD) ‘открывать, раздвигать’;

kənuh (JD) ‘клубень’ – *kuh* (JD) ‘быть голым’;

kənaɯ (JD) ‘гончарная глина’ – *kaɯ* (JD) ‘закупоривать’; ср. аналогичное семантическое соотношение в следующем ряду;

kênŋt (VK) в *u kênŋt* (VK) ‘глинозем’ (*u* ‘земля’) – *kŋt* (VK) ‘связывать, соединять’, где *kênŋt* еще выступает как связанная несубстантивированная инфиксальная форма;

curup (JD) ‘пинцет’ – *cup* (JD) ‘соединяться, быть вместе’;

Приведем также пример слова, которое по форме представляет собой инфиксальное производное от глагола, не со-

хранившегося в кэхо, но которое, возможно, не является полностью субстантивированной инфиксальной формой, а употребляется только в синтаксических позициях зависимого предиката:

cərɛh (JD) ‘люющийся обильно’, *croh* (VK) ‘река, ручей’, как видим, источники дают разный перевод, перевод инфиксального производного, который дает Ж. Дурн, представляется более точным: слово *cərɛh* является скорее предикатом, а не именем, поскольку и примеры в словаре Ж. Дурна, и примеры в Т[VK не исключают его трактовки как связанной предикативной формы. Например: *daa cərɛh* (JD) ‘источник’ (*daa* ‘вода’), где *cərɛh* вполне может быть зависимым предикатом; ср. также синонимичную комплексную номинацию *daa cat* (JD) ‘источник’ (*cat* ‘выходить’), которая делает такой анализ еще более правдоподобным; ср. также *ε gə cərɛh* (JD) ‘понос’ (букв. ‘испражнения *gə cərɛh*’). О причинах, по которым синтагмы подобного рода в Т[VK и DSKF часто получают неверную трактовку как именные или глагольные группы, мы будем говорить ниже, пока только отметим, что данная номинация представляет собой неполное предложение – включенную часть S₂V сложного предложения со структурой S₁S₂V. Это означает, что слово *cərɛh* выступает как вершинный предикат зависимой предикативной конструкции – сентенциального сказуемого – при нем выступает глагольный показатель инактивного агенса *gə*, употребление инфиксальной формы *cərɛh* объясняется тем, что это позиция зависимого предиката. Приведем еще один пример: *d̪ gēhàr nsuɰc ve croh* (VK) ‘вода льет ручьем’ (букв. ‘вода *gē*-течь вытекать как *croh*’); в данном случае также нельзя с уверенностью утверждать, что *croh* – имя, такие позиции не являются диагностическими, когда речь идет о рефлексах инфиксальных форм, поскольку исконно это были позиции, прототипические для употребления форм ЗП.

Мы видим это в следующем примере, где ДКМ инфиксальная форма *tnor* от *tor* ‘менять’ выступает как форма ЗП:

- (3) *sre* *ta* *tel* *ou* *tnor* *sre*
 поле ДРМ ДРМ давать *n*-менять поле
roñ *viʒn(u)*
 Понь Вишну
 ‘Рисовое поле, которое было отдано в обмен на рисовое поле Поня Вишну’ К76

Хотя в современном кхмерском форма *thnoo* выступает уже как полностью субстантивированная со значением ‘вещь, которую меняют’, ‘цена обмена’, в ДКМ она, как мы видим, употребляется еще как форма ЗП. В современном кхмерском переход формы *thnoo* в класс имен манифестируется тем, что в прототипических для имен позициях вершинного имени актантных ИГ, она не имеет никаких маркеров, а в непрототипических, например, сирконстантных – маркируется показателем *ciə*, например, *ciə thnoo* ‘в обмен на’, где слово *thnoo*, являющееся по происхождению инфиксальной формой ЗП, выступает теперь с новым маркером зависимой предикации. Таковы пути развития форм ЗП в диахронии.

Таким образом, не исключено, что слово *cəɾəh* (JD), *croh* (VK) в кхэо выступает и как связанная форма ЗП, и как полностью субстантивированная форма, однако для того чтобы сделать окончательный вывод, недостаточно примеров²⁸.

²⁸ Помимо того что слово *croh* в приведенном примере из языка кхэо не может быть квалифицировано однозначно как имя, и слово *ve* (VK), *be* (JD), которое в DSKF и в Т [VK квалифицируется как сравнительный союз, возможно, на самом деле, является предикативом. В кхмерском языке ему соответствует *beh* ‘to press; be close to’ (LKM, 177), ‘почти’ (KPC) – предикатив, который отмечается в разного рода фразеологических сочетаниях, например: *rəək sii beh bəj* ‘едва сводить концы с концами’ (букв. ‘искать есть близкий терять’).

б) Имена одушевленного агенса, пациенса, группы лиц

В словах данной группы выступают следующие алломорфы инфикса *-n-: -ən-, -əɽn-/əɽn-, -ər-, -əɽn-, -əɽn- (перед губным), m- (перед губным), n-. К этой группе относятся имена лиц, часто имеющие ярко выраженное пейоративное значение:

bəɽnʉl ~ *bəɽɽnʉl* (JD), *vənhʉl* [bəɽnʉl] (VK) ‘пьяный человек’ – ср. реконструированный для прото-катуического **bool* ‘быть пьяным’ (Diffloth 1982), кхмер. *pul* ‘1) быть отравленным, пьяным, больным; 2) быть ядовитым, зараженным’; в кхмерском и ксингмул отмечаются также рефлексы производных с рефлексом префикса интенсивности **k-*: кхмер. *krɔpʉl* ‘1) быть отравляющим, отвратительным; 2) быть отравленным’, ксм. *kəmbʉol* ~ *kəlʉol* ‘быть пьяным, отравленным, ядовитым’, последнее является опрошенным рефлексом производного от того же корня с префиксом и нефонологическим силлабизирующим аугментом (носовым или плавным) (Погибенко, Буй Кхань Тхе 1990); появление нерегулярного алломорфа инфикса в слове *bəɽnʉl* ~ *bəɽɽnʉl* (JD), зафиксированного и у Ж. Дурна, и в Т[VK, по-видимому, связано с тем, что в инициали корня выступает сильный звонкий, как мы уже отмечали выше, в этих случаях при инфиксации отмечаются аномалии разного рода (явления «блуждающей» палатализации и «блуждающей» преглоттализации, о которых говорилось выше);

jaɽək (JD) ‘человек, предающийся излишествам: обжора, пьяница, курильщик’ – *sək* (JD) ‘очень, в высшей степени’ (по-видимому, имеется в виду предикативное значение);

bəɽnəh (JD) ‘шаман’ – *bəh* (JD) ‘приносить жертву’;

səmbur (JD) ‘сомнамбула’ – *bur* ‘загораживать, закупоривать’, ср. например, *bur truʉ* (JD) ‘пасмурно, темно’ (*truʉ* ‘небо’), откуда понятно значение производного *səmbur* – ‘затуманенный, погруженный во мрак’; ср. также *mbur* (JD) ‘тень,

мрак, темнота’; это, по всей вероятности, рефлекс того же инфиксального производного, где префикс подвергся опрощению.

В данной группе производных также выделяются слова с собирательным значением, обозначающие группы лиц:

gênuar (VK) ‘правительство’ – *gar* (VK) ‘защищать’;

ntum (JD) ‘группа мужчин, работающих совместно’, *pəɾjum* (JD) ‘собрание’ – *dəm* (JD) ‘быть в согласии’, *təm* (VK) ‘собираться вместе’, как и в других аналогичных случаях производных, в которых алломорф инфикса представлен префиксом, мы можем предполагать, что инфиксальное производное *ntum* образовано от основы, содержащей каузативный префикс, который впоследствии подвергся опрощению после аугментации и ресиллабации, слово *pəɾjum* (JD) ‘собрание’ подтверждает это предположение, оно восходит к той же инфиксальной форме от каузативной основы, в которой после аугментации опрощению подвергся инфикс, а префикс и аугмент инфикса сохранились.

В данной группе имен выступает имя одушевленного неличного агенса:

kanar (JD) ‘вид термита’ – *kar* (JD) ‘кусать’; (возможно, слово *kanar* имеет собирательное значение).

Для сравнения отметим, что, например, слово *səmac* ~ *sərmac* (JD), *səmɯc* (VK) ‘комар’ от *souc* (JD) ‘колоть’, *săc* (VK) ‘жалить’ в данную группу производных не входит, оно представляет собой рефлекс производного с инфиксом активного агенса *-*m*- и будет рассмотрено в следующей группе.

7) Имена с рефлексом инфикса *-*m*-

В кэхо выделяются несколько производных с губными морфемами *-əmb-*, *-əmp-*, *-əm-*, *-ərm-*. По семантике эти имена можно было бы квалифицировать как имена инструмента,

места, агенса и пациенса, т. е. не выделять их в отдельную группу, однако комбинаторика инфиксальных морфов, выделяемых в этих словах, отличается от комбинаторики губных алломорфов инфикса *-n-: в то время как последние выступают в позиции перед губными инициалами корня (например, -*ət*- в *k-ət-buh* (JD) ‘пудра, пыль’, или *m*- в *m-pʰt* (VK) ‘пригоршня’), алломорфы, представленные в словах данной группы, выступают в позиции перед гласным корня. Рассмотрим примеры:

səmpəl (JD) ‘факел’ – *səl* (VK) ‘освещать’;

səmprouc (JD) ‘ жало’ – *sæc* (VK) ‘жалить’, *souc* (JD) ‘колоть’, ср. также *səmʰc* (VK), *səmac* ~ *sərmac* (JD) ‘комар’; напомним, что от этого же корня есть производное с алломорфом инфикса -n-: *nsæc* (VK) ‘шило’;

kəmbəŋ (JD) ‘большой клюв тукана, рог носорога’ – *kuəŋ* (JD) ‘главный’, напомним, что выше мы рассматривали производные от этого же корня с инфиксом -n-: *kəniŋ* (JD) ‘сердцевина дерева’ и *kəniŋ* (JD) ‘внутренность яйца’;

səmbir (JD) ‘ресницы’ – ср. кату *sir* ‘закрывать глаза’;

rəmpi (JD) ‘полочки для мисок’ (‘сушилка’?) – *rii* (JD) ‘сухой’;

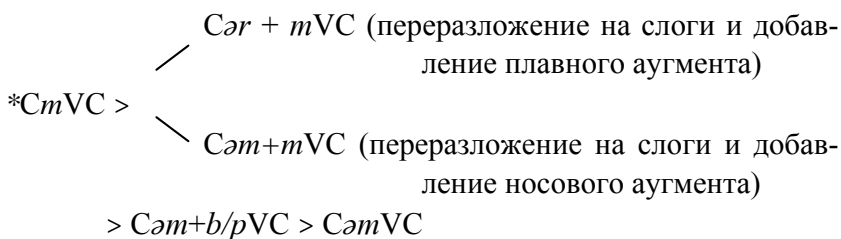
səmprium (JD) ‘ножны, футляр’ – *sruum* (JD) ‘нанизывать, надевать (кольцо), вкладывать (нож в ножны)’;

ср. также *mbər* (JD) в *daa mbər* ‘водопад’ (*daa* ‘вода’) – *hər* (VK) ‘течь (о воде)’; от данного корня в кэхо есть также производное с инфиксом -n-: *sənr* (JD) ‘плавник’.

Как представляется, морфы, выделяющиеся в производных данной группы слов, являются рефлексом не инфикса *-n-, а инфикса *-m-, который существовал в прото-АА и, предположительно, противопоставлялся инфиксу *-n- как активный и неактивному. В реконструкции прото-монского Ж. Диф-

лот также реконструирует от корня **suuc* ‘жалить’ инфиксальное производное **smɛc* ‘муравей’, в котором, как он полагает, выступает губной инфикс *-*m*- (Diffloth 1984, 73). В ксингмул и кхмерском также обнаруживаются рефлексы данной формы с инфиксом *-*m*-, но только с плавными аугментами: ксм. *səlmooc*, кхмер. *srvtaoc* ‘муравей’. Таким образом, кэхо *səmprouc* (JD) ‘жало’ и протомонское **smɛc* ‘муравей’ восходят к одной и той же глагольной форме и являются результатами ее субстантивации в разных комплексных номинациях. Неясно, восходят ли формы кэхо *səmʰc* (VK), *səmac* ~ *sərmac* (JD) ‘комар’ к той же инфиксальной глагольной форме, во всяком случае в плане семантики это вполне возможно.

Разные рефлексы инфикса *-*m*-, представленные в производных словах данной группы, а именно: -*amb*-, -*əmp*-, -*ətm*-, -*ərtm*-, могли возникнуть в результате следующего фонетического развития:

Переход *m* > *b*, *p*, по-видимому, связан с фонотактическими особенностями сильного слога.

То, что первоначально производное с инфиксом *-*m*- или *-*n*- могло обозначать как одушевленную сущность, так и неодушевленную, подтверждается примерами типа кхмер. *trɛnɪuc* ‘жало, колючка’, ‘жалящее насекомое’ (LKM) – *tuc* ‘жалить’, так что в кэхо производное с инфиксом *-*m*- от глагола со значением ‘жалить’ могло иметь оба значения – ‘жало’

и ‘комар’, но впоследствии эти значения могли закрепиться дифференцированно за разными фонетическими вариантами исходной формы. Предположение что формы *səmprouc* (JD) ‘жало’ и *səm³ɯc* (VK), *səmac* ~ *sərmac* (JD) ‘комар’ восходят к одной и той же форме глагола с активным инфиксом **-m-*, подтверждается тем, что в языке кэхо есть еще рефлекс производного от того же корня с инактивным инфиксом **-n-* со значением инструмента: *nsæc* (VK) ‘шило’. Таким образом, возможно, что в кэхо мы обнаруживаем рефлексы трех производных от одного и того же глагольного корня со значением ‘жалить’ с инфиксами **-m-* и **-n-*, при этом производные с инфиксом **-m-* имеют значение активного актанта, как одушевленного неличного (‘комар’), так и неодушевленного (‘жало’), а производное с инфиксом **-n-* имеет значение инактивного актанта – инструмента (‘шило’).

Свидетельства того, что в прото-АА при помощи губного инфикса могли образовываться отглагольные имена активных существей как лиц, так и предметов, находим в никобарских языках. С другой стороны, в никобарских языках есть много примеров, когда, наоборот, денальный инфикс использовался для образования имен лиц. Как можно предполагать, это было связано с выражением пейоративного значения. Например: *kar tu-ulāi-yö* ‘вор’, *u-n-lāi-ngö* ‘вор’ от *ulāi-yö*, *ulāi-ngö* ‘воровать’. В никобарских языках также нередки случаи, когда от одного и того же глагола образуются производные с обоими инфиксами, например: *sumrik* ‘человек, затаивший злобу’, *sunrikkö* ‘злоба’ от *surikho* ‘ненавидеть’; *tameuk* ‘тот, кто видит’, *maneuk* ‘вещь, которую видят’ от *meuk* ‘видеть’.

Итак, имена последних двух групп в языке кэхо являются рефлексами производных с двумя разными инфиксами – **-n-* и **-m-*, которые противопоставлялись как инактивный активному. Интересно, что в кэхо среди имен с рефлексами инфикса **-m-* не находим собственно имен со значением личного агенса, которое было бы естественно ожидать, например, в кхмер-

ском и в древнекхмерском сохранилось много таких имен. Много таких имен и в никобарских языках. В кэхо противопоставление прото-АА инфиксов *-m- и *-n- обнаруживает себя косвенным образом: здесь сохранились рефлексy с периферии грамматического поля «активность – инактивность», в то время как в центре поля данное противопоставление было утрачено. Сравним два состояния: прото-АА и современный кэхо:

прото-АА:

	ЦЕНТР поля «активность– инактивность»	ПЕРИФЕРИЯ поля «активность– инактивность»
*-m-	агентивные имена (люди)	активные неагентивные имена (вещи, животные)
*-n-	неагентивные имена (вещи)	инактивные агентивные имена (люди, животные)

кэхо:

	ЦЕНТР поля «активность– инактивность»	ПЕРИФЕРИЯ поля «активность– инактив- ность»
*-m-		имена вещей и животных
*-n-	имена вещей	имена людей с пейоратив- ным значением, имена жи- вотных

Слова типа *bənuł* (JD) ‘пьяный человек’ с рефлексом инфикса инактивности *-n- и *sətprouc* (JD) ‘жалo’ или *səmbir* (JD) ‘ресницы’ с рефлексами инфикса активности *-m- свидетельствуют о том, что противопоставление этих инфиксов было связано не с выражением противопоставления «одушевленность–неодушевленность», а с выражением противо-

поставления «активность–инактивность». В прото-АА употребление инфикса инактивного актанта *-n- в именах людей могло быть связано с выражением пейоративности, и, наоборот, употребление инфикса активного актанта *-m- в именах естественных объектов, артефактов, животных могло быть связано с выражением гонорифичности, с персонификацией, с квалификацией этих существей как активных, занимающих важное место в хозяйственной и духовной жизни говорящих, наконец, данное грамматическое средство могло использоваться для образования номинаций-эвфемизмов, что отражено, например, в кхмер. *khmaoc* ‘покойник’ от *khouc* ‘быть испорченным; умереть’. В данной связи интересно отметить, что кэхо *bərnəh* (JD) ‘шаман’ от *bəh* (JD) ‘приносить жертву’ содержит рефлекс инфикса *-n-, а не инфикса *-m-, как можно было бы ожидать в свете сказанного, исходя из наших представлений о том, какое место номинант данного рода должен был бы занимать в социальной иерархии говорящих. Для сравнения отметим, что в нанкаури слово «шаман» образуется при помощи алломорфа инфикса *-m-: *menluana* ‘шаман’ от *enluana* ‘изгонять духов’.

В качестве похожей аномалии можно указать на один факт из современных языков данного ареала, который часто озадачивает исследователей. В некоторых языках для буддийских монахов используется классификатор тот же, что и для вещей. Представляется, что это соответствует такой картине мира, в которой номинанты – служители культа не принадлежат миру говорящего и, стало быть, не могут быть включенными в социальную иерархию мира говорящего. В соответствии с этой же стратегией номинации, например, в русском языке не используется местоимение «вы» при обращении к богу²⁹. Интересно, что в кхмерском языке в системе классификаторов можно усмотреть после-

²⁹ Ср., однако, прямо противоположное объяснение, которое дает этому явлению Ю. Д. Апресян в работе [Апресян 1995].

довательное наложение одной на другую двух разных стратегий номинации, соответствующих двум разным картинам мира говорящего. С одной стороны, здесь также один и тот же классификатор *ruup* ‘тело, фигура’ используется и для буддийских монахов, и для некоторых вещей, например: *lòok sɔŋ pii ruup* ‘два монаха’ (букв. ‘господин монах два CLF’), *taabh miəy ruup* ‘аскет’ (букв. ‘аскет один CLF’), *kumnuu pii ruup* ‘две картины’ (букв. ‘картина два CLF’). С другой стороны, тот же классификатор используется с названиями людей как гонорифическое средство, например: *neək niron miəy ruup* ‘один писатель’ (букв. ‘писатель один CLF’), однако это употребление отмечается не всеми словарями.

8) Имена действия, процесса, состояния

В данной группе слов отмечаются следующие алломорфы инфикса *-n-: -ən-, -ərn-, -ər-, -əb- (перед губным).

jənau (VK) ‘обычай’ – *yaui* (VK) ‘старый’;

bərnɪəy (JD) ‘несчастный случай со смертельным исходом’ – ср. *baŋ* (JD) ‘рассекать, разрубать’;

bərnən (JD) ‘прелюбодеяние’ – *ban* (JD) ‘встретиться’;

kərwəl (JD) ‘водоворот’ – *wəl* (JD) ‘поворачиваться’;

rəbut (JD) ‘сильный ветер, буря’ – *wət* (JD) ‘быстрый’.

9) «Классификаторы» (имена с измененной областью референции)

Название для данной группы слов выбрано условно. Здесь собраны имена, образованные не от глаголов, а от имен, в которых выступают те же алломорфы инфикса *-n- и, возможно, инфикса *-m-, что и в образованных от глаголов именах вышперечисленных групп. Ядро этой группы составляют два четко выраженных типа семантической деривации: классификаторы, образованные от имен естественных объектов, и

имена естественных объектов и артефактов, образованные от имен частей тела человека. Здесь выступают следующие алломорфы инфикса *-n-: -ən-, -ərn-, -r-, n-, m- (перед губным) и -əm-, который предположительно является рефлексом инфикса *-m-.

gənar (JD) ‘зерно; классификатор зернообразных предметов’ – *gar* ‘зерно’; не исключено, что перевод ‘зерно’, которое дает Ж. Дурн для слова *gənar* – это лексикографическая ошибка, связанная с тем, что при определении функционального типа данного слова не учитывается то, что классификаторы могут употребляться и в анафорической функции, т. е. выступать без классифицируемого имени; однако возможно и то, что совмещение двух значений в одном из членов словообразовательного ряда есть результат дальнейшего разрушения словообразовательных рядов данного типа;

mɔŋ (VK), *paŋ* (JD) ‘родовое слово для ступней, ладоней, плоскостей’ – *paŋ* (VK) ‘лист бумаги, доклад’; неясно, входит ли в данный словообразовательный ряд слово

kəpaŋ (JD) ‘плоская поверхность, ладонь’;

nti (JD) ‘ветка дерева’ – *ti* (JD) ‘рука’;

pərnut (JD) ‘набедренная повязка’ – *but* (JD) ‘поясница, талия’.

Отметим, что классификаторы в кэхо могут образовываться и от глаголов:

nraŋ (JD) ‘классификатор для стволов бамбука и глиняных кувшинов’ – *naaŋ* (JD) ‘длинный’.

В данную группу также попадает слово *kətən* (JD) ‘родовое слово, обозначающее родство с детьми сестры’ – *kən* (JD) ‘ребенок’, например: *kətən iur* (JD) ‘племянница’ (*iur* ‘женщина’), *kətən klau* (JD) ‘племянник’ (*klau* ‘мужчина’). Морф -əm-, выделяющийся в данном производном, можно считать рефлексом инфикса *-m- на том же основании, что и другие

его рефлексы, выделяемые в словах группы 7: в отличие от губных рефлексов инфикса **-n-*, которые выступают только перед губными инициалами корня, рефлексы инфикса **-m-* выступают перед гласными корня.

Таким образом, анализ инфиксальнопроизводных имен в кэхо дает возможность реконструировать оппозицию двух инфиксов: показателя активности **-m-* и показателя инактивности **-n-*. Это позволяют сделать морфонологические и семантические особенности имен, представленных в группах 7 и 8. О том, что в праязыке грамматическая категория «активность–инактивность» существовала, свидетельствуют также факты кхмерского и древнекхмерского языка. Лонг Сеам отмечает, что в ДКМ инфикс *-m-* и его алломорф *-am-* «можно рассматривать как показатель отглагольных имен деятеля. В ангорский период такие имена были очень многочисленны. Они использовались для обозначения людей, имеющих определенную функцию в обществе и принадлежащих к различным социальным категориям, т. е. агентивный инфикс стал показателем семантического (терминологического) класса имен деятеля» (Лонг Сеам 1989). В работе [Pogibenko 1988] на материале кхмерского, никобарских и монского языков для прото-АА реконструируется противопоставление губного и дентального инфиксов как активного инактивному. В этой работе говорится, что при помощи инфикса активности **-m-* от глаголов могли образовываться имена людей, животных, естественных объектов и артефактов. Там также отмечается, что оппозиция инфиксов **-m-* и *-n-* имела субъективный характер. Например, в кар имеется несколько производных с алломорфами инфиксов *-m-* и *-n-* со значением ‘пьяный’: *t-an-top* от *top* ‘пить’, *p-om-en* от *pen* ‘пить’, *ta-huɔdiə* и *h-en-yɔiə* от *huɔdiə* ‘пьяный’.

Язык кэхо примечателен тем, что в нем значение инактивности стал выражать показатель *gə*, который вытеснил прото-АА аналитический показатель **ta*. Он отмечается в кэхо и в ма и имеет несколько функций.

2.2. Маркер *gə* в кэхо и ма

В языках кэхо и ма показатель *gə* свидетельствует о том, что разрушение парадигмы инфиксальных глагольных форм ЗП, связанных с выражением категории «активность–инактивность», не означает исчезновения самого грамматического противопоставления, поскольку появляются новые средства его выражения. В древнекхмерском рефлекс этого противопоставления сохранился в оппозиции маркеров ЗП *ta*, *ti*, а в кэхо и ма он сохранился у маркера *gə*.

В кэхо и ма, в отличие от других МК языков, мы не обнаруживаем следов прото-АА **ta* в функции маркера ЗП, в этой функции он, по-видимому, был вытеснен маркером *gə*. Рефлексы АА маркера ЗП **ta* обнаруживаются только в каузативных глаголах, при этом в кэхо мы имеем не типичную для МК языков ситуацию, когда из двух каузативных префиксов – губного и дентального – дентальный *tə-* более распространен, нежели губной *pə-* (Doungnes 1950, xix). С другой стороны, по частоте употребления маркер *gə* в кэхо сопоставим с маркерами *ta* и *ti* в ДКМ. Отсюда следует, что на каком-то этапе развития *gə* вытеснил исконный маркер ЗП **ta* из его функциональной сферы.

Однако, несмотря на то что *gə* и рефлекс маркера **ta* распределились по разным парадигмам, в отдельных случаях мы обнаруживаем, что они, тем не менее, выступают как члены одного парадигматического ряда: есть случаи, когда форма с *gə* противопоставляется форме с каузативным префиксом по признаку «активность–инактивность». Например, в следующих случаях:

gəkah, *kah* (JD) ‘помнить, вспоминать’, например в *kah hlu* (VK) ‘вспоминать о доме’; при обозначении контролируемого субъектом процесса выступает каузативная форма с префиксом *tə-* – *təykah* (JD) ‘вспоминать, припоминать, напоминать’.

gêsèt, gêchêt (VK), *gàsət, sət* (JD) ‘убивать, ликвидировать’, в DSKF со значением ‘убивать’ простая и производная формы указаны как варианты, в Т[VK со значением ‘убивать’ указана только форма с пресиллабом. Форма с *gê* употребляется и в тех случаях, когда действие по отношению к людям совершается намеренно, как в следующем примере:

- (4) *pal gêchêt mpâl vol khai*
 следует *gê*-убивать группа PL 3SG
 ‘Следует истребить все их банды’ (Т[VK, 36)

По-видимому, использование формы ненамеренного действия с *gê*, со значением ‘убивать’ связано с тем, что при обозначении намеренного действия, совершаемого по отношению к людям и животным, она употреблялась как эвфемизм. Отсюда понятно, почему в Т[VK при переводе ‘убить человека’, ‘убить буйвола’ используются формы *gêsèt, gêchêt* (с. 63), а при переводе ‘убить червяка’ используется форма с каузативным префиксом *tê*-. *têchêt jrêt* (с. 64) (дается как перевод вьет. *tỉy giun* ‘растереть червяка’).

gêrus (VK) ‘соскользнуть, спуститься’, например: *gêrus mpha* (VK) ‘Штаны соскочили’. Вьетнамское слово *tôt* ‘соскочить, соскользнуть’ обозначает и контролируемое действие, совершаемое человеком, и неконтролируемый процесс, происходящий с вещью, на кэхо оно переводится глаголом *gêrus*, когда описывается неконтролируемый процесс, и глаголом *tênhâr* (каузативная форма от глагола *hâr* ‘течь’), когда описывается контролируемое действие: *vêh hê{ang chi mĩ tênhâr* (VK) ‘Соскользнуть с дерева’ (букв. ‘от поверхность дерево спускаться соскользнуть’).

Сравнивая маркеры *gə* в кэхо и *ti* в ДКМ, следует отметить, что для *gə* значение инактивности реконструируется надежно, в то время как для ДКМ *ti* это значение реконструируется с трудом. На наш взгляд, причиной этой асимметрии является исходная семантика слова *gə*, которое в кэхо употребляется и как местоимение 3=го лица, использующееся для референции к домашним животным и вещам (NPTK, 74; DSKF, 67).

Здесь важно подчеркнуть, что при переходе от синтетического способа выражения к аналитическому характер исконной оппозиции существенно меняется: эквивалентная оппозиция «активность–инактивность» становится привативной, где маркированный член противопоставляется немаркированному, при этом последний в плане выражения может быть представлен нулем. Кроме того, существенно изменяется и содержание оппозиции: у аналитических показателей возникают новые функции, что связано с их словесностью, и это в конечном счете приводит к разрушению исконной оппозиции. Так, в ДКМ оппозиция маркеров *ta* и *ti* перестроилась на выражение синтаксических отношений, и *ti* остается маркером инактивности только в отдельных конструкциях: при глаголах дарения он маркирует инактивность субъекта, когда в качестве бенефицианта выступает бог или король, т. е. выражает социальный дейксис; в конструкциях с предикатными актантами, образованными глаголами наложения обязательств, при предикатном актанте маркирует инактивность субъекта, на которого налагается обязательство. Рассмотрим функциональное поле маркера *gə* в кэхо и ма.

2.2.1. Рефлексы *gə* как маркера зависимых предикаций

В кэхо мы находим свидетельства, позволяющие предполагать, что первоначально *gə* употреблялся как маркер ЗП. В

кэхо есть случаи его употребления в этой функции. Здесь *gə* отмечается в конструкциях с предикатными актантами различных семантических типов:

(5) *têlê* *gêlîk* *dê tiah*
 толкать *gê*-выходить наружу
 ‘Вытолкнуть наружу’ (Т [VK, 14])

(6) *sa* *prîlt* *gam* *gêlî i*
 есть банан еще *gê*-оставлять
 ‘Недоесть банан’ (Т [VK, 46])

В Т [VK *gam gêlî i* неточно переводится на вьетнамский словом *dí* ‘незаконченный’, в DSKF *loe, gəloe* переводится как ‘отпускать, оставлять’. Здесь обе формы трактуются как варианты, однако в качестве примера дается *loe mi* ‘Оставьте меня в покое’, где, как и следовало ожидать, выступает форма без *gə*, потому что подразумевается контролируемое действие.

В кэхо отмечается иногда употребление *gə* в функции союза, например:

(7) *caw* *ʔəʔ* *lə* *bruəʔ* *gə* *ʔəʔ* *gè* *sa*
 человек NEG делать работа NEG иметь есть
 ‘Кто не работает, тот не ест’ (РЕЧ 119)

Регулярно *gə* употребляется в предложениях со сдвигом ремы на ИГ_{СУБ} – функция, которая, как это будет продемонстрировано в главе 3, является производной от функции маркера релятивизации. Например:

(8) *lòt* *gə* *mi* *haʔ*
 идти RHM 1SG PTCL
 ‘Идти-то мне (нужно) (ВПР 39а)

Есть еще одно свидетельство того, что первоначально *gə* употреблялся как маркер ЗП: асемантический пресиллаб *gə* часто отмечается в именах, наречиях, прилагательных и, реже, служебных словах, которые могут быть результатом лексикализации и грамматикализации исконных глагольных форм с показателем *gə*, выступавших в позиции зависимого предиката, например: *gêtras* (VK), *gêdeh* (VK) ‘быстро’, *gədah* (JD) ‘туда-сюда’, *gədi* (JD) ‘точно’, последний пример особенно показателен, так как в кэхо сохранилась непроезванная форма того же предикатива: *di* ‘верный, истинный’. Приведем примеры:

(9) *lêh* *gêtras* *vruʒ* *ngan*
 делать быстро работа очень
 ‘Быстро работать’ (Т [VK, 34)

(10) *ɑŋ* *agit* *gədi*
 1SG NEG-знать точно
 ‘Я не знаю точно’ (JD)

В данной связи особенно показательно то, что *gə* часто отмечается в экспрессивах, где он выступает как факультативный асемантический пресиллаб, например: *gəprah gəpreŋ* ~ *prah preŋ* (JD) ‘без толку; без разбора; что будет, то будет; куда кривая не вынесет’: *lot gəprah lot gəpreŋ* (JD) ‘идти куда глаза глядят’: *gêprih gêprah* (VK) ‘в беспорядке’: *sɔu gêprih gêprah* (VK) ‘есть разбрасывая все как попало’: *gêkβ gêkua* (VK) ‘затопить’: *dɔ gêkβ dɔ gêkua* (VK), *daa kua* (JD) ‘наводнение’ (*dɔ* ‘вода’); *gêvol gêvɔi* (VK) ‘радушный’: *ì gējɔ̀ ì gējəl* (VK) ‘спокойный’ (*ì* ‘NEG’). Экспрессивы в МК языках – это особый функциональный класс семантических предикатов, прототипической функцией которых является функция моди-

фикатора, т. е. зависимого предиката; как правило, в отличие от глаголов и прилагательных, они не могут выступать в позиции вершинного сказуемого без связки (Swantesson 1983, 79).

В Т[VK и DSKF находим ряд параллельных рефлексов лексикализованных и грамматикализованных форм с *gə* от одного и того же корня, не совпадающих ни по значению, ни по функции: *gêlan* (VK) ‘приблизительно’, *gəlan* (JD) ‘случай’ (по-видимому, ‘случайно’), *di gêlan* (VK) в Т[VK отмечается со следующими значениями: ‘иногда’ (Т[VK, 54), ‘наверняка’ (Т[VK, 30), ‘возможно, вероятно’ (Т[VK, 38), *di gəlan* (JD) ‘если вдруг’. Это свидетельствует о том, что процессы лексикализации и грамматикализации одной и той же формы шли (и, возможно, еще идут) в диалектах параллельно, но разными путями.

Примером грамматикализации формы ЗП с *gə* является слово *gêllk* (VK) от *llk* ‘выходить’ в следующем предложении:

- (11) *mviɿng* *dɿ* *kêho* *gêllk* *dɿ* *yuan*
переводить речь кэхо PREP речь вьетнамский
‘Переводить с кэхо на вьетнамский’ (Т[VK, 45)

Форма *gêlêh* от глагола *lêh* ‘делать, работать’ имеет как лексикализованные, так и грамматикализованные рефлексy. Она отмечается как наречие – *gêlêh*, *gêlêh ve* (VK) ‘почти, кажется’ (*ve* ‘как’), например: *gəlah chat* (JD) ‘чуть не умереть’ (*chat* ‘умереть’). Приведем другие примеры:

- (12) *gêlêh ve* *ì* *gês* *cau*
почти NEG быть человек
‘Почти никого нет’ (Т[VK, 68)

- (13) *gêlêh ve khai neh làt*
 кажется 3SG PRF идти
 ‘Кажется, он уже ушел’ (Т [VK, 69])

В кэхо мы также обнаруживаем связанную форму 3П *gêlêh* в *(nh)chi gêlêh* (VK) ‘почему’ (букв. ‘что делать’): *nhchi gêlêh khai ì tus* (VK) ‘Почему он не пришел?’ (букв. ‘что *gêlêh* он NEG приходить’), *nhchi gêlêh me vɸp ì chî hì p nîs* (NPTK, 118) ‘Почему родители грустные,’ (букв. ‘почему *gêlêh* мать отец NEG радостный радоваться’).

Результатом грамматикализации формы *gêlêh* является ее употребление в качестве переводного эквивалента вьетнамского показателя неблагоприятного действия *bɸ*, например вьет. *Tâi bɸ bừnh* ‘Я заболел’ – кэхо *ahn gêlêh kàp* (Т [VK, 20]). Другим результатом грамматикализации этой же формы является ее употребление в качестве связки при прилагательных, а также экспрессивах, выступающих в функции сказуемого, например:

- (14) *anh gêlêh kêrwɿj*
 1SG COP испытывать головокружение
 ‘У меня кружится голова’ (Т [VK, 34])
- (15) *kàn vênu s gêlêh jak*
 CLF человек COP смелый, сильный
 ‘У человека есть воля’ (вьет. *Con ngōi i cɸ chĩ*) (Т [VK, 33])
- (16) *anh gêlêh sê-òt sê-òl*
 1SG COP недовольный
 ‘Я недоволен’ (вьет. *Tâi búc béi*) (Т [VK, 24])

В отдельных случаях в функции связки выступает форма без пресиллаба *gə*, как, например, в следующем предложении:

-
- (17) *hlu lēh is hē{ang vênēm*
дом СОР один, одинокий LOC гора
'Дом находится в изоляции в горах' (Т[VK, 35])

Еще одним результатом грамматикализации формы *gêlêh* является ее употребление в функции фазисной связки, например:

- (18) *bàn lêgar gêlêh krêi is*
деревня становится другой
'Деревня переменялась' (вьет. *L'ng xβm biθn {ç}*) (Т[VK, 20])

В языке ма находим пример грамматикализации показателя *gə* в качестве показателя реципрока, например:

- (19) *kəraw gə tup kəbut*
Кэбав смеяться Кэбут
'Кэбав и Кэбут смеются друг над другом' (СКД 218)

Аналогичное употребление формы с префиксом *tə*, который является рефлексом прото-АА **ta*, отмечается в языке бахнар. Представляется закономерным, что в МК языках в качестве показателя реципрока грамматикализуется именно маркер ЗП, поскольку эта конструкция предложения возникает в результате синтаксической компрессии полипредикативной координативной конструкции, в которой оба компонента или только второй компонент имеют маркер ЗП.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно существенное отличие кэхо от кхмерского языка. Как это было отмечено в главе 1, в кхмерском есть много рефлексов лексикализованных, а также некоторое количество грамматикализованных (т. е. ставших служебными словами) инфиксальных форм ЗП, и практически нет рефлексов лексикализованных и грамматикализованных форм с показателями *ta*, *ti*. В отличие от

кхмерского, в кэхо мы находим, с одной стороны, рефлекс лексикализации инфиксальных форм ЗП, а с другой – рефлекс лексикализации и грамматикализации более поздних форм ЗП – форм с показателем *gə*. Правда, рефлексов лексикализации инфиксальных форм по сравнению с кхмерским языком здесь значительно меньше.

2. 2. 2. Маркер инактивности *gə* в глаголах

Ж. Дурн и авторы грамматики языка кэхо квалифицируют показатель *gə* как местоимение. Ж. Дурн называет его местоимением среднего рода, которое с личным субъектом приобретает пейоративное значение. Однако, как представляется, такое определение ошибочно, следует различать два разных элемента: собственно анафорическое местоимение *gə* и глагольный показатель *gə*. Антецедентом анафорического местоимения *gə* могут выступать только именные группы, осуществляющие референцию к не-лицам – домашним животным и вещам (NPTK, 74), анафорическое местоимение может выступать только в составе ИГ, в позиции главного или зависимого компонента, например:

- (20) *səm* *rəngɿ* *mpəl* *gə*
птица разлучать(ся) стая 3 SG
'Птица отбилась от своей стаи' (Т [VK, 33])

Неанафорический элемент *gə* употребляется как глагольный показатель, маркирующий инактивное значение субъектной ИГ. В материалах словаря Ж. Дурна и во вьетнамских источниках (Т [VK и NPTK]) показатель *gə* может записываться как слитно, так и раздельно, причем оба написания можно встретить в одних и тех же примерах.

Типология активного строя праязыка не может реконструироваться прямо из непосредственно наблюдаемых фактов в современных языках. Ее строевые элементы оставляют свой след в структуре современных языков главным образом в виде аномалий. Это происходит потому, что форма всегда более консервативна, нежели план содержания, морфологические элементы так просто не исчезают из языка, а перестраиваются на передачу новых отношений. Например, в основе системы взглядов на протоиндоевропейский язык как на язык активного строя лежит обоснованный Х. К. Уленбеком тезис о том, что в протоиндоевропейском существовала система с двумя основными падежами – «активом» и «пассивом». Актив был падежом действующего лица, агенса, т. е. падежом субъекта при активном глаголе, а «пассив» был падежом пациенса при активном глаголе и субъекта при неактивном (лица или вещи). Это открытие было сделано на основании анализа аномалии, наблюдаемой в падежных системах индоевропейских языков, в которых совпадают формы номинатива и аккузатива у существительных среднего рода. Аналогичным образом показатель *gə* в кэхо и ма является своего рода аномалией, он пронизывает весь строй языка, и функции его очень разные. Он выступает и как словоизменятельная морфема с разными значениями, и как словообразовательная морфема, и как асемантический пресиллаб, который может быть как обязательным, так и факультативным. И тем не менее, именно его полифункциональность позволяет реконструировать у него одно исходное значение. Общее значение показателя *gə* в языках кэхо и ма – это характеристика актанта, обозначенного в субъектной ИГ, как неконтролирующее действие, названное в вершинной предикации, что и позволяет реконструировать у него значение «инактивность».

Это общее значение имеет ряд частных значений, реализация которых зависит от конфигурации двух факторов: семантики глагола и референциальных свойств субъектной ИГ, т. е.

частные значения связаны с конкретными конфигурациями того, что в научной литературе иногда обозначается термином «лексические вхождения», как, например, в работе [Степанов 1989]. Семантическим признаком лексических вхождений, определяющим какое значение показателя *gə* реализуется, является признак «активность–инактивность». На основе этого признака можно выделить несколько случаев употребления показателя *gə*. Рассмотрим эти случаи.

1) Глаголы непроизвольного или неэффektivного действия одушевленных существ (людей и животных)

Глаголы «падать», «спотыкаться», «поскользнуться», «оступиться», «выронить», «разбить» и им подобные, которые нормально обозначают действие, производимое субъектом ненамеренно, в кэхо и ма, как правило, выступают с показателем *gə*, как в следующих примерах из языка кэхо:

(21) *vêh* *ntuʒt* *mhar* *khai* *gêplê*
поскольку бежать быстрый 3SG падать
‘Поскольку он бежал быстро, он упал’ (NPTK, 135)

(22) *kàn dôt* *nhôm* *kêyua* *vêh* *gêplê*
ребенок плакать так как поскольку падать
‘Ребенок плачет, потому что он упал’ (NPTK, 135)

(23) *drông* *chi* *ngàt* *gêplê*
крепко держать дерево бояться падать
‘Крепко держать дерево, чтобы не упасть’ (Т [VK, 61])

(24) *têlê* *kàn dôt* *gêplê*
толкнуть ребенок падать
‘Толкнуть ребенка’ (Т [VK, 64])

Приведем примеры глаголов из словарей Ж. Дурна и Т[VK, которые зафиксированы с показателем *gə* с данным значением. Обратим внимание на то обстоятельство, что, как следует из переводов, Ж. Дурн не считает *gə* носителем грамматического значения: для простого и производного глаголов он либо дает одинаковые переводы, либо пытается отразить различие в значении на уровне собственно лексической семантики, что, на наш взгляд, далеко не во всех случаях оправдано.

gəprah (JD) ‘терять, забывать’, *prah* (JD) ‘делать жертвоприношение духам на деревенской дороге’ (т. е. намеренно оставлять на дороге): *prah sur* (JD) ‘принести в жертву свинью’;

gəcut (JD) ‘спотыкаться’, *gəcout* (JD) ‘поскользнуться и упасть’, *cout* (JD) ‘спотыкаться, падать’, ср. также *gēcət* (VK) ‘упасть’, например *ngət gēcət* (VK) ‘бояться упасть’;

gəlcət (JD) ‘хромать’, *cət* (JD) ‘рахитичный, чахлый (о домашних животных)’; здесь на стыке пресиллаба и сильного слога возникает силлабическая плавная эпентеза;

gəpatlay (JD) ‘неработающая нога’, перевод ошибочный, по-видимому, данное слово имеет значение ‘волочить ногу’, ср. *lət gəpatlay* (JD) ‘идти волоча ногу’ (*lət* ‘идти’); здесь выделяются компоненты: *pat* (JD) ‘выкручивать, нажимая и растягивая’, например: *pat ao* (JD) ‘выкручивать белье’ (*ao* ‘белье’), *pat daa təh* (JD) ‘доить’ (*daa* ‘вода’, *təh* ‘вымя’), *lay* (JD) отмечается как слово из языка ма со значением ‘развертывать, разгибать’;

gəpluc (JD) ‘отпускать объект, который затем падает; падать, отпустив добычу’, *pluc* (JD) ‘отпускать; падать, отцепившись’;

gəplui (JD) ‘спотыкаться, шататься, терять равновесие’;

gəruc, ruc (JD) ‘отодвигаться, отступить, пятиться’, формы даются как варианты, однако в качестве примера приводится *səm ruc* (JD) ‘бросать позади себя’ (*səm* ‘бросать’), где, как и следовало ожидать, выступает форма без показателя инактивности, поскольку речь идет о намеренном действии;

gətri, tri (JD) ‘сплющиться; получить горб, рану, стукнувшись’;

gətuɸ (JD), *gətɸ* (VK) ‘спотыкаться’;

gəwəɸ (JD) ‘делать резкие, неритмичные движения’:
gəwəɸ sa (JD) ‘ерзать’ (*sa* ‘тело’), может также употребляться с вещами: *səwəɸ gəwəɸ* (JD) ‘звезды мерцают’;

gəgət, gət (VK) ‘поранить, порезать, резать’;

gəhɛl (VK) ‘поранить, порезать, резать’, *haal* (JD) ‘резать, делать надрез’: *haal nkə* (JD) ‘проткнуть шею’; например:

- (25) *nhəl* *pəs* *gəhɛl* *tɔ*
играть нож порезать рука
‘Играя ножом порезать руку’ (Т [VK, 57])

В DSKF также приводится пример на употребление формы с *gə* с вещами:

- (26) *pis* *gə* *haal*
нож резать
‘Нож режет’ (т. е. острый?) (DSKF)

gətɸ (VK) ‘сталкиваться, встречаться’, *tɸ* (VK) ‘случайно встречаться, наткнуться’, *tɸ* (JD) ‘встречаться’, *tɸ rə* (JD) ‘принимать, встречать’, в DSKF форма с префиксом не отмечается, в Т [VK форма с префиксом отмечается только при выражении нежелательного действия, сравним примеры:

-
- (27) *tiip tam də guj*
 встретить RCP LOC дорога
 ‘Встретиться на дороге’ (DSKF)
- (28) *vol khai tam tɿp*
 PL 3SG RCP встречаться
 ‘Они встретились’ (Т [VK, 60)
- (29) *dong kəl val tǝ gətɿp*
 помогать помогать RCP когда сталкиваться
vətə kǎn
 трудности
 ‘Помогать друг другу, когда трудности’ (вьет. *Giõp {i lǝc khv khǎn*) (Т [VK, 64)
- (30) *hlu gətɿp*
 дом сталкиваться
 ‘Дом в тяжелом положении’ (Т [VK, 63)

В последнем примере слово *gətɿp* дается как перевод вьет. *gieo neo* ‘безотрадный, тяжелый’ в предложении *CẢnh nhĩ gieo neo* ‘Ситуация в доме тяжелая’.

Исходя из этих примеров из Т [VK, можно предположить, что форма *gətɿp* лексикализовалась как обозначающая неблагоприятное действие. С другой стороны, в кэхо есть случаи грамматикализации этой же формы. Как и форма *gəlêh* от глагола *lêh* ‘делать, работать’, о которой речь шла выше, *gətɿp* может выступать как переводной эквивалент вьет. показателя неблагоприятного действия *bɿ*, например: вьет. *bɿ ngẮt mói* ‘нос заложен’ – кэхо *gətɿp gəlǝt muh* (*gəlǝt* ‘задыхаться’, *muh* ‘нос’). В Т [VK она также дается как переводной эквивалент вьет. *phẮi*, которое имеет значение нежелательности действия, на-

пример: вьет. *phải làm* – кэхо *gêtlp kàp vèsi* (VK, 116) ‘простудиться’.

gêtêm (VK) ‘столкнуться, удариться’, *tom* (JD) ‘встречать’, как можно видеть из примеров, форма с префиксом обозначает нежелательное или ненамеренное действие:

(31) *lât* *gê* *tam* *têm*
идти RCP встречать
‘Столкнуться на дороге’ (Т [VK, 56])

(32) *ap* *a* *tom* *khai*
1SG NEG встречать 3SG
‘Я его не встретил’ (JD)

(33) *gêtêm* *væ* *dê* *pênlr*
удариться голова LOC стена
‘Удариться головой о стену’ (VK)

gantây, *gatây* (JD) ‘удариться, натолкнуться’, *tây* (JD) ‘ударить’, например: *tây taa?* ‘ударить копьём’;

gêclik (VK) ‘натолкнуться, удариться’: *gêclik væ dê pênlr* (VK) ‘удариться головой о стену’ (букв. ‘ударяться голова LOC стена’);

têrglêš, *gê têrglêš* (VK) ‘отскочить, отпустить’;

gê rêhæp (VK) ‘утонуть (о людях, животных)’, у Ж. Дурна находим *rêhoup* (JD) ‘дышать ртом’, поэтому можно предположить, что в Т [VK] перевод неверный; по-видимому, это произошло в результате неправильного семантического и грамматического анализа следующего предложения, содержащего форму ненамеренного действия с *gê*:

(34) *chêt* *gê* *rêhæp* *dz* *võ*
умереть дышать вода тонуть
‘Утонуть’ (Т [VK, 56])

gêkram (VK) ‘тонуть’, *kram* (JD) ‘погружать(ся) в воду, совать в воду’; остается только предполагать, что форма с префиксом может также употребляться при обозначении нежелательных действий одушевленных существностей, в единственном примере, которым мы располагаем, выступает название вещи: *plung gêkram* (VK) ‘лодка тонет’;

gêtuh (VK) ‘проливать’: *gêtuh dĵ mĭ k cĵu rêcĵu* (VK) ‘разбрызгать чернила’ (букв. ‘проливать чернила разбрызгивать’), *tuh* (VK) ‘выливать’, *tuh* (JD) ‘выливать, поливать’: *tuh rêslĵh dĵ viʒp* (VK) ‘поливать овощи’ (букв. ‘выливать сухой вода овощи’); противопоставление намеренного и ненамеренного действий имеем в следующих примерах: *tuh dĵ* (VK) ‘выливать воду’ и *gêtuh mhĵm* (VK) ‘проливать кровь’;

gêplë, gêpl÷ (VK) ‘упасть (о человеке)’: *gêtdp gêpl÷* (VK) ‘удариться и упасть’;

gêdñh (VK) дается как перевод вьет. *hôt* ‘промахнуться’, *gêdñh, dñh* – как перевод вьет. *rêl* ‘падать’, в DSKF приведена только форма без показателя: *duuh* (JD) ‘падать’, примеры:

(35) *gêdñh jêng tam vêtô*
упасть нога LOC яма
‘Ступить ногой в яму’ (Т[VK, 72)

(36) *tam pêlàng gêduh*
RCP состязаться упасть
‘Бороться и упасть’ (VK)

(37) *gêlì i tô gêduh*
отпустить рука падать
‘Выронить из рук’ (VK)

Аффиксальная форма отмечается в выражениях: *gêdñh mlû* (VK) ‘Идет дождь’, *gêdñh piar* (VK) ‘Падает град’;

gêyuët (VK) ‘ходить неуверенно, делать первые шаги’;
gêseŋ (VK) ‘спотыкаться’, ср. *seŋ* (JD) ‘бросать далеко’;

Последние две формы с *gê* отмечаются только в позиции зависимого предиката: *lât gam gêyuët* (VK) ‘ходить еще неуверенно’, *lât gêseŋ* (VK) ‘идти спотыкаясь’ (*lât* ‘идти’);

gêthàt (VK) ‘задеть случайно’: *gêthàt n’ha chi* (VK) ‘задеть листок дерева’, *thot* (JD) ‘тереться (о животном)’;

gêprih (VK), *gêtêm* (VK) ‘стукнуться, удариться’;

gàlit (JD, 70) ‘закрывать руками’, например: *gàlit mat* (JD) ‘закрывать глаза руками’, *gàlit muh* (JD) ‘затыкать себе нос’, *gàlit bər* (JD) ‘руками держать рот закрытым’, по-видимому, в этих случаях подразумевается непроизвольное действие, *lit* (JD, 130) ‘затыкать, закупоривать’, например: *lit daa sre* ‘вернуть воду на поле (закупорив каналы)’, в следующих примерах, по-видимому, подразумевается намеренное действие: *lit muh lit mat* ‘закрыть лицо руками’ (букв. ‘закрыть нос закрыть лицо’), *lit muh* ‘затыкать нос’; форма с префиксом может также употребляться при обозначении неконтролируемых состояний, возникающих у одушевленных существей: *gêlôt* (VK) ‘задышаться’: *gêlôt t¼ n’hom* (VK) ‘задышаться’ (букв. ‘gê затыкать поднимать воздух’), *gêtlp gêlôt muh* (VK) ‘Нос заложило’ (букв. ‘gêtlp (показатель неблагоприятного действия) gê-затыкать нос’);

gəba (JD) ‘потягиваться (о людях)’, ср. *paə* (JD) ‘открывать’: *paə tpiu* ‘открывать дверь’;

gêrà (VK) ‘откормленный, упитанный’, по-видимому, окказиональный перевод слова в предложении *kàn gêrà da toh* (VK) ‘Ребенок упитанный’ (букв. ‘ребенок толстеть вода грудь (грудное молоко)'), которое получено как перевод вьетнамско-

го предложения *bí bô sùà* ‘Ребенок упитанный’ (букв. ‘ребенок упитанный молоко’), *rɔɔ* (JD) ‘растягивать, расширять, удлинять’;

gètèp (VK) ‘проваливаться’: *gètèp tam vɓ* (VK) ‘провалиться в грязь’ (букв. ‘проваливаться LOC грязь’), *təp* (JD) ‘погребать, хоронить, закапывать’;

gêvlǝp (VK) ‘упав, растянуться во всю длину’: *gêplè gêvlǝp* (VK) ‘растянуться’ (букв. ‘упасть растянуться’);

gêyà (VK) ‘потерять ребенка при выкидыше’;

gêglih (VK) ‘вывихнуть’: *gêglih jêng* (VK) ‘подвернуть ногу’ (*jêng* ‘нога’), *gêglih kə tǝ* (VK) ‘вывихнуть руку’ (букв. ‘вывихнуть сустав рука’);

gê cêrwít (VK) ‘вывихнуть’: *gê cêrwít ntling jêng* (VK) ‘вывихнуть ногу’ (букв. ‘вывихнуть кость нога’), *wɛet* (JD) ‘поворачивать’: *wɛet mat* (JD) ‘повернуться’ (букв. ‘повернуть лицо’); форма с показателем *gê* от односложной основы – *gêwɓt* (VK) ‘поворачивать’ – отмечается с вещами: *hílu gêwɓt {ah gñng* (VK) ‘Дом обращен в сторону дороги’ (букв. ‘дом поворачивать сторона дорога’)³⁰;

gêglɓt (VK) ‘вывихнуть’: *gêglɓt tǝ* (VK) ‘вывихнуть руку’ (*tǝ* ‘рука’);

gêyual (VK) ‘задышаться от смеха’: *nhɓ gêyual* (VK) ‘задышаться от смеха’ (*nhɓ* ‘смеяться’);

gêklà (VK) ‘оцарапаться’: *gêplè gêklà kêmhà* (VK) ‘упасть и оцарапаться’ (букв. ‘падать оцарапать кожа’), *klɔɔ* (JD) ‘те-

³⁰ Различие в записи гласного корня в формах *gêwɓt* и *cêrwít* в данном случае связано с различием в долготе: в закрытых слогах знаком акута может обозначаться краткость гласного.

В языке ма инактивные формы с *gə* используются при выражении невежливого или фамильярного императива, а также императива по отношению к первому лицу, например:

(40) *gə jut te?*
войти IMP
'Входи' (МОД 30)

(41) *gə git*
знать
'Сообщи' (СКД 61)

В побудительных предложениях показатель *gə* может переноситься в конец предложения и чередоваться в этой позиции с финальной побудительной частицей *jə* (МОД 65). Это говорит о том, что показатель инактивности в языке ма грамматикализовался с новым значением.

2) Глаголы, обозначающие действия животных, состояния, процессы и свойства вещей

В кэхо и ма обнаруживается много случаев употребления глагольных форм с показателем инактивности *gə* при обозначении действий, совершаемых животными, и обозначении состояний и процессов, происходящих с неодушевленными существами – естественными объектами и артефактами. Употребление *gə* в этих случаях не является абсолютно обязательным. Среди глаголов языка кэхо, с которыми показатель *gə* отмечается в этой функции, есть такие, которые могут употребляться и с лицами, и с не-лицами. С лицами они выступают без *gə*, если обозначают намеренные действия, с *gə*, – если обозначают неуправляемые процессы и состояния. Употребляясь с не-лицами, они могут выступать как с *gə*, так и без него. Есть глаголы, которые могут обозначать только действия, процессы и состояния не-лиц, при этом некоторые из них отмечаются

как с *gə*, так и без *gə*, другие отмечаются только с *gə*. Напомним, что и в DSKF, и в Т [VK отсутствует единообразие в отношении слитного-раздельного написания *gə* с глаголом. Ниже примеры приводятся в том написании, в каком они даются в словарях. Переводы слов и предложений даются так, как они представлены в источниках, поэтому необходимо сделать некоторые замечания.

В примерах, которые будут рассмотрены ниже, в предложениях, описывающих состояния вещей и процессы, происходящие с вещами, часто отмечается порядок слов VS вместо ожидаемого SV, например: *gêpîh dĵ m=k tam ĵu* (VK) ‘Чернила испачкали рубашку’ (букв. ‘*gê*-красить чернила LOC рубашка’), *gêguh dĵ* (VK) ‘Вода поднялась’ (букв. ‘*gê*-подниматься вода’), *gêdñh mlû* (VK) ‘Идет дождь’ (букв. ‘*gê*-падать дождь’). В некоторых случаях в предложениях с одной и той же лексико-синтаксической структурой отмечается разный порядок слов: SV или VS, например: *ous gə pəŋ* (JD, 175) и *gəpəŋ ous* (JD, 72) ‘Огонь рассыпается искрами’ (*pəŋ* ‘стрелять’, *ous* ‘огонь’). Порядок слов VS в языке кэхо отмечается и в других случаях, не связанных с выражением инактивности, например: *duh mat təŋai* (JD, 247) ‘Жарко’ (букв. ‘жаркий солнце’), *ləbən təŋai* (JD, 247) ‘Нежарко’ (букв. ‘нежаркий солнце’). Порядок слов VS, как представляется, обусловлен особенностями актуального членения такого рода предложений: в них субъектная ИГ входит в состав ремы. В русском языке, например, в таких случаях субъектная ИГ получает главное фразовое ударение (Падучева 1985) и может переноситься в позицию ремы: *Гро́м грянул* или *Грянул гро́м*, *Кра́н течет* или *Течет кра́н*, *Вода́ поднялась*. Такие предложения появляются в дискурсе не для того, чтобы описывать, что происходит с вещами, а для того, чтобы описывать, что происходит в окружающем человека мире вещей. При работе с информантами на разных язы-

ках нам приходилось неоднократно сталкиваться с тем, что информант, в отличие от исследователя-лингвиста, не воспринимает предложение вне его коммуникативной структуры: он либо строит предложение с тем актуальным членением, которое наиболее естественно для данной лексико-синтаксической структуры, либо предложение с тем актуальным членением, которое соответствует коммуникативной ситуации, в данный момент возникшей в его представлении (что тоже не случайно, а обусловлено прагматическими факторами). Воспринимать предложение абстрактно, вне дискурса информант часто не может. Коммуникативная неправильность предложения для него то же, что и грамматическая неправильность³¹.

В предложениях *gêguh dĵ* (VK) 'Вода поднялась' (букв. 'gê-подниматься вода'), *gêdñh mĵu* (VK) 'Идет дождь' (букв. 'gê-падать дождь') порядок слов VS обусловлен тем, что субъектная ИГ входит в ремю, что видно из сравнения с предложениями с аналогичной лексико-синтаксической структурой, в которых субъектная ИГ не входит в ремю, и в них сохраняется порядок слов SV. Это происходит, например, в тех случаях, когда они выступают как ЗП в составе сложных предложений, где коммуникативная структура частей предопределена коммуникативной структурой сложного предложения, которое они составляют, например:

³¹ Так, например, предложение *Пять человек пришли к нам в дом* информанты на разных языках воспринимали как неправильное. В данном случае числительное предопределяет коммуникативный статус ИГ, в которой оно выступает: нормально она должна выступать в позиции ремы (*К нам пришли пять человек*). В позиции темы или начала (как это понимается в работе [Падучева 1985]) ИГ с числительным может, например, выступать при наличии маркеров коммуникативной структуры (*Эти пять человек пришли к нам в дом*, *Целых пять человек пришли к нам в дом*). Интересно, что именно таким образом информанты переделывали исходное анкетное предложение при переводе его на свои языки.

-
- (42) *bàn ngòt ngèt tam tǝ mʔt têngai*
деревня затихать в время солнце
gêmtǝ

gê-входить

‘Деревня затихла, когда солнце село’ (NPTK, 136)

- (43) *vêh mlù sîm sɛm gen dɛ*
поскольку дождь долгий поэтому вода
gêhɛu

gê-карабкаться вверх

‘Поскольку дождь шел долго, вода поднялась’ (NPTK, 135)

Если воспользоваться идеями Е. В. Падучевой (Падучева 1985), высказанными ею при описании факторов, влияющих на выбор начала предложения³², то в приведенных примерах невождевание субъектных ИГ *вода* и *солнце* в рему можно объяснить тем, что они востребованы в позицию начала: ИГ *солнце* востребована в позицию начала, так как в придаточном времени, в котором она выступает, время указывается по фазе движения солнца, ИГ *вода* является «естественным началом», так как идея воды активизирована понятийным полем обильных осадков в первой части сложного предложения.

В примерах, которые будут рассмотрены ниже, порядок компонентов VS еще отмечается в предложениях, обозначающих состояния человека и процессы, происходящие с человеком, например: *gêllk toh duh sʔ* (VK) ‘Выступила сыпь’ (букв. ‘*gê*-выходить сыпь’), *gêllk as dê pênɛ* (VK) ‘Появилась опухоль под мышкой’ (букв. ‘*gê*-выходить опухоль LOC подмышка’). В этих случаях порядок слов также может варьироваться, например: *gə hao nus* (JD) ‘Злоба закипает’ (букв. ‘*gə* карабкаться.вверх сердце’) и *nus gə piah* (JD) ‘Сердце ко-

³² Термин «начало» Е. В. Падучева предпочитает термину «тема», по причине неоднозначности последнего.

лотится’ (букв. ‘сердце *gə* ударять.ритмично’). Лексико-синтаксические номинации такого рода могут выступать как самостоятельные предложения-высказывания, и тогда порядок слов VS объясняется теми же прагматическими факторами, что изложены выше. Однако они могут выступать и как несамостоятельные сентенциальные предикации в составе сложного предложения в позиции вершинного предиката или предикатных актантов, и тогда вариативность порядка слов объясняется другими причинами. Приведем примеры предложений с сентенциальным сказуемым из кэхо, вьетнамского и ксингмул, из которых видно, что порядок слов может варьировать: S_1VS_2 или S_1S_2V . В языке кэхо в предложениях данного типа отмечается порядок компонентов S_1S_2V .

кэхо:

- (44) *khai vŋŋ liang gélŋk*
 3SG лоб *gê*-выходить
 ‘У него выпуклый лоб’ (VK)
- (45) *hŋu do mpang lêyah ngan*
 дом этот дверь низкий очень
 ‘У этого дома низкая дверь’ (NPTK, 131)
- (46) *hŋu æs gêsa*
 дом огонь *gê*-есть
 ‘Дом сгорел’ (NPTK, 132)
- (47) *khai muh mʔt ve me*
 3SG нос глаз, лицо как мать
 ‘Он похож на мать’ (NPTK, 106)

вьет.

- (48) *nh̄c tãi âm hai ngõi i / hai ngõi i âm*
 дом 1SG болеть два человек
 ‘У меня в семье заболело двое’

КСМ.

- (49) *dziəŋ aŋ coo biəl caak / biəl caak coo*
дом 1SG болеть два человек
'У меня в семье заболело двое' (ПРВ V-2, V-2Т)

В языках ЮВА предложения с сентенциальными структурами, выступающими в позиции вершинного предиката или актантов, очень распространены. В работе [Солнцева, Хоанг Ван Ма 1986] описываются два типа таких предложений: с сентенциальным сказуемым и с сентенциальным подлежащим³³. Они квалифицируются как один из типов сложных предложений – предложений с включенным членом. Авторы совершенно справедливо считают, что предложения с включенным сказуемым, линейная структура которых похожа на линейную структуру простых предложений с порядком компонентов SVO или SOV, нельзя рассматривать как простые, поскольку имя в позиции начала и глагол не связаны синтаксически. Эти предложения имеют структуру S_1VS_2 или S_1S_2V , где VS_2 или S_2V является двусоставным предложением. Как представляется, к такому выводу можно прийти и в результате анализа семантической структуры предложений с сентенциальным сказуемым: в них актант S_1 , находящийся в позиции темы, не является аргументом предиката V, т. е. не входит в его падежную рамку, что важно иметь в виду для целей нашего анализа, поскольку позволяет считать, что в предложениях типа *khai vŋng liang gəllŋk* (VK) 'У него выпуклый лоб' показатель инактивности *gə* маркирует семантическую роль аргумента S_2 .

По всей видимости, предложения с сентенциальным сказуемым можно рассматривать как синтаксические структуры,

³³ По терминологии авторов – предложения с включенным сказуемым или с тематическим подлежащим и предложения с включенным подлежащим.

которые на шкале сентенциальных форм занимают промежуточное положение между сложными и простыми предложениями. Они представляют собой синтаксически более сжатый вариант предложений, которые Ш. Балли называл сегментированными, т. е. такими, которые образовались из двух сочиненных предложений, но соединение которых не полное (Балли 1955, 70), в них тематический компонент интонационно отделяется от остальной части предложения и дублируется во второй части местоименной репризой. Вариативность порядка слов в предложениях с сентенциальным сказуемым можно объяснить тем, что структура S_1VS_2 возникает как синтаксически более сжатый вариант S_1S_2V , она максимально приближена к структуре SVO простого предложения, оставаясь сложным предложением, вот почему некоторые исследователи предпочитают рассматривать эти предложения как простые. В работе [Соколовская, Нгуен Ван Тай 1987] они называются предложениями с тематическим подлежащим и субъектным дополнением.

Предложения с сентенциальным сказуемым и порядком слов S_1VS_2 действительно могут преобразовываться в простые со структурой SVO в результате грамматикализации тематического компонента S_1 в качестве подлежащего. Но при этом должны произойти соответствующие изменения на семантическом уровне представления: 1) включение участника ситуации S_1 в аргументную структуру предиката V в качестве его первого аргумента с приписыванием ему соответствующей семантической роли, 2) «переписывание» семантической роли участника ситуации S_2 , который становится вторым аргументом предиката, в соответствии с его новой синтаксической функцией. Эти изменения семантических ролей аргументов в конечном счете приводят к изменению лексической семантики самого предиката. Это можно продемонстрировать на примере из языка ма. Здесь глагол *gasa* (*sa* ‘есть’) употребляется в двух значениях: ‘жечь’ и ‘гореть’. Возможно, что второе значение возникло в результате синтаксической деривации,

описанной выше, её этапы отражены в следующих примерах из кэхо и ма:

ма:

- (50) *ul gəsa jə pe nəm hiw*
огонь *gə*-есть PRF три CLF дом
'Пожар сжег три дома' (ПРВ 119)

В этом простом предложении *gəsa* является вершинным предикатом, префикс *gə* выступает как маркер инактивности субъектной ИГ.

кэхо:

- (51) *hlu æs gəsa*
дом огонь *gə*-есть
'Дом сгорел' (NPTK, 132)

Это сложное предложение со структурой S_1S_2V с сен- тенциальным сказуемым, где *gəsa* – вершинный предикат вклю- ченного предложения, префикс *gə* выступает как маркер инак- тивности субъектной ИГ S_2 включенного предложения.

ма:

- (52) *mhop hiw ɔn vʔ da gəsa pə tə*
удачный дом 1SG NEG еще *gə*-есть из-за
ul ti
огонь тот
'К счастью, мой дом не сгорел от этого пожара' (ПРВ 119а)

Данное предложение со структурой SVO является преоб- разованием предыдущего предложения, которое произошло в результате грамматикализации S_1 (*hiw*) в качестве подлежаще- го, а S_2 (*ul*) – в качестве дополнения причины с соответствующим

щим синтаксическим маркером (*pə tə*), префикс *gə* больше не является показателем инактивности, а приобретает ли он на данном этапе новую функцию или становится асемантическим – это вопрос сложный, и мы не будем в него углубляться.

Особое промежуточное положение предложений с включенным сказуемым между простыми и сложными является причиной того, что в DSKF и T [VK включенная часть таких предложений иногда трактуется как двукомпонентный лексический комплекс – глагол или имя, например: *gəhao sənam* (JD) ‘взрослеть’ (букв. ‘*gə*-карабкаться.вверх год’), *gélík nus* (VK) ‘сердиться’ (букв. ‘*gê*-выходить сердце’), *gəryoə che* (JD) ‘запутанная лиана’ (букв. ‘*gê*-асем. дерево’), *gêcrɿ {ðng* (VK) ‘отблеск лампы’ (букв. ‘*gê*-сверкать лампа’), *gêcrɿ mʔt têngai* (VK) ‘свет солнца’ (букв. ‘*gê*-сверкать солнце’). Представление такого рода номинаций как глаголов или именных групп, на наш взгляд, есть результат неправильного синтаксического и семантического анализа данных номинаций, выступающих в составе сложных предложений.

Приведем примеры предикатов, которые в кэхо отмечают с показателем инактивности *gə* при обозначении действий, совершаемых животными, и обозначении состояний неодушевленных существей и процессов, происходящих с неодушевленными существями – естественными объектами и артефактами. Простая и производная с показателем *gə* формы ниже цитируются в том представлении, в котором они даются в источниках. При этом возможны разные варианты: 1) формы представлены как фонетические варианты одной и той же лексемы (например, *lik, gəlik* (JD) ‘выходить’), 2) формы представлены как разные лексемы (например, *paŋ* (JD) ‘стрелять’, *gəpaŋ* (JD) ‘ослабевать (о натяжении)’), 3) *gə* трактуется как личное местоимение и не выносится в заглавие словарной статьи вместе с глаголом, при этом в примерах *gə* может запи-

сываться с глаголом как слитно, так и раздельно (например, с глаголами *mđt* (VK) ‘выходить’, *gley* (JD) ‘нести в зубах’).

gley (JD) ‘нести в зубах’: *sə gə gley roac* (JD) ‘Собака несет мясо в зубах’;

kap (JD) ‘кусать’: *sə gə kap* (JD) ‘Собака кусает’;

mđt (VK) ‘входить’: *kênrā gêmđt tam wɛng* (NPTK, 130) ‘Бык вошел в хлев’ (букв. ‘бык *gê*-входить LOC хлев’);

lik, gəlik (JD) ‘выходить’: *vŋg liang gêllk* (VK) ‘выпуклый лоб’ (букв. ‘лоб выходить’), в данном случае перевод не отражает сентенциального характера номинации – включенного предложения, выступающего в составе сложного предложения со структурой S₁S₂V в качестве предиката; *gêllk toh duh sʔ* (VK) ‘Выступила сыпь’ (букв. ‘выходить сыпь тело’), *toh duh gêllk vŋng sʔ* (VK) ‘Сыпь выступила по всему телу’ (букв. ‘сыпь выходить полный тело’), *gêllk as dê pēnuɿ* (VK) ‘Появилась опухоль под мышкой’ (букв. ‘выходить опухоль LOC подмышка’), *gêllk nŋs* (VK) ‘сердиться’ (букв. ‘выходить сердце’), *vəsiʔ gêllk mhɿm* (VK) ‘кашлять кровью’ (букв. ‘кашлять выходить кровь’), *i gêllk* (VK) ‘задержание (напр. мочи)’ (букв. ‘NEG выходить’); многие примеры представляют собой атрибутивные словосочетания, где форма с *gə* – зависимый предикат: *să gêllk* (VK) ‘искомое число’ (букв. ‘число выходить’), *kài gêllk* (VK) ‘продукция риса’ (букв. ‘рис выходить’), *phan gêmđt gêllk* (VK) ‘приход и расход’ (букв. ‘вещь приходиться выходить’); в некоторых случаях, тем не менее, предикат *llk* выступает с названиями вещей без показателя *gə*, как, например, со словами «солнце» и «луна, месяц»: *tđ mʔt tēngai rēp llk* (VK) ‘утренняя заря’ (букв. ‘время солнце почти выходить’), *kên'hai pa lik* (VK) ‘вышла молодая луна’, ср. также: *lik kēlhŏ, gēlik kēlhŏ* (VK) ‘Выступил пот’ (*kēlhŏ* ‘пот’), однако

gêhàr kèlhõ (VK) ‘Пот течет’ (*hàr* ‘течь’), *gêtuh kèlhõ* ‘Выступил пот’ (*tuh* ‘выливать’); при обозначении намеренных действий лиц данный глагол выступает без показателя, например: *llk mat* (VK) ‘выставлять свою кандидатуру (на выборах)’ (букв. ‘выходить лицо’);

ŋga, gəŋga (JD) ‘кричать (о животном)’;

jus, gəjus (JD) ‘рыть землю рылом (о свинье)’;

paŋ (JD) ‘стрелять’, *gəpaŋ* (JD) ‘растягиваться (о согнутом дереве, пружине), выстреливать’, что на самом деле является формой инактивности от глагола *paŋ*, это хорошо видно из примеров, которые дает Ж. Дурн: *gəpaŋ ous* (JD, 72), *ous gə paŋ* (JD, 175) ‘Огонь трещит, рассыпается искрами’ (букв. ‘огонь стрелять’), *səna gə paŋ* (JD) ‘Арбалет выстрелил’ (букв. ‘арбалет стрелять’), однако в выражении *paŋ səna* (JD) ‘стрелять из арбалета’ (*səna* ‘арбалет’), как и следовало ожидать, выступает форма без показателя инактивности, ср. также употребление инактивной формы в комплексной номинации *gəpanh wəl* (VK, 116) ‘отражаться’ (*wəl* ‘возвращаться’), показатель инактивности находим и в синонимической комплексной номинации *gê sêdì l wəl* (VK) ‘отражаться’;

par, gəpar (JD) ‘летать (о птице, самолете)’;

roun (JD, 183) ‘скрывать, прятать’: *roun sa* (JD) ‘прятаться’ (букв. ‘прятать себя’), *gəpən* (JD, 72) ‘высиживать яйца’ (формы можно рассматривать как однокоренные на том основании, что редукция гласного корня в форме с пресиллабом отмечается часто): *iar gəpən tap* (JD) ‘Курица сидит на яйцах’ (букв. ‘курица прятать яйца’);

pih (VK) ‘красить, натирать, смазывать’, *gêpih* (VK) ‘пачкать’: *gêpih dɔ̃ m=k tam ɔ̃u* (VK) ‘Чернила испачкали рубашку’ (букв. ‘красить чернила LOC рубашка’);

gərɔ (JD) ‘течь, циркулировать (о крови в венах)’;

gəcərɔh (JD) ‘литься, выливаться, вытекать каскадом, водопадом’, например: *gəcərɔh ɛ* (JD) ‘понос’ (*ɛ* ‘экскременты’), *khai ɖ gējroh* (VK) ‘У него понос’ (букв. ‘он экскременты вытекать’), *sənat gəcərɔh* (JD) ‘слабительное’ (*sənat* ‘лекарство’), *lêh gējroh jrês jàng* (VK) ‘выгонять глистов’ (букв. ‘делать вытекать глисты’);

gəhɔh (JD) ‘течь, вытекать’;

hao (JD) ‘карабкаться вверх’, *gəhao* (JD) ‘подниматься’: *gə hao nus* (JD) ‘Злоба закипает’ (букв. ‘подниматься сердце’), *gəhao merit* (JD) ‘замерзнуть’ (букв. ‘подниматься холодный’), *dɔ̣ gêhɔ̣u* (VK) ‘Вода поднялась’, дается как перевод вьет. *nỗ́c d’Éng l’ôn* (букв. ‘вода подниматься (о воде) подниматься), как можно видеть, в структуре вьетнамской номинации лексически (*d’Éng*), выражается то значение, которое в кэхо выражено грамматически, при помощи показателя инактивности *gə*; *gəhao sənat* (JD) ‘взрослеть’ (букв. ‘подниматься год’), по-видимому, неточный перевод выражения, использующегося при обозначении возраста, ср. в языке ма, где выступает глагол с другим лексическим значением – *l’èt* ‘перешагнуть’, но семантико-синтаксическая структура номинации та же – предложение с сентенциальным сказуемым с показателем *gə* при предикате включенного предложения: *ɖv gəsəl’èt nam* (ВПП 69) ‘Сколько (ему) лет?’;

guh (VK) ‘подниматься’: *guh ntñng* (VK) ‘подниматься по лестнице’, *guh bic* (JD) ‘подниматься после сна’ (*bic* ‘спать’), *guh ntao* (JD) ‘вставать на ноги’ (*ntao* ‘стоять’), *gêguh* (VK) ‘подниматься’: *gêguh dɔ̣* (VK) ‘Вода поднимается’, *gêguh duh tus pe j’èt* (VK) ‘Жара поднялась до тридцати (градусов)’ (букв.

‘подниматься жаркий доходить три десять’)³⁴, *gêguh vâm* (VK) ‘Выступила свинка’ (*vâm* ‘свинка (заболевание)’); отмечается как форма ЗП: *gêguh* (VK) ‘успешно’, например: *vêsrām gêguh* (VK) ‘успешно учиться’;

pêr{æng} (VK) ‘подниматься, повышаться’: *gê pêr{æng hê{ang dɿ* (VK) ‘Уровень воды поднялся’ (букв. ‘подниматься поверхность вода’); *gêpê* (VK) = *pêr{æng*;

piah (JD) ‘ударять ритмично’: *piah koe* (JD) ‘молотить рис’, *gəpiah* (JD) ‘биться, колотиться’: *nus gəpiah* (JD, 165) ‘Сердце колотится’ (*nus* ‘сердце’), *mham gə piah* (JD, 178) ‘Пульс бьется’ (*mham* ‘кровь’);

haa (JD) ‘раскрывать (рот), рубить (дерево)’, *gəha* (JD) ‘расщепляться, отламываться’: *chi gəha* (JD) ‘Дерево расщепляется’, *gêha* (VK) ‘открытый’: *soh ɿu gêha ndul* (VK) ‘шить рубашку, распаивающуюся спереди’ (букв. ‘шить рубашка раскрывать живот’); ср. также *gêhɿ* (VK) ‘раскрыться, зиять (о язве); гноиться’: *gêhɿ mat* (VK) ‘Глаза гноятся’;

haal (JD) ‘резать’: *haal nkə* ‘резать горло’, *gəhal* (JD, 69) ‘резать’: *pis gə haal* (JD, 79) ‘Нож острый’ (букв. ‘нож режет’);

mđt(VK) ‘входить’: *mđt tam hlú* (VK) ‘входить в дом’, *gəmut* (VK) в выражении *agəmut sao* (JD) ‘не проходить (о еде)’ (букв. ‘NEG входит есть’); как уже отмечалось выше, форма с префиксом используется при обозначении неконтролируемого субъектом процесса: *gəmtđt* (VK) ‘воспринимать, усваивать’: *gəmtđt jənau vêsrām* (VK) ‘усваивать урок’ (букв. ‘входить урок’);

³⁴ Данное предложение получено как перевод вьет. *Nbng ba mōêi {é* ‘Жара тридцать градусов’, поэтому в Т[VK слово *gêguh* ошибочно переведено как ‘градус’ (VK, 54).

klah (JD) ‘разделяться, расщепляться’: *tam klah* (JD) ‘делить, разделять’ (*tam* ‘RCP’), *gəklah* (JD) ‘ломаться (под тяжестью)’: *nti chi gəklah* (JD) ‘Ветка дерева сломалась’, *chi gəklah* (JD) ‘Дерево раскалывается’;

gəlal (JD) ‘ослеплять’: *təyai gəlal mat* ‘Солнце слепит глаза’;

puh (VK) ‘махать, обмахиваться’, *puh* (JD) ‘поднимать, снимать’: *puh kê* (VK) ‘махать знаменем’, *ai dñ-dl̄ puh* (VK) ‘взять веер, чтобы обмахиваться’, *gəpuh* (JD) ‘дрожать (о листе), развеиваться (о знамени)’: *na gəpuh* (JD) ‘Лист дрожит’, *gəpuh n’ha chi* (VK) ‘Лист дерева дрожит’, *gəpuh kê lir hir* (VK) ‘Знамя развеивается’ (букв. ‘дрожать знамени развеиваться’);

gəpu (JD) ‘наклоняться, опрокидываться, рушиться’, *gəp÷* (VK) ‘упасть’: *chi gəp÷* (VK) ‘Дерево упало’;

gədñh, *dñh* (VK) ‘падать’: *gədñh ml̄u* (VK) ‘Идет дождь’, *gədñh piar* (VK) ‘Падает град’, *gèli i t̄o gèduh* (VK) ‘выронить из рук’ (букв. ‘отпустить рука падать’); как уже отмечалось, в Т [VK форма с префиксом употребляется при обозначении ненамеренных действий людей, хотя в DSKF в этих случаях употребляется форма без префикса;

tuh (VK) ‘выливать’, *tuh* (JD) ‘выливать, поливать’: *d̄j gètuh l̄m tiah* (VK) ‘Вода разлилась’ (букв. ‘вода выливать разливаться’), *gètuh kêlh̄o* (VK) ‘Выступил пот’, ср. также *gèhàr kêlh̄o* (VK) ‘Пот течет’ (*hàr* ‘течь’); как уже говорилось, форма *gètuh* (VK) отмечена при обозначении ненамеренных действий лиц: ср. *tuh d̄j* (VK) ‘выливать воду’ и *gètuh mh̄l̄m* (VK) ‘проливать кровь’;

gèrhiʒt (VK) ‘сочиться’: *gèrhiʒt da* (VK) ‘вода сочится’;

gəryoa (JD) ‘запутанный’: *gəryoa che* (JD) ‘запутанная лиана’, в данном случае перевод не отражает сентенциальный характер данной номинации, которая, скорее всего, является

двусоставным предложением со структурой VS, ср. также *che gèryu* (VK) ‘запутанная лиана’;

gètì p (VK) ‘влиять’ (вьет. *Anh hōi ng*), *gətəp* (JD) ‘заразный’: *kor gətəp* (JD) ‘заразная болезнь’ (*kor* ‘болезнь’); может также употребляться по отношению к лицам, обозначая неконтролируемый процесс или состояние: *gètì p ì diêng* (VK) ‘дурно влиять’ (букв. ‘влиять NEG хороший’), *ɲət gətəp* (JD) ‘боязнь заразиться’ (*ɲət* ‘страх’); ср. также следующий пример:

gèdì p (VK), *dəp, gədəp* (JD) ‘эффективный’: *sênêm gèdì p vì ì kàp* (VK) ‘эффективное лекарство’ (букв. ‘лекарство эффективный с болезнь’)³⁵;

gêdä (VK) ‘выщести, полинять (о ткани)’: *ɔu gêdä dɔ* ‘Рубашка полиняла’ (букв. ‘рубашка линять цвет’), ср. следующий пример:

du (JD) ‘убегать’, *gêdð* (VK) ‘истекать (о сроке)’: *jêh gêdð* (VK) ‘Срок истек’ (букв. ‘PRF истекать’);

gêprih (VK) ‘ударяться’, может обозначать как неконтролируемые процессы, например: *m̥lu gêprih* (VK) ‘Дождь хлещет’ (*m̥lu* ‘дождь’), так и ненамеренные действия лиц (происшествия), например: *gêprih tam h̥lu* (VK) ‘стукнуться о дом’ (букв. ‘удариться с дом’);

gêtêl hung (VK) ‘обрушиться, свалиться’: *h̥lu gêtêl hung* (VK) ‘Дом обрушился’;

jəm (JD) в выражении *jəm giŋ* ‘перегородить дорогу (например, деревьями)’; (из примера неясно, но, возможно, подразумевается намеренное действие); *gêjêm* (VK) дается как пе-

³⁵ По-видимому, *gèdì p* является фонетическим вариантом слова *gètì p*, идентичное в обоих источниках представление этих слов как разных лексем, по-видимому, объясняется тем, что в Т [VK используется материал Ж. Дурна.

ревод вьет. *sôp* ‘свалиться, быть низко надвинутым’: *sêgên gêjêm mət* (VK) ‘Шапка надвинулась на глаза’ (букв. ‘шапка загородить глаз’), дается также как перевод вьет. *hàa* ‘висеть, свешиваться’: *sɓ gêjêm vling lêyang* (VK) ‘Волосы падают на лоб’ (букв. ‘волосы загородить лоб’);

wêet (JD), *gêwɓt* (VK) ‘поворачивать’: *wêet mat* (JD) ‘поворачивать лицо’, *wêet nkɔ* (JD) ‘повернуться’ (букв. ‘поворачивать шея’), *hllu gêwɓt {ah gning}* ‘Дом обращен в сторону дороги’ (букв. ‘дом поворачиваться сторона дорога’); форма с показателем *gə*, образованная от двусложной основы, содержащей тот же корень, отмечается при обозначении ненамеренных действий лиц: *gê cêrwít* (VK) ‘вывихнуть’, например: *gê cêrwít ntling jêng* (VK) ‘вывихнуть ногу’ (букв. ‘вывихнуть кость нога’)³⁶;

cəy (JD) ‘показывать пальцем’: *ban cəy tɛɛ bar* (JD) ‘Не показывай пальцем на родителей’, *gêcong* (VK) дается как перевод вьет. *chĩa* ‘направлять, наводить, нацеливать’, однако из примера следует другое значение этой формы: *ntô chi gêcong hê gning* (VK) ‘Ветка дерева выступает на дорогу’ (букв. ‘ветка дерево показывать LOC дорога’), в той же словарной статье дается форма *gêwɓt* (VK) как синонимичная *gêcong*, которая, возможно, является формой глагола *wet* (JD) ‘обвинять’, который, возможно, тоже имеет значение ‘показывать пальцем’. Таким образом, в парах *cəy* – *gêcong* и *wet* – *gêwɓt* мы видим симметричное противопоставление активной и инактивной форм;

hàr, *gêhàr* (VK) ‘течь’: *gêhàr kêlhò* (VK) ‘Пот течет’ (*kêlhò* ‘пот’), *gêhàr muh lênhah lênhəi* (VK) ‘Течет из носа’ (букв.

³⁶ См. сноску 30.

‘течь нос липкий’), *d̥ġ ġêhàr nsuʒc ve croh* (VK, 154) ‘Вода бьет струей’ (букв. ‘вода течь бить.струей как ручей’), ср., однако, *d̥ġ hàr* (VK, 30) ‘Вода течет’, где употребляется форма без префикса, в DSKF находим только форму без префикса: *hər* (JD): *daa hər* (JD) ‘Вода течет’ *hər miu* (JD) ‘Льет дождь’, *hər daa mat* (JD) ‘Слезы текут’ (букв. ‘течь вода глаз’), однако в Т[VK в аналогичном предложении выступает форма с показателем *gə*: *ġêhàr d̥ġ mʒt*,

ġê awanh (VK) ‘шевелиться’: *ġê awanh kêmñng* ‘Занавеска шевелится’, в DSKF дается только форма без *gə*: *awan* ‘шевелить, двигать (тело), дрожать’, но, поскольку там нет примеров, неясно, может ли безаффиксальная форма обозначать процессы, происходящие с вещами;

kêt (VK) ‘связывать’, *koat* (JD) ‘связывать, делать узел’, *ġêkêt* (VK) ‘затвердевать, замораживаться’: *puʒc ġêkêt* (VK) ‘студень’ (букв. ‘мясо затвердевать’);

ġêcrġ (VK) ‘отражать свет, сверкать’: *d̥ġ ġêcrġ* (VK) ‘Вода отражает свет’ (*d̥ġ* ‘вода’), *ġêcrġ {ðng* (VK) ‘отблеск лампы’ (букв. ‘сверкать лампа’), *ġêcrġ mʒt têngai* (VK) ‘свет солнца’ (букв. ‘сверкать солнце’), перевод двух последних примеров, как представляется, неверный по причине, о которой было сказано выше: это двусоставные предложения с порядком слов VS – ‘Лампа светит’, ‘Солнце сверкает’, ср. следующие примеры, в которых отмечаются оба порядка слов, VS и SV: *{ðng ġng ġêcrġ* (VK) ‘Лампа светит ярко’ (букв. ‘лампа свет сверкать’), *ġêcrġ ġng drim* (VK) ‘Светает’ (букв. ‘сверкать свет утро’), *duh vèh t̥i têngai ġêcrġ* (VK) ‘Жарко, потому что сверкает солнце’ (букв. ‘жаркий из-за солнце сверкать’), *ġêcrġ puh l̥p* (VK) ‘Сверкает молния’; в DSKF даются обе формы: без префикса – *cira*, *səra* (JD) ‘сверкающий’ и с префиксом –

gəcira (JD), ‘ослеплять, обольщать’, однако там нет примеров, перевод формы *gəcira*, по-видимому, является окказиональным переводом слова в словосочетании *sim gəcira* (JD) ‘зимородок’ (*sim* ‘птица’). Как видим, Ж. Дурн пытается представить различие между простой и производной формами на уровне лексической семантики, что, на наш взгляд, неправильно; ср. также следующую комплексную номинацию:

gékIß gęc̣ṛɿ (VK) ‘сверкать (о солнце)’: *têngai gékIß gęc̣ṛɿ* (VK) ‘Солнце сверкает’;

gêlal (VK) ‘слепить глаза’: *təŋai gəlal mat* (JD) ‘Солнце слепит глаза’ (букв. ‘солнце слепить глаз’);

tam ‘сворачивать’, *gêtam* (VK) ‘сворачиваться’: *che gêtam kḷɯc* (VK) ‘Веревка запуталась’ (букв. ‘веревка сворачиваться запутанный’);

rəp (JD) ‘начинать, почти начать’: *rəp ləh* (JD) ‘начинать делать’ (*ləh* ‘делать’), *gêrəp* (VK) ‘начинать’: *vêḳɿu gêrəp ḷl* (VK) ‘Цветок только что появился’ (букв. ‘цветок начинать раскрываться’); может употребляться и по отношению к животным: *gêrəp ḍi ng* (VK) ‘подрастать (о молодых животных)’ (букв. ‘начинать большой’); может также употребляться по отношению к лицам при обозначении неконтролируемых процессов: *gərəp ji* (JD) ‘заболеть’ (букв. ‘начинать болеть’);

əm (JD) ‘оставаться, жить, останавливаться’: *əm tam hiu* (JD) ‘оставаться в доме’, *əm is* (JD) ‘оставаться один’, *gê-êm* (VK) ‘останавливаться (о вещи), находиться (о вещи)’: *rêndeh gê-êm* (VK) ‘Машина остановилась’, *car Nhjrông gê-êm tam kên’hụɿ ḷ LĒm* [*əng* (VK) ‘Уезд Зилинь находится в провинции Ламдонг’;

lât (VK) ‘идти’, *gêlât* (VK) получено как перевод вьет. *ḍi êng* ‘передвижной’;

gêtzu (VK) ‘выдыхаться (о запахе)’: *gêtzu n' hêm* (VK) ‘Запах выдыхается’ (букв. ‘выдыхаться воздух, дыхание’), ср. *gatoa* (JD) ‘бежать, убежать’;

rêm (VK) ‘дрожать’: *khai ngât rêm sʒ* (VK) ‘Он дрожал от страха’ (букв. ‘3SG бояться дрожать тело’), *gêrêm* (VK) ‘дрожать’: *gêrêm nñs* (VK) ‘трепетать, дрожать от восторга’ (букв. ‘дрожать сердце’), интересно, что в отличие от вьетнамского, где состояние «дрожать» описывается при помощи простого предложения со структурой SV, например: *nβ si' run* ‘Он дрожит от страха’ (букв. ‘3SG бояться дрожать’), в кэхо после глаголов *rêm* и *gêrêm* обязательно имя неодушевленного пациента, т. е. в кэхо данное состояние можно описать только при помощи сложного предложения с сентенциальным сказуемым с порядком компонентов S₁VS₂, обязательность компонента S₂ свидетельствует о том, что компонент S₁ не является аргументом предиката V;

gêrô (VK) дается как перевод вьет. *hoen* ‘запачканный, покрытый пятнами’, однако из примера, который приводится, следует другое значение: *tôl gêrô* (VK) ‘Выступило пятно’ (*tôl* ‘пятно’);

gêplâc (VK) ‘растягиваться’: *gêplâc sen rêndeh* (VK) ‘Цепь машины растянулась’ (букв. ‘растягиваться цепь машина’);

gêsrôp (VK) дается как перевод вьет. *hâp* ‘полузакрывать, полузакрывать (о глазах)’, однако, по-видимому, это неточный перевод, возникший в результате неправильного семантического анализа фразы *gêsrôp mʒt* ‘Глаза полузакрываются’, полученной в качестве переводного эквивалента вьет. *hâp mât* ‘полузакрывать глаза’, хотя предикаты кэхо *gêsrôp* и вьет. *hâp* описывают одну и ту же ситуацию (которая, скорее всего, была информанту продемонстрирована), они имеют разную аргументную структуру: вьет. *hâp* имеет аргументы с семантическими ролями «агенса» и «пациенса», а кэхо *gêsrôp* – только ар-

гумент с семантической ролью «пациенс»; возможно, что в предикате *gêsrôp* тот же корень, что и в *rip* (JD) ‘близко расположенный’, например: *bon rip* (VK) ‘близлежащая деревня’;

se (JD) ‘раздваиваться, отклоняться, разветвляться’: *tam se ti guŋ* (JD) ‘Разойтись на дороге’ (букв. ‘RCP отклоняться LOC дорога’); *rənət gə se* (JD) ‘Пила соскользнула’, *gñng gêsí dñ sēnah* (VK) ‘Дорога отклонилась в сторону’ (букв. ‘дорога отклоняться один сторона’);

yal (JD) ‘говорить’, *gēyal* (VK) дается как перевод вьет. *bβ buéc* ‘обязывать, вынуждать, быть вынужденным’, например:

- (53) *gēyal* *vêh* *hlu* *vēnhan* *gen* *anh*
вынуждать так как дом очаг тот 1SG
pal *lăt*
должен идти
‘Эти семейные обстоятельства вынуждают меня идти’
(Т[VK, 21])

lii (JD) ‘раскрывать’: *lii mat* (JD) ‘открывать глаза’, *gêll* в *gêll jêh* (VK), которое дается как перевод вьет. *rÁ* ‘осыпаться, рассыпаться’ в предложении *vêḳu gêll jêh* (VK) ‘Цветок осыпался’ (букв. ‘цветок раскрываться весь’), и как перевод вьет. *tàe* ‘выливать, разливать’ в предложении *sō gai cih gêll* (VK) ‘Ручка потекла’ (букв. ‘зуб CLF писать раскрываться’);

crθ (VK) ‘рвать’, *gêcrθ* (VK) ‘рваный, рваться’;

gêrèt (VK) ‘жарить, палить, обжигать’: *jō gêrèt mpiət* (VK) ‘Язык жжет’ (букв. ‘причинять боль обжигать язык’), *ji garət* (JD) ‘причинять жгучую боль’;

sêdar, *gê sêdar* (VK) ‘извилистый, поворачивать, кружить’, *sədar* (JD) ‘поворачивать’: *gñng gê sêdar* (VK) ‘Дорога поворачивает’;

lin (JD) ‘превышать, превосходить’, *gêlin* (VK) ‘неравный’: *yâ duêh gêlin* (VK) ‘Палочки для еды не одинаковые’ (букв. ‘пара палочки превышать’);

lit (JD) ‘затыкать, закупоривать’, выше, в п. 1 мы уже приводили примеры на употребление *gêlôt* (VK, 103) ‘задыхаться’: *gêtlp gêlôt muh* (VK) ‘Нос заложило’ (букв. ‘*gêtlp* (показатель неблагоприятного действия) *gê*-затыкать нос’), *gêlôt t¼ n’hom* (VK) ‘задыхаться’ (букв. ‘затыкать поднимать дышать’); там же отмечалось, что форма с показателем инактивности отмечается также при обозначении произвольных действий, совершаемых людьми: *gəlit mat* ‘закрывать глаза руками’ (букв. ‘затыкать глаза’), *gəlit bər* ‘руками держать рот закрытым’ (букв. ‘затыкать рот’); в словаре Ж. Дурна форма *gəlit* (JD, 70) переводится ‘закрывать руками’;

rəkoun (JD) ‘делать складки, складываться в складки’: *biai rəkoun* (JD) ‘ткань сложила в складки’, в некоторых случаях при описании неконтролируемых процессов и состояний выступает с показателем инактивности, например, в Т [VK форма с *gê* дается как перевод вьет. *quÁt* ‘скрученный’ и вьет. *quÁn* ‘курчавый’: *bang l̄s gêrkân wêl* (VK) ‘Бамбук высох и свернулся’ (букв. ‘бамбук сохнуть складываться сворачиваться’), *sβ gêrkân* (VK) ‘курчавые волосы’ (букв. ‘волосы складываться’); в DSKF форма с показателем инактивности дается в выражении *gərkon but* (JD) ‘горбатый’ (букв. ‘складываться спина’), перевод двух последних примеров является результатом неправильного грамматического анализа этих слов, выступающих в составе сложного предложения с сентенциальным сказуемым с порядком слов S₂V и VS₂, данные номинации могут функционировать и как самостоятельные высказывания, и в том и в другом случае их сентенциальный

характер не подлежит сомнению и подтверждается наличием показателя *gə*;

gêpə (VK) ‘шелушиться, сбрасывать кожу’: *chi gêpə kêmhà* (VK) ‘У дерева облупливается кора’ (букв. ‘дерево шелушиться кора’), ср. *pəə* (JD) ‘сворачивать, скручивать’;

gêploh (VK) ‘шелушиться, сбрасывать кожу’: *gêploh kêmhà muh mat* (VK) ‘Кожа лица шелушиться’ (букв. ‘шелушиться кожа лицо’);

gəpruh, *gəbruh* (JD) ‘вытекать струей, брызгать’: *gə pruh ndul* (JD) ‘пучить живот, тошнить’ (*ndul* ‘живот’), *gə pruh ha?* (JD) ‘блевать’ (*ha?* ‘vomissement’), *gəbruh daa diau* (JD) ‘брызги слюной’ (*daa* ‘вода’, *diau* ‘слюна’), что, по-видимому, – результат ошибочного перевода предложения со структурой VO ‘Слюна брызжет’, ср. *chəh daa diau* (JD) ‘плевать’ (*chəh* ‘плевать’), где закономерно показатель *gə* отсутствует, поскольку описывается контролируемое действие;

gəwəŋ (JD) ‘делать резкие, неритмичные движения’: *səwəŋ gəwəŋ* (JD) ‘Звезды мерцают’; как уже отмечалось, может употребляться при обозначении неконтролируемых действий лиц: *gəwəŋ sa* (JD) ‘ерзать’ (*sa* ‘тело’);

gêtʰ (VK) ‘соскользнуть, выскочить, выпустить’, *gəta*, *ta* (JD) ‘вынимать, высвободить, вытаскивать’, в примерах форма с показателем отмечается только при обозначении неконтролируемых процессов: *rêndeh coh gêtʰ sən* (VK) ‘У велосипеда соскочила цепь’ (букв. ‘велосипед соскользнуть цепь’), но *ta səmbiat* (JD) ‘снять кольцо (с пальца)’, *ta nhəm* (JD) ‘дышать’ (букв. ‘выпускать воздух’);

gês (VK) ‘становиться’: *mi gəs jak* (JD) ‘Ты стал ловким’, *gêgês* (VK): *tu gêgês kung kim* (VK) ‘Потом стала бабочка’ (букв. ‘потом становится бабочка’), *uʰ mhual gêgês mlu* (VK)

‘Густой туман стал дождем’ (букв. ‘много туман становится дождь’), *kài gégês niam wêl* (VK) ‘Рис стал хороший’ (букв. ‘рис становится хороший возвращаться’); обратим внимание на употребление формы без префикса в позиции вершины предикатного актанта каузативной КПА: *m̄lu lēh kài gês niam* (VK) ‘От дождя рис стал хороший’ (букв. ‘дождь делать рис становится хороший’), такое употребление представляется закономерным, поскольку это позиция зависимого предиката, из которой, как мы об этом говорили выше, показатель *gə* практически вытеснен;

gênhæt (VK) ‘сгущаться, собираться’: *gênhæt mh̄m* (VK) ‘Кровь запеклась’;

pêrjum (VK) ‘собираться’: *pêrjum bàn l̄ng* (VK) ‘Народ собрался’, *gê pêrjum* (VK) ‘сгущаться, собираться’: *gê pêrjum thual* (VK) ‘Облака набежали’ (букв. ‘*gê* собираться облако’);

gêrus (VK) ‘соскользнуть, спуститься’, например: *gêrus mpha* (VK) ‘Штаны соскочили’;

sêlêu (VK), *səlɔ* (JD) ‘противоположный’: *das səlɔ* (JD) ‘говорить наоборот’ (контролируемое действие лица), однако форму с *gê* находим в предложении *v̄r j̄nau {ês gê tam sêlêu val* (VK) ‘Два рассказа противоположные друг другу’ (букв. ‘два рассказ говорить *gê* RCP противоположный COM’), здесь она используется при описании свойства вещи;

bluh (JD) ‘дырявый’: *ao neh bluh* (JD) ‘Эта рубашка дырявая’, *gê vluh sê* (VK) ‘Корзина продырявилась’ (букв. ‘*gê* дырявый корзина’);

jat (JD) ‘следовать (за кем-то, чему-то)’, *gêj̄t* (VK) ‘удобный, благоприятный’: *gêj̄t cal* (VK) ‘благоприятный ветер’;

basiaŋ (JD) ‘бросать, вытянув руку’: *basiaŋ taa?* (JD) ‘бросать копьё’, по-видимому, перевод слова *basiaŋ* не точный,

ср.: *gê vêsàng*(VK) ‘отлогий’: *kêh gê vêsàng* (VK) ‘отлогий склон’;

yur (JD) ‘опускаться’, *gêjñr* (VK) ‘висеть, свешиваться’:
ntô chi gêyñr (VK) ‘Ветка дерева свешивается’;

rênjzi (VK) ‘распространяться’: *kài gê rênjzi jñt gñng* (VK) ‘Рис рассыпался по дороге’ (букв. ‘рис распространяться следовать дорога’);

saac (JD) ‘выливать воду черпаком’, *gêszc: dç gêszc aho* (VK) ‘Лодка зачерпнула воды’ (букв. ‘вода черпать лодка’), что дается как ошибочный перевод вьет. предложения *sβng vè vço thuyôn* ‘Волны бьются о лодку’ (букв. ‘волна бить входить лодка’), поэтому *gêszc* в Т[VK ошибочно переводится как вьет. *vè* ‘хлопать, биться’;

lip (JD) ‘впитывать(ся)’, *gêllp* (VK) дается как перевод вьет. *vôt* ‘пятно, след’, однако из примера следует другое значение: *gêllp dç mî k* (VK) ‘Чернила впитались’ (*dç mî k* ‘чернила’);

choul (JD) ‘толкать’, *gêchæl* (VK) дается как перевод вьет. *nî'n* ‘давить’ в предложении *khâng khủ bñ nî'n* ‘Нет воздуха, душит’, однако лексико-синтаксическая структура переводной номинации кэхо иная: *gêchæl cal* (VK) ‘Душит (не хватает воздуха)’ (букв. ‘толкает воздух’), это предложение со структурой VS, которое, как можно предполагать, может выступать в позиции сентенциального сказуемого в составе сложного предложения со структурой S₁VS₂, например: **anh gêchæl cal* ‘Меня душит (мне не хватает воздуха)’;

gênrau (VK) ‘булькать, журчать’: *gênrau ndul* (VK) ‘В животе журчит’;

gêpræ (VK) ‘вздуться’: *gêpræ ndul* (VK) ‘Вздулся живот’;
gêvræ [gəbroo] (VK), по-видимому, то же, что и *gêpræ* [gəprou], хотя в Т[VK дается как перевод вьет. *phæng* ‘наду-

вать’; это ошибочное толкование возникло в результате неправильного синтаксического анализа предложения кэхо *gêvŋæ trêmæ* ‘Щеки надулись’, которое было дано как перевод вьет. *phæng m* ‘надуть щеки’³⁷;

gêvam (VK) ‘заливать, наводнять’: *dɛ gêvam kài* (VK) ‘Вода залила рис’ (букв. ‘вода заливать рис’), *vêh tɛi træ mlɔ tɛng gêvam gñng* (VK) ‘Поскольку шли дожди, дорогу затопило’ (букв. ‘поскольку идти дождь поэтому заливать дорога’), хотя (*gə*)*bam* (*daa*) в DSKF и (*gê*)*vam* в T [VK отмечаются как субстантивированные формы со значением ‘наводнение’, из приведенных примеров следует, что они употребляются и как предикативные формы тоже;

pet (JD) ‘обрывать пальцами, рвать фрукты’, *gêpít* (VK) ‘зазубренный, выщербленный’: *gêpít vêr vêngɛn* (VK) ‘Пиала с зазубринами’ (букв. ‘зазубренный край пиала’);

gêprêt(VK) – то же, что *gêpít*(VK);

В языке ма также находим много примеров употребления показателя *gə* в предложениях, описывающих действия животных и неконтролируемых процессов, происходящих с вещами:

- (54) *ala?* *pòm* *ne* *gə* *lɔt* *dam lə* *pran*
все животные тот идти биться сильный
drom *bal*
равный RCP
‘Все животные ходят мериться силами’ (СКД 187a)

³⁷ По-видимому, информанту была продемонстрирована визуально ситуация, которую надо было описать.

-
- (55) *sre bəʔar do alaʔ bruəʔ gə líc bə təm*
 поля этот все работа выходит от в
ti bon lan hai
 рука деревня 2PL
 ‘Все эти поля – дело наших рук’ (ПРВ 99)

В отдельных случаях *gə* используется как маркер актантажной деривации – маркирует изменение семантической роли субъекта «агенса» на роль «пациенса», что следует из сравнения следующих примеров:

- (56) *alaʔ pòm ne gə nhip bo dzak*
 все животные тот чуют запах хороший
 ‘Все животные хорошо чуют запахи’ (СКД 187)
- (57) *kon so nhip təl*
 CLF собака нюхать след
 ‘Собака понюхала след’ (СКД 188)

3) *Аффективные, каузальные и оценочные предикаты*

В кэхо и ма показатель инактивности *gə* выступает в аффективных, каузальных и оценочных предикатах для маркировки как «инактивного» аргумента с семантической ролью «экспериенцер», который входит в семантическую и/или прагматическую структуру этих трех типов предикатов. В аффективных предикатах маркер *gə* выступает самостоятельно, а в каузальных и оценочных – в сочетании с маркером актантажной деривации *lə̀* (ма), *ləh* (кэхо) ‘делать’, при помощи которого образуются каузативные глаголы. В таком морфосинтаксисе аффективных, каузальных и оценочных предикатов находит формальное выражение то общее, что обнаруживается в их семантической структуре.

Аффективные и каузальные предикаты – это широко представленный в языках семантический тип предикатов, описы-

вающих ситуацию с двумя участниками, один из которых испытывает некоторое физическое или эмоциональное состояние, а другой является причиной этого состояния. Соответственно, аргументы этих предикатов имеют семантические роли «экспериментер» и «стимул/причина». Актант с семантической ролью «экспериментер» – первый аргумент аффективных предикатов, а актант с семантической ролью «стимул/причина» – первый аргумент каузальных предикатов. Аффективные предикаты описывают реакцию субъекта (*возмущаться, грустить, любить* и т. п.), а каузальные предикаты описывают свойства объекта (*возмутительный, грустный, вкусный* и т. д.). Аффективные предикаты описывают эмоциональное или интеллектуально-оценочное отношение личного субъекта к объекту, каузирующему это отношение (Золотова 1988, 24), а каузальные предикаты отсылают к некоторому свойству объекта (предмета, лица, события, ситуации), которое вызывает в субъекте определенную реакцию, при этом само свойство не эксплицируется. В этом смысле каузальные предикаты не дескриптивны, они объединяют объекты не по их естественным свойствам, а по их воздействию на субъект (Арутюнова 1988, 20). В аффективных и каузальных предикатах изначально заложено противоречие, поскольку в ситуации, которую они описывают, неясно, что первично – стимул или реакция, свойства объекта, вызывающие отношение чувствующего и мыслящего субъекта, или сам субъект, благодаря чувствам и мыслям которого эти свойства воспринимаются. Двойственная семантическая структура аффективных и каузальных предикатов, как правило, имплицитно специфический морфосинтаксис предложений, в которых они выступают, а также – механизмы синтаксической и семантической деривации как в синхронии, так и в диахронии. Часто эти два семантических типа предикатов связаны деривационными отношениями. Например, в русском языке предикат *грустный* может описывать и состояние субъекта (*грустный человек*), и свойства объекта (*грустная история*), а в кхмерском при описании этих двух

ситуаций используются разные языковые выражения, связанные деривационными отношениями: в первом случае – *srvɤɛh srvɤaoc* ‘грустный’, а во втором – *kuə aoj srvɤɛh srvɤaoc* ‘грустный’ (букв. ‘достойный CAUS грустный’). По этой модели в кхмерском языке каузальные предикаты регулярно образуются от аффективных, например: *vndaet vndouj* ‘грезить’ – *kuə aoj vndaet vndouj* ‘навевающий грезы (например, о музыке)’.

Парадокс аффективных предикатов заключается в том, что противоречивость их семантической структуры порождает конфликтную ситуацию для осуществления двух основных функций предложения как единицы языка – сообщения о положении дел в мире (или одном из миров) и выражения отношения говорящего к сообщаемому. Конфликт возникает оттого, что в единой поверхностно-синтаксической структуре невозможно адекватным образом упорядочить два аргумента аффективного предиката: на семантическом уровне аргументы имеют роли – «экспериенцер» и «стимул/причина», указывающие, на разную степень вовлеченности аргументов в ситуацию и задающие порядок такой, при котором аргумент с ролью «стимул/причина» является центральным, что отражает порядок вещей в мире. На уровне коммуникативной структуры, наоборот, вершиной является аргумент с семантической ролью «экспериенцер», что отражает отношение говорящего к сообщаемому, так как именно этот аргумент находится в фокусе эмпатии говорящего. Вот почему в языках для предложений, содержащих аффективные предикаты, характерны вариации по линии «переписывания» синтаксических и семантических ролей актантных ИГ, имеющие своей целью если не устранить, то сгладить асимметричность двух уровней представления предложения. Эти вариации имплицитно в поверхностно-синтаксической структуре изменения залоговых и падежных форм, порядка слов, состав актантных ИГ, синонимическую мену предикатов (ср. русск. *Я хочу* и *Мне хочется*, или *Я восхищаюсь (вами)*, *Я восхищен (вами)* и *Вы восхищаете*

те меня, или *Петя любит Машу*, *Петя влюблен в Машу*, и *Петя увлечен Машей*). Синтаксические, семантические и прагматические изменения по линии актантов могут приводить к изменению лексического значения предиката, в частности, к полисемии и расщеплению на две лексемы. Эти изменения оставляют свой след в поверхностно-синтаксической структуре предложения и морфосинтаксической структуре самого предиката и его аргументов.

В случае каузальных предикатов конфликта иерархии семантических и прагматических ролей нет, так как аргумент с семантической ролью «стимул/причина» представлен в подлежащем, т. е. является коммуникативной вершиной предложения.

Употребление показателя инактивности *гә* с аффективными и каузальными предикатами в кэхо и ма мотивировано двойственностью их семантической структуры, показатель инактивности в данном случае употребляется как средство устранения конфликта семантической и коммуникативной структур.

Аффективные предикаты

В кэхо и ма исконный показатель инактивности *гә* отмечается в аффективных предикатах как словоизменяемая морфема, как словообразовательная морфема и как асемантический пресиллаб, который может быть обязательным или факультативным. Особенности употребления показателя инактивности *гә* в аффективных предикатах и, главным образом, аномалии его употребления, а также случаи расхождения, которые обнаруживаются при сравнении таких очень близких языков, как кэхо и ма, – все это позволяет предполагать, что в предложениях с аффективными предикатами показатель *гә* первоначально использовался как морфологическое средство для обозначения иерархии семантических ролей актантных ИГ, представленных в поверхностно-синтаксической структу-

ре предложения, а именно: для маркировки более подчиненной семантической роли аргумента, представленного в подлежащем, по сравнению с аргументом, представленным в дополнении. Тем самым адекватно решалась задача упорядочения в поверхностно-синтаксической структуре предложения аргументов аффективного предиката: первый актант маркировался и как коммуникативная вершина предложения, получая позицию подлежащего, и как имеющий подчиненную семантическую роль, получая показатель *gə*.

Возможно, что асемантический пресиллаб *gə*, выступающий во многих аффективных предикатах, возник в результате лексикализации исконных инактивных форм, в которых он первоначально выступал как маркер подчиненной, менее активной семантической роли аргумента, представленного в подлежащем («экспериенцер»), по отношению к семантической роли аргумента, представленного в дополнении («стимул/причина»). Рассмотрим примеры аффективных предикатов языка кэхо, в которых выступает асемантический пресиллаб *gə*:

gəbɔh (JD) ‘любить’, ср. примеры из DSKF и T [VK, содержащие один и тот же предикат, но с вариацией синтаксических ролей по линии второго актанта:

(58) *kən* *gəbɔh* *mə* *mɛɛ bap*
ребенок любить СОМТ родители
‘Дети любят родителей’ (JD)

(59) *mɛ* *gəvoh* *kən*
мать любить ребенок
‘Мать любит ребенка’ (T [VK, 171)

Как видим, в этих предложениях аргумент с семантической ролью «стимул/причина» выступает в разных синтаксических функциях – косвенного дополнения с предлогом и прямого дополнения. Хотя синтаксические роли подлежащего,

прямого дополнения, непрямого дополнения, косвенного дополнения в общем случае являются средством упорядочения аргументов в коммуникативной структуре предложения, в данном случае понижением актанта с семантической ролью «стимул/причина» решается другая задача – выбора семантико-синтаксической стратегии кодирования – одинаковыми или разными морфосинтаксическими средствами – разных семантических ролей – «пациенса» и «стимула/причины». При выборе стратегии дифференцированного кодирования в данном случае, по-видимому, не последнюю роль играют и референциальные свойства аргументов. Та же стратегия кодирования используется и для аргумента «страна, родина», например: *gêvoh mê dɛ lɛgar* (VK) ‘любить родину’. Использование комитативного маркера для кодирования второго актанта не случайно. В работе [Плунгян 2000, 170] отмечается, что в языках мира синтаксический падеж комитатив используется для кодирования второстепенного агенса, сопровождающего действия главного агенса (*пришел с друзьями*). Несомненно, основная функция синтаксического падежа комитатива – выражение роли «второго среди равных» участника ситуации, именно этим объясняется, почему для кодирования второго аргумента аффертивного предиката выбирается комитативный маркер: комитативная стратегия кодирования позволяет на уровне синтаксических падежей «повысить» ранг актанта с семантической ролью «стимул/причина», которому отведена второстепенная роль дополнения. Есть другие аномалии употребления аффертивных предикатов с маркером *gə*, которые свидетельствуют о том, что выбор морфосинтаксических средств для маркировки семантических ролей некогда зависел от референциальных свойств аргументов.

Глаголу *gəbɔh* (JD) ‘любить’ в языке ма соответствует глагол *gəbɔ* ‘любить, нравиться’ с асемантическим пресиллабом *gə*, у него в качестве второго актанта могут выступать и лица, и не-лица, например:

-
- (60) *ci aŋ gəb̀̀b̀̀ là ci rəhi*
 вещь 1SG любить COP вещь красный
 ‘То, что я люблю, – это красные вещи’ (АТР 4)
- (61) *brwaʔ rəsaŋ gəb̀̀b̀̀ saw kra là*
 дело заботиться любить человек старый COP
k̀̀j̀̀n ɲan
 нужно очень
 ‘Уважение к старшим – обязательно’ (АТР 61)

Однако в ма есть еще глагол *k̀̀j̀̀n, gək̀̀j̀̀n* ‘любить, нравиться’, который отмечается как с пресиллабом *gə*, так и без него, форма с пресиллабом выступает только в тех случаях, когда вторым актантом является лицо, а форма без пресиллаба – когда вторым актантом является вещь, например:

- (62) *aŋ gək̀̀j̀̀n ɲan bi klaw*
 1SG любить очень старший брат, сестра мужчина
ne
 тот
 ‘Мне очень нравится сестра того мужчины’ (АТР 51)
- (63) *aŋ k̀̀j̀̀n ci rəhi*
 1SG любить вещь красный
 ‘Мне нравятся красные вещи’ (АТР 3)

По-видимому, данная особенность употребления форм *k̀̀j̀̀n, gək̀̀j̀̀n* со значением ‘любить, нравиться’ – рефлекс того, что употребление *gə* в аффективных предикатах как средства маркирования более подчиненной семантической роли первого аргумента первоначально было связано с референциальными свойствами аргументов. Необходимость в такой маркировке могла возникать прежде всего в тех случаях, когда оба участника ситуации были лица, и тогда при помощи показателя

инактивности можно было обозначить такую иерархию семантических ролей, при которой первый актант, представленный в подлежащем, имел менее «активную» семантическую роль нежели второй актант, представленный в дополнении. Возможно, что в тех случаях, когда второй актант – не-лицо, показатель *gə* не мог использоваться подобным образом, потому что такая стратегия маркирования в рамках активного строя порождала бы другой конфликт, уже на уровне референциальной семантики, заключающийся в том, что актант-лицо маркировался бы как имеющий менее «активную» семантическую роль, нежели актант – не-лицо.

Данное предположение находит свое подтверждение еще и в том, каким образом изменялось лексическое значение без-аффиксального глагола *kən* в результате различных вариаций исходной структуры предложения, происходящих по линии второго актанта. В предложениях со вторым актантом не-лицом и с устранимым вторым актантом, когда в его позиции выступает предикат (в конструкциях с предикатными актантами) или предложение (в конструкциях с сентенциальными актантами), у глагола *kən* возникают новые лексические значения – ‘испытывать необходимость’, ‘быть должным’, ‘хотеть’:

(64) *aŋ kən sən dv*
 1SG нужно сковорода этот
 ‘Мне нужна эта сковорода’ (ВПР 31)

(65) *kən cən à? à? kən*
 нужно нести NEG; INTER NEG нужно
 ‘Нужно нести? Не нужно’ (ВПР 38)

(66) *jə? na? saw kən gè bruə? lə*
 все CLF человек должен иметь работа делать
 ‘Каждый человек должен иметь работу’ (АТР 111)

-
- (67) *bul hi kàŋ mi lə cù tìc gətùj*
 PL 1PL хотеть 2SG работать председатель можно
 ò?
 NEG; INTER
 ‘Мы очень хотим, чтобы ты был председателем, ладно?’ (ВПП 55)

Эти лексические значения начинают развиваться в результате того, что второй аргумент перестает выполнять семантическую роль «стимул/причина», либо потому, что он нелицо, либо потому, что он устранен и вынесен за пределы описываемой ситуации, как это происходит в конструкциях с предикатными актантами. При этом первый аргумент во всех случаях сохраняет роль «экспериенцер», изменения в семантической структуре предложения происходят по линии второго актанта: источник каузации либо выносится за рамки описываемой ситуации, и тогда лексическое значение глагола изменяется, аффективная семантика преобразуется в семантику наложения обязательств, либо источник каузации переносится на первый актант, он получает двойную семантическую роль «экспериенцера – стимула/причины», и изменения сводятся к тому, что исходная семантика аффективности преобразуется в семантику желания. Различие семантической роли «экспериенцера» и двойной семантической роли «экспериенцера – стимула/причины» хорошо видно в следующих предложениях:

- (68) *aŋ ji bic*
 1SG болеть спать
 ‘Я хочу спать’ (ВПП 45в)

- (69) *aŋ kàŋ bic*
 1SG хотеть спать
 ‘Я хочу спать’ (ВПП 45г)

Первое предложение описывает состояние субъекта, возникающее помимо его воли, которое субъект не может контролировать, оно было дано как перевод вьет. предложения с глаголом *biəp* ‘испытывать потребность’. Второе предложение описывает ситуацию осознанного выбора, подчиненного воле субъекта, и дается как перевод вьет. предложения с глаголом *tuān* ‘хотеть, желать, стремиться’. В результате устранения второго актанта могут появляться новые актаны, и «переписывание» семантических ролей может идти дальше: при появлении нового актанта семантическая роль «экспериментер – стимул/причина» может преобразовываться в роль «стимул/причина – источник каузации», именно это различие на уровне семантической структуры мы можем обнаружить при сравнении данных предложений. Интересно, что при переводе предложения *Я очень хочу спать* информант не мог употребить ни глагол *ji*, как в первом предложении, ни глагол *kəŋ*, как во втором, и это можно объяснить только тем, что ни семантическая роль «экспериментер», ни двойная семантическая роль «экспериментер – стимул/причина» не подходят первому актанту в ситуации, описываемой предложением *Я очень хочу спать*, поэтому информант использовал другой предикат.

Приведем пример из языка ма, который, как может показаться на первый взгляд, противоречит нашей трактовке функции префикса *gə* в форме *gəkəŋ* ‘любить, нравиться’, а именно, что он маркирует более подчиненную семантическую роль «экспериментер» первого аргумента по отношению к семантической роли «стимула/причины» второго аргумента в тех случаях, когда оба аргумента – лица:

- (70) *de kɔn ur me kɔn*
 родить ребенок жен. мать любить
kɔn tɔ me haj te?
 падчерица (ребенок + чесотка) мать 1PL бросать
 ‘Родную дочь мать любит, неродную не любит’ (СКД 205)

Исходя из нашей трактовки, в предложении с предикатом «любить» должна употребляться форма с префиксом *gəkɔn*, когда оба аргумента – лица, и форма без префикса *kɔn*, когда второй актант – не-лицо. Благодаря антонимической семантической структуре координативной конструкции, представленной в данном предложении, очевидно, что в данном случае предикат *kɔn* выступает уже с другим значением – ‘любить, т. е. заботиться, делать все то, что должна делать мать по отношению к дочери’. Эта семантика не аффективная, и семантические роли аргументов в данном случае иные: первый аргумент имеет роль «агенса», которая занимает самое высокое положение в иерархии семантических ролей, поэтому *gə* не может выступать здесь в той функции, о которой идет речь, т. е. в функции обозначения более подчиненной семантической роли первого аргумента по отношению ко второму аргументу.

Отметим, что глаголу *kɔn* ‘хотеть’ в кэхо соответствует глагол *kì nh*, например:

- (71) *anh kì nh vèsram*
 1SG хотеть учиться
 ‘Я хочу учиться’ (Т [VK 99])

Теперь рассмотрим случай, когда в языке кэхо форма с префиксом *gə* лексикализуется с новым значением:

dan (JD) ‘требовать, просить’, например: *dan də cau* (JD) ‘просить у кого-то’ (букв. ‘просить DAT люди’), его форма

gədan (JD) употребляется в двух значениях: ‘хотеть’ (аффективный предикат), например: *gədan bic* (JD) ‘хотеть спать’, *gədan nɔ* (JD) ‘хотеть смеяться’, *gədan nɔ goe* (JD) ‘смеяться без причины’, и ‘слушаться, повиноваться’; в DSKF отмечается глагол *gəraŋ* как синонимичный *gədan* ‘хотеть’, трактуемый однако, в T[VK как глагол непроизвольного действия, например: *khai gəranh nhβ* (VK) ‘Он разразился смехом’. Рассмотрим примеры:

(72) *cau sɔn khai gədan nhβ ngan*
 люди смотреть 3SG хотеть смеяться очень
 ‘Людам смешно глядя на него’ (VK)

(73) *kən gədan tɛɛ bar*
 ребенок слушаться родители
 ‘Дети слушаются родителей’ (JD)

Это пример того, как аффективные предикаты могут возникать от предикатов с другой семантикой. И *gədan* ‘хотеть’, и *gədan* ‘слушаться, повиноваться’ оба аффективные предикаты, оба значения возникают в результате семантико-синтаксических изменений, происходящих в актантной структуре исходного предиката: *tɛɛ bar dan də kən* ‘Родители («стимул/причина») требуют от детей («экспериенцер») → *kən gədan tɛɛ bar* ‘Дети («экспериенцер») слушаются родителей («стимул/причина») → *kən gədan bic* ‘Дети («экспериенцер») хотят спать’. Значение ‘слушаться, повиноваться’ возникает в результате переупорядочения аргументов на уровне коммуникативной структуры, что на синтаксическом уровне маркируется изменением синтаксических ролей. Префикс *gə*, как и в других случаях аффективных предикатов, маркирует менее «активную» семантическую роль первого аргумента

та. Значение ‘хотеть’ возникает в результате следующей вариации, по линии устранения второго актанта и замены его на предикатный актант. На этом примере, в частности, видно, почему в кэхо маркер *gə* стал употребляться как пассивный показатель: поскольку *gə* маркировал менее «активную» семантическую роль актанта, продвигаемого в первую позицию – коммуникативную вершину предложения, он мог переосмыслиться как пассивный показатель.

Приведем примеры других аффективных предикатов, которые в языке кэхо выступают с асемантическим пресиллабом *gə*:

gêjranh (VK) ‘сердиться, ненавидеть, питать отвращение’, также *gêjranh nus* ‘сердиться’ (*nñs* ‘сердце’); *gêjranh* в Т[VK также отмечено со значением ‘бояться’, сравним примеры:

(74) *anh* *gêjranh* *tus* *kra*
 1SG бояться становится старый
 ‘Я боюсь постареть’ (Т[VK, 25)

(75) *anh* *gêjranh* *mê* *khai*
 1SG сердиться COM 3SG
 ‘Я сердит на него’ (Т[VK, 27)

gêlɯng (VK) ‘тосковать’: *gêlɯng nhɯ* ‘тосковать по дому’;
gêpât (VK) ‘любить, быть привязанным’: *kêmvuh gêpât val* (VK) ‘внезапно полюбить друг друга’ (букв. ‘внезапно любить RCP’);

gêsrɯn (VK) ‘испытывать вяжущее ощущение во рту’, например:

(76) *sa* *plai* *pê-əs* *lir* *gêsrən* *vêr*
 есть плод гуайава зеленый вяжет очень
 ‘Когда ешь незрелую гуайаву, очень вяжет’ (Т[VK, 30)

ì gèjò (VK) ‘спокойный, равнодушный’ (*ì* ‘NEG’), например: *ì gèjò ve ì s* (VK) ‘спокойный, как пламя’;

gêròt gêrot (VK) ‘злой, плохой, дурной’, также внесено со значением ‘осторожный, сдержанный’;

gêvoh gêvçi (VK) ‘радостный’, например: *gêvêh gêvçi tam sç* (VK) ‘радостно на сердце’;

gêdì p (VK) ‘реагировать’, *gədap, dəp* (JD) ‘эффективный’, например: *ì gèdì p sênêm* (VK) ‘не реагировать на лекарство’ *sənəm gədap* (JD) ‘эффективное лекарство’.

Каузальные предикаты

В каузальных предикатах кэхо и ма выступает комбинация двух показателей: показателя инактивности *gə* и маркера актантной деривации *lə* (ма), *ləh* (кэхо) ‘делать’, при помощи которого еще образуются каузативные глаголы. Рассмотрим пример из языка ма:

- (77) *dan naw gə lə dðŋ bi həʔ te*
что большой как тот PTL
‘Что есть такого важного?’ (ВПР 53)

Здесь каузальный предикат *gə lə dðŋ* ‘важный’ образован от предиката с дескриптивной семантикой *dðŋ* ‘большой’. Такая морфология каузальных предикатов имплицитно асимметрична их семантической и коммуникативной структуре. Каузальные предикаты называют свойство объекта не дескриптивно, а по отношению к тому, какое эмоционально-оценочное воздействие объект оказывает на субъект, поэтому их семантическая структура включает два актанта с семантическими ролями «стимул/причина» и «экспериенсер», из которых в синтаксической структуре обязателен только первый. Показатель *lə* в данном случае выступает как маркер повы-

шающей актантной деривации, т. е. указывает на то, что семантическая структура исходного предиката увеличивается на один актант (Плунгян 2000). Маркеры *lə* (ма), *ləh* (кэхо) ‘делать’ в кэхо и ма обозначают добавление нового аргумента в семантическую структуру исходного предиката с разными семантическими ролями: при деривации каузативных предикатов добавленный аргумент имеет семантическую роль «агенса», при деривации каузальных предикатов добавленный аргумент имеет семантическую роль «экспериенцера». Они могут обозначать добавление аргумента, как представленного на синтаксическом уровне, – что происходит при деривации каузативных предикатов, так и не представленного на синтаксическом уровне, – как в случае деривации каузальных предикатов. Общая морфология каузативных и каузальных предикатов кэхо и ма – это подтверждение сходства их семантической структуры.

Как и в случае аффективных предикатов, показатель инактивности *gə* при деривации каузальных предикатов служит средством обозначения иерархии семантических ролей. Он маркирует семантическую роль второго аргумента («экспериенцера») как более низкую по сравнению с ролью первого аргумента («стимула/причины»); отличие от аффективных предикатов в том, что он маркирует семантическую роль аргумента, не представленного на поверхностно-синтаксическом уровне.

Предикаты оценки

В языке кэхо комбинация показателя инактивности *gə* и показателя актантной деривации *ləh* в отдельных случаях отмечается при предикатах оценки, в этом смысле морфосинтаксис предикатов оценки идентичен морфосинтаксису каузальных предикатов. Например: ‘красивый’ – *niam* (VK), (*gələh*) *niam* (T[VK, 160). А также:

-
- (78) *mve gêlêh sr¼ do*
какой книга этот
'Какая это книга?'(NPTK, 118)

Как отмечается в работе [Арутюнова 1988], предикаты оценки нельзя отнести к разряду каузальных. В чем тогда причина одинакового морфосинтаксиса каузальных и оценочных предикатов в языке кэхо? Общее в семантической структуре каузальных и оценочных предикатов то, что они не относятся к разряду дескриптивных. Семантическая структура каузальных предикатов полностью раскрывается на уровне семантической структуры предложения, но описание семантической структуры предикатов оценки требует выхода на прагматический уровень. Как показала Н. Д. Арутюнова, в семантическую структуру оценочного предиката помимо объекта оценки входит также субъект оценки (говорящий), адресат оценки, и понятие нормы: «цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить» (Арутюнова 1988, 43). Иначе говоря, значение оценочных предикатов не ограничено дескриптивностью, они связаны и с эмоциональной сферой говорящего, и с коммуникативной целью высказывания, и с отсылкой к некоторому стандарту. Все эти компоненты семантической структуры оценочного предиката могут тем или иным образом отражаться на поверхностном уровне предложения, что создает его специфический морфосинтаксис. Например, в некоторых МК языках с предикатом оценки в вершине часто в качестве обязательного структурного элемента выступает наречие степени «очень». Такой морфосинтаксис возникает под влиянием тех компонентов семантической структуры предикатов оценки, которые связаны с обращением к норме и/или адресату оценки. Или, например, в нашей практике полевой работы был случай, когда информант оценил как «плохо сказанное» анкетное предложение *Эта женщина красивая* и заменил его на

«более понятное» *Эта женщина красивая, как девушка*. Такое языковое поведение мотивировано тем компонентом семантической структуры предиката оценки, который связан с обращением к норме, понятию компаративного класса.

Употребление служебного элемента *gêlêh* с предикатами оценки в языке кэхо также связано с одним из компонентов сложной семантической структуры оценочных предикатов, а именно, с субъектом оценки, с перемещением акцента со свойств предмета, существующих объективно, на субъективное восприятие говорящим этих свойств. В МК языках это может манифестироваться, например, тем, что в поверхностной структуре предложения появляются предикаты, имеющие субъектную валентность, которая не заполнена на поверхностно-синтаксическом уровне, или же – синтактико-семантические дериваты таких предикатов. Например: кхмер. *luuu khlay* ‘громкий’ (*luuu* ‘слышать’, *khlay* ‘сильный’), *sruəl praə* ‘удобный’ (*sruəl* ‘легкий’, *praə* ‘использовать’), *cyajr pisaə* ‘вкусный’ (*cyajr* ‘вкусный’, *pisaə* ‘есть’)³⁸. В языке кэхо, как можно видеть из приведенного примера, апелляция к субъекту оценки на поверхностно-синтаксическом уровне фактически эксплицируется посредством деривации каузального предиката от предиката оценки: *niam* ‘красивый’ – одноместный предикат, *gêlêh niam* ‘красивый’ (букв. ‘*gê*-CAUS красивый’) – двухместный предикат, аргументы которого имеют семантические роли «стимул/причина» и «экспериментер», хотя второй аргумент не представлен на поверхностном уровне.

2.3. Именные аффиксы в чрау

Язык чрау, как языки кэхо и ма, входит в южную подгруппу бахнарической группы. В научной литературе данных

³⁸ Ср. англ. *It is nice – It feels / smells / sounds / seems / looks nice.*

по языку чрау мало, однако в работе Д. М. Томас «Аффиксы в языке чрау» (Thomas 1969) дается подробное описание аффиксальной системы и приводятся около семидесяти форм, выявленных в корпусе объемом 5–6 тысяч слов, в том числе 21 инфиксальных производных, – гораздо меньше того, что нам удалось выявить в DFKF и T[VK по языку кэхо. Малое по сравнению с языком кэхо количество инфиксальных производных объясняется прежде всего тем, что Томас отбирала только формы, которые являются абсолютно регулярными производными и в плане выражения, и в плане содержания. Кроме того, при работе использовались только два информанта: подросток и мужчина 25–30 лет, второй из них много лет жил среди говорящих на вьетнамском языке. Напомним, что Ж. Дурн собирал свой материал по языку кэхо во многих деревнях на большой территории, где живут кэхо. В нашей полевой работе в составе совместной российско-вьетнамской лингвистической экспедиции по обследованию языков нацменьшинств Вьетнама нам неоднократно приходилось убеждаться в том, что степень владения родным языком у информантов может существенно различаться, и это, в первую очередь, касается владения формами с аффиксами. Нередки случаи, когда один информант дает формы, для других информантов либо совершенно незнакомые, либо они не знают точно, как их употреблять, хотя все информанты могут быть из одной деревни.

Как отмечается в работе Д. М. Томас, в чрау сохранилось мало аффиксальных форм, и они быстро исчезают из языка. Во многих случаях простая и аффиксальная формы вариативны, часто в одном диалекте употребляется только простая форма, в то время как в другом – производная, при этом носители языка сознают, что существуют две формы одного слова, но предпочитают употреблять только одну из них. Д. М. Томас считает, что причиной тому вьетнамский язык, на котором многим носителям языка чрау приходится говорить больше, чем на своем родном языке. На наш взгляд, существуют и вну-

триязыковые причины быстрого разрушения исконной морфологической системы. Это, прежде всего, высокая омонимия аффиксов. В чрау в инвентаре аффиксальных средств, насчитывающих всего пять аффиксов, есть три омонимичных префикса *ta*: каузативный, пассивный и ненамеренного действия, при этом только очень незначительное число глаголов допускает образование форм с разными значениями, в основном они имеют дополнительную дистрибуцию по отношению к глагольным корням. Такая омонимия – результат утраты исконных парадигматических связей аффиксов, которые первоначально выступали как маркеры семантических ролей актантов в полипредикативных конструкциях различных типов. В результате синтаксической компрессии ППК значение аффиксов изменяется, они становятся маркерами соответствующих синтаксических конструкций – каузативных, пассивных, атрибутивных, либо в результате лексикализации форм становятся словообразовательными морфемами, и в конце концов их исходная семантика утрачивается, и парадигматические связи разрушаются. Далее высокая омонимия аффиксального инвентаря неизбежно приводит к его утрате.

Данные языка чрау представляют интерес прежде всего с точки зрения тех аномалий, которые они обнаруживают.

Д. М. Томас выделяет две функции инфикса *-an-*: образование от глаголов имен существительных и прилагательных. Однако из примеров, которые она приводит, следует, что инфиксальные производные, которые Д. М. Томас называет прилагательными, функционально неоднородны. Одни из них действительно прилагательные, которые в языке чрау, как и в других МК языках, вместе с глаголами составляют единый функциональный класс предикативов, поскольку могут употребляться в позиции сказуемого без дополнительных маркеров. Из четырех примеров, которые приводит Д. М. Томас, только в одном случае можно считать, что от глагола образуется прилагательное: *bəh* ‘знать’ – *banəh* ‘мудрый’, например: *nəh*

banəh ‘Он мудрый’. В остальных случаях, насколько можно судить по примерам, образуются атрибутивные формы, в которых глагол выступает в зависимой позиции модификатора:

kah ‘помнить’, *piəŋ kanah* ‘оставшийся рис’ (букв. ‘рис *n*-оставлять’); *paŋ* ‘стрелять’, *yaŋ paŋaŋ* ‘дух стрельбы’ (букв. ‘дух *n*-стрелять’), *tamiun paŋaŋ* ‘хороший охотник’ (букв. ‘охотник *n*-стрелять’);

kooih ‘строгать’, *anh kooih baay pih kanooih* ‘Я строгою ножом «канойх»’ (букв. ‘1SG строгать INSTR нож *n*-строгать’).

Д. М. Томас приводит также три инфиксальные формы, которые, как она считает, свободно варьируют с простой производной формой: *chvɔc* ~ *chinhvɔc* ‘свирепый’, *krvʔ* ~ *kanrvʔ* ‘заросший сорняками’, *khuiun* ~ *kanhuiun* ‘воровать’. Поскольку в работе нет примеров, относительно форм *chinhvɔc* и *kanrvʔ* можно только предполагать, что либо они выступают исключительно в позиции определения, либо, действительно, простая и производная формы стали фонетическими вариантами одного слова.

Таким образом, в языке чрау мы обнаруживаем три разных типа рефлексов исконной формы зависимой предикации с инфиксом *-*n*-: рефлексы субстантивированных форм – имена существительные, рефлексы адъективированных форм – прилагательные, и рефлексы связанных атрибутивных форм. Последние, как и в языке кэхо, выступают в устойчивых номинациях, однако в языке кэхо, в отличие от чрау, некоторые рефлексы исконных форм ЗП могут отмечаться одновременно и как субстантивированные, и как связанные несубстантивированные (*tərneh* ‘огниво’ от *teh* ‘ударять’ и *daa tərneh* ‘экстракт, сок’).

В языке чрау при помощи инфикса *-an-* образуются имена следующих семантических групп.

1) *Имена объекта, возникающего в результате действия*

ganvr ‘плотина’, *dvr* ‘ставить плотину’, отметим переход $d > g$ при инфиксации, т. е. расподобление по месту образования дентальной инициали корня и дентального инфикса, такое явление отмечается и в других бахнарических языках, в джех, бахнар и седанг в аналогичных случаях имеем переход $t > k$.

В чрау находим рефлекс инфиксального производного, с тем же корнем, но образованного от основы с префиксом, где опрощению подверглись и инфикс и префикс, остался только плавный аугмент инфикса (как мы видели, рефлексов подобного рода много в кэхо): *raŋdvr* ‘пороги’. Такие рефлексы можно сравнить с неопрощенными рефлексами производных от того же корня в кхмерском языке: *tup* ‘затыкать, преграждать’, *tumtip* ‘плотина, перемычка’ (от непроизводной основы), *bvntop* ‘нагромождать одно на другое’ (каузативная форма).

Вместо словообразовательного ряда *dvr*, *ganvr*, *raŋdvr* Д. М. Томас предлагает другое решение, полагая, что *ganvr* образовано не от *dvr*, а от *raŋdvr* в результате инфиксации односложного варианта корня, который возник в результате редукции корня до сильного слога: *raŋdvr > gvr* → *ganvr*; однако, все же, такая деривация была бы нетипичной как в плане выражения, так и в плане содержания.

rapoʔ ‘слово’, *poʔ* ‘говорить’, данное производное отмечается только в составе устойчивого словосочетания *poʔ rapoʔ* ‘говорить слова’;

rapaŋ ‘комната’, *paŋ* ‘ставить перегородку, разгораживать’: *an paŋ pram lɔm rapaŋ* ‘Я разгораживаю пять комнат’ (букв. ‘1SG разгораживать пять CLF комната’);

rapəʔ ‘рулон, сверток’, *pəʔ* ‘сворачивать’: *an pəʔ diu rapəʔ iuʔ* ‘Я сворачиваю одну закрутку табака’ (букв. ‘1SG сворачивать один сверток табак’);

panat ‘горсть’, *pat* ‘сжимать в кулаке’: *an pat diu panat riəu* ‘Я зажал горсть риса’ (букв. ‘1SG сжимать одна горсть рис’).

2) Имена объекта, на который направлено действие

ganəs ‘лассо’, *gəs* ‘бросать лассо’: *an gəs baau ganəs* ‘Я бросаю лассо’ (букв. ‘1SG бросать INSTR лассо’);

taniuu ‘груз, который несут на плече’, *tuu* ‘нести груз на плече’: *an uuu diu taniuu ləu* ‘Я несу одну ношу хвороста’ (букв. ‘1SG нести один груз хворост’).

3) Имена инструмента

kanhle? ‘крючок’, *khle?* ‘цеплять’: *an khle? baau kanhle?* ‘Я зацепляю крючком’ (букв. ‘1SG цеплять INSTR крючок’);

panar ‘крыло’, *par* ‘летать’: *sum gəh panar nəh par* ‘У птицы есть крылья, чтобы летать’ (букв. ‘птица иметь крыло чтобы летать’);

ganəl ‘подушка’, *kəl* ‘класть голову на что-то’: *an kəl book baau ganəl* ‘Я кладу голову на подушку’ (букв. ‘1SG класть голова INSTR подушка’).

4) «Классификаторы»

В группу с условным названием «классификаторы» входят имена, образованные от имен, а не от глаголов. Напомним, что в языке кэхо в эту группу входили классификаторы, образованные от имен естественных объектов, имена естественных объектов и артефактов, образованные от имен частей тела человека, и термин родства «племянник, племянница», образованный от слова «ребенок». В чрау в этой группе находим имена-квантификаторы, термин родства, образованный от термина родства, имя части тела человека, образованное от отвлеченного имени, и имя части естественного объекта, образованное от имени части тела человека:

panuuʔ ‘кусок, часть’, *puuʔ* ‘название сорта риса’: *duu panuuʔ piəŋ puuʔ* ‘один кусок риса «пук»’;

tanrəəŋ ‘последовательность слов’, *trəəŋ* ‘речь’: *duu tanrəəŋ trəəŋ* ‘одна строка слов’;

kaniəp ‘семья’, *kiəp* ‘горшок’, как можно предположить, значение ‘семья’ производного имени возникло из значения квантификатора в результате метонимического переноса (те, кто съедают один горшок риса);

sinaw ‘внук’, *saw* ‘зять’, ср. прото-южно-бахнарическое **saw* ‘внук, младший отпрыск’ (Ефимов 1990, 126), а также прото-нях кур **saw* ‘внук, внучка, жена внука, муж внучки’ (Diffloth 1984, 115), в реконструкции Ж. Дифлота кровное и некровное родство через одно поколение выражается одним словом, в то время как в чрау некровное родство в следующем поколении выражает простая форма, а кровное родство через поколение – производная. Не исключено, что перевод слова *saw* ‘зять’ неточен по той причине, что термины родства в МК языках могут функционировать и как имена с релятивной семантикой (собственно термины родства), и как имена с дескриптивной семантикой, не обозначающие степень родства. Во втором случае абсолютный признак «поколение» заменяется на относительный признак «возраст», и на него еще могут накладываться параметры социального дейксиса;

sinwaan ‘мускул, сухожилие’, *swaan* ‘сила, способность’;

sinəəʔ ‘пушок на плодах, волосы на теле’ *səəʔ* ‘волосы на голове’.

Таким образом, ядро данной группы отыменных производных в языке чрау составляют квантификаторы или слова, значение которых развилось из значения квантификатора, т. е. слова, которые выступают в зависимой синтаксической позиции по отношению к общим именам, от которых они образованы. Обратим также внимание на деривационную пару *sinəəʔ* – *səəʔ*, где семантическое соотношение простого и про-

изводного слова позволяет предполагать, что в данном случае мы имеем рефлекс показателя инактивности *-n-. Слово *sinwaan* также может быть результатом лексикализации в составе комплексной номинации зависимой инфиксальной формы (имени или предикатива). Семантическое соотношение в деривационной паре *sinaw* ‘внук’, *saw* ‘зять’ остается неясным, и это, возможно, связано с тем, что семантическая структура компонентов данного ряда представлена не полностью по причине, указанной выше: полифункциональность терминов родства, с которой связаны изменения значения некоторых компонентов их семантической структуры.

2.4. Именные аффиксы в монических языках

В монических языках мы обнаруживаем рефлексы синтетических форм ЗП в виде имен различной семантики и в виде атрибутивных форм.

Атрибутивный инфикс -m-

Рефлексы прото-АА инфиксальных форм ЗП сохранились в монических языках в виде атрибутивных форм. Ж. Дифлот в работе *Двараравати древний мон и нях кур* (Diffloth 1984) выделяет атрибутивный инфикс -m-, при помощи которого от глаголов состояния со структурой CCVC образуются формы, которые употребляются в позиции определения к имени. Атрибутивный инфикс, как видно из работы Ж. Дифлота, хорошо реконструируется для прото-монского (ПМ) – языка, на котором предки монов говорили четырнадцать веков тому назад в царстве Дваравати. Примеры:

*j-m-lεε ‘короткий’

*j/lεε ‘быть коротким’

*l-m-cэк ‘зеленый’

*l/cэк ‘быть зеленым’

*j-m-liiy ‘длинный’

*j/liiy ‘быть длинным’

**s-m-looy* ‘высокий’

**slooy* ‘быть высоким’

**g-m-ləy* ‘многочисленный’

**gləy* ‘быть многочисленным’

**k-m-taw* ‘горячий’

**ktaw* ‘быть горячим’

Атрибутивные формы, содержащие глагольные корни со структурой SVC, обнаружены только в двух случаях. В первом случае форма с инфиксом **-m-* образуется от производного с инфиксом **-n-*, во втором – атрибутивная форма образуется при помощи префиксального алломорфа.

ПМ **cəək* нях. ‘чесать’, мон ‘чесотка’ – ПМ **c-n-əək* нях. ‘испытывать зуд (to feel itchy)’, мон ‘зудеть, чесаться, зудящий (to itch)’³⁹ – нях. *m-n-əək* ‘вызывающий зуд, зудящий (атр.)’. Форма *m-n-əək*, отмечена только у одного информанта в устойчивом сочетании *əətɯac mɲəək* ‘itchy-ant (разновидность муравья)’ (*əətɯac* ‘муравей’). Ж. Дифлот полагает, что она восходит к форме с двойной инфиксацией – **c-m-n-əək*. Это очень интересный пример. С одной стороны, мы здесь видим рефлекс противопоставления губного и дентального инфиксов как маркеров активности (‘вызывать зуд’) и неактивности (‘испытывать зуд’). С другой стороны, этот пример свидетельствует о том, что двойная инфиксация при помощи губного и дентального инфиксов, рефлекс которой отмечаются в некоторых АА языках (например, в кхмерском и никобарских), могла возникать в результате того, что деривация шла не от простой, а от производной основы с инфиксом.

ПМ **m-raay* ‘раскрывающийся, распускающийся’ от *raay* ‘раскрываться, распускаться, быть расширенным (о ноздрях)’. Нерегулярное использование префиксального алломорфа од-

³⁹ В цитируемой работе Ж. Дифлот дает реконструкцию ПМ слова без реконструкции его значения. Значение в языках-потомках либо разное, и тогда оно цитируется с соответствующими пометами при переводе, либо одинаковое, и тогда оно приводится без помет.

носогласных инфиксов с корнями CVC – общая черта МК языков, которая, возможно, восходит на прото-АА уровень. От каузативной формы **p-raay* ‘жарить над огнем, держа между двумя деревянными палочками’ атрибутивная форма образуется при помощи инфикса: **p-m-raay* ‘жареный над огнем’. Как видим, атрибутивные формы могли образовываться не только от стативных глаголов.

Атрибутивный инфикс *-m-* сохраняется в северном и южном диалектах нях кур, однако в центральном диалекте он выделяется только в нескольких архаизмах. В современном мон данный инфикс превратился в /-ə-/. Этот переход отражен в орфографии, где написание с {-*m-*} варьируется с написанием с {-*ə-*}.

В лингвистических комментариях к словарю прото-монского языка при описании аффиксов Ж. Дифлот, как кажется, упустил несколько важных деталей. Прежде всего, в корпусе словаря есть достаточно примеров, свидетельствующих о том, что и атрибутивные формы с инфиксом *-m-* и производные имена с инфиксом *-m-* восходят к форме ЗП, которая в ряде случаев подверглась субстантивации:

ПМ **p-m-cah* нях. ‘кислое блюдо’ и ‘кислый (атр.)’ от **pcah* ‘быть кислым’. Возможно, что в выражении нях. *caalʔ pəncəh* ‘ревновать’, которое, по мнению Ж. Дифлота, буквально означает ‘есть кислое блюдо’, также имеем употребление данной формы в функции модификатора, а не в функции имени, что, в свою очередь, позволило бы предположить, что в монических языках это была форма ЗП с более широкой сферой употребления.

Следующий пример дает нам представление о том, как происходила субстантивация форм ЗП в атрибутивных словосочетаниях: ПМ **k-m-cəh* нях. ‘слюна, плевок’ от *kcəh* ‘плевать’; в нях кур данное производное отмечается как связанный компонент в сложных словах, например: *daak kəmcəh* (*daak*

‘вода’), однако в монском оно уже полностью субстантивировалось со значением ‘слюна, плевков’.

Интересно, что Ж. Дифлот также предполагает, что атрибутивная форма и агентивное инфиксальное имя могут иметь общее происхождение. Однако он считает, что именно атрибутивная форма возникла в результате дальнейшего развития отглагольного имени, а не наоборот, как предлагается считать в данной работе. Он полагает, что атрибутивная форма возникает на базе редуцированного придаточного предложения, в котором агентивное имя выступает в позиции сказуемого: ПМ **ptaaf j-m-liij* ‘длинный хвост’ < **ptaaf j-m-liij* ‘хвост, который является длинной вещью’ (Difloth 1984, 349).

Есть много примеров таких, когда в нях кур инфиксальное производное используется только атрибутивно, в то время как в мон – только субстантивно, или и субстантивно и атрибутивно. Например:

ПМ **s-m-raay* нях. ‘свирепый (о раненом животном) (атр.)’ от **sraay* нях. ‘быть свирепым (о раненом животном)’; соответствие в монском употребляется субстантивно со значениями ‘дикое животное’, ‘класс злых духов’, как указывает Дифлот, в словарях Халидея (Halliday 1922) и Сакамото (Sakamoto 1976) для данного производного отмечается значение ‘солдат’ (значение ‘шлюха’, отмеченное Халидеем, у Дифлота вызывает недоумение).

ПМ **c-m-təm* нях. ‘плотный (атр.)’ от **ctəm* нях. ‘быть плотным’, соответствие в монском употребляется и как атрибутивная форма и как имя ‘плотность’.

ПМ **j-m-liij* нях. ‘длинный (атр.)’, мон ‘длинный (атр.)’ и ‘длина’ от *jliij* – нях. и мон ‘быть длинным’.

ПМ **j-m-læʔ* нях. ‘короткий (атр.)’, мон ‘короткий (атр.)’ и ‘короткость’ от **jlæʔ* нях. и мон ‘быть коротким (только о вещах)’. Дифлот отмечает, что еще одно слово выглядит как производное с инфиксом от того же корня, однако он не видит,

какова может быть семантическая структура деривации: ПМ **j-n-lɛɛʔ* ‘вид низкорослого ползучего бобового’. Поскольку в ПМ **-m-* атрибутивный омонимичен **-m-* агентивному аффиксу, при помощи которого образуются имена агента от активных глаголов, и поскольку **jɫɛɛʔ* употребляется только по отношению к вещам, но не людям, постольку возможно, что в случае данной деривации задействован потенциал противопоставления активного **-m-* и инактивного **-n-* инфиксов.

Реже встречаются примеры, когда, наоборот, в них кур утрачена атрибутивная форма:

ПМ **s-m-looŋ* нях. ‘верх’, мон ‘высокий (атр.)’, ‘верх’, др. мон ‘юг’ от *slooŋ* нях. ‘высокий’.

ПМ **t-m-rɔɔʔ* нях. ‘сумасшедший’, мон ‘сумасшедший’, ‘чокнутый малый’, например: нях. *mən̩ɪh təm̩rɔɔʔ* ‘сумасшедший’ (*mən̩ɪh* ‘человек’) от ПМ **trɔɔʔ* нях. ‘быть глупым, слабоумным’, мон ‘быть сумасшедшим’.

Относительно производных типа ПМ **s-m-raaʔ* нях. ‘рана, порез’ от ПМ **sraaʔ* нях. ‘распространяться (об инфекции)’, которые показывают только субстантивное употребление, трудно решить, являются ли они субстантивированными атрибутивными формами с инфиксом *-m-* или же они образованы при помощи агентивного инфикса *-m-*.

Есть пример, когда и в мон, и в нях кур производное употребляется в обеих функциях:

ПМ **j-m-lu[u]ʔ* нях. ‘темный (день) (атр.)’, ‘вечер’, мон ‘почти слепой’, ‘темнота’ от ПМ **jlu[u]ʔ* ‘темнеть’; мон {*damlu mat*} ‘слепой’ (*mat* ‘глаз’) позволяет предположить, что атрибутивная форма выступает в предложениях с синтаксическим сказуемым.

Как видно из приведенных примеров, имена с данным инфиксом обозначают либо название признака, либо носителя признака, в том числе – одушевленного.

От ПМ атрибутивного инфикса **-m-* следует отличать: а) агентивный инфикс **-m-*, б) */-m-/* – комбинаторный вариант номинализирующего инфикса **-n-*, образующего имена объекта от переходных глаголов, а также */-m-/* – комбинаторный вариант инфикса *-rn-/-n-*, образующего имена инструмента от переходных глаголов.

Агентивный инфикс *-m-*

Для ПМ реконструируется агентивный инфикс **-m-*, омонимичный атрибутивному инфиксу. При помощи агентивного инфикса образуются имена деятеля от переходных глаголов. Этот аффикс, в отличие от атрибутивного аффикса, не отмечается в форме префикса, что, как считает Дифлот, позволяет их считать разными морфемами. Однако примеры слишком малочисленны, чтобы делать окончательные выводы такого рода. Это:

ПМ **d-m-aac* ‘кузнец’ от **daac* ‘ковать’.

ПМ **s-m-эс* ‘муравей’ от *suuc* ‘жалить’.

Возможно также:

ПМ **s-m-raaʔ* нях. ‘рана, порез’ от ПМ **sraaʔ* нях. ‘распространяться (об инфекции)’.

Инфикс объектных имен *-n-/-ŋ-/-m-*

Ж. Дифлот отмечает, что инфикс *-n-* (*-N-* в записи Дифлота) имеет алломорфы: *-n-* перед */V/, /r/, /ʔ/, /h/, -ŋ-* перед заднеязычными, *-m-* перед губными. Как отмечает Ж. Дифлот, при помощи этого инфикса образовывались имена пациенса. Например:

ПМ **s-n-aal* ‘бамбуковая циновка’

ПМ **k-m-bat* ‘зажатое в кулаке’

ПМ **c-ŋ-kiə̀m* ‘горсть’

ПМ **saal* ‘нарезать полоски (ротанга или бамбука)’

ПМ **kbat* ‘хватать рукой’

ПМ **ckiə̀m* ‘зажимать в руке’

ПМ * <i>g-n-rem</i> ‘край (корзины)’	ПМ * <i>grem</i> ‘обшивать (край)’
ПМ * <i>k-n-ʔuuu</i> ‘лекарство’	ПМ * <i>kʔuuu</i> ‘давать лекарство’
ПМ * <i>k-n-haaʔ</i> ‘вырытая земля’	ПМ * <i>khaaʔ</i> ‘выгребать, сгребать (руками)’

Однако в корпусе словаря Ж. Дифлота находим примеры, где /-m-/ выступает как комбинаторный вариант инфикса /-n-/, возникающий, как можно предполагать, не по регрессивной ассимиляции, а по прогрессивной диссимиляции. Например:

ПМ **t-m-raj* нях. и мон ‘дверь’ от **traj* нях. ‘закрывать (дверь)’. Соответствия по диалектам нях кур показывают широкий диапазон комбинаторных вариантов инфикса: южн. *tənraj* и *təyraj*, в первом слове представлен алломорф -n- в позиции перед /r/, во втором – мы имеем вариант полной регрессивной ассимиляции инфикса конечнослоговому согласному сильного слога (отметим, что аккомодация данного типа более свойственна аслийским языкам); сев. *ntlay*, где мы видим метатезу инфикса и инициали сильного слога, в результате чего возникает префиксальный алломорф; наконец, центр. *mraj*, где представлен рефлекс прогрессивной диссимиляции инфикса инициали пресиллаба с последующим опрощением пресиллаба.

Ж. Дифлот обращает также внимание на то, что в ряде соответствий в нях кур выступает медиальный /-m-/, в то время как формы даже самых поздних монских надписей, показывают только /-n-/ или назальный, гоморганный последующему согласному (Diffloth 1984, 321). В качестве примера он приводит следующие слова нях кур с их соответствиями из монских надписей Бирмы эпохи царства Кьянзитха:

нях. <i>mraj</i> < * <i>t-m-raj</i> ‘дверь’	др. мон <i>tinrañ</i>
нях. <i>kəmtuul</i> < * <i>p-m-tuul</i> ‘песок’	др. мон <i>bintil</i>
нях. <i>kəmtħaʔ</i> < * <i>k-m-dar</i> ‘жена’	др. мон <i>kindar</i>

Мы видим, что в этих примерах губной алломорф выступает после дентальных или перед дентальными, поэтому мы вправе предполагать, что он является алломорфом по диссимиляции. Тем не менее, Дифлот уверен, что в приведенных словах чередование нях. /m/ – др. мон /n/ возникает в силу морфологических причин, т. е. в силу того что это производные с разными номинализирующими инфиксами. Он полагает, что, поскольку *-m- в медиальной позиции в древне-монском сохраняется и поскольку губной инфикс в именах – явление архаичное, приходится предполагать, что ДМ формы подверглись инновации: -m- был заменен на «unspecified nasal». Как видим, Ж. Дифлот, отождествляет -m- в словах нях кур с агентивным инфиксом -m-, а это неверно, тем более что из трех приведенных примеров только для *t-m-ray ‘дверь’ можно указать производящий глагольный корень – *tray ‘закрывать (дверь)’.

Тем не менее, фактор морфологической инновации, на который в данном случае ссылается Ж. Дифлот, полностью исключать нельзя. Его тем более нельзя исключать, когда мы имеем чередование губного и дентального инфиксов, что в МК языках в определенных случаях может быть связано с утратой противопоставления *-m- (активного) и *-n- (инактивного) аффиксов.

Также не исключено, что чередование губного и дентального в приведенных выше соответствиях объясняется разными причинами.

По-видимому, в случае нях. *mraŋ* < *t-m-ray ‘дверь’ – др. мон *tinraŋ* от *tray ‘закрывать (дверь)’, скорее всего, */-m-/ является комбинаторным вариантом инфикса *-n- по диссимиляции. Здесь равновероятны как прогрессивная, так и регрессивная диссимиляция и, стало быть, именно формы нях кур, а не мон подверглись инновации, и это была инновация фонетическая, а не морфологическая.

В случае нях. *kəmtuɫ* < **p-m-tuɫ* ‘песок’ – др. мон *bintil* мы, возможно, действительно имеем дело с морфологической инновацией. Дело в том, что для нях кур отмечается, что производное преимущественно употребляется в комплексе со словом *tii?* ‘земля’, который в нях кур имеет значение ‘песок’, а в мон в комплексе со словом {*ti*} ‘земля’, который имеет значение ‘ил, высушенный до порошкообразного состояния’, поэтому не исключено, что производное слово является субстантивированной атрибутивной формой какого-то не сохранившегося глагола. А поскольку в ПМ существовали две конкурирующие стратегии образования предметных имен – субстантивация атрибутивной формы с инфиксом *-*m*- в атрибутивном комплексе, в результате чего возникало имя со значением ‘носитель признака’, и отглагольная деривация при помощи инфикса *-*n*-, в результате чего возникало имя с пациенсным значением, то вполне вероятно, что за отсутствием производящей основы, по которой можно было бы определить направление семантической деривации, одна стратегия могла заменить другую. В данном случае вероятность такого предположения возрастает еще оттого, что для прото-нях кур Ж. Дифлот реконструирует формы с обоими инфиксами: *[*pm-/pn-*]tuɫ.

Что же касается нях кур *kənthay* < **k-m-dar* ‘жена’ – др. мон *kindar*, то здесь причиной чередования может быть как нейтрализация противопоставления *-*m*- (активного) и *-*n*- (инактивного) аффиксов, в результате чего за инфиксом *-*m*- закрепились только функции образования имен агенса, так и аккомодация исконного инфикса.

Интересно, что в подтверждение своего предположения о том, что морфологические инновации возможны, Ж. Дифлот приводит пример, на наш взгляд, не совсем удачный (примечание 20, с. 353). Насколько можно понять, в этом примере речь идет о том, что исконная редупликация была заменена

производной инфиксальной формой: ПМ **jəŋ-juŋ*, прото-нях кур **kəŋciŋ*, южн. нях кур *kəŋciŋ* ~ *kəŋciŋ* ‘свая дома’, др. мон *{jiiŋjuŋ}* ‘столб, опора, свая’. Этот случай будет рассмотрен ниже.

Значения инфиксов **-m-* и **-n-* также пересекаются. В частности, Ж. Дифлот отмечает случаи, когда при помощи инфикса **-n-* образуются абстрактные имена от стативных глаголов:

ПМ **[l/r]-n-juh* ‘глубина’ от *[k][l/r]juh* ‘глубокий’. Как видим, здесь семантика деривации такая же, как в случае деривации при помощи инфикса *-m-*, ср. например: ПМ **j-m-liiŋ* нях. ‘длинный (атр.)’, мон ‘длинный (атр.)’, ‘длина’ от *jliiŋ* нях кур и мон ‘быть длинным’.

В своем ПМ лексиконе Ж. Дифлот реконструирует только один пример такого рода, однако он полагает, что, поскольку в мон и нях кур много слов с инфиксом *-n-*, возможно, появятся и другие примеры. Нам представляется, что пока таковых нет, можно предположить, что в **[l/r]-n-juh* мы имеем алломорф *-n-* инфикса **-m-*.

В следующем примере также невозможен однозначный анализ:

ПМ **t-n-lah* нях. ‘плоский, как лист, предмет’, мон ‘лист (растения, металла, фольги)’ от **lah* др. мон ‘to extend’, ср. мон ‘быть плоским’. Это слово в одних монских диалектах заменило ПМ **sllaʔ*, которое имеет соответствия во многих АА языках, в других – оно употребляется только для обозначения маленьких листьев, в то время как большие листья обозначаются словом */hlaʔ/*. В данном случае также трудно определить, что представляет собой инфиксальный морф: если он репрезентирует инфикс **-n-*, то мы должны признать тот факт, что этот инфикс образует имена не только объекта, но и носителя признака, как и атрибутивный инфикс **-m-*, если же морф *-n-* репрезентирует атрибутивный инфикс *-m-*, то мы должны

признать существование алломорфа, возникающего по прогрессивной диссимиляции.

Таким образом, либо атрибутивный инфикс *-m-* и объектный инфикс *-n-* имеют идентичный набор алломорфов, либо у них идентичные функции. Картина еще более осложняется из-за иррегулярностей плана выражения и плана содержания четвертого инфикса, выделяемого Ж. Дифлотом, – инфикса имен инструмента.

Инфикс имен инструмента *-rn-/-n-/-r-/-m-*

Для прото-монского Ж. Дифлот выделяет инфикс, при помощи которого, по его мнению, образовывались имена инструмента от глаголов действия. Этот инфикс имеет два алломорфа: *-rn-* с корнями CVC и *-n-* с корнями CCVC:

<i>*p-rn-uuc</i> ‘долото’	<i>*puuc</i> ‘работать долотом’
<i>*t-(r)n-un</i> ‘лестница’	<i>*tun</i> ‘взбираться по лестнице’
<i>*p-n-raaŋ</i> ‘палочки для жарки’	<i>*praaŋ</i> ‘жарить на огне’
<i>*j-n-rooŋ</i> ‘пароварка’	<i>*jrooŋ</i> ‘варить (на пару)’
<i>*k-n-suur</i> ‘точильный камень’	<i>*ksuur</i> ‘точить’
<i>*t-n-was</i> ‘метла’	<i>*twas</i> ‘мести’
<i>*k-n-raas</i> ‘метла’	<i>*kraas</i> ‘мести’
<i>*g-n-raas</i> ‘грабли’	<i>*graas</i> ‘грести граблями’

Ж. Дифлот также указывает, что алломорф *-n-* выступает с корнями CVC, где инициаль *r*, а алломорф *-r-* выступает с корнями, имеющими в качестве инициального кластера *dl*, во втором случае, как видим, алломорф *-r-* возникает в результате прогрессивной диссимиляции. Алломорф *-r-* отмечается также с теми корнями, в которых второй согласный инициального кластера носовой:

<i>*r-n-ac</i> ‘серп’	<i>*rac</i> ‘жать, собирать урожай’
<i>*d-r-liəŋ</i> ‘коромысло’	<i>*dliəŋ</i> ‘нести на коромысле’

**d-r-məj* ‘место’
**j-r-ŋəu* ‘расстояние’

**dməj* ‘останавливаться’
**jŋəu* ‘далекий’

Ж. Дифлот кроме того считает, что в последних двух случаях выбор морфа может быть связан с семантикой производных имен (локативной и квантитативной). Это замечание следует рассматривать как неудачную попытку упорядочить поле нерегулярных алломорфов. Однако в корпусе лексикона находим другие случаи алломорфов с нерегулярной формой, комбинаторикой и значением производных.

Находим ряд имен, образованных при помощи алломорфов инфикса *-rn-/-n-/-r-* от имен, это – тип производного, часто отмечающегося в МК языках, обычно такие производные образуются от названий частей целого (чаще всего – частей тела) и терминов родства; при деривации данного типа, как правило, семантическая структура слова изменяется таким образом, что элиминируется собственно реляционный компонент значения, и производное становится именем общим с дескриптивной семантикой, и/или классификатором. Примеры:

ПМ **p-r-tam*, **p-n-tam*, **p-r-n-tam* нях. ‘ночь’, ‘классификатор для ночей’; как отмечает Дифлот, регулярные соответствия диалектов нях кур и мон дают ПМ **p-r-tam*, однако у одного из информантов нях кур была обнаружена форма, выступающая в устойчивом комплексе *ntam ʔooʔ* ‘вчера вечером’, которая свидетельствует о возможности реконструировать ПМ **p-n-tam* и даже, возможно, **p-r-n-tam*. Здесь, как видим, Ж. Дифлот снова пытается связать иррегулярный характер алломорфа с выражением другого значения инфикса. Однако, есть опасения, что, встав на этот путь, мы зайдем в тупик. Приведем другой пример деривации данного семантического типа:

ПМ **t-n-am* нях. ‘основание дерева и ствол’, ‘уплотненная часть волоса у корня’, ‘основание ногтя’, ‘родовая морфема,

выступающая в названиях деревьев’, ‘клф.’, мон ‘родовая морфема, выступающая в названиях деревьев’. Интересно, что в нях кур и производная, и непроизводная формы полностью совпадают по значению, а в мон непроизводная форма имеет следующие значения: ‘основание дерева’, ‘начало’, ‘сумма, на которую начисляются проценты’. Мы видим, что в мон формы сохранили свое исходное противопоставление: непроизводная форма используется как имя с реляционной семантикой, а производная – как родовая морфема. В нях кур простое и производное слова стали синонимической парой, их значение есть сумма исходных значений двух слов. Нет сомнений в том, что сохранению исходного противопоставления простого и производного слов в мон способствовало то, что непроизводное слово расширило область референции и приобрело новые реляционные значения.

Другой тип семантической деривации, представленный у производных с инфиксом *-rn-/-n-/-r-* – это имена со значением содержимого, например:

ПМ **d[-r-]liəy* нях. ‘содержимое корзины, которую носят на коромысле’, ‘коромысло’, мон ‘коромысло’ от ПМ **dliəy* ‘нести что-то в корзинах на коромысле’. Дифлот отмечает, что в данном случае приходится реконструировать форму с алломорфом **-r-*, а не с алломорфом **-n-*, так как **/n/* дало бы в современном мон */n/*, а не */l/* – ср. лит. мон *{daleñ}, {galeñ}*. Как видим, в данном случае одно и то же производное имеет два разных значения – инструмента и квантификатора.

Среди производных с инфиксом *-rn-/-n-/-r-* находим слова со значением объекта, на который направлено действие, например:

ПМ **c-rn-aaʔ* мон ‘пища, твердая пища’ от **caaʔ* ‘есть’, в нях кур употребляется только в сочетании *caaʔ cərnnaaʔ* ‘врезаться глубже в сердцевину дерева’; производное с другим инфиксом – **c-w-aʔ* имеет близкие значения: нях. ‘плоть жи-

вотных, мякоть плодов’, ‘мясо в карри, то, что едят с рисом’, мон ‘карри, суп’.

ПМ **s-n-m-ɔr* мон ‘слизистые выделения из носа’ от **ɔr* нях. ‘сморкаться’. Пример ненадежный, что следует из кхмерского соответствия, на которое ссылается Дифлот: {*sampoer*} /*svmbao*/ ‘слизистые выделения из носа’, в котором он предполагает инфикс *-mb-*, что, за неимением других примеров, маловероятно; из кхмерского примера скорее следует, что /*b*/ – это согласный корня, а инфикс – /*-m*/ < /*-n*/, поэтому не исключено, что форма, реконструируемая для ПМ, содержит только инфикс *-n-*.

Еще один тип семантической деривации, который обнаруживаем у производных с инфиксом *-rn-/n-/r-* – это абстрактные имена:

ПМ **j-r-ɲəu* мон ‘расстояние’, в нях кур не сохранилось, ПМ **j-m-ɲəu* мон ‘отдаленная точка’, в нях кур не сохранилось, от ПМ **jɲəu* ‘быть далеким’. Ср. кхмер. *svtɲaau* ‘расстояние’ и ‘даль (=отдаленная точка)’, например: *pīi svtɲaau* ‘издалека’, откуда, скорее всего, следует, что **j-r-ɲəu* и **j-m-ɲəu* являются вариантами одного и того же производного слова, в которых алломорфы *-r-* и *-m-* появляются в результате реализации разных аккомодационных стратегий.

В корпусе лексикона мы даже находим имя инструмента, в котором выступает алломорф *-m-*:

ПМ **c[l]-m-bək* нях кур, мон ‘мотыга, лопата’ от *bək* нях. ‘срезать (рис, маленькое растение) мотыгой или лопатой’, мон ‘мотыжить, полоть’; алломорф инфикса в данном случае возникает по регрессивной ассимиляции согласному корня.

Мы видим, что круг значений производных с алломорфами инфикса **-rn-* шире, нежели значение инструмента: производные с этим инфиксом, образованные от глагольных корней,

могли иметь значение места и пациенса, а производные, образованные от именных корней, использовались как классификаторы и родовые морфемы, а также как имена общие с чисто дескриптивным типом значения.

2.5. Именные аффиксы в никобарских языках

В никобарских языках кар и нанкаури находим многочисленные лексикализованные рефлексы синтетических форм зависимой предикации с инфиксами *-m-/m-*, *-n-/n-* и *-mn-*. Выбор инфиксального или префиксального алломорфа зависит от слоговой структуры слова. Префиксальный алломорф в основном используется при образовании от корней со структурой VCVC, инфиксальный – с корнями со структурой CVCVC. Гласный инфикса реализуется как краткий [a], [e], [o] и зависит от гласного слога, в котором размещается инфикс.

При инфиксации в никобарских языках наблюдаются разного рода изменения сегментного состава производящей основы. В нанкаури есть случаи, когда при инфиксации изменяется гласный предпоследнего слога корня, например: *ramauōl* ‘волосатый’ – *puōl* ‘волосы’, *kamennōishe* ‘песня определенного типа’ – *kandishe* ‘песня’. Возможно появление вокалического сегмента *a* на конце слова, например: *mōmtōma* ‘стая’ – *ōmtōm* ‘все’, *mentainya* ‘корзина (мера)’ – *hentain* ‘корзина’. Может также исчезать начальный гласный корня, например, *danâha* ‘точильный камень’ – *idâha* ‘затачивать’. Отмечаются и более сложные изменения, как в случае *kamahenwa* ‘лунный месяц’ – *kahe* ‘луна’. В нанкаури находим отдельные примеры, в которых происходит достраивание аффикса до закрытого слога, в частности – путем копирования конечного согласного корня: *op-lōp* ‘шаль’ – *lōp* ‘покрывать плечи’ и *tomîkâsha* ‘певец’ – *ikâsha* ‘петь’.

-m-/m-

В нанкаури при помощи губного инфикса от глаголов образуются имена агенса, действия, состояния, процесса, свойства. От имен при помощи этого инфикса образуются имена с родовой семантикой и имена меры. Примеры:

mitūa ‘посетитель’ – *itūa* ‘посещать’, *menlūana* ‘шаман’ – *enlūana* ‘изгонять духов’, *morēh* ‘тот, кто является первым (человек или животное)’ – *orēh* ‘первый’, *mahuḡodie* ‘пьяница’ – *huḡodie* ‘пьяный’, *miyai* ‘ценность’ – *yai* ‘цена’, *mikâsha* ‘пение’ – *ikâsha* ‘петь’, *miteak* ‘сон’, *iteak* ‘спать’, *katapâh* ‘труп’ – *kapâh* ‘умирать’, *ramahôa* ‘трус’ – *rahôa* ‘бояться’, *komolai* ‘купающийся’ – *kolai* ‘купаться’, *chamūh* ‘возвращение домой’ – *chūh* ‘возвращаться домой’, *shamaneäl* ‘ложка (мера)’ – *shaneäl* ‘ложка’, *lamīap* ‘знаток, мастер’ – *lēap* ‘мочь, уметь’, *mohīwa* ‘зоркий, дальнзоркий человек’ – *hēu* ‘видеть’, *damāk* ‘гость’ – *dāk* ‘приходить’.

В кар при помощи губного инфикса могут образовываться отглагольные имена активных существей не только лиц, но и предметов (Whitehead 1993, 179). Примеры:

vamil ‘тот, кто делает что-л.’ – *vil* ‘делать’, *samiöp* ‘то, что растет; почка, бутон’ – *siöp* ‘расти’, *ma-havīlō-re* ‘люди или предметы, которые положены вокруг’ (букв. ‘ма-класть.вокруг RFL’) – *havīlō* ‘класть вокруг’, *lamök* ‘идуший, путешественник’ – *lök* ‘идти, проходить’⁴⁰.

В никобарских языках нередко случаи, когда от одного и того же глагола образуются производные с обоими инфиксами, например: нанк. *kentôka* ‘танец’, *kamatôka* ‘танцор’ – *katôka* ‘танцевать’; кар *sumrik* ‘человек, затаивший злобу’,

⁴⁰ Аналогично в кхмерском: *thmaə* ‘тот, кто идет’ – *daə* ‘идти’.

sunrikkö ‘злоба’ – *surikhö* ‘ненавидеть’; кар *tameuk* ‘тот, кто видит’, *maneuk* ‘вещь, которую видят’ – *meuk* ‘видеть’.

Есть примеры, когда при помощи губного инфикса образуются имена с абстрактным значением, например: кар *kumlék* ‘сила’ – *kalék* ‘сильный’⁴¹.

В никобарских языках *-m-/m-* также употребляется с числительными, образуя формы, выражающие ограничительное значение, например: нанк. *hēang* ‘один’ – *hemēang* ‘только один’, кар *hěng* ‘один’ – *huměng* ‘только один’.

В кар губной инфикс образует особую счетную форму имен, например: *sakāmō* ‘день’ – *hěng sumkam* ‘один день’; *hatööm* ‘ночь’, *süöi mitööm* ‘три ночи’.

В нанкаури в некоторых устойчивых словосочетаниях сохранилась нелексикализованная инфиксальная форма ЗП, например: *iñih-hata* ‘торговать’ – *chông miñih* ‘торговое судно’ (букв. ‘судно *m*-торговать’). Интересно, что производное от того же корня с дентальным инфиксом отмечается и как полностью лексикализованная форма ЗП – *ñanih* ‘товар’, и как связанная форма ЗП, выступающая в устойчивом словосочетании, – *uõñanih* ‘Продается (For sale)’ (букв. ‘хотеть *n*-продать’). Инфиксальная форма *mitöh* от глагола *itöh* ‘выбирать’ сохранилась как связанная форма ЗП в устойчивых комплексах, которые Э. Мэн трактует как сложные слова, что отражается в его записи: *mitöh-payüh* ~ *itöh-payüh* ‘предубежденный, пристрастный человек’ (*payüh* ‘человек’), *mitöha-ta-hokngôk-hare* ‘привередливый’ (букв. ‘*m*-выбирать PREP еда-AFF’).

-n-/n-

При помощи дентального инфикса в никобарских языках образуются имена инструмента.

⁴¹ Аналогично в кхмерском: *kmlay* ‘сила’ – *klay* ‘сильный’.

Нанкаури: *kanshâng* ‘запруда’ – *kashâng* ‘ловить рыбу в запруде’, *henkōk* ‘пушка’ – *ha-kōk* ‘палить из пушки’, *henteha* ‘парус’ – *hatēha* ‘плыть под парусом’, *kinwâp* ‘ножницы’ – *kawâp* ‘резать ножницами’, *kenshin* ‘подпорка’ – *kashin* ‘подпирать’, *henet* ‘долото’ – *het* ‘работать долотом, высекать’, *kenchap* ‘пуговица’ – *kachap* ‘застегивать на пуговицы’; кар: *chānut* ‘полотенце’ – *chūt* ‘вытирать’, *kaneūt* ‘весло’ – *keūt* ‘грести’.

Имена объекта в нанкаури часто образуются от корней или основ, начинающихся на гласный, при помощи префикса *h-*: *hokngōk* ‘еда’ – *okngōk* ‘есть’, *holyōl* ‘речь’ – *olyōla* ‘говорить’, *hokai* ‘что-то принесенное’ – *okai* ‘приносить’, *hori* ‘убитый’ – *ori* ‘убивать’, *hong-âng* ‘вареное мясо’ – *ong-âng* ‘варить мясо’, *holpâl* ‘сорная трава’ – *olpâl* ‘полоть’.

Отмечается немало случаев, когда при помощи дентального инфикса образуются имена лиц. На наш взгляд, это связано с выражением пейоративного значения (Pogibenko 1988). Например: кар *tu-ulāi-yö* ‘вор’, *u-n-lāi-ngö* ‘вор’ – *ulāi-yö*, *ulāi-ngö* ‘воровать’.

В никобарских языках есть примеры, когда с дентальным инфиксом образуются имена с абстрактным значением, например: кар *kanôlò* ‘богатство, слава’ – *kôlò* ‘быть богатым’.

В нанкаури в некоторых случаях дентальный инфикс отмечается в прилагательных, образованных от глаголов, например: *lō* ‘бежать’ – *lanôya* ‘быстрый’, в этих случаях инфикс может дублироваться аналитическим маркером ЗП *ta*, например: *paiyüh talanôya* ‘быстрый ходок’ (*paiyüh* ‘человек’). При помощи дентального инфикса образуются также прилагательные от имен, например: *na-wâ* ‘кровоточащий’ – *wâ* ‘кровь’.

В нанкаури иногда отмечается вариативность инфиксального и префиксального алломорфов, например: *ñ-an-ih* и *yan-nih* ‘товар’ – *iñih* ‘торговля, продажа’.

В нанкаури находим много случаев, когда инфиксальная форма выступает не самостоятельно, а в комплексе с именем объекта. Например, от *ichih-hata* ‘шить’ образовано *ch-an-ih-lôe* ‘иголка’, где *lôe* ‘ткань’, отсюда можно предположить, что *ichih* имеет значение типа ‘колоть’ или ‘протыкать’, а стало быть, *ch-an-ih-lôe* переводится как ‘протыкающий ткань’. Такие случаи свидетельствуют о том, что инфиксальная форма еще не лексикализовалась. Другой пример такого же рода: *ido-dâk* ‘нести воду на палке в сосуде, сделанном из кокоса’ (*dâk* ‘вода’) – *d-an-ôya-dâk* ‘палка, которую используют для этого’.

В никобарских языках мы находим значительное число примеров, когда одна и та же инфиксальная форма ЗП существует и как лексикализованная, и как форма ЗП в лексических комплексах с разным значением. Так, например, от глагола *kâ-tö* ‘жить, обитать, находиться, ждать, тихий, молчаливый’ образовано *k-am-atö*, *k-om-atö* ‘житель деревни’, ‘обитатель дома’, это же производное выступает в лексических комплексах: *chia komatö* ‘хранитель’ (*chia* ‘отец’), *hēng komatö* ‘выходной’ (*hēng* ‘день’), *paiyüh komatö* ‘тот, кто принимает гостей’ (*paiyüh* ‘человек’); от глагола *dâk* ‘приходить’ образовано *d-am-āk* ‘гость’, которое может употребляться и в комплексе *paiyüh d-am-āk* (*paiyüh* ‘человек’), это же производное выступает в лексическом комплексе *heñ d-am-āk* ‘будущее’ (*heñ* ‘время’).

ГЛАВА 3

РЕФЛЕКСЫ АНАЛИТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ В АВСТРОАЗИАТСКИХ ЯЗЫКАХ

В АА языках обнаруживаются многочисленные рефлексы прото-АА маркера **ta*. Однако они есть не во всех языках. В древнекхмерском и никобарских языках рефлекс **ta* регулярные и полифункциональные. В палаунг, мунда, катуических и аслийских языках они выступают на периферии своей первоначальной функциональной сферы. В кхаси и бахнарических языках они вообще не обнаруживаются, и их функции выполняют новые показатели, некоторые из которых восходят к местоимениям. Однако и в этом случае мы можем наблюдать интересную закономерность: новые показатели частично сохраняют конфигурацию исходных парадигм.

В МК языках в полипредикативных конструкциях (ППК) преобладает паратаксис; гипотаксис относительно мало развит, в особенности в бесписьменных языках. Вместе с тем, в тех языках, в которых развит гипотаксис, – маркированное соединение частей ППК, – он представлен двумя типами.

Первый тип – это семантически дифференцированная союзная связь предложений. Гипотаксис союзного типа в МК языках явление относительно новое, и инвентарь союзных средств в разных ветвях МК языков пересекается незначительно.

Второй тип – семантически недифференцированная связь, при которой маркируется только противопоставление главной и зависимой предикаций. В МК языках этот тип связи имеет две разновидности, различающиеся тем, в какой синтаксической позиции маркируется связь – в ИГ_{СУБ} или в зависимом предикате.

МК языки существенно различаются тем, в какой степени синтаксические стратегии маркирования зависимой предикации присутствуют в ППК более сжатых типов – определительных, КПА, сериальных.

На всем пространстве АА языков только в древнекхмерском мы находим свидетельства последовательной смены трех стратегий маркирования: инфиксальных форм ЗП, аналитических маркеров и семантически дифференцированных средств связи – союзов. Здесь мы видим, как, с одной стороны, маркеры *ta*, *ti* выступают в комбинации с инфиксальными формами, а с другой – в комбинации с союзами.

3.1. Зависимые предикативные конструкции в древнекхмерском

Древнекхмерский язык предоставляет больше других языков материала для реконструкции прото-АА аналитических форм зависимой предикации, потому что в текстах маркеры ЗП *ta* и *ti*, имеют высокую частоту употребления и широкий диапазон функций, что достаточно для реконструкции.

Для ДКМ характерен как паратаксис, т. е. немаркированное соединение частей ППК, так и гипотаксис – маркированное соединение частей ППК. В ДКМ представлен как союзный, так и бессоюзный гипотаксис, последний – маркерами *ta*, *ti*.

В ДКМ показатели *ta*, *ti* употребляются в функции синтаксически ориентированных, соответственно, субъектного и объектного, маркеров ЗП. Маркер *ti* также отмечается в функции показателя иерархии семантических и прагматических ролей актантов. Во второй функции маркер *ti* выступает реже, хотя исконная именно она, в то время как первая функция есть результат последующего развития маркеров, переориентированных на передачу субъектно-объектных отношений. В ДКМ маркеры *ta*, *ti* употребляются регулярно во многих структурных и семантических типах ЗП, однако в современном языке они оставили мало рефлексов. Рефлекс маркера

ta отмечается как эмфатическая частица с прилагательными в функции определения, а рефлекс маркера *ti* – как словообразовательная морфема. Сфера их употребления значительно сократилась уже к этапу перехода от ангорского к среднекхмерскому периоду, как, например, можно судить по надписи K177 (XVв.). По объему функций маркера *ta* ДКМ этого периода и язык палаунг, описанный в работе Л. Мильне (Milne 1921), совпадают.

3.1.1. *ta* в функции маркера именных групп

В ДКМ *ta* употребляется как маркер косвенно-объектных и сирконстантных именных групп. В этой функции он отмечается столь же часто, что и в функции маркера ЗП. Мотивировка употребления маркера ЗП в косвенно-объектных и сирконстантных ИГ заключается в том, что они являются свернутыми пропозициями, поэтому и трактуются как зависимые предикации. Маркер *ta* отмечается в ИГ со следующими синтаксическими и семантическими ролями:

1) Локатив

В локативных ИГ может выступать предлог *āy* (*ai*, *aiy*) (совр. кхмер. *ae*), маркер *ta*, или их комбинации *āy ta* или *ta āy*, например:

(1) *sruk* *vraḥ* *phoñ* *ta* *ai* *somyapura*
деревня TTL PL DPM LOC Сомьяпура
'храмовые деревни в Сомьяпуре' K904 B

(2) *vraḥ* *bhagavati* *ti* *khmāñ* *tok* *dau*
TTL Бхагавати DPM враг братъ уходить
āy *stuk* *sramo*
LOC Стук Срамо
'[статуя] богини Бхагавати, украденная врагами в Стук Срамо'
K258 A

3) Датив

а) адресата

- (9) *sādhujana paṅgaṃ thpvañ*
добродетельные люди уведомлять короля
nivedana ta kamrateñ phdai karom
уведомлять DAT TTL земля нижний
‘[Пусть] добродетельные люди сообщат королю’ K188

б) реципиента

Как и локатив, часто отмечается в комбинации с локативным предлогом *āy* (*ai, aiy*): *āy ta* или *ta āy*

- (10) *kñiṃ aṃṇoy sinahv añ ai ta vihār*
раб *m*-давать Синав Ань LOC DAT храм
‘Рабы, отданные Синав Анем храму’ K505

4) Темпоратив

- (11) *ta gi vraḥ rājya parameçvara*
ТЕМП этот TTL царствование Парамешвара
‘во время правления короля Парамешвара’ K989 В

Совмещение функций маркера ЗП и маркера косвенно-объектных ИГ характерно и для других МК языков, например палаунгических. В палаунг *ta* употребляется и в качестве маркера ЗП в конструкциях с предикатным актантом (КПА) и конструкциях с сентенциальным подлежащим, и как маркер косвенно-объектных ИГ с различными семантическими ролями. Отличие ДКМ от палаунг в том, что в ДКМ обе функции маркера *ta* – одинаково центральные, в то время как в палаунг «падежная» функция *ta* является центральной, а маркера ЗП – периферийной. В языке пале, который считается южным диалектом палаунг, но в грамматическом отношении сильно от него отличается, отмечается маркер *di*, который выступает и как маркер ЗП, и как маркер ИГ_{DAT} (Janzen, 1976).

3.1.2. Инфиксальные формы зависимой предикации

В ДКМ наряду с аналитическими маркерами *ta*, *ti* обнаруживаются рефлексы употребления в качестве форм зависимой предикации производных с инфиксами *-m-*, *-n-*, *-mn-*.

Как уже говорилось в гл. 1, в современном кхмерском языке, как и во многих других МК языках, рефлексы прото-АА инфиксальных форм ЗП выступают как существительные, прилагательные, наречия, глаголы и служебные слова, т. е. являются результатом лексикализации и грамматикализации исконных форм ЗП. В ДКМ инфиксальные формы в основном – это имена, наречия или служебные слова, но некоторые из них употребляются и как формы ЗП, выступающие в основном в определительных придаточных предложениях.

В ДКМ инфиксальные формы ЗП часто существуют параллельно с аналитическими формами с маркерами *ta*, *ti*. Например:

- (12) *ge ta tap gui ge cmer*
 ЗРЛ ДРМ препятствовать здесь ЗРЛ *m-*нарушать
ājñā ge daṇḍa
 указ короля ЗРЛ будут наказаны
 ‘Те, кто чинит препятствия и нарушает указ короля, будут наказаны’ K940
- (13) *khñum jaṇṇvan vraḥ kaṃrateñ añ khlaḥ ra*
 рабы *mn-*дарить бог несколько РТСЛ
ti duñ ta vap çri dhara
 ДРМ покупать ДАТ Вап Шри Дхара
 ‘Из рабов, пожертвованных богу, некоторые приобретены у Вап Шри Дхары’ K262D
- (14) *sre tñai ket travañ poñ bhāgayuñ daṃnuñ*
 поле восток пруд Понь Бхагайюнг *mn-*покупать
ta poñ bhadraviçeṣa
 ДАТ Понь Бхадравишеша
 ‘Поле к востоку от пруда Понь Бхагайюнг, купленное у Понь Бхадравишеша’ K22

При наличии ИГ_{СУБ} зависимой предикации инфиксальная форма поднимается в начало ЗП, например:

- (15) *sre* *daṃnuñ* *chloñ vīdyāmayā*
поле *m*-покупать Чхлонь Видьямайей
'Поле, купленное Чхлонем Видьямайей' K22

Синтетические и аналитические формы ЗП параллельно выступают в апеллятивах рабов, например:

vā ta ac (K138) от *ac* 'могущественный'
vā kanac (K129) от *kac* 'злой'

Некоторые апеллятивы сохранили форму предложений с сентенциальным сказуемым, они, как правило, имеют структуру S₁aff-VS₂, что является сильным аргументом в пользу того, что инфиксальные формы, выступающие в апеллятивах, первоначально употреблялись как формы ЗП. Например:

- (16) *tai* *kaṃvot* *thīas*
 m-резать лоб
'Тай низколобий' K366A

В апеллятивах с маркером *ta*, однако, отмечается порядок компонентов S₁V*ta*S₂, как в следующем примере:

- (17) *ku* *srac* *ta* *mat*
жещина важный DPM рот
'Болтушка' K904

3.1.3. Маркеры зависимой предикации *ta*, *ti*

В ДКМ маркеры ЗП *ta*, *ti* отмечаются в следующих конструкциях: определительных, КПА, сериальных, конструкциях с сентенциальными включениями (а именно: с сентенциальным сказуемым), координативных ППК, а также в сентенциальных сирконстантных ЗП (времени, образа действия, причины, це-

ли). Кроме того, в ДКМ они маркируют абсолютную вершину в предложениях со сдвинутой ремой. Часть функций *ta* отмечается у маркера *ka*, который, однако, употребляется гораздо реже.

Противопоставление ДКМ маркеров ЗП *ta*, *ti* связано с маркировкой синтаксической роли актанта, подвергшегося полной редукции в поверхностной структуре ЗП: *ta* маркирует редуцированную ИГ_{СУБ}, а *ti* – редуцированную ИГ_{ОБ}. Употребление маркеров *ta*, *ti* в ЗП в древнекхмерском не является абсолютно обязательным, однако, поскольку в языке преобладает бессоюзное подчинение, а противопоставление финитных и инфинитных форм слабо выражено, – маркеры *ta*, *ti* используются часто и служат основным средством выражения подчинения предикатов. Рассмотрим некоторые структурные типы ППК, с маркерами *ta*, *ti*.

Определительные конструкции:

- (18) *vraḥ bhagavati ti khmāñ tok dau āy*
 TTL Бхагавати DPM враг брат уходить LOC
stuk sramo
 Стук Срамо
 ‘[Статуя] богини Бхагавати, украденная врагами в Стук Срамо’ K258 A

- (19) *ge paṃnvās^a cas ta tve pūjā*
 ЗPL служитель старый DPM делать пуджа
vraḥ kaṃmrateñ añ
 бог
 ‘Престарелые служители, совершающие богослужение’ K341 N

Как и в определительных конструкциях, в полипредикативных – с предикатным сирконстантом, в которых зависимый предикат является сирконстантом главного предиката, *ta* маркирует подвергшуюся редукции ИГ_{СУБ}, а *ti* – ИГ_{ОБ}. Например:

- (20) *steñ vnaṃ creñ yok tai kanhyañ jvan*
 Стень Внам Чренг брать Тай Канхьянг отдавать
ta vraḥ kaṃrateñ añ çivapattana ti duk
 DAT бог Шивапатана DPM помещать
ta praçasta
 LOC надпись
 ‘Стень Внам Чренг взял Тай Канхиенг, чтобы ее отдать богу Шивапатана, записав [ее] в документе’ K233

- (21) *khñuṃ ti loñ so ou ti jvan*
 раб DPM Лонь Со давать DPM дарить
vraḥ
 бог
 ‘Рабы, которых Лонь Со дал, чтобы их пожертвовать богу’ K958

В предложении (21) маркер *tí* употребляется два раза: в определительной ЗП и в сирконстантной ЗП.

В ДКМ техника союзного подчинения используется мало, поэтому употребление маркеров *ta*, *tí* в конструкциях с предикатным сирконстантом является основным способом выражения сирконстантных семантических отношений, которыми связывается главный предикат с зависимым, однако при таком способе выражения остается невыраженным тип семантического отношения (времени, цели, причины, образа действия и т. д.). Сравним примеры, где используются разные способы выражения сирконстантного семантического отношения: неэксплицитный – при помощи показателя ЗП *tí*, и эксплицитный – при помощи союза *pi* ‘чтобы’:

- (22) *khñuṃ ti steñ añ govinda ācāryyapradhāna*
 раб DPM Стенг Ань Говинда глава священников
sruk yamañ çreṣṭhapura jvan ta
 район Яманг Шрештхапура дарить DAT
vraḥ kaṃrateñ añ çivalinga āy rudramahālaya
 бог Шивалинга LOC Рудрамахалайя

tī duk ta gi āçrama

DPM помещать LOC LOC храм

‘Рабы, которых Стень Ань Говинда, глава священников в районе Яманг в провинции Шрештхапура отдает богу Шивалинга в храм Рудрамахалайя, чтобы там их содержать’ K958

(23) *dār syañ thmur yuuga niyata toy*

требовать все бык упряжка LOC

doṣa ^anak pi duk jā thpal

вина человек чтобы помещать COP стадо

‘У виновных потребовали по паре быков, чтобы содержать их в стаде’ K71

Поскольку выбор маркеров *ta*, *tī* зависит от синтаксической функции ИГ, подвергшейся редукции, в тех случаях, когда в зависимой пропозиции с двухместным предикатом кореферентному сокращению подвергаются и ИГ_{СУБ}, и ИГ_{ОБ}, могут возникать комбинации и вариации маркеров, как в следующих примерах:

(24) *caṃnāṃ kaṃmrateṇ añ çivapāda syañ ta*

поставки TTL TTL Шивапада все DPM

vvaṃ ti srasir ta praçasta ruv ta

NEG DPM писать LOC запись как и DPM

gi srasir ta praçasta

тот писать LOC запись

‘Поставки храму Шивапады все: не записанные в акте, как и те, что записаны в акте’ K352 N

В этом предложении две симметричные определительные конструкции, составляющие координативную синтагму, имеют разную маркировку: в первой выступает комбинация маркеров: *ta* при отрицании, *tī* при предикате, а во второй – только *ta*.

(25) *vraḥ stac ay caturdvāra na mel vraḥ*

король находится Чатурдвара и смотреть TTL

<i>vnaṃ</i>	<i>ta</i>	<i>tī</i>	<i>pre</i>	<i>thve</i>	<i>nirṃmana</i>
храм	DPM	DPM	приказывать	делать	сооружение

‘Король находился во дворце Четырех Дверей и осматрел храм, который он приказал соорудить’ K598B

Комбинации маркеров *ta*, *tī* могут еще возникать в тех случаях, когда к одному и тому же актанту главной пропозиции присоединяются две относительные предикации, в одной из которых редукции подвергается ИГ_{СУБ}, а в другой – ИГ_{ОБ}, например:

(26) *sre* *ta* *tel* *tī* *kurāk* *ṣūragrāma*
 рисовое поле DPM тот DPM Курак Шураграма
tve *aī* *cdiñ* *vridāñ*
 возделывать LOC Чдинг Вриданг
 ‘Рисовое поле, [которое есть] то, которое Курак Шураграма возделывает в Чдинг Вриданг’ K927

В данном предложении *ta* является маркером относительной предикации, представленной предложением тождества, в котором редукции подверглась ИГ_{СУБ}, а *tī* – маркером относительной предикации, в которой редукции подверглась ИГ_{ОБ}⁴².

Поскольку в ДКМ употребление показателей *ta*, *tī* связано с маркировкой синтаксических ролей актантов, подвергшихся редукции в присоединяемой предикации, они отмечаются и в конструкциях с сочиненными предикатами. Например:

(27) *anak sañjak arjuna* *anak ṣrī dharadevapura chpañ*
 CLF Саньджак Арджуна CLF Шри Дхаравевапура сражаться
kar *sañtac syañ* *ta* *tval* *toy vnek*
 защищать принц все DPM упасть перед
 ‘Саньджак Арджуна, Саньджак Шри Дхаравевапура сражались, защищая принца, и оба пали перед ним’ K227

⁴² Перевод, который дает Ж. Сёдес, отражает именно такую структуру данного предложения: *Rizière qui est celle que K. Ç. fait à C. V.* (IC V, 22).

Чаще всего маркер *ti* репрезентирует подвергшуюся редукции ИГ_{ОБ} с семантической ролью пациенса, однако он может репрезентировать ИГ_{ОБ} и с другими семантическими ролями, например, адресата или инструмента. Например:

- (28) *^anak* *ti* *vraḥ pāda* *kamrateñ añ*
 люди DPM его светлость TTL
ṣriudayādityavarmmadeva pre cāṃ cār
 Шри Удайдитьявармадева велеть проследить выгравировать
praçasta neḥ
 надпись этот
 ‘Те, кому его светлость Шри Удайдитьявармадева поручил выгравировать эту надпись [далее следует список людей]’ K219

В приведенном ниже предложении *ti* репрезентирует ИГ_{ОБ} с семантической ролью инструмента. Обратим внимание на то, что синтаксическая позиция ИГ_{ИНСТР} заполнена падежно ориентированной местоименной ИГ *nu gī* ‘с этим’, где *nu* – предлог, употребляющийся с комитативными ИГ и ИГ, которые обозначают объект, выступающий в качестве уплаты. В современном кхмерском этот предлог употребляется и с ИГ_{ИНСТР}:

- (29) *chley neḥ dravya ta roḥh neḥh yeñ yok*
 отвечать этот имущество DPM вещи этот 1PL брать
ta mratañ khloñ ti yeñ thve vraḥ rājakāryya
 LOC TTL DPM 1PL делать TTL долг королю
nu gī saṃnal yeñ ^aras
 INSTR это остаток 1PL жить, существовать
 ‘[Перечисленные ответчики в суде] ответили: это имущество мы действительно взяли у Мратань Кхлоня, этим мы уплатили королевскую пошлину, а остаток мы использовали на собственные нужды’ K257N

3.1.3.1. Предложения с сентенциальным сказуемым и «пассивные» предложения

В ДКМ показатели *ta*, *ti* употребляются в предложениях с сентенциальным сказуемым, например:

- (30) *nā* *khñuṃ* *neḥ* *phoñ* *ti* *khloñ*
 что касается раб этот PL DPM начальник
vala *chok* *phlān* *thā* *ta* *añ*
 население Чок Пхланг говорить DAT 1SG
man *syañ* *khñuṃ* *suhita*
 DPM все раб преданный
 ‘Что касается рабов, [о них] начальник над населением Чок
 Пхланг мне сказал, что они все преданные рабы’ K523 D

В этом предложении вершинный предикат *thā* сентенциального сказуемого имеет предикатный актанта *man syañ khñuṃ suhita*, т. е. сам является полипредикативной конструкцией, при этом предикатный актанта имеет маркер ЗП *man*, который в ДКМ синонимичен маркеру *ti* в функции объектного маркера ЗП. В ДКМ оба показателя часто выступают вместе в последовательности *man ti* или *ti man*. Возникает вопрос: почему в данном случае выбирается объектный маркер ЗП, если редукции подверглась ИГ_{СУБ} предикатного актанта. Возможны разные объяснения. Во-первых, не исключено, что редуцированная ИГ_{СУБ} предикатного актанта («рабы») кореферентна подвергшейся редукции ИГ_{ОБ} включающей предикации. Во-вторых, возможно, что *suhita* в данном случае выступает как двухместный предикат, имеющий и субъектную, и объектную валентность (ср. санскр. *su-hita* ‘1) очень подходящий, полезный 2) полностью удовлетворенный’), и *man* маркирует сокращенную ИГ_{ОБ}: *Рабы, о которых Ч. П. мне сказал, что (он) (ими) удовлетворен.* В-третьих, *man* может в данном случае выступать не как маркер синтаксической роли, а как маркер подчиненной семантической роли аргумента «рабы». Наконец, возможно, что присутствие маркера *man* в данном случае объ-

ясняется тем, что в ДКМ он начинает употребляться недифференцированно – и как субъектный, и как объектный маркер ЗП⁴³.

В ДКМ маркер *tī* часто встречается в конструкциях, внешне похожих на безагенсные пассивные предложения, в которых объектная ИГ выступает на первом месте: ИГ_{об} – *tī* – Г, в таких предложениях маркер *tī* может быть интерпретирован как показатель пассива, а ИГ_{об} – как подлежащее. Приведем примеры:

- (31) *bhūmi neḥ ti duñ srāc*
 земля этот DPM покупать заканчивать
 ‘Эту местность уже купили’ K205
- (32) *bhagavat pāda kaṃrateñ añ ta guru śri*
 достопочтимый TTL DPM гуру Шри
divakarapaṇḍita gi ti añjeñ jā vraḥ
 Дивакарапандита COP DPM приглашать COP TTL
guru thve rājābhīṣeka homa ta
 гуру совершать коронование жертвоприношение DAT
vraḥ yajña phoñ
 TTL жертвоприношение тоже
 ‘Достопочтимого гуру Шри Дивакарапандита пригласили исполнить обязанности святого гуру в церемонии коронования и поднести дары во время жертвоприношений’ K383

Однако предложения такого типа пассивными не являются, *tī* здесь не выступает как залоговый показатель, маркирующий изменение синтаксической роли нулевого агенса (уход с позиции подлежащего). Это предложения активные, в них изменением порядка слов маркируется только перерас-

⁴³ Отметим, что в данном примере ИГ *khñum suhita* не может находиться в отношении кореферентности ни с одной из сокращенных ИГ рассматриваемой ППК, поскольку она входит в состав вершинного предиката зависимой предикации и имеет не референтный, а предикатный статус.

пределение коммуникативных ролей актантных ИГ. Показатель *ti* в данном случае маркирует ИГ_{ОБ}, кореферентную той, которая вынесена в позицию начала, т. е. выступает как аналог местоименной репризы (*Эту местность, ее купили, Достопочтимого гуру, его пригласили*)⁴⁴. ДКМ предложения данного типа можно рассматривать как разновидность предложений с сентенциальным сказуемым, в которых компонент S₂ представлен нулем, а показатель *ti* маркирует ИГ_{ОБ}, подвергшуюся кореферентному сокращению в сентенциальном (включенном) сказуемом, и выполняет ту же самую функцию, что и в ЗП других типов. То, что маркер *ti* в данном случае не показатель пассива, подтверждается еще тем, что в этих предложениях может выступать и маркер *ta*, и оба маркера одновременно, т. е. показатели маркируют не продвижение ИГ_{ОБ} в другую синтаксическую позицию, а синтаксическую роль ИГ, подвергшейся редукции в исходном предложении. Например, в следующем предложении, выступает маркер *ta*, а не *ti*:

- (33) *neḥ ka prasir nā vraḥ dvāra*
 это TOP надпись LOC TTL дверь
ta vvaṃ sraç
 DPM NEG заканчивать
 ‘Это надпись на двери [храма], которую не закончили’ K348

⁴⁴Отметим, что Ж. Сёдес переводит предложения с вынесенной в позицию начала объектной ИГ как сегментированные (по терминологии Ш. Балли) с местоименной репризой сегментированной ИГ, например: *neḥ vraḥ neḥ phoṇ ti añ oy ta kvan añ ta pi^anak vraḥ vrahma vraḥ kaṃmrateñ añ gauripatiçvara ti añ oy ta tāñ _ _ vāp pavitra jairāga ta kvan añ vraḥ kaṃmrateñ añ çivaliṅga ti añ oy teñ _ _ vraḥ kaṃmrateñ añ nārāyana ti añ oy vāp^ayāt* K245 ‘Это все [изображения] богов, которые я отдаю трем моим детям: Брахму и Гаурипатишвару, их я отдаю Тань _ _ и Вап Павитре из Джайраги, которые являются моими детьми, Шивалингу, его я отдаю Тенг _ , Нарайану, его я отдаю Вап Айату’ (IC III, 92).

Комбинация обоих маркеров часто наблюдается в тех случаях, когда вершинным предикатом включенного предложения является КПА, образованная фазисным глаголом «заканчивать», например:

- (34) *siddhi bhūmi noḥ ta srac ti jau*
успех земля этот DPM заканчивать DPM покупать
‘Успех! Эту землю купили окончательно’ K348

Здесь *ti* при предикатном актанте маркирует подвергшуюся редукции ИГ_{ОБ}, а *ta* при фазисном глаголе – подвергшуюся редукции ИГ_{СУБ} (в этой позиции не может выступать маркер *ti*, поскольку у фазисного глагола здесь нет свободной объектной валентности). Употребление показателя *ta* в данном случае вызвано тем, что в начале сентенциального предиката (включенного сказуемого) должен быть маркер ЗП. В тех же случаях, когда фазисный глагол находится в постпозиции к предикатному актанту, в маркере *ta* нет необходимости, и он может отсутствовать, как в следующем примере⁴⁵:

- (35) *bhūmi neḥ ti duñ srac*
земля этот DPM покупать заканчивать
‘Эту землю уже купили’ K205

Приведем пример, когда вершинным предикатом сентенциального сказуемого является КПА с динамическим *āc* ‘можно’ в позиции главного глагола, и маркер ЗП выступает при предикатном актанте:

- (36) *bhūmi noḥ āc ti vroḥ thlvañ tap*
земля этот можно DPM сеять тхлванг 10
‘На этой земле можно посеять 10 мер тхлванг’ K258C

⁴⁵ Возможно, что в данном предложении выступает не КПА, образованная фазисным глаголом, с обратным порядком компонентов, а результирующий комплекс; если это так, то отсутствие показателя *ta* может быть связано с тем, что фазисный глагол является чисто грамматическим элементом.

Другой пример:

- (38) *^anak ta pradhāna ta noḥ deṣa noḥ*
человек DPM верховный DPM этот страна этот
noḥ gi ta paripālana
этот COP DPM сохранять
‘[Этот храм не подчиняется начальнику над персоналом] Но
знатные люди этой страны, [вот кто] хранит его’ K351

В ДКМ предложения со сдвинутой ремой часто отмечают в одном очень распространенном типе дискурса – там, где перечисляются права, связанные с какой-то конкретной постройкой, или распределяются обязанности, связанные с какой-то конкретной церемонией. У такого дискурса следующая структура: *субъект a_1 будет выполнять x_1 , субъект a_2 будет выполнять x_2 ... субъект a_n будет выполнять x_n* . Заключает такой дискурс обычно предложение со сдвинутой ремой, что отражает логико-коммуникативную структуру дискурса: поскольку последний элемент из закрытого множества $\{x_1, x_2, \dots, x_n\}$ не может претендовать на место ремы в заключительном предложении, применяется преобразование – сдвиг ремы. Например:

- (39) *sthāna jā āçrama vraḥ vleiṅ kalpaṇā ta*
место COP храм TTL огонь постройка POSS
smiṅ candrapura rlām purohita vraḥ neḥ
служитель чандрапура ролам пурохита бог этот
gi ta paripāla āçrama
COP DPM хранить храм
‘Место, являющееся храмом священного огня, есть постройка
служителя культа чандрапура ролам, пурохита этого бога [вот
кто] хранит это святилище’ K691

Поскольку логико-семантическая структура предложения со сдвинутой ремой представляет собой утверждение тожде-

ства, закономерно, что в ДКМ в предложениях данного типа наряду с маркером ЗП может выступать связка тождества *gi*, как в предыдущих примерах. Связка *gi* в предложениях со сдвинутой ремой может выступать и без маркера ЗП, как, например, в следующем примере из надписи K56, где оно заключает список перечисления размеров поставок и распределения обязанностей на некой церемонии «завтрашнего дня»:

- (40) *kulapati āçrama naiṛtīya gi puḷā*
 кулапати храм юго-запад СОР совершать пуджу
vraḥ kamrateñ añ puṇḍarikākṣa
 бог Пундарикакша
 ‘Совершать пуджу богу Пундарикакше будет кулапати юго-западного храма’ K56

В ДКМ существует еще один морфосинтаксический вариант предложений с сдвинутой ремой: сказуемое с маркером ЗП продвигается в позицию начала. Например:

- (41) *ta ^aṇau ta noḥ velā poñ kularakṣa*
 ДРМ находиться ТЕМР тот время Понь Куларакша
 ‘Присутствовал в этот момент – Понь Куларакша’ K427

Таким образом, в ДКМ встречаются следующие морфосинтаксические модели предложений со сдвинутой ремой: *S ta V*, *S gi V*, *S gi ta V* и *ta VS*.

3.1.3.3. *tī* как маркер семантической роли «инактивный агентс»

Рефлексы употребления маркера *tī* в качестве показателя инактивности мы усматриваем в тех случаях, когда он выступает маркером не синтаксической, а семантической роли «инактивный агентс». Он может маркировать семантическую

роль как актанта, подвергшегося редукции, так и актанта, представленного на поверхностном уровне. Его употребление может быть связано с выражением социального дейксиса, а также с изменением лексического значения предиката.

В функции показателя инактивности маркер *tī* выступает в запретительных КПА, образованных глаголами наложения обязательств: *āc* ‘мочь’ и *kaṁ* ‘нельзя’, а также в КПА, образованных глаголом *leñ* ‘пусть, следует, надо’ и *pre* ‘велеть, приказывать’, хотя в последнем случае маркер *tī* употребляется непоследовательно. В этих КПА *tī* выступает как маркер семантической роли «инактивный агенс» первого актанта ЗП. Он маркирует более низкий ранг семантической роли того актанта, на которого налагается обязательство, по отношению к семантической роли актанта, налагающего обязательство. Рассмотрим примеры:

- (42) *pre syañ ta oṃ paṃyayāñ sroñ*
 велеть все DPM давать масло совершать омовение
vraḥ kamrateñ añ vvaṁ āc ti oṃ ^anak
 бог NEG мочь DPM давать человек
ta dyaḥ kamnuññ vraḥ puliṇṇ
 DPM не повиноваться LOC TTL остров
 ‘Было приказано дать масла для омовения бога, но нельзя давать людям, кто ослушался бога на священном острове’ K71

В этом предложении маркеры ЗП выступают в двух КПА, образованных глаголами наложения обязательств: *pre ta oṃ* ‘приказано дать’, *vvaṁ āc ti oṃ* ‘нельзя давать’, но маркер *tī* употребляется только в запретительной конструкции.

- (43) *paṃ ru ^anak vidyāçrama ta*
 что касается что касается человек Видьяшрама DPM
angvay āy dvijendrapura siddhi ta
 жить LOC Двиджендрапура право на владение POSS

vraḥ vvaṃ āc ti yok viñ
 TTL NEG мочь DPM братъ возвращаться
 ‘Люди из Видьяшрама, живущие в Двиджендрапуре, находятся
 в полном распоряжении храма, их нельзя забирать назад’
 K262N

В этом предложении маркер *ti* также выступает в запрети-
 тельной КПА *vvaṃ āc ti yok viñ* ‘нельзя забирать назад’.

(44) *vvaṃ āc ti pre anak jagrāma*
 NEG можно DPM приказывать люди Джаграма
thve nār
 работать повинность
 ‘Нельзя использовать людей из Джаграма для работ’ K211

(45) *kaṃ ti chdyās gūha kaṃ ti*
 нельзя DPM загромождать пещера нельзя DPM
ruḥ phnāñ doṣa
 разрушать перегородка вина
 ‘Воспрещается загромождать пещеру, воспрещается разру-
 шать перегородку, [это] прегрешение’ K723

Здесь маркер ЗП *ti* выступает в запретительных КПА, об-
 разованных глаголом *kaṃ*. Приведем примеры, когда маркер
 инактивности *ti* употребляется при несокращенной ИГ_{СВ} зави-
 симой предикации:

(46) *vvaṃ āc ti khloñ vnaṃ nu khloñ karyya nu*
 NEG мочь DPM глава святилища и начальник работ и
devaparicāra hau anak vraḥ pi pre ta
 служители богов звать люди бога чтобы приказывать DAT
cañcūla
 касторовое масло
 ‘Глава святилища, начальник работ, служители богов не долж-
 ны призывать людей бога поставлять касторовое масло’ K265N

(47) *vvaṃ āc ti ^anak ta hinajāti yok*
 NEG мочь DPM человек DPM низшая каста братъ
 ‘Люди низшей касты не могут брать’ K444B

В запретительных КПА часто выступает маркер союзного типа *pi* ‘чтобы, дабы’, который может иметь и значение цели, и деонтическое значение, при наличии которого маркер *ti* не употребляется. Это говорит о том, что в ДКМ союзная и не-союзная стратегии маркирования автономны, и что *ti* именно совмещает функции маркера ЗП и маркера инактивности. Например:

- (48) *kaṃ pi tve agāra le guha*
 нельзя чтобы делать здание наверху грот
 ‘Нельзя строить здание над гротом’ К 724

Поскольку *ti* маркирует более низкий ранг семантической роли первого аргумента ЗП, в КПА, образованных глаголом *āc* ‘мочь’, маркер *ti* употребляется только в тех случаях, когда *āc* выступает как деонтический предикат (т. е. выражает наложение обязательства, в частности, одним субъектом на другой субъект) и имеет при себе отрицание (т. е. выражает запрещение). Если хотя бы одно из этих условий не выполняется, как то: в КПА, образованных динамическим (фактуальным) *āc* ‘мочь’ (выражающим способность субъекта выполнить действие), эпистемическим *āc* ‘мочь’ (выражающим вероятность), а также в КПА, образованных деонтическим *āc* ‘мочь’ без отрицания, маркер *ti* при предикатном актанте не употребляется. Приведем примеры с динамическим *āc*, с эпистемическим *āc* и с деонтическим *āc* без отрицания, в которых выступает маркер *ta*, либо маркер отсутствия:

- (49) *cāmpa sroṃ saṃtac ayant ^anak mvaṃ*
 чамы окружать принц не иметься человек один
ta āc cprañ ley
 DPM мочь сражаться NEG
 ‘Чамы окружили принца, не было ни одного [из его людей], кто бы мог сражаться’ К227

- (50) *tāñ nāñ āc cañ vyavahāra*
 Тань Нанг мочь проиграть судебный процесс
 ‘Тань Нанг могла проиграть процесс’ K425
- (51) *varṇṇa neḥ ta vyar gi ta āc*
 каста этот DPM два COP DPM мочь
cval jā ācāryyahoma
 входить COP ачарьяхома
 ‘Эти две категории людей могут стать духовными наставни-
 ками ачарьяхома’ K175S
- (52) *daha āyuḥ yeñ āc dan ta*
 если существование 1PL мочь выносить LOC
vraḥ rājakāryya
 TTL королевская служба
 ‘Если наше существование сможет выдержать на королевской
 службе [далее: когда придет время умереть, мы это сделаем]’
 K929

В число глаголов наложения обязательств, после которых при предикатном актанте выступает маркер ЗП *tī*, входит *leñ* ‘следует, надо, пусть’. С ним *tī* употребляется только в тех случаях, когда первый актант зависимого предиката является агенсом, т. е. участником, который контролирует ситуацию, описываемую зависимым предикатом. В следующем предложении представлены оба случая – с маркером, и без маркера:

- (53) *leñ ti sralāñ tyañ varttamāna pālana*
 пусть DPM любить знать новости сохранять
devatā neḥ ... leñ jagat phoñ
 божество этот ... пусть люди PL
saṃrddhi sapp
 процветать все
 ‘Пусть [они] проявляют интерес к охране этих божеств ...
 пусть все люди процветают’ K523

- (54) *pre* *āyatta* *siddhi* *jā*
 приказывать находиться в ведении право на СОР
nai dai leñ āc ti santāna paripālāna
 POSS другой пусть мочь DPM семья сохранять
caṃnyar leñ kaṃ pi çunya
 впредь пусть PRON чтобы пустынный
 ‘Приказано, чтобы ведение и исключительное право [на келью] принадлежало другим: пусть семья имеет возможность сохранять ее впредь, дабы она не пустовала’ K195

В этом примере КПА *āc ti santāna paripālāna* с глаголом *āc* в вершине выступает в зависимой синтаксической позиции – позиции предикатного актанта КПА *leñ āc ti santāna paripālāna*. Вот почему употребление маркера *tī* в данном случае не противоречит тому, что было сказано выше относительно невозможности употребления маркера *tī* при предикатном актанта КПА, образованной глаголом *āc* без отрицания: здесь постановкой маркера управляет вершинный предикат наложения обязательств *leñ*. Особенность КПА, представленной в данном примере, в том, что она может описывать ситуацию косвенного наложения обязательств, в которой присутствуют три субъекта: S_1 – выражающий свою волю, S_2 – исполняющий волю S_1 и S_3 – субъект разрешенного положения дел. То, что в данном предложении маркер *tī* помещается не в начале вложенной КПА (перед *āc*), а «опускается» к предикатному актанту вложенной КПА, может объясняться как правилом синтаксического уровня, так и необходимостью маркировки иерархии семантических и прагматических ролей тех участников ситуации, на которых налагается обязательство – исполнителя воли говорящего и субъекта разрешенного положения дел. Из них последний в иерархии семантических и прагматических ролей занимает более низкое положение.

В КПА, образованных глаголом наложения обязательств *pre* ‘приказывать, повелевать’, также может употребляться маркер инактивности *tī*, но он «поднимается» к главному предикату, например:

(55) *añ khñuṃ paṃcyam mān vraḥ karunā ta paramapavitra*
 1SG CNJ его величество

ta gi rāja vraḥ pāda stac dau çivapada ti
 DPM COP король ехать Шивапада DPM

pre ou thñay ta kaṃmrateñ jagat
 велеть давать подношение DAT TTL бог

çam̃bhupura nuv devatā pramān

Шамбхупура и божества территория

çam̃bhupura phoñp

Шамбхупура PL

‘Я сообщаю его величеству, что король, уехав в Шивападу, приказал принести дары богу Шамбхупура и божествам Шамбхупуры’ K125

Как мы уже видели на примере 42, в КПА, образованных глаголом *pre*, при предикатном актанте может выступать и маркер *ta*. Приведем другой пример:

(56) *pre bhūtāça 2 āy jeñ vnaṃ gi ta*

велеть бхуташа 2 LOC Дженг Внам COP DPM

cat sruk thve kāryya nā vraḥ noḥ

основать деревня произвести работы в храм этот

‘[Король] поручил двум чиновникам бхуташа из Дженг Внам основать деревню, производить строительные работы по сооружению этого храма’ K235D

Показатель *ti* может выступать маркером инактивности аргументов не только с семантической ролью «агенс», но и с другими семантическими ролями, например с ролью «реципиент». Приведем пример, когда употребление маркера инактивности изменяет семантическую роль первого аргумента предиката *dval* ‘получить (приказ, распоряжение)’ на «инактивный реципиент», в результате чего меняется лексическое значение предиката. Сравним примеры:

(57) *ta dval vraḥ çāsana steñ çivācāryya*
 DPM получать TTL приказ Стень Шивачарья
devapa[ricāra] si kañja
 служитель бога Си Каньджа
 ‘Получившие королевский приказ: Стень Шивачарья и служитель бога Си Каньджа’ K265S

(58) *tranak ti dval pāda çakti*
 служитель транак DPM повиноваться стопа воля
ta pavitra
 DPM чистый
 ‘Служители транак, которые повинуются светлой воле короля’ K393S

3.1.3.4. *ti* как маркер социального дейксиса

Маркер инактивности *ti* может также выступать как средство выражения социального дейксиса, т. е. его употребление может быть связано не с поверхностно-синтаксической или семантической структурой предложения, а с явлениями прагматического уровня. Приведем примеры:

(59) *mān vraḥ karuṇā pre tāk pāñjīya*
 CNJ король велеть занести книга записей
pi las arddhabhāga dau sap mūla
 чтобы сокращать половина идти все начальник
neḥ kaṃluṇi man ti ^anak neḥ prārthāṇa
 этот в (случае) CNJ DPM человек этот желать
pi ou bhūmi noḥ guḥ
 чтобы отдавать земля этот только когда
 ‘Тогда король распорядился занести в книгу доходов уменьшение [доходов] вдвое всем своим старшинам, в случае, если они *пожелают* отдать эти земли’ K205

Маркер ЗП *ti* в данном случае выражает то, что участник ситуации, представленный первым аргументом зависимой предикации *prārthāṇa*, имеет социальный ранг ниже того уча-

стника ситуации, который представлен первым аргументом главной предикации, т. е. он маркируют социальную иерархию аргументов «король» – «вассалы».

В ситуациях, описываемых глаголами дарения, маркер *tī* также употребляется как средство социального дейксиса в тех случаях, когда на семантическом уровне третьим аргументом предиката (реципиентом) выступает король, например:

- (60) *vvan thnal sañ svān canloñ ta ādhvā*
 строить дорога строить мост соединять DPM дорога
tī thvāy phala jā vraḥ rājadharmma
 DPM дарить плод COP TTL королевские постройки
 ‘Я проложил дороги, построил мосты, чтобы соединить дороги,
 я дарю плоды своих трудов как начинания короля’ K254B

3.1.3.5. Конфликты стратегий маркирования

Поскольку, как мы видели выше, употребление маркера *tī* в древнекхмерском может быть связано с явлениями трех разных уровней: синтаксического, семантического и прагматического, закономерно, что есть случаи, когда при выборе маркера ЗП возникает конфликт уровней представления высказывания. Рассмотрим пример:

- (61) *roḥ ta gi praçasta ta tī*
 согласно COMIT этот королевский указ DPM DPM
kamrateñ añ vraḥ guru paṅgaṃ thpvañ
 TTL падать ниц склонять голову
nivedana paṃnvas ta khloñ ni dau kathā
 сообщать служитель DPM TTL FUT идти рассказывать
vyavahāra anrāy vraḥ sabhā
 судебное дело отделение TTL суд
 ‘В соответствии с данным королевским указом, которым Камратень Ань Врах Гуру [Его святейшество Учитель] почтительно уведомляет короля, что верховные иерархи собираются подать в священный суд’ K85

В данном примере возникает конфликт стратегий маркирования синтаксического и прагматического уровней. С одной стороны, на синтаксическом уровне в определительной ЗП кореферентному сокращению подверглась ИГ_{Об}, что должно манифестироваться объектным маркером *ti*, маркирующим синтаксическую роль сокращенной ИГ, но с другой – на прагматическом уровне *ti* может выступать как маркер социального дейксиса и указывать на низкий социальный ранг участника ситуации, обозначенного в сокращенной ИГ. В данном случае неоднозначность такого рода была бы нежелательна, так как сокращенная ИГ *praçasta* ‘королевский указ’ представляет собой номинацию ситуации, в которой главным участником является сам король, а поскольку текст обращен непосредственно к королю, – перед составителем надписи возникает непростая задача устранения данного конфликта, и он выбирает комбинацию маркеров.

Еще один случай конфликта стратегий маркирования:

- (62) *jvan rot ta vraḥ kala leñ*
 дарить в соответствии COMIT TTL кальпа пусть
āc mok pamre ta kamrateñ añ
 мочь приходить служить DAT бог
 ‘Подарил, как требует предписание, чтобы могли приходить
 служить богу [далее следует список «подаренных» женщин]’
 К61

В этом примере устраняется конфликт стратегий маркирования семантического и прагматического уровней, что манифестируется отсутствием маркера семантической роли «инактивный агенс» *ti*. Он должен был бы выступать при предикатном актанте в КПА, образованной глаголом наложения обязательств *leñ*, и маркировать более низкий ранг семантической роли актанта, на которого налагается обязательство, по отношению к актанту, налагающему обязательство. Однако в данном тексте речь идет о том, что король для проведения служ-

бы «дарит» шесть *благородных* дам, о высоком происхождении которых свидетельствует титул *teñ* в составе их имен (о титулах в ДКМ см. работу [Лонг Сеам 1989]). Более того, как следует из текста надписи, эти дамы находятся под особым покровительством короля (*syañ ta dar vraḥ karuṇā prasāda* ‘все получили высочайшую милость короля’). Употребление маркера инактивности в данном случае вступило бы в конфликт с референциальной семантикой. Как видим, в данном случае конфликт решается в пользу референциальной семантики.

Еще один характерный случай конфликта стратегий маркирования синтаксического и прагматического уровней и использования в качестве средства его разрешения комбинации маркеров *ta ti* вместо *ti* находим в надписи Прасат Чар K257S, датированной 979 г. Как отмечает Ж. Сёдес, эта надпись, выгравированная с особой тщательностью, представляет собой прекрасный образец кхмерской каллиграфии конца X в. Добавим, что и язык этой надписи отличается особой изысканностью стиля, ясностью изложения, четкостью и правильностью синтаксического построения фраз. В этой надписи выгравирован указ короля Джаявармана V, адресованный духовному лицу высокого ранга (*Steñ Añ Vraḥ Guru*) и трем знатым особам (*kaṃsteñ*), предписывающий им «любезно пожаловать» свои земли по берегам реки четырем еще более знатым особам. По мнению Сёдеса, с большой долей вероятности можно предполагать, что в роли этих бенефициантов короля выступают брат и сестра королевы, жены Джаявармана V, и двое сыновей сестры королевы, младший брат которых впоследствии стал королем Удаядитьяварманом I (IC IV, 140). На дарованных землях эти четыре особы должны были основать поселения и установить изображения божеств с лицами самих бенефициантов – брата и сестры королевы, а также либо самой королевы, либо ее матери (из текста не ясно).

В надписи описываются восемь актов дарения земель: три акта дарения Раджапативарману, один акт дарения, в котором на синтаксическом уровне фразы третьим аргументом, т.е. реципиентом, выступает не сам Раджапативарман, а изображение божества с его лицом, один акт дарения самого короля, один акт дарения королю от *Steñ Añ Vraḥ Guru*, один акт дарения племяннику короля Нарапативирварману и один акт передачи ему земли в качестве компенсации за нанесенный ущерб (владелец земли убил поедавших рис на его земле двух слонов Нарапативирвармана). Маркер *ta ti* вместо *tī* используется в двух следующих предложениях, где реципиентом выступает шурина короля:

- (63) *bhūmi travāñ vloñ ta ti mratāñ tri khsāc vlvak*
 земля Траванг Влонг DPM DPM TTL Три Кхсач Влвак
ou ta kaṃsteñ ṣrīrājapativarmma
 давать DAT TTL Шрираджапативарман
 ‘Земля, которую Мратань Три Кхсач Влвак дарит Камстенгу Шри Раджапативарману’ K257S

- (64) *toy agneya prasap ta gi bhūmi guhe*
 CNJ юго-восток граничить COMIT этот земля Гухе
ta ti vāp hā __ ābtabhṛtya
 DPM DPM Вап Ха __ доверенный служитель
nā eka khcyā a nak
 первая категория брать займы человек
pañgaṃ thpvañ nivedana pi ou ta
 почтительно сообщить королю чтобы отдать DAT
kaṃsteñ ṣrīrājapativarmma
 TTL Шрираджапативарман
 ‘На юго-востоке граничит с землей Гухе, которую Вап Ха __, доверенный служитель первой категории, взял займы у других, нижайше и почтительно уведомляя короля, чтобы отдать ее Камстенгу Шри Раджапативарману’ K257S

В этих предложениях употребление грамматического эвфемизма *ta ti* вместо *ti* – объектного маркера ЗП объясняется тем, что *ti* может выступать и как маркер социального дейксиса, указывающий на низкий социальный ранг участника ситуации, обозначенного в сокращенной ИГ. В данном случае употребление маркера *ti* было бы неуместным, поскольку здесь осуществляется референция к объекту дарения, совершаемого в пользу бенефицианта короля в соответствии с волей короля и под его патронажем, тем более что в одном из двух случаев о дарении «нижайше и почтительно сообщается королю», поэтому прямая грамматическая номинация при помощи *ti* заменяется на эвфемизм *ta ti*.

Такое предположение отчасти подтверждается и фактом неиспользования указанного грамматического эвфемизма в предложениях, описывающих остальные шесть случаев дарения. Рассмотрим эти случаи.

В описании третьего акта дарения Раджапативарману, шурину короля, в синтаксической структуре предложения слово *bhūmi* ‘земля’ не составляет отдельную ИГ, а выступает в координативной синтагме: *Земля и рабы-плоды, которых (ti) Мратань Шри Гунапандита подарил Камстенгу Шри Раджапативарману*, где *khñuṇ phle* ‘рабы-плоды’ – номинация, по поводу которой Ж. Сёдес высказывает предположение, что она может означать ‘рабы, приписанные к данной земле’. (Как нам кажется, данная формула может означать ‘рабы и все, что там произрастает’.) По-видимому, гонорифическая референция при помощи эвфемизма *ta ti* в данном случае невозможна, так как она относилась бы и к рабам тоже. Если наше предположение верно, – оно говорит о том, что в иерархии «людей» и «вещей» рабы занимали положение более низкое, нежели такая «вещь», как земля.

В предложении, описывающем четвертый акт дарения Раджапативарману, а именно: *Деревня Ратнапарвата на территории Бхимапура, которую (ti) Тенг Ма, подданный Кам-*

стенга Шри Раджапативармана, отдает В. К. А. Парамешвара, изображению Камстенг Шри Раджапативармана в синтаксической структуре третьим аргументом выступает статуя божества, по отношению к которой гонорифическая референция при помощи эвфемизма *ta ti* не используется: божества не входят в мир людей и в социальной иерархии участвовать не могут.

В описаниях еще двух актов дарения гонорифический маркер *ta ti* не используется, потому что один из них описывает акт дарения самого короля, а другой – акт дарения духовного лица высокого ранга (*Steñ Añ Vraḥ Guru*) королю.

Наконец, остаются два описания актов передачи земли Шри Нарапативираварману, одному из сыновей сестры королевы. В одном из них описывается не акт дарения, а фактически акт изъятия земли в счет материального ущерба, и потому употребление гонорифического маркера здесь неуместно: *Земля Чанлатай, которую (ti) Мратень Хрдайябхава, смотритель королевской опочивальни третьей категории, который убил двух слонов-самцов, принадлежавших Камстенгу, потому что они поедали его рис, и который, поскольку не имел слонов, чтобы отдать за слонов Камстенга, отдал.* Однако в описании второго акта дарения Шри Нарапативираварману гонорифическая референция не используется по непонятным причинам *Земля Рлам Слут, которую (ti) Ван Джвада, смотритель королевской опочивальни второй категории отдал Камстенгу.*

3.1.4. Маркер *ka*

В древнекхмерском мы находим маркер *ka*, функции которого совпадают с частью функций *ta*, но который встречается значительно реже. В ДКМ *ka* отмечается как маркер ЗП и косвенно-объектных именных групп, а также в предложениях со сдвигом ремы. Именно в этой последней функции он сохранился в современном кхмерском языке. В ДКМ в функции

маркеров сдвига ремы мы чаще находим маркер ЗП *ta*, связку тождества *gi* или их комбинацию. Т. Гивон также отмечал, что существует структурная связь между структурами со сдвигом ремы, которые он именовал фокусными конструкциями, в частности, клефтингом и псевдоклефтингом, и релятивизацией. В 3.1.3.2 мы уже объяснили природу этого явления. Соотношение функциональных полей маркеров *ta*, *ka* в ДКМ и *kvv* в современном кхмерском выглядит следующим образом:

	ДКМ	совр. кхмерский
ЗП	<i>ta</i> , (<i>ka</i>)	<i>dvv</i> ⁴⁶
ИГ	<i>ta</i> , (<i>ka</i>)	
сдвиг ремы	<i>ta</i> , (<i>ka</i>)	<i>kvv</i>
топикализация		<i>kvv</i>

Как видим, функциональное поле ДКМ маркера *ka* значительно расширилось в современном кхмерском.

Приведем примеры, где *ka* выступает как маркер ЗП:

- (65) *ka* *giy* *ge* *cmer* *ājñā* *vraḥ*
 DPM COP(ID) ЗPL *m*-нарушать приказ TTL
kamratāñ *añ* *ge* *daṅḍa*
 TTL TTL ЗPL наказанный
 ‘Те, кто нарушит приказ короля, будут наказаны’ K502

- (66) *ājñā* *vraḥ* *kamratāñ* *añ* *ni*
 приказ TTL TTL TTL относительно
giy *aṅras* *mratāñ* *anaṅga* *phoñ*
 COP(ID) слугитель Мратань Ананга PL
giy *ka* *tel* *mratāñ* *ou* *phoñ*
 COP(ID) DPM который Мратань давать PL
 ‘Приказ короля относительно слугителей Мратаня Ананга, которых Мратань отдал [храму]’ K502

⁴⁶ В современном кхмерском употребляется только с определениями.

Приведем примеры, где маркер *ka* выступает как маркер сдвига ремы. Рассмотрим предложение из надписи K348. Она состоит из двух частей: первая часть размещена на двери святилища, а ее продолжение – на северном столбе западной двери надвратной башни в храмовой ограде. Как предполагает Ж. Сёдес, именно об этом говорится в первом предложении второй части надписи:

- (67) *neh ka gi prasir nā vraḥ dvāra*
 это RHM COP надпись на TTL дверь
ta vvaṇ srac ta roḥ
 DPM NEG заканчивать DPM вещь
 ‘Это та самая надпись на двери, которая не была закончена’
 K348

В следующем предложении, как считает Ж. Сёдес, нет ясности относительно того, каким образом клауза, содержащая маркер *ka*, связана с остальной частью предложения. Повидимому, единственным разумным объяснением было бы то, что в данном случае *ka* выступает как маркер сдвига ремы:

- (68) *ge ta pāñ par_*
 люди DPM чинить препятствия ?
mut vraḥ cau laḥ kantai
 наносить повреждения TTL внук будь то женщина
laḥ kula soṇ vyavahāra laḥ
 будь то родители требовать суд будь то
kñum ta kmi tve mut
 раб DPM хотеть делать наносить повреждения
vraḥ laḥ ka ti pre ge tleñ
 TTL будь то RHM DPM велеть люди подниматься
aṃpi la(ḥ) __i mahānīrya
 от будь то великий ад
 ‘Те, кто чинит препятствия и вредит богу, будь то внук, будь то жена, будь то родители, требующие суда, будь то рабы, имеющие намерение причинить вред богу, даже те [? особенно те], кто подстрекает других подняться __ [будут пребывать в] великом аду’ K451N

В данном предложении представлен один из вариантов формулы проклятья, предупреждающей о том, что имущество храма неприкосновенно и всякий, кто посягнет на него каким бы то ни было образом, будет пребывать в аду. Вероятно, стратегия сдвига ремы, маркером которой здесь выступает *ka*, заключается в том, чтобы подчеркнуть, что люди, которые подстрекают других на совершение преступления против бога, не меньше, а, возможно, даже больше виновны, чем те, кто эти преступления совершает.

3.2. Зависимые предикативные конструкции в палаунг

Рассмотрим маркеры зависимой предикации в двух палаунгических языках – палаунг и лава. Данные по языку палаунг взяты из работы Лесли Мильне [Milne 1921]. Это подробное описание грамматики языка палаунг, в нем содержится много примеров предложений, в том числе сложных, и текст сказки. Данные по языку лава взяты из статьи К. Джиранана [Jiranan 1992], посвященной описанию местоимений лава.

Данные палаунгических языков представляют интерес для сравнения с ДКМ, поскольку в них используется новая стратегия маркирования одних и тех же типов ЗП. В палаунг также обнаруживаются рефлексы маркера **ta*, который выступает на периферии системы, хотя функционально пересекается с ДКМ маркером *ta*.

В палаунг, как и в ДКМ, маркеры ЗП отмечаются в конструкциях: определительных, КПА, сериальных, конструкциях с сентенциальными включениями (а именно: с сентенциальным сказуемым), в координативных ППК. В отличие от ДКМ, маркеры ЗП в палаунг не употребляются в сентенциальных сирконстантных ЗП (времени, образа действия, причины, цели), но такое употребление отмечается в языке лава.

Характер противопоставления ДКМ маркеров *ta*, *ti* не находит аналогов в палаунг, но имеет некоторые общие черты с

ситуацией в лава, где субъектный маркер противопоставляется субъектно-объектному.

В палаунг отмечаются две стратегии семантически недифференцированного бессоюзного маркирования, когда маркируется только противопоставление главной и зависимой предикации, различающиеся тем, в какой синтаксической позиции зависимой предикации маркируется связь – в позиции ИГ_{СУБ} или в позиции зависимого предиката. Они дополнительно распределены, при этом маркировка зависимой ИГ_{СУБ} является центральной, а маркировка зависимого предиката при помощи *ta* – периферийной.

В палаунг в ППК преобладает паратаксис, т. е. немаркированное соединение частей, связь между которыми обеспечивается только на семантическом уровне. Паратаксис имеет место как в семантически симметричных (координативных), так и в семантически асимметричных ППК. Например:

(1) *ɔ ka thaaŋ lan yuu rɔt lan yuu*
1SG NEG думать 3SG PST приходить 3SG PST
rɔt

приходить

‘Я не думал, что он пришел, а он пришел’ (Milne, 129)

(2) *bɔn phoon phan shajii lan kabee lan*
получать четыре пять день 3SG болеть 3SG
uɔt

умирать

‘После того как он проболел пять дней он умер’ (Milne, 127)

(3) *lan karchi uun ruun lan dii juur*
3SG собирать хранить деньги 3SG FUT покупать
gaŋ

дом

‘Он копил деньги, чтобы купить дом’ (Milne, 135)

Отсутствие координативного сокращения в семантически (и коммуникативно) симметричных ППК – характерная черта синтаксиса палаунг. Ср., например, следующее предложение:

- (4) *brallj duu pwoʔ miik duu pwoʔ*
лошадь убежать прочь бык убежать прочь
'И лошадь, и бык убежали' (Milne, 72)

Наряду с паратаксистом в ППК языка палаунг существует гипотаксис союзного типа, когда главная и зависимая части представляют собой предложения с финитными сказуемыми, соединенные союзами, дифференцирующими семантический тип связи. Например:

- (5) *shii kiiŋ ʌn jʌn ʌn ka kʌŋiir*
потому что голова 3SG тяжелый 3SG NEG петть
'Она не пела, потому что у нее болела голова' (Milne, 128)

- (6) *bar pʌw kwɔʔ mi bɛ mi duuuʔɛ*
столько что нести 2SG мочь 2SG приносить
veeŋ haʌ ʒʒ
возвращаться место этот
'Принеси сюда столько, сколько ты сможешь принести'
(Milne, 128)

Гипотаксис союзного типа может сопровождаться изменением порядка слов SV → VS в зависимой предикации. Изменение порядка слов – это формальное отражение в поверхностной структуре семантической и коммуникативной асимметричности пропозиций, составляющих ППК.

- (7) *raʔat ka deɛh mi ta bʌŋ hɔm mai*
раньше NEG давать 2SG DAT лошадь есть нельзя
lɔh
уходить
'Не уходи, пока не покормишь лошадь' (Milne, 129)

- (8) *лпн јшш* *уаат рát* *лпн та* *туаат*
 3SG идти (дождь) когда рвать 3SG COMIT чай
 ‘В то время, когда он собирал чай, шел дождь’ (Milne, 134)

Наряду с гипотаксисом союзного типа в палаунг имеет место гипотаксис бессоюзного типа, когда зависимая предикация маркируется путем изменения морфологической формы ее главных членов – подлежащего или сказуемого. В палаунг отмечаются обе стратегии маркирования, одна из них – использование зависимой формы подлежащего – основная, другая – употребление зависимой формы сказуемого – периферийная.

При первой стратегии маркирования используется зависимая форма местоимения *dee* второго и третьего лица. Местоимения первого лица не имеют зависимых форм, поэтому ППК с ИГ_{СУБ} первого лица остаются паратактическими, т. е. без показателей связи. При второй стратегии маркирования используется маркер *ta*.

Гипотаксис с зависимой формой ИГ_{СУБ} отмечается в трех типах ППК: конструкциях с предикатным актантам (КПА), сериальных конструкциях и определительных. Кроме того, в отдельных случаях он отмечается в координативных ППК. Гипотаксис с маркером *ta* отмечается в КПА и предложениях с сентенциальным подлежащим.

КПА, сериальные конструкции и определительные конструкции в палаунг представляют этап грамматикализации ППК до кореферентного сокращения ИГ_{СУБ} зависимой предикации. Например, предложение *Я прошу дать мне поработать* на палаунг выглядит следующим образом:

- (9) *ээ һтаан* *ээ бххп* *ээ рххр*
 1SG просить 1SG получать; мочь 1SG работать
 ‘Я прошу дать мне поработать’ (Milne, 84)

При вложении одной ППК в другую, как это имеет место в предыдущем примере, где в позиции предикатного актанта конструкции с главным глаголом (ГГ) «просить» выступает КПА с ГГ «мочь», ИГ_{СУБ} на шве вложения может подвергаться кореферентному сокращению, как, например, в следующем предложении, где сериальная конструкция выступает в позиции предикатного актанта КПА с модальным ГГ:

- (10) *yee ka ya yxyp yee teen*
 1PL NEG сметь смотреть 1PL смотреть
 ‘Мы не решаемся смотреть’ (Milne, 145)

При двухместных предикатах в качестве несокращенных кореферентных могут выступать объектные, а не субъектные ИГ, как в следующем примере с сериальной ППК:

- (11) *bii raat eeh yee kiin yee*
 люди красть проклинать 1PL проклинать 1PL
 ‘Воры проклинали нас’ (Milne, 21)

Рассмотрим четыре типа ППК, в которых выступает зависимая форма ИГ_{СУБ}: КПА, сериальные, определительные и координативные.

3.2.1. Конструкции с предикатными актантами

В отличие от сериальных конструкций, КПА – это конструкции «сильного» типа, где V_2 заполняет семантическую валентность V_1 . Зависимая форма ИГ_{СУБ} *dee* выступает в КПА, образованных различными модальными глаголами, такими, как глаголы наложения обязательств: *blap* ‘должен’, *la* ‘следует’, *bee*, *reen* ‘мочь’; глаголы алетической возможности: *lap* ‘мочь (умение, навык)’, *bxyn* ‘смочь, суметь (реализация умения, навыка)’; глаголы субъективной модальности: *shiin* ‘хо-

теть’, *tiip* ‘пытаться’; эпистемической модальности: *тииш* ‘ожидать’, *thлл* ‘предполагать’, *dεεh* ‘давать; предполагать’. Зависимые формы также употребляются в каузативных КПА, образованных глаголами *hmaan* ‘просить’, *dεεh* ‘давать’, и аспектуальных КПА, образованных глаголом *yuuu* ‘иметь’; ‘PRF’. Например:

(12) *ллп ка бххп дее гвай жэст эе*
 3SG NEG мочь 2,3SG,PL жить следовать; с 1PL
 ‘Он не может жить с нами’ (Milne, 156)

(13) *ллп dεεh ллп бххп дее жуур гаау*
 3SG давать; чтобы 3SG мочь 2,3SG,PL покупать дом
карчи карпoot иин риин
 собирать собирать хранить деньги
 ‘Он копил деньги, чтобы смочь купить дом’ (Milne, 135)

(14) *рее һллт баар дее лэһ*
 2SG еще не должен 2,3SG,PL идти
 ‘Тебе еще не нужно идти’ (Milne, 19)

(15) *иу лх лхх ллп ка бххп дее иит*
 один время 3SG NEG мочь 2,3SG,PL спать
 ‘Иногда он не может спать’ (Milne, 94)

(16) *да би мххх рееп дее лэһ лэһ*
 всякий человек быть; COP мочь 2,3 SG,PL идти
 ‘Всякий человек может ходить’ (Milne, с. 45)

Вместе с тем в палаунг отмечаются некоторые типы КПА, в которых ИГ_{СУБ} при предикатном актante подлжит обязательному сокращению. Эти КПА являются более сжатыми и тем самым более грамматикализованными. Здесь можно отметить три типа.

Первый тип – это КПА, образованные запретительным модальным глаголом *mai*, например:

- (17) *pεε mai ʎet*
2SG нельзя торопиться
'Тебе нельзя торопиться' (Milne, 19)

Второй тип – это КПА, где ГГ утратил свое лексическое значение и грамматикализовался. Это конструкции с фазисным глаголом *hwɔɔʔu* 'заканчивать' и модальным глаголом *chaáŋ* 'хотеть'. В этих случаях абсолютный запрет на ИГ_{СУБ} при зависимом предикате можно считать свидетельством грамматикализации ГГ.

- (18) *ллп hwɔɔʔu pεεп bii*
3SG заканчивать; PRF становится человек
'Он уже превратился в человека' (Milne, 160)

Вместе с тем в КПА, образованных глаголом *hwɔɔʔu*, сокращения ИГ_{СУБ} при предикатном актante не происходит в том случае, если в позиции предикатного актанта выступает предикат качества (прилагательное). Это связано с функциональными свойствами предикатов качества в палаунг, у которых синтаксическая функция вершинного предиката является доминирующей (о чем подробнее ниже). Например:

- (19) *ллп hwɔɔʔu dee daay*
3SG заканчивать; PRF 2,3SG,PL большой
'Он уже вырос' (Milne, 160)

В КПА с глаголом *chaáŋ* при наличии ИГ_{СУБ} он реализует свое лексическое значение 'хотеть', в его семантическую структуру, естественно, входит и компонент значения «потенциальность» (ср. пример 23), а при отсутствии ИГ_{СУБ} он становится показателем будущего времени. Сравним примеры:

-
- (20) *ɔɔ chaáŋ lɔh*
 1SG хотеть; FUT идти
 ‘Я пойду’ (Milne, 20)
- (21) *ɔɔ chaáŋ ɔɔ lɔh*
 1SG хотеть 1SG идти
 ‘Я хочу пойти’ (Milne, 20)
- (22) *ɔɔ chaáŋ rɔɔr*
 1SG хотеть; FUT работать
 ‘Я буду работать’ (Milne, 20)
- (23) *ɔɔ chaáŋ ɔɔ rɔɔr*
 1SG хотеть 1SG работать
 ‘Я буду работать, как пожелаю’ (Milne, 20)

Отметим промежуточный тип КПА, где, с одной стороны, главный глагол утратил свое лексическое значение и грамматикализовался как показатель перфективности, но с другой – зависимая форма ИГ_{СУБ} не подвергается обязательному сокращению. Это КПА с глаголом *yuuu* ‘иметь; PRF’. Например:

- (24) *bii ka yuuu dee grai ta ɔɔ*
 люди NEG иметь; PRF 2,3SG,PL говорить DAT 1SG
 ‘Они мне не сказали’ (Milne, 138)

Третий тип – это КПА, где в позиции главного глагола выступает *lɔh* ‘идти’: *lɔh viir* ‘пойти погулять’ (Milne, 160), *lɔh pɛɛh plee* ‘пойти собирать фрукты’ (Milne, 160), *lɔh meen* ‘пойти посмотреть’ (Milne, 162), *lɔh jɔɔt* ‘пойти за кем-то’ (*jɔɔt* ‘следовать’) (Milne, 164). В КПА данного семантического типа выражается пространственная ориентация действия, выраженного в предикатном актante (Гак 1985).

Таким образом, в различных семантических типах КПА языка палаунг представлены разные этапы прохождения шкалы грамматикализации: от двусентенциальных структур с ИГ_{СУБ} при предикатном актанте до структур, где главный глагол становится служебным элементом, полностью утратившим свое лексическое значение В последнем случае в одних КПА ИГ_{СУБ} подлежит обязательному сокращению, в других еще употребляется.

3.2.2. Сериальные конструкции

Сериальные конструкции отличаются от КПА тем, что V₂ не заполняет семантической валентности V₁. Гипотаксис с зависимой формой ИГ_{СУБ}, выступающей при V₂, отмечается в различных семантических типах сериальных конструкций: синонимических – *daah grai* ‘сказать’ (*daah* ‘сказать’, *grai* ‘рассказывать, говорить’), *eeh kiin* ‘ругать’ (*eeh* ‘ругать’, *kiin* ‘ругать’), *uushi teen* ‘видеть’ (*uushi* ‘видеть’, *teen* ‘видеть, смотреть’); цели – *pxxh teen* ‘открыть, чтобы посмотреть’ (*pxxh* ‘открывать’, *teen* ‘видеть, смотреть’); образа действия – *raat lɔh* ‘идти украдкой’ (*raat* ‘красть’, *lɔh* ‘идти’); результативных – *tuuuh duuue* ‘забирать’ (*tuuuh* ‘брать’, *duuue* ‘приносить’).

Обычно сериальные конструкции выделяются на основании следующих критериев:

- (i) V₁ и V₂ обозначают одно событие
- (ii) на семантическом уровне V₁ и V₂ имеют общий субъект и объект
- (iii) на синтаксическом уровне ИГ_{СУБ} выступает только при V₁
- (iv) на синтаксическом уровне ИГ_{ОБ} выступает только при V₁
- (v) V₁ и V₂ составляют одно сказуемое (моносентенциальность)

Сериальные конструкции языка палаунг соотносимы с сериальными конструкциями других языков только по семантическому и функциональному параметрам. Структурно они существенно отличаются тем, что они не моносентенциальны, и составляющие их предикаты образуют ППК, в которой выделяется главная и зависимая предикации, связанные подчинительной связью. Их характерная черта – обязательность ИГ_{СУБ} при V₂. В сериальных конструкциях, также как и в КПА, эту позицию заполняет зависимая форма *dee* для второго и третьего лица, и независимая форма местоимения для первого лица. Например:

(25) *ɔɔ raat ɔɔ lɔh*
 1SG красть 1SG идти
 ‘Я пойду украдкой’ (Milne, 82)

(26) *lɔn raat dee meen*
 3SG красть 2,3SG,PL смотреть, видеть
 ‘Он посмотрел украдкой’ (Milne, 162)

(27) *yaa phai pɔɔh dee meen*
 великанша открывать 2,3SG,PL смотреть, видеть
 ‘Великанша открыла, чтобы посмотреть’ (Milne, 158)

(28) *lɔn daah dee grai*
 3SG сказать 2,3SG,PL говорить
 ‘Он сказал’ (Milne, 80)

Отметим еще один тип сериальной конструкции в палаунг, которая, как отмечает Л. Мильне, используется редко. Это конструкция с глаголом *khaam* ‘страдать’. В палаунг нет пассивной конструкции предложения, и данная конструкция представляет собой лексико-синтаксический эквивалент пассивного предложения:

-
- (29) *ii mee khaam dee* уллт *kəp khaay*
человек страдать 2,3SG,PL умирать из-за качинец
'Человек был убит качинцами' (Milne, 66)

ИГ_{СУБ} при втором предикате сериальной конструкции сохраняется и в вопросе, т. е. конструкция остается двусентенциальной. Отметим, что в вопросе к подлежащему в качестве антецедента ИГ_{СУБ}, выраженной зависимой местоименной формой *dee*, выступает вопросительное местоимение⁴⁷. Приведем примеры вопросительных предложений, содержащих сериальные конструкции:

- (30) *aa shu tiip dee juuu brallj*
кто искать 2,3SG,PL видеть лошадь
'Кто нашел лошадь?' (Milne, 26)⁴⁸

- (31) *aa shu mii juuu dee meen*
кто 2SG видеть 2,3SG,PL смотреть, видеть
'Кого ты видела?' (Milne, 27)

- (32) *pε juuu kəp dee meen*
2SG видеть ВПР 2,3SG,PL смотреть, видеть
'Ты видишь?' (Milne, 85)

3.2.3. Определительные конструкции

В языке палаунг, как и в других МК языках, нет прилагательных как отдельной части речи: слова, выражающие при-

⁴⁷ Это явление может пополнить число примеров, которые обычно приводятся в научной литературе как опровержение традиционного представления об анафоре, исходящего из того, что анафорические местоимения замещают некоторое языковое выражение. В данном примере восстановление антецедентного языкового выражения, которое «замещает» местоимение *dee*, вообще невозможно.

⁴⁸ Перевод Л. Мильне 'Кто искал лошадь', по-видимому, неверен.

знак, свойство вместе со словами, выражающими действие, процесс и состояние, составляют один функциональный класс слов.

Однако в палаунг, в отличие от других МК языков, употребление прилагательных в синтаксической функции определения полностью не грамматикализовалось. В этом отношении они представляют собой интересный феномен для типологии частей речи. Прилагательные языка палаунг могут выступать в синтаксической функции определения только в идентифицирующих языковых выражениях.

В предикатном употреблении, т. е. не в идентифицирующих дескрипциях, на поверхностно-синтаксическом уровне они обычно выступают как синтаксические предикаты, т. е. сказуемые зависимых или главных предложений, и имеют при себе ИГ_{СУБ}, неанафорическую или анафорическую. Анафорическая ИГ_{СУБ} может принимать как форму независимого местоимения, так и форму зависимого местоимения 2-го и 3-го лица *dee*. В последнем случае синтаксис определительных конструкций в палаунг аналогичен синтаксису КПА и сериальных конструкций. При определенных условиях в определительных конструкциях ИГ_{СУБ} может подвергаться кореферентному сокращению.

В палаунг даже в тех случаях, когда прилагательные употребляются в идентифицирующей функции, они часто выступают не как определения, а как синтаксические предикаты, т. е. имеют при себе ИГ_{СУБ}. Таким образом, идентифицирующая функция является условием необходимым, но недостаточным для того, чтобы прилагательное на поверхностно-синтаксическом уровне могло реализоваться в функции определения.

Итак, можно сделать два типологически значимых вывода. Функция определения у прилагательных языка палаунг находится в начальной стадии формирования. Синтаксические функции определения и предиката больше ориентированы на отражение логико-коммуникативной структуры высказывания.

Рассмотрим примеры разных функциональных типов простых определительных конструкций [ИГ_{СУБ}] + прилагательное. В следующем предложении прилагательное *khau* ‘белый’ выступает в идентифицирующей ИГ *həʔʔu khau* ‘белая улитка’ в позиции определения (объектом референции в данном случае является некий заколдованный принц, персонаж из сказки), ИГ_{СУБ} в данном случае отсутствует:

- (33) *yaa phai veeŋ juu dee meen*
 великанша возвращаться идти к 2,3SG,PL смотреть, искать
həʔʔu khau
 улитка белый
 ‘Великанша вернулась и стала искать Белую Улитку’
 (Milne, 160)

Приведем пример, где прилагательное используется в идентифицирующей функции, но на поверхностно-синтаксическом уровне выступает не как определение, а как синтаксический предикат, при котором есть ИГ_{СУБ}, выраженная зависимой формой местоимения *dee*:

- (34) *tlh deeh ta əʔ aʔo dee dʒat*
 брать давать DAT 1SG собака 2,3SG,PL маленький
 [ллн] *haa ллн*
 3SG место тот
 ‘Принесите мне эту маленькую собачку’ (Milne, 20)

В данном случае простому распространенному предложению русского языка соответствует предложение языка палаунг, которое фактически является сложным, состоящим из трех простых, в которых представлены три пропозиции: (1) «Принесите мне собачку» (2) «Она маленькая» (3) «Она там». На этом примере видно, что синтаксис простого предложения языка палаунг ориентирован на минимальное содержание

свернутых пропозиций, он максимально приближается к идеальному соответствию: одна пропозиция – одно предложение.

Приведем пример, где прилагательное используется в идентифицирующей функции, а на поверхностно-синтаксическом уровне выступает как синтаксический предикат, при котором ИГ_{СУБ} выражена независимой формой местоимения 3 лица *лпн*:

- (35) *raʔpjaa kariʔaʔar лпн бее карјиир*
девушка красивый 3SG уметь петь
‘Красивая девушка может петь’ (Milne, 38)⁴⁹

Кореферентное сокращение ИГ_{СУБ} отмечается только в тех случаях предикатного употребления прилагательных, когда пауза выступает как альтернативное средство маркирования зависимого синтаксического предиката. В записи Л. Мильне в этих примерах ставится запятая, что, по-видимому, означает наличие паузы. Рассмотрим примеры предикатного употребления прилагательных, в которых ИГ_{СУБ} подверглась кореферентному сокращению:

- (36) *ɔɔ deɛh bii kyák khriir ta лпн,*
1SG давать; CAUS люди позолотить золото LOC 3SG
theyy lo loo
желтый очень
‘Я велел людям позолотить его очень желтым золотом’ (Milne, 152)

⁴⁹ Выше мы уже отмечали случай, когда в КПА ИГ_{СУБ} может подвергаться кореферентному сокращению (10), в (35) ИГ_{СУБ} в КПА, образованной модальным глаголом *бее*, также подверглась сокращению. Не исключено, что кореферентное сокращение в таких случаях отражает изменения в коммуникативной структуре высказывания, однако в материалах недостаточно примеров для того, чтобы сделать какие-то обобщения на этот счет.

- (37) *лп лóк кхáp dee pεεп бii, кλʔriʔллr*
 3SG превратиться 2,3SG,PL стать человек красивый
һюһюо
 очень
 ‘Он превратился в очень красивого человека’ (Milne, 158)

Как и в других МК языках, в палаунг в интродуктивных предложениях перед квалификативной определительной конструкцией употребляется выражение «один + классификатор». Это языковое выражение и функционально, и семантически выступает как анафорическое средство, его отличие от местоимений заключается в том, что помимо тех дескриптивных компонентов, которые обычно включаются в семантическую структуру анафорических местоимений («одушевленность», «личность», «единичность», «множественность», «пол»), оно содержит дескриптивные компоненты, не свойственные местоименным анафорическим средствам, такие, как «форма», «функция» и т. п. Интересно, что в палаунг в этих случаях ИГ_{СУБ} сохраняется, но порядок слов в определительной предикации изменяется: SV → VS, как в следующем примере:

- (38) *лп уши dee кwэп наау ии кии*
 3SG иметь 2,3SG,PL; POSS дочь один CLF
кλʔriʔллr һюһюо наау
 красивый очень девушка
 ‘У него была очень красивая дочь’ (Milne, 168)

Итак, мы рассмотрели примеры разных структурных и семантических типов простых определительных конструкций. Синтаксис определительных конструкций более сложных структурных типов подчиняется тому же правилу обязательного употребления ИГ_{СУБ}. В следующем предложении, содержится, например, идиоматический сравнительный оборот, в котором ИГ_{СУБ} выражена формой зависимого местоимения *dee*:

- (39) *lan ran dee khuuuʔi blaʔ ləʔu hlɔp*
 3SG хвастливый 2,3SG,PL как рассада сухой класть
ta oom
 LOC вода
 ‘Он очень хвастливый’ (Milne, 138)

Наконец, отметим, что в палаунг прилагательные не могут употребляться и в функции определения к синтаксическому предикату. В этих случаях они также образуют синтаксическую предикатную определительную конструкцию, причем координативного типа, где ИГ_{СУБ} не принимает форму зависимого местоимения *dee*, что можно видеть в следующем примере:

- (40) *mii kadooʔi mii hɔm*
 2SG достаточный 2SG есть
 ‘Ты достаточно поел?’ (Milne, 143)

Итак, определительные конструкции языка палаунг – это конструкции еще менее сжатого типа, нежели КПА и сериальные конструкции. В них ИГ_{СУБ} обязательна во всех случаях употребления прилагательных в неидентифицирующей функции. В них наряду с гипотаксисом (т. е. использованием зависимой формы местоимения) возможен паратаксис (т. е. употребление независимой формы местоимения) не только в случае ИГ_{СУБ} первого лица, но и ИГ_{СУБ} второго и третьего лица.

КПА, сериальные и определительные конструкции являются не единственным примером того, что синтаксические структуры языка палаунг отражают более ранний этап синтаксической компрессии. Например, в палаунг находим структуры, где актант с синтаксической ролью «бенефициант» представлен в ИГ_{СУБ} зависимой предикации:

- (41) *uaa pai ləh pɛh gaar hɔm plee twɔn*
 великанша идти рвать 3DU есть фрукт каждый
ʃɔʔii
 день
 ‘Великанша ходила рвать им фрукты каждый день’ (Milne, 160)

-
- (42) *uu kuu dah pɛɛh ə hɔm pleɛ*
один ребенок; CLF говорить рвать 1SG есть фрукт
'Ребенок сказал: «Сорви мне фрукт»' (Milne, 80)

Эти конструкции могли бы объяснить специфику дативных дополнений, о которой много писалось в литературе, например, асимметричность их вхождения в коммуникативную и синтаксическую структуру предложения. Так, топикальность дативных дополнений, возможно, наследуется от сентенциальной структуры из которой они происходят, где они были топиками.

3.2.4. Координативные конструкции

В работе Л. Мильне есть относительно немногочисленные примеры, в которых зависимая форма местоимения *dee* выступает во второй части семантически симметричных ППК, т. е. в координативных конструкциях. Во всех примерах предикаты, составляющие ППК, описывают последовательно совершаемые действия. В таких случаях при желании можно усматривать известную асимметричность компонентов ППК и тем самым считать оправданным употребление субординативного средства связи, которое позволяет асимметричность на семантическом и/или коммуникативном уровне представить как синтаксическую асимметричность. Хотя примеров такого рода в работе Л. Мильне мало, отметим, что в ДКМ обнаруживается аналогичное явление употребления маркера ЗП *ta* в семантически симметричных ППК. Приведем примеры из палаунг:

- (43) *uaa phai veɛŋ juu dee meen hɔɔ'y*
великанша возвращаться идти к 2,3SG,PL искать улитка
khau
белый
'Великанша вернулась и стала искать Белую Улитку' (Milne, 160)

- (44) *gee vá tɔ́ dee duuuʔe lɔn lɔh*
 3PL приходить звать 2,3SG,PL брать 3SG идти
jɔt gee
 следовать 3PL
 ‘Они пришли, позвали и взяли его с собой’ (Milne, 166)

Предположение об асимметричности предикаций, составляющих такие ППК, подтверждается еще тем, что использование маркера ЗП *dee* может сопровождаться изменением порядка слов SV → VS в присоединяемой ЗП, например:

- (45) *lɔn tɔxh dee duuuʔe par pwɔt dee*
 3SG брать 2,3SG,PL приносить лететь уходить 2,3SG,PL
 ‘Он забрал [всего понемногу] и улетел’ (Milne, 162)

Итак, мы видим, что синтаксис рассмотренных выше ППК языка палаунг, по сравнению с аналогичными конструкциями других МК языков, отражает более ранний этап прохождения шкалы грамматикализации ППК, когда конструкции выступают в менее сжатом виде, и в их поверхностно-синтаксической структуре максимально отражена структура пропозиции. Вместе с тем он отражает переходный характер данного этапа: в ППК языка палаунг паратаксис может причудливо сочетаться с гипотаксисом, как союзного, так и бессоюзного типа, а кореферентное сокращение может сочетаться с кореферентным дублированием, как в следующих примерах:

- (46) *chá brɔɔ lɔn bɔxɔn dee rɔxɔ lɔn ka*
 потому что 3SG получать 2,3SG,PL работать 3SG NEG
veej
 приходить
 ‘Из-за того что он получил работу, он не пришел’ (Milne, 137)
- (47) *lɔn deeh lɔn bɔxɔn dee juur gaaj*
 3SG давать; CAUS 3SG мочь 2,3SG,PL покупать дом

karchú karpoom uun ruun
собирать собирать хранить деньги

‘Чтобы купить дом, он копил деньги’ (Milne, 135)

Мы рассмотрели типы ППК, в которых может использоваться один из двух маркеров зависимой предикации несоюзного типа – *dee*, при помощи которого маркируется ИГ_{СУБ} ЗПК. Теперь рассмотрим второй маркер несоюзного типа, при помощи которого маркируется зависимый предикат.

3.2.5. Рефлексы прото-австроазиатского маркера *ta в палаунг

В палаунг отмечаются рефлексы обеих функций прото-АА маркера *ta: маркера косвенно-объектных ИГ и маркера ЗП. Рефлексы первой функции многочисленны и регулярны, рефлексы второй функции рудиментарны и периферийны.

В палаунг *ta* выступает при косвенно-объектных ИГ различных семантических типов: дативных, локативных, бенефактивных, комитативных и др. Например: *kaa hár uu too deeh ta əə* ‘Дай мне другую рыбу’, *tii əə uun ta gaay* ‘Положи мой зонтик в доме’, *lan htaan ta bii* ‘Она просила у людей’, *lan tə ta kuun dee* ‘Он сидит со своим отцом’, *əə pai ti ta oom* ‘Я мою руки водой’.

Сохранению *ta* в функции маркера ЗП в палаунг, по-видимому, способствовало то, что новый маркер – местоимение *dee* – в позиции ИГ_{СУБ} зависимой предикации используется только по отношению ко второму и третьему лицу. В случае ИГ_{СУБ} первого лица гипотаксис данного типа невозможен, и эти конструкции показателей связи не имеют. Однако есть примеры, когда в этих случаях используется маркер *ta*. Сравним предложения:

(48) *ɔɔ nɔp ta rɔɔr*
1SG знать DPM работать
'Я умею работать' (Milne, 66)

(49) *ɔɔ bεε ɔɔ rɔɔr*
1SG мочь 1SG работать
'Я могу работать' (Milne, 76)

(50) *ɔɔ lá ta rɔɔr*
1SG хороший, следует DPM работать
'Я должен работать' (Milne, 77)

В отдельных случаях употребление *ta* отмечается даже с непервым лицом:

(51) *lan lá ta veey*
3SG хороший, следует DPM вернуться
'Он должен вернуться' (Milne, 77)

Итак, если в ДКМ обе функции маркера *ta* являются одинаково центральными и продуктивными, в палаунг *ta* в функции маркера ЗП был вытеснен на периферию другим морфосинтаксическим средством – зависимой формой местоимения *dee*.

3.2.6. Конструкции с сентенциальными включениями

В палаунг маркер *ta* употребляется в ППК с сентенциальными включениями, в них использование зависимого местоимения *dee* не отмечено. Как уже неоднократно говорилось, предложения с сентенциальными включениями распространены в МК языках и, вообще, в языках данного ареала. Это предложения, в которых один из главных членов – подлежащее или сказуемое – представлен сентенциальной структурой.

Предложения с сентенциальным сказуемым в языках данного ареала имеют структуру S_1VS_2 или S_1S_2V , в этих предло-

жениях S_1 не является аргументом V . Как мы видели в главе 2, использование маркера ЗП в предложениях с сентенциальным сказуемым при V отмечается в языке кэхо, где они имеют структуру $S_1S_2g\theta V$. Предложения с сентенциальным подлежащим в языках данного ареала имеют структуру $S_1V_1V_2$ или $S_1V_2V_1$, в них S_1 не является аргументом V_2 . Приведем примеры из лаха и мыонг:

(52) *tuk⁴ nəy³ thay⁴ vee⁶ əy⁴*
 лаха земля этот пахать легкий очень
 'Эту землю легко пахать' (Язык лаха, 174)

(53) *dət³ ni¹ hree⁵ kal¹ zaa¹*
 мыонг земля этот легкий пахать очень
 'Эту землю легко пахать' (Язык мыонг, 280)

В палаунг в предложениях с сентенциальным подлежащим отмечается маркер *ta*. Судя по всему, предложения с сентенциальными подлежащим возникают в результате синтаксической компрессии двусентенциальных структур $S_1V_1O_1S_2V_2$, где O_1 и S_2 кореферентны (*Я курю табак, табак вкусный*). В приведенных примерах из лаха и мыонг представлены разные результаты этой компрессии. На семантическом уровне исходная двупропозитивность предложений с предикатом утилитарной оценки («вкусный», «трудный» и др.) мотивирована тем, что смысл оценочного предиката не раскрывается полностью без обращения к конкретной сфере деятельности субъекта, относительно которой дается оценка объекту. Один и тот же объект оценки «поле» может быть и «трудным», и «легким» в зависимости от того, какой аспект деятельности имеется в виду: «пахать» или «ходить». На синтаксическом уровне использование маркеров ЗП в предложениях данного типа подтверждает их происхождение от сентенциальной

структуры, в которой были представлены главная и зависимая предикация с маркером ЗП.

Приведем пример предложения из языка палаунг, где в двупредикатном предложении утилитарной оценки зависимый предикат имеет маркер ЗП *ta*:

- (54) *kəŋ tui lan kjuu hnoo ta rər*
пагода 3SG трудный очень DPM строить
'Пагоду трудно строить' (Milne, 142)

В данном предложении представлен еще один результат синтаксической компрессии исходной двусентенциальной структуры $S_1V_1O_1 S_2V_2$, отличающийся от тех, которые представлены в предложениях лаха и мыонг. Здесь от исходной структуры унаследованы маркер ЗП и несокращенные кореферентные O_1 и S_2 .

3.3. Зависимые предикативные конструкции в лава

Язык лава, как и язык палаунг, входит в палаунгическую подгруппу МК языков. В статье [Jiranap, 1992] содержится всего несколько примеров, на основании которых можно предположить, что в лава зависимые формы местоимений используются в качестве маркеров ЗП аналогично тому, как это имеет место в палаунг.

В лава отмечаются две формы зависимого местоимения: *teʔ* – субъектное местоимение первого, второго и третьего лица, которое для первого лица может принимать форму *tiʔteʔ*, и *ʔuiui* – субъектно-объектное местоимение третьего лица. Напомним, что в палаунг *tee* используется по отношению ко второму и третьему лицу. В лава, как и в палаунг, зависимые формы местоимений используются в КПА, однако, в отличие от палаунг, они выступают также и в придаточных предложе-

ниях времени. Как и в палаунг, в лава параллельно с зависимыми формами местоимений используется изменение порядка слов SV → VS.

Приведем пример предложения с КПА:

- (55) *ai ket təo tiʔ teʔ sə hɔic niuʔ rəyut*
1SG думать NEG1SG (DPM) FUT приходить DIR Рейюм
‘Я никогда не думала, что я приеду в Рейюм’

Что касается предложений с придаточными времени, то из сравнения следующих предложений видно, что, в отличие от палаунг, от коммуникативной структуры ППК зависит, в какой из двух частей сложного предложения выступают маркеры ЗП:

- (56) *miʔ juʔ rəʔaom ka som teʔ*
Ми пить вода раньше есть рис 3SG (DPM)
‘Ми пьет воду перед тем, как есть’

- (57) *deŋ ka som ʔuuu maic ʔuuu niʔ rəʔaom*
Денг раньше есть рис 3SG должен 3SG пить вода
‘Прежде чем Денг ест рис, он должен попить воды’

В последнем предложении зависимое местоимение *ʔuuu* употребляется два раза и маркирует компоненты двух разных ППК.

В языке пале, который считается диалектом палаунг (Janzen 1976), в качестве маркера ЗП отмечается *di*, который выступает в КПА, координативных ППК и некоторых типах сирконстантных ЗП. Он отмечается также и в «падежной» функции при ИГ_{ДАТ}.

3.4. Зависимые предикативные конструкции в катуических языках

3.4.1. Бру

В статьях [Miller С. 1964] и [Miller J. 1964] содержатся некоторые сведения о ППК в языке бру (западная группа катуических языков).

В бру отмечается маркер ЗП *kaa*, который выступает при прилагательных в синтаксической позиции определения, он факультативен. Например: *aliik [kaa] toər* ‘большие свиньи’, *aliik [kaa] kuceit* ‘мертвые свиньи’. Маркер *kaa* в таких случаях позволяет различать две разные синтаксические функции качественных предикатов – сказуемого и определения. В придаточных определительных предложениях маркер *kaa* самостоятельно не употребляется. Например:

- (1) *aliik mpii? ku? siem douy paa kii*
свинья мать 1SG кормить рис LOC тот
‘свиньи, которых моя мать кормит там’

Дж. Миллер также пишет, что с функцией маркера ЗП *kaa* совмещает падежную функцию, он выступает в ИГ инструмента (Miller J. 1964, 55).

В бру также используется комбинация двух стратегий бессоюзного маркирования. В тех случаях, когда определение, выраженное предикатом качества, отделено от вершинного имени другими зависимыми элементами, оно маркируется и при помощи маркера *kaa*, и при помощи ИГ_{СУБ}, выраженной местоимением *an* (3SG), например:

- (2) *aliik ku? kii pauij doŋ ariaih an kaa toər*
свинья 1SG тот над дом вождь 3SG ATR большой
‘эти мои большие свиньи над домом вождя’

Как отмечает К. Миллер, такое маркирование вариативно с предикативной паузой. Откуда можно сделать вывод, что это стратегия маркирования сентенциальной структуры, т. е. придаточного определительного.

У местоимения *an*, выступающего в позиции ИГ_{СУБ} зависимой предикации, отсутствует согласование по числу с антецедентом, т. е. с ИГ_{СУБ} главной предикации. Тем самым у него можно констатировать наличие признаков грамматикализации, аналогичных тем, которые демонстрируют зависимые местоимения палаунгических языков, а именно: обязательность и нейтрализация компонентов значения (напомним, что в зависимых местоимениях палаунгических языков нейтрализовано противопоставление и по лицу и по числу).

Насколько можно судить по примерам, в бру, в отличие от палаунгических языков, отсутствуют маркеры ЗП в КПА. Однако, как и в палаунгических языках, отмечается изменение порядка слов *SV* → *VS* в одном типе, а именно: в КПА с сентенциальным актантом, в котором выступает предикат качества. В отсутствие маркеров ЗП – это единственный способ отличить данную конструкцию от той, где предикат качества выступает в позиции определения. Сравним примеры:

(3) *kuʔ həʔut tiaʔ aaw*
1SG видеть старый рубашка
'Я вижу, что рубашка старая'

(4) *kuʔ həʔut aaw tiaʔ*
1SG видеть рубашка старый
'Я вижу старую рубашку'

В КПА других типов в языке бру нет маркеров ЗП. Однако здесь отмечается относительно свободное расположение компонентов – главного глагола (ГГ) и зависимого глагола (ЗГ): ИГ_{СУБ} ЗГ ГГ, ИГ_{СУБ} ГГ ЗГ, ЗГ ИГ_{СУБ} ГГ, ГГ ЗГ ИГ_{СУБ}, например:

(5)	(i)	<i>kuʔ</i> 1SG	<i>paʔ</i> идти	<i>khoiʔ</i> PRF
	(ii)	<i>kuʔ</i> 1SG	<i>khoiʔ</i> PRF	<i>paʔ</i> идти
	(iii)	<i>paʔ</i> идти	<i>kuʔ</i> 1SG	<i>khoiʔ</i> PRF
	(iv)	<i>paʔ</i> идти	<i>khoiʔ</i> PRF	<i>kuʔ</i> 1SG

‘Я уже ушел’

Такая вариативность отмечается в КПА, образованных модальными, аспектуальными и таксисными ГГ. Вариативность данного рода дает ключ к пониманию того, почему, например, один и тот же МК глагол, представленный в приведенных примерах словом *khoiʔ*, который отмечается как полнозначный глагол ‘заканчиваться’, например, в диалектах палаунгического языка лава (бо луанг – *hoic*, умпай – *hɔic*), мог в МК языках грамматикализироваться в разных функциях, а именно:

а) как препозитивный показатель перфектива в палаунг:

(6)	<i>ллп hwɔʔy</i>	<i>peɛn</i>	<i>bii</i>
	он заканчивать; PRF	становиться	человек
	‘Он превратился в человека’		

б) как результирующий компонент (т. е. второй компонент результирующей конструкции) в кхмерском, например:

(7)	<i>phlaɛ</i>	<i>nih</i>	<i>tum</i>	<i>haɔy</i>
	плод	этот	спелый	RES
	‘Этот плод уже созрел’			

в) как координативный союз в кхмерском, например:

- (8) *ptəəh thom haəu lʔvʔ*
дом большой CONJ красивый
'Дом был большой и красивый'

Таким образом, сравнение языков бру, кхмерского и палаунг позволяет продемонстрировать разные стадии развития односубъектных ППК с фазисным ГГ в процессе его грамматикализации.

Равным образом сравнение этих же языков позволяет продемонстрировать разные пути и этапы функциональной транспозиции зависимых глаголов исходных сериальных конструкций. В палаунг, как мы видели, сериальные конструкции еще сохраняют исходную двусентенциальную структуру с обязательным заполнением позиции ИГ_{СУБ} при втором предикате. В языке бру компоненты сериальной конструкции ведут себя так же, как и компоненты КПА, т. е. позиционно свободны относительно друг друга и относительно других компонентов предложения (см. примеры 5), что свидетельствует об их функциональной транспозиции в класс наречий, в связи с чем в работе [Miller J. 1964] главные глаголы КПА и зависимые глаголы сериальных конструкций выделяются в функциональный класс наречий.

В кхмерском языке функциональная транспозиция зависимых глаголов исходных сериальных конструкций в функциональный класс наречий в части случаев манифестируется их двухкомпонентностью, например: бру *niik* 'постоянно' – кхм. *nic* 'постоянный', *ciə nic* 'постоянно'; бру *them* 'еще' – кхм. *thaem* 'прибавлять, делать дополнительно', *thaem tiət* 'еще'. Двухкомпонентные кхмерские наречия, образованные от глаголов, чаще всего имеют в своем составе элементы *ciə* и *tae*, например: *craən* 'многочисленный' – *craən tae* 'много, очень, часто', *cbah* 'правильный, точный' – *cbah ciə* 'на-

верняка'. Как уже говорилось, в кхмерском *tae* и *ciə* вытеснили маркеры ЗП *ta*, *ti* в части их функций: *ciə* употребляется в функции маркера определения к имени и глаголу, *tae* – в функции маркера определения к глаголу, при этом *ciə* происходит от бытийной связки, а *tae*, возможно, восходит к комбинации маркера ЗП *ta* и глагола с бытийной семантикой.

Таким образом, в бру мы наблюдаем переход отдельных глаголов в класс наречий, а в кхмерском класс наречий пополнился, с одной стороны, лексикализованными синтетическими формами ЗП, а с другой – двухкомпонентными комплексами с новыми маркерами ЗП *tae* и *ciə*.

В бру мы не находим рефлексов маркера ЗП **ta*, но имеем рефлекс маркера **ka*, который в ДКМ отмечается в тех же функциях, что и *ta*, но употребляется значительно реже. То, что ДКМ *ka* и бру *kaa* являются соответствиями, подтверждается еще и тем лингвоспецифическим фактом, что они с функцией маркера ЗП совмещают падежную функцию. Для маркера *kaa* в пакох, так же как и для *ta* в ДКМ, свойственно выступать с новым маркером ЗП в комбинации *an kaa*. Различие только в том, что *an* в пакох происходит от личного местоимения, как маркер ЗП *dee* в палаунг.

3.4.2. Пакох

Материалы по языку пакох (восточная группа катуических языков) взяты из работ [Watson S. 1964] и [Watson S. 1976], в которых дается описание системы местоимений и именной группы, и из работы [Watson R. 1977], где дается небольшой нарративный текст на языке пакох.

В бру выступают два маркера ЗП – *kaa* и *an kaa*, в то время как в пакох отмечается маркер ЗП *ən* {*Ēn*}, объем функций которого частично совпадает с объемом функций маркеров в бру.

Как и *kaa* в бру, *ən* выступает с прилагательными в позиции определения, где он факультативен, например: *daaʔ atóʔ / daaʔ ən atóʔ* ‘горячая вода’.

Маркер *ən* выступает в придаточных определительных, где он обязателен, например:

- (1) *aaw ən dɔɔ ɖyooŋ aku dyèè pit*
 рубашка ATR 3SG давать 1SG уже терять
 ‘Рубашка, которую он мне дал, уже потерялась’
- (2) *dɔɔ ən hoou paréŋ rook*
 3SG ATR хорошо стрелять идти
 ‘Он, который хорошо стреляет, ушел’

В пакох, как и в бру, отмечается использование двойной стратегии маркирования: ИГ_{СУБ} (3SG) + *ən*, как в следующем примере:

- (3) *ku vii hoom təh naʔ dɔɔ ən*
 1SG PRF видеть один человек 3SG ATR
mmin
 трудолюбивый
 ‘Я видел одного трудолюбивого человека’

Маркер *ən* факультативно выступает в предложных определительных конструкциях с локативными и директивными предлогами, например:

- (4) *ŋeʔ ŋau ən ti véel*
 все люди DPM из деревня
 ‘все люди из деревни’
- (5) *asɔɔ ən kóom an daŋ tóom alɔɔŋ nɔh*
 собака ATR черный ATR LOC CLF дерево тот
 ‘черная собака, которая (находится) у того дерева’

(Как можно предполагать, в данном примере разная запись $\dot{a}n$ { $\hat{a}n$ } и an { $\acute{a}n$ } либо опечатка, либо отражение другой фонетической реализации того же слова⁵⁰, во всяком случае перевод для слов an и $\dot{a}n$ в источнике дается одинаковый: «which».)

Последний пример интересно сравнить с примером Л. Мильне из языка палаунг, где в соответствующих позициях выступают зависимое местоимение второго и третьего лица dee и независимое местоимение третьего лица lan :

- (6) $tlah$ $deeh$ ta ε $a?o$ dee $djat$
братъ давать DAT 1SG собака 3SG маленький
[lan] haa lan
3 SG место тот
'Принесите мне эту маленькую собачку' (Milne, 20)

Напомним, что в ДКМ маркер ЗП ta также может выступать с предлогами:

- (7) sre $a?vi$ ta $po? kman$
поле от Понь Кман
'поле от [священнослужителя] Поня Кмана' K73

⁵⁰ При унификации фонологической записи примеров, взятых из работы [Watson S. 1976], нам пришлось воспользоваться расшифровкой, данной в статье [Watson R. 1964], в которой знаком акута « $\acute{}$ » обозначается краткость, знаком краткости « ε » – напряженный регистр, знаком циркумфлекса « $\hat{}$ » – ненапряженный регистр, литерой « \hat{a} » обозначается краткий гласный среднего ряда, среднего подъема, ненапряженного регистра / \dot{a} /, а литерой « o '» – его долгий коррелят / $\dot{a}o$ /.

В работе [Watson S. 1964] отмечается, что с личными местоимениями выступает алломорф *N*- маркера *ən*, который реализуется как *n*-, *ŋ*-, *m*-. В случае односложных местоимений (1, 2, 3 SG и 1 DU, PL) *N*- прибавляется непосредственно к местоимению, а в случае местоимений с пресиллабом (2, 3 DU и 2, 3 PL) – к служебному слову *dəə* (*ndəə*). Как отмечает С. Ватсон, формы с алломорфом *N*- используются в двух функциях:

а) в функции посессивной ИГ с устраненным вершинным именем (обладаемого), например:

- (8) *m-may puut həən n-day*
N-2SG большой более N-1SG
'Твой больше чем мой'

б) в функции подчинительных союзов 'кто', 'который' (примеров нет).

В работе [Watson S. 1964] отмечается также, что у личных местоимений, выступающих в вершине косвенно-объектных ИГ, есть формы с пресиллабом *a*-, который, как и пресиллаб *N*-, при односложном местоимении (1, 2, 3 SG и 1 DU, PL) прибавляется непосредственно к нему, а при местоимении с пресиллабом (2, 3 DU и 2, 3 PL) – к предшествующему служебному слову *dəə* (*adəə*). Возможно, что не только пресиллаб *N*- (*n*-, *ŋ*-, *m*-), но и *a*- суть экспоненты алломорфа того же маркера *ən*.

Есть основания предполагать, что рефлекс маркера *ən* выступает и в местоимениях других классов. В языке пакох многие указательные местоимения имеют согласный *n* в позиции первого элемента инициального стечения. Например: *meħ* 'этот/здесь', *nkoħ* 'тот/там', *ntih* 'тот/там (далеко впереди)', *ntəħ* 'тот/там (далеко позади)', *ntiiħ* 'тот/там (очень далеко впереди)',

ntəh ‘тот/там (очень далеко позади)’, *ntrəh* ‘тот/там (сбоку)’. Укажем кроме того на вопросительное местоимение *ntəə* ‘где’. Не исключено, что в этих случаях также выступает рефлекс алломорфа *N*- маркера *ən*, который употреблялся при действительных местоимениях, когда они выступали в функции определения и в локативный ИГ. Данное предположение косвенно подтверждается двумя доводами.

Во-первых, местоимению *nkoh* ‘тот/там’ соответствует грамматикализованный рефлекс *koh* того же местоимения. Он выступает как дискурсный маркер в начале независимого предложения, и в его толкование входит отсылка к положению дел, описанному в предыдущей части дискурса: ‘итак’, ‘поэтому’, ‘стало быть’, ‘вот’. Он не содержит рефлекса маркера *ən*, потому что его грамматикализация происходила не в тех зависимых синтаксических позициях, в которых выступают местоимения, содержащие рефлекс маркера *ən*. Например, *koh* употребляется в начале непервых абзацев нарративного текста, приведенного в работе [Watson R. 1977]:

- (9) *koh damoo damoo maa mɔt plean naa*
 так что все только входит втискивать(ся) LOC
arum təh kəy nkoh
 под преграда тот
 ‘Так что все просто пролезали под этой преградой’

- (10) *koh karna nkoh bujh nnaɣ diai?*
 таким образом дорога тот NEG больше не трудный
 ‘Таким образом, дорога эта больше не была трудной’

Дальнейший путь грамматикализации действительного слова *koh* ведет к его грамматикализации в качестве союза. Это происходит в составе комплексов: *koh bə?* ‘затем’,

koh maa ‘однако’ (*maa* – координативный союз); в паках эти комплексы совмещают уже функции маркера дискурса и прототипического союза.

Второе обстоятельство, косвенно подтверждающее, что дейктические местоимения содержат рефлекс того же маркера ЗП *ən*, который обнаруживается в личных местоимениях, связано с тем, что дейктические производные и производные от личных местоимений имеют общую функцию, а именно: могут употребляться субстантивно, т. е. в ИГ с устранимым вершинным именем. Обратим внимание на то, что в случае производных от личных местоимений алломорф *N*- маркера ЗП *ən* становится маркером функциональной транспозиции и посессивности, в производных дейктических местоимениях он не выполняет роль транспонирующего средства. Пример субстантивного употребления указательного местоимения *nneh* мы нашли в тексте, приведенном в работе [Watson R. 1977]:

- (11) *tikuay ən ta? nneh*
человек DPM делать это
‘человек, который сделал это’

В языке паков маркер ЗП *ən* не употребляется в КПА и сериальных конструкциях, например:

- (12) *ɲek hom luuu diai? maa ləy? ɲi treal*
все видеть очень трудный но NEG хотеть рубить
viŋ nthe mɔt
выбрасывать лучше входить
‘Все видели, что трудно, но никто не хотел срубить, просто пролезали’

Сравним два предложения, где представлены два разных типа ППК:

-
- (13) *ku vii hoom mǎh naʔ dɔɔ ən*
 1SG PRF видеть один человек 3SG DPM
mmin

трудолюбивый

‘Я видел одного трудолюбивого человека’

- (14) *duŋ véɪ ɲay hoom kɔŋ nkoŋ luuɪ*
 дом деревня 3PL видеть человек тот очень
mmin

трудолюбивый

‘Все в деревне видели, что этот человек очень трудолюбивый’

В языке пакох единственным средством, позволяющим в данном случае различить две разные синтаксические функции прилагательного – функцию определения в составе ИГ и функцию вершинного предиката сентенциального актанта КПА – является маркер ЗП, употребляющийся при прилагательном в функции определения. Напомним, что в бру в качестве альтернативного средства выступает порядок слов, который в сентенциальном актанте изменяется: SV → VS.

3.4.3. Кату

Язык кату, в котором в большей степени, нежели в других МК языках, развито полисиллабическое полиаффиксальное слово, практически не использует аналитические маркеры ЗП. При этом в кату можно отметить несколько стратегий маркирования ЗП.

В нарративах кату (Costello 1993) в зависимых предикациях отмечается отказ от нулевой анафоры субъектной ИГ, которая в других случаях в этом типе дискурса весьма распространена. Например, в следующих предложениях нулевая анафора ИГ_{СУБ} используется только в главных предикациях:

(1) *katu təət diʔ boiʔ bəʔ ha-ul*
 кату находиться LOC горы много голодный
 ‘Когда мы кату жили в горах, мы очень голодали’ (Costello, 623)

(2) *kah avaaiah aviq cha baan pale yi cha*
 NEG иметь рис есть продавать фрукты 1PL есть
 ‘У нас не было риса для еды. Мы продавали фрукты, чтобы есть’ (Costello, 623)

В КПА, образованных модусными и некоторыми другими глаголами, зависимая предикация (предикатный актанта) может подниматься в позицию начала клаузы или всего предложения:

(3) *gamak akan diuəng adī adī chββm vääiq*
 большой мать ждать мл. брат мл. брат мочь ходить
 ‘Мать ждала, когда младший брат *подрастет* и сможет ходить’
 (Costello, 158)

(4) *akonh lĕi ramaq akββn dō*
 отец видеть толстый ребенок 3SG
 ‘Отец увидел, что дети были *упитанны*’ (Costello, 158)

Продвижение в начало клаузы отмечается и у модификаторов:

(5) *akonh tamβh kabääq mai dβng nhi*
 отец спрашивать полный 2SG давать PL
bəər cha
 два есть
 ‘Отец спросил: «Ты даешь им есть *досыта?*» (Costello 158)

В придаточных относительных ИГ_{Об}, как подвергшаяся, так и не подвергшаяся анафорической замене, остается в своей синтаксической позиции, как в следующих примерах:

- (9) *ve mai lĕi panβh di duuul do*
 иметь 2SG видеть красный узор LOC край 3PL
pβh adik diq duuul
 вплетать красную нить тот LOC край
gahul
 набедренная повязка
 ‘Ты видела красный узор по краю, который они ткут по краю набедренной повязки? (букв. ‘они ткут его’)’ (Costello 412)

- (10) *tangai rayiu vāiŋq chā dah*
 день завтра идти возвращаться есть мясо
adah palĕŋg bĕŋg adah
 животное другие поймать животное
 ‘На следующий день пошел туда опять есть мясо животного, которое поймали люди (букв. ‘люди поймали животное’)’ (Costello, 61)

Ничего удивительного, что при таком распространении паратаксиса и ППК несжатых типов, а также при такой свободе перемещения зависимых предикатов язык кату не сохранил маркеров ЗП. Спорадически маркер зависимых предикаций *ta* в корпусе нарративных текстов кату все же встречается с одиночными определениями, хотя и крайне редко, настолько редко, что однозначно связать его появление с изменением коммуникативного статуса определения не представляется возможным. Напомним, что в современном кхмерском ДКМ маркер *ta* сохранился именно в этой функции. Сравним примеры, которые интересны тем, что они расположены рядом в тексте, но в них одно и то же определение выступает в одном предложении с маркером *ta*, а в другом – без маркера:

(11) *manuih kah manuih karo cha bək*
 люди NEG люди богатый есть много
tabing jong
 та-полный корзина
 ‘Люди, даже небогатые, едят много, полные корзины [фруктов]’ (Costello, 623)

(12) *ku kah duāh cha bək lĕi palĕĕng*
 1 SG NEG мочь есть много видеть другие
lβng cha lβng bək bing ma-pəq
 тогда есть тогда много полный один-корзина
kum bət
 тоже много
 ‘Я сама не могу есть много, я видела как другие там ели много, так много, как полную корзину [фруктов]’ (Costello, 623)

Тем не менее, в кату есть стратегия маркирования приращенных относительных. Это происходит при помощи местоимения *duu*. Примеры из [Wallace 1966]:

(13) *dɔv duu yaal soo*
 3SG DPM высокий возвращается
 ‘Он, который высокий, возвращается’

(14) *dɔv duu plak yuɣ soo*
 3SG DPM ломать нога возвращается
 ‘Он, который сломал ногу, возвращается’

Много примеров с *duu* находим и в фольклорных текстах Н. Костелло (Costello 1993), например:

(15) *dβ duəng lĕi ngaai du dβng ngaai*
 3SG ждать видеть человек DPM давать человек
manuih du dβng nhi dβ cha
 человек DPM давать PL 3SG есть
 ‘Она стала ждать, чтобы увидеть того, кто дает им есть’
 (Costello 160)

Маркеры, отмечающиеся на функциональном поле зависимых предикативных конструкций и косвенно-объектных именных групп в катуических языках и в древнекхмерском, представлены в следующей таблице.

Таблица 3

**Функциональная сфера аналитических маркеров
в катуических языках и древнекхмерском**

функции	я з ы к и			
	бру	пакох	кату	ДКМ
Атрибутивные конструкции	<i>kaa</i>	<i>ə̀n</i>	<i>(ta)</i>	<i>ta, ti</i>
	<i>án kaa</i>	<i>də̀ə̀ ə̀n</i>	<i>duu</i>	<i>ka</i>
КПА	SV → VS	<i>N- / ndə̀ə̀ (< ə̀n)</i>		<i>ta+союз</i>
				<i>ti</i>
Посессивные ИГ	<i>N- / ndə̀ə̀ (< ə̀n)</i>		<i>ta</i>	
	<i>a- / adə̀ə̀ (< ə̀n)</i>			
Косвенно-объектные ИГ	<i>kaa</i>	<i>a- (< ə̀n)+мест.</i>	<i>ta</i>	
	<i>(INSTR)</i>	<i>ə̀n+предл.</i>	<i>ta+предл.</i> <i>предл.+ta</i>	

Как видно из табл. 3, в катуических языках мы имеем рудиментарные рефлексы прото-АА маркера ЗП **ta* (кату) и регулярные рефлексы прото-МК маркера ЗП **ka* (бру). Эта ситуация прямо противоположна той, которую мы наблюдаем в ДКМ, где маркер *ta* более распространен, нежели *ka*. В катуических языках новые маркеры ЗП – местоименного происхождения и являются семантически недифференцированным средством связи, в то время как в ДКМ новые маркеры связи – это союзы и предлоги, которые являются семантически дифференцированным средством связи. Как в катуических языках, так и в ДКМ используются комбинации старых и новых маркеров. Падежная функция сохранилась у прото-МК маркера ЗП **ka* в бру и была приобретена новым маркером ЗП в пакох.

3.5. Зависимые предикативные конструкции в бахнарических языках

3.5.1. Чрау

Статья [Thomas D. 1976] посвящена описанию именной группы в языке чрау (южнобахнарическая подгруппа). Там отмечается, что в чрау есть маркер ЗП *kòò* {cæ}, который, как и маркер *kaa* в бру, может выступать с качественным определением, но, в отличие от маркера *kaa* в бру, может также маркировать придаточное предложение. Сравним примеры:

- (1) a) *sira?* *kɛɛn* *aŋ* *jeɛ* *hɛ?*
книга маленький 1SG POSS этот
'эта моя маленькая книга'
- b) *sira?* *kòò* *kɛɛn* *aŋ* *jeɛ* *hɛ?*
книга ATR маленький 1SG POSS этот
'эта моя книга, которая маленькая'
- c) *sira?* *aŋ* *jeɛ* *hɛ?* *kòò* *kɛɛn*
книга 1SG POSS этот ATR маленький
'эта моя книга, которая маленькая'
- d) *sira?* *hɛ?* *kòò* *sira?* *kɛɛn* *aŋ* *jeɛ*
книга этот ATR книга маленький 1SG POSS
'эта книга, которая моя маленькая книга' (акцент на «маленький»)
- e) *sira?* *kɛɛn* *hɛ?* *kòò* *aŋ* *jeɛ*
книга маленький этот ATR 1SG POSS
'Эта маленькая книга, которая моя'

Д. Томас считает, что модификаторы в именной группе имеют исключительно функцию идентификации. С этим мож-

но не согласиться и предположить, что у модификаторов, вводимых маркером *kòo*, реализуется функция предикации.

Насколько можно судить по примерам, маркер *kòo* употребляется и при выделении модификатора в рему, при этом компонент, который выделяется в рему, выносится в позицию начала, а оставшаяся часть маркируется при помощи *kòo*. Рассмотрим примеры:

(2) a) *aŋ jεε kòo sira? kεen hε?*
1SG POSS RHM книга маленький этот
'Эта маленькая книга ↗ моя \'

b) *hε? kòo sira? kεen aŋ jεε*
этот RHM книга маленький 1SG POSS
'Это \ моя маленькая книга '

c) *ŋàŋ kεen kòo sira? aŋ jεε hε?*
PTL маленький RHM книга 1SG POSS этот
'Маленькая \ эта моя книга '

Таким образом, в чрау маркер *kòo*, может маркировать один тип зависимых предикаций – предикаты качества, а также имя possessора. Кроме того, этот же маркер используется при выделении модификатора в рему. Тем самым его можно сравнить с маркерами *ta* и *ka* в древнекхмерском, которые маркируют зависимые предикации, possessора и употребляются в конструкциях со сдвигом ремы. Эти маркеры обнаруживают как общие черты, так и различия.

В чрау маркер possessивности имеет два алломорфа: *jεε*, который употребляется после местоимения *aŋ*, и *dεε*, который употребляется после всех других местоимений и имен.

3.5.2. Бахнар

В бахнар находим рефлексы двух маркеров: прото-АА **ta* и прото-МК **ka*.

В статье [Banker J. 1964] отмечаются рефлексы маркера **ta*, выступающего как локативный предлог:

- (1) *rõk tə yə*
Рок LOC где
'Где Рок?'

Там же отмечается, что в бахнар *kə* употребляется как маркер сдвига ремы, он ставится при местоименной репризе ИГ_{СУБ}, например:

- (2) *set gâ (hĩ) kə su*
Сет сломать PTL RHM 3SG
'Сет ↘ сломал'

Сдвиг ремы может осуществляться на ИГ_{СУБ} в предложениях разных типов – и в каузативном, и в интранзитивном:

- (3) *set pə-hu (hĩ) kə su*
Сет CAUS-испорченный PTL RHM 3SG
'Сет ↘ испортил'

- (4) *rõk əh (hĩ) kə su*
Рок грустный PTL RHM 3SG
'Рок ↘ грустный'

В предложениях со сдвигом ремы на ИГ_{ОБ} используются стратегия продвижения ИГ_{ОБ} в позицию начала:

- (5) *chəphe set pə-huch kə rõk*
кофе Сет CAUS-пить RHM Рок
'Кофе ↘ [– вот что] Сет дает пить Року'

Этот же маркер в бахнар употребляется с ИГ с различными семантическими ролями. Он маркирует:

ИГ причины в интранзитивных предложениях, например:

- (6) *gre hu kə set*
машина испорчена PREP Сет
'Машина испорчена из-за Сета'

Бэнкер отмечает, что в этом случае *kə* является сокращением от *kəlih kə* 'из-за', где, как можно видеть, маркер повторяется дважды.

ИГ адресата, в том числе – каузируемого в каузативном предложении:

- (7) *rök hil kə gre*
Рок сердитый PREP машина
'Рок сердит на машину'

set pə-huch kə rök chaphe
Сет CAUS-пить PREP Рок кофе
'Сет дает пить кофе Року'

ИГ реципиента:

- (8) *rök ən kə hrit kǒ // kǒ kə hrit*
Рок давать PREP Хрит собака
'Рок дал Хриту собаку'

Интересно, что в следующем примере *kə* выступает при втором дополнении каузативного предложения:

- (9) *set tə-bǒu kǒ kə sənǎl*
Сет CAUS-нюхать собака PREP белка
'Сет заставляет собаку нюхать белку'

Это объясняется тем, что маркер ориентирован на семантический, а не на синтаксический падеж: партиципant «собака» имеет семантическую роль «пациент» (пассивный участник ситуации, претерпевающий изменения в ходе не контролируемых им внешних воздействий), а партиципant «белка» имеет семантическую роль «стимул» (источник информации).

В работе [Banker J. 1964] отмечаются некоторые функции маркера *kə*, которые позволяют предполагать, что он ведет свое происхождение от связки. Так, например, он употребляется вместе с маркерами негации: *əh kə*, *ně (kə)*. Есть пример, где *kə* выступает в предложении тождества и, как можно предполагать, в функции связки тождества:

- (10) *ɨnh* *uhh* *kə* *sĩ* *kə* *rɔk*
 1SG NEG COP (ID) COP (PR) RHM Рок
 ‘Я не Рок’

В связи с этим, во-первых, отметим, что, например, в современном кхмерском в предложениях тождества употребление связки тождества вместе со связкой предикации – обычная практика. Это связано с тем, что часто трудно провести различие между идентификацией и характеристикой (предикацией признака), кроме того, идентификация часто включает в себя характеристику (Погибенко 2007). Во-вторых, мы считаем, что в приведенном примере второе *kə* выступает в функции маркера сдвига ремы, поскольку данное высказывание произносится в ситуации ошибочной идентификации.

Маркеры, отмечающиеся на функциональном поле зависимых предикативных конструкций и косвенно-объектных именных групп в катуических языках, представлены в следующей таблице:

**Функциональная сфера аналитических маркеров
в бахнарических языках и древнекхмерском**

Функции	я з ы к и		
	чрау	бахнар	ДКМ
Атрибутивные конструкции	<i>kɔo</i>		<i>ta, ti</i>
Сдвиг ремы	<i>kɔo</i>	<i>kə</i>	<i>ka</i>
Косвенно-объектные ИГ		<i>kə</i>	<i>ta</i>
		(адресат, при-чина)	<i>ka</i>

3.6. Кхаси

В работе [Пейрос 2004] постулируется очень раннее отделение кхаси от МК, произошедшее после отделения мунда и никобарских языков. В классификации Ж. Дифлота (Diffloth 2005) отделение кхаси постулируется в составе кхаси-кхму-палаунг единства, откуда кхаси выделился первым, что отражает промежуточное географическое положение кхаси, который располагается восточнее мунда, но западнее палаунг-ва и кхмуических языков. В Индии кхаси находится в окружении индоарийских и тибето-бирманских языков.

Начиная с первых классификаций МК семьи языков кхаси противопоставлялся всем другим как имеющий категорию грамматического рода, с противопоставлением мужского с показателем *u* и женского с показателем *ka* родов в единственном числе. В кхаси в эту же функциональную парадигму входит показатель множественного числа *ki*, а также, возможно, показатель уменьшительности *ʔi* (Rabel 1961). Такое типологическое отклонение от МК типа представлялось как результат временной и пространственной отдаленности кхаси от других МК языков и длительного нахождения в ареале индоарийских.

С другой стороны, при внимательном рассмотрении структура кхаси мало отличается от МК фонологического, морфологического и синтаксического прототипа, хотя часто, особенно в области морфосинтаксиса, она представляет собой особые вариации в рамках одного прототипа.

В кхаси мы находим рефлексы и синтетических и аналитических форм зависимой предикации. Здесь есть словообразовательные ряды, которые могли возникнуть в результате лексикализации различных фонетических вариантов одной и той же формы зависимой предикации.

В кхаси обнаруживаются рефлексы и прото-АА маркера **ta*. Шмидт заметил некий префикс *ta/da-*, который отмечается в отдельных словах: *artatien* ‘неясный’, где Шмидт выделяет компоненты *ar* ‘два’, префикс *ta* и *tien* – композитную форму от *ktien* ‘слово’; *dadait* ‘вызывающий зуд’ от *dait* ‘чесаться’; *dadien* ‘назад (backwards)’. Это вне всякого сомнения, – рефлексы прото-АА **ta*, который в свободном виде в кхаси не отмечается. Как пишет Хендерсон, по ощущениям ее образованного информанта, *da-* передает значение одновременности («carries the sense of two things going on at the same time» (с. 490). Это типичный пример того, как лингвисты пытаются увидеть в МК аффиксах рудименты морфологических категорий, хорошо известных по другим языкам. Однако в данном случае объяснения информанта описывают функцию рефлекса прото-АА **ta*, похожую на ту, которая есть в современном кхмерском, – маркера коммуникативно выделенного определения. Если еще принять во внимание то обстоятельство, что Хендерсон выделяет также предлог инструмента *da*, то можно сказать, что в кхаси мы имеем рудиментарные рефлекс-ы обеих функций **ta*: маркера ЗП и маркера косвенно-объектных ИГ.

В работе [Nagaraja 1994] говорится о том, что идиомы, обычно квалифицируемые как диалекты языка кхаси, имеют существенные структурные различия. Он рассматривает стандартный диалект, на котором говорят в районах вокруг Чера-

пунджи, диалект бхой, на котором говорят на северо-западе штата Мегхалая, и лангрин, на котором говорят на западе нагорья Кхаси. В работе утверждается, что структурные различия между ними настолько значительные, что типологическая характеристика языка кхаси существенно искажается, если брать за основу только стандартный диалект. Считается, что стандартный кхаси (черапунджи) в большей степени подвергся инновациям, нежели другие диалекты, поэтому он менее представителен для диахронических и сравнительно-исторических исследований (Sidewell 2006). Судя по данным, хотя и весьма ограниченным, представленным в указанной работе Нагараджа, различия в области синтаксиса этих трех диалектов значительные. Тем не менее, все они представляют собой закономерные диахронические вариации одного и того же типа, при этом стандартный кхаси, на наш взгляд, в плане синтаксиса более архаичен, нежели другие диалекты.

В стандартном кхаси и лангрин немаркированный порядок слов – SVO. В бхой порядок слов зависит от того, чем выражено S: с местоименным S_{PRON} порядок слов – $VS_{\text{PRON}}O$, с именным – $S_{\text{NOUN}}VO$.

Маркеры синтаксических ролей

Весьма интересную картину представляют собой маркеры синтаксических ролей. В стандартном диалекте служебное слово *ya* маркирует прямой объект, а *ha* – косвенный, например:

ст. кхаси

- (1) *u la au ya ka kot ha ka*
 он PST давать OBJ_{DIR} FEM книга OBJ_{IND} она
 ‘Он дал книгу ей’

В бхой *ha* маркирует прямой объект однообъектного предложения и косвенный – предложения с двумя объектами, а также – объект главного предиката каузативной КПА. Кроме того, в бхой *ha* маркирует локативную ИГ. Примеры:

бхой

- (2) *u ksaw la? be? u ha ka myaw*
MSC собака PST гнаться он OBJ_{DIR} FEM кошка
'Собака гналась за кошкой'
- (3) *la au u ka kot ha ka*
PST давать он FEM книга OBJ_{IND} она
'Он дал книгу ей'
- (4) *u s?em pha? khut u ka ha*
MSC король посылать звать он (S) она OBJ_{IND}
u sakri
MSC слуга
'Король послал слугу позвать ее'
- (5) *ha in*
LOC дом
'в доме'

В лангрин маркером прямого объекта выступает *ba*, которое маркирует прямой объект и однообъектного и двухобъектного предложения, а маркером косвенного объекта – *ha ~ ka*:

лангрин

- (6) *u lu? i wa? ba ga kot ka*
он ? давать PST OBJ_{DIR} FEM книга OBJ_{IND}
ga-səw
FEM-она
'Он дал книгу ей'

Во всех трех диалектах один и тот же маркер *ha* (лангрин *ha ~ ka*) совмещает две функции: маркера косвенного объекта и маркера локативных и темпоральных ИГ. Рассмотрим примеры:

ст. кхаси

- (7) *u la au ya ka pisa ha*
MSC PST давать OBJ_{DIR} FEM деньги OBJ_{IND}
ka kmie ha (ka) ieŋ ha ka por
FEM мать LOC FEM дом TEMP FEM время
phra baje mintā ka miet
восемь час сегодня FEM ночь
‘Он дал деньги матери в доме в восемь часов сегодня вечером’

бхой

- (8) *laʔ au u ka pisa ha ka bey u*
PST давать он FEM деньги OBJ_{IND} FEM мать он
ha iŋ ha iŋpor phra baje mintā miet
LOC дом TEMP период восемь час сегодня ночь
‘Он дал деньги матери в доме в восемь часов сегодня вечером’

лангрин

- (9) *u luʔ i waʔ ga pisa ha ka*
он ? давать PST FEM деньги OBJ_{IND} FEM
kmie uoŋ səw ha yeŋ ha ga por
мать GEN RFL LOC дом TEMP FEM время
phra baje mātəu gətəuʔ
восемь час сегодня ночь
‘Он дал деньги матери в доме в восемь часов сегодня вечером’

Атрибутивные формы

В лангрин есть показатель, совмещающий функции маркера ЗП и маркера ИГ. Здесь *ba* выступает и маркером прямого объекта, и маркером зависимого предиката одного типа – определения при сказуемом:

- (10) *ga ganthu ka luʔ dayt waʔ ba tyeŋ*
FEM женщина она ? идти PST DPM быстро
‘Женщина пошла быстро’

Из описаний Л. Рейбл (Rabel 1961) и Р. Робертса (Roberts 1891) следует, что в стандартном диалекте также наличествует атрибутивный маркер *ba* который, выступает с глаголами качества и состояния, например: *rim* ‘старый’ – *barim* (Rabel 1961), *bha* ‘хороший’ – *babha*, *khia* ‘тяжелый’ – *bakhia*, *khiah* ‘здоровый’ – *bakhiah* (Roberts 1891). Из примеров, которые приводятся в грамматике Робертса, следует, что *ba* функционирует только как синтаксический показатель: *u soh baiou* ‘черный фрукт’ и *u soh iou* ‘чернослив’, *u briw baiou* ‘темный человек’ и *u briw iou* ‘негр’, *ka iŋ barit* ‘маленький дом’ и *ka iŋ rit* ‘хижина’.

В грамматиках Л. Рейбл и Р. Робертса находим примеры того, что атрибутивная форма прилагательного с *ba* может служить производящей основой для инфикса **-mn-*, который в этих случаях выступает в форме префикса: *rim* ‘старый’ – *mnbarim* ‘в старые времена’. У Робертса находим примеры образования абстрактных имен путем субстантивации атрибутивной формы с *ba-* при помощи артикля *ka*, например: *bha* ‘хороший, добрый’ – *ka babha* ‘добро’, *sniw* ‘плохой’ – *ka basniw* ‘зло’. В некоторых случаях они выступают параллельно производным именам с номинализирующим префиксом *jiŋ*: *jiŋŋai* ‘далекий’ – *ka bajiŋŋai* ~ *ka jiŋjiŋŋai* ‘расстояние’, *jirhoh* ‘кашлять’ – *ka bajirhoh* ~ *ka jiŋjirhoh* ‘кашель’.

Синтаксис предложений с КПА

Еще более интересные вариации дает синтаксис предложений, где в качестве сказуемого выступает КПА. В стандартном кхаси и лангрин, в отличие от бхой, порядок слов в предложениях с КПА не изменяется, а зависимый предикат имеет маркер *ban*: S V₁ *ban* V₂ *ya* O. В бхой маркера ЗП нет, а S_{PRON} размещается в конце предложения, если субъекты предикатов V₁V₂ кореферентны: V₁V₂O S_{PRON}, если они не кореферентны, как это имеет место в каузативной КПА, предложение имеет

структуру $SV_1V_2S_{\text{PRON}}O_2$ *ha* O_1 . Сравним предложения с каузативной КПА трех диалектов:

ст. кхаси	$S V_1$ <i>ban</i> V_2 <i>ya</i> MSC/FEM O
лангрин	$S V_1 V_2 O$
бхой	$V_1 V_2 O S_{\text{PRON}}$

ст. кхаси

- (11) *u s?iem u la pha? ya u sakri*
 MSC король он PST посылать OBJ_{DIR} MSC слуга
ban khot ya ka
 DPM звать OBJ_{DIR} она
 ‘Король послал слугу позвать ее’

лангрин

- (12) *u s?en u kheu ba u sakri ban*
 MSC король он посылать OBJ_{DIR} MSC слуга DPM
dayt khəy? wa? ba ga səw
 идти звать PST OBJ_{DIR} FEM она
 ‘Король послал слугу позвать ее’

бхой

- (13) *u s?iem pha?-khut u ka ha u sakri*
 MSC король посылать-звать он она OBJ_{IND} MSC слуга
 ‘Король послал слугу позвать ее’

Сравнительный анализ порядка слов и маркеров грамматической связи, проведенный Нагараджа, с одной стороны, свидетельствует о том, что кхаси развивался по тем же путям грамматикализации полипредикативных конструкций, что и другие МК языки, однако, с другой стороны, уникальные черты языка кхаси позволяют внести существенные детали в общую картину развития АА языков. В табл. 5 представлены маркеры именных групп и зависимых предикатов в трех диалектах.

Таблица 5

Маркеры именных групп и зависимых предикатов в кхаси

ИГ и ЗП	диалекты		
	ст. кхаси	лангрин	бхой
OBJ _{DIR}	<i>ya</i>	<i>(ba)</i>	
OBJ _{IND}	<i>ha</i>	<i>ha/ka</i>	<i>ha</i>
V ₂ в КПА	<i>ban</i>		
V ₂ в КК	<i>ban</i>		
ATR	<i>ba</i>	<i>ba</i>	
LOC & TEMP	<i>ha</i>	<i>ha</i>	<i>ha</i>
Каузируемое	<i>ya</i>	<i>ba</i>	

Итак, в кхаси мы обнаруживаем только лексикализованные рефлексы прото-АА синтетических и аналитических форм ЗП. Маркеры зависимой предикации (*ban*) и маркеры именных групп (*ya*, *ha*) в кхаси являются инновациями, однако мы видим, что они были встроены в исконно МК парадигмы и сохранили такие идиосинкретические конфигурационные особенности, как, например, совмещение в одном маркере функций таких, как маркировка ЗП и ИГ. Кроме того, не исключено, что показатель *ha/ka* является рефлексом маркера **ka*.

ГЛАВА 4

АСЛИЙСКИЕ ЯЗЫКИ: КОНСЕРВАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

4.0. Введение

Аслийские языки – это южная периферия АА языков, на которых говорят малые народности п-ова Малакка. Название «аслийские» построено на базе арабского корня со значением ‘корень; исток; начало’. Другое название, встречающееся в литературе – «малакские языки». Состав данной семьи был определен В. Шмидтом (Schmidt 1901) и Ч. Благденом (Blagden 1906). Позже Р. Вилькинсон (Wilkinson 1915), подтвердил классификацию Благдена, однако высказался в том смысле, что при установлении родства и внутренней классификации аслийских языков недостаточно полагаться только на списки слов: пример тому – ц. сакай и бесиси – языки, которые имеют очень много общих слов, но по грамматическому строю существенно различаются (Benjamin 1976б, с. 40). После этих работ начала XX века аслийские языки надолго перестали быть предметом научного изучения. Как справедливо отметил Ж. Дифлот (Diffloth 1975), причиной тому – своеобразие аслийских языков. Действительно, инновации в области фонетики и фонологии, полисиллабическое слово, относительно развитая глагольная морфология, порядок слов в предложении, не выражающий грамматическую связь между словами, заимствования из малайского, как лексические, так и структурно-грамматические – все это делало аслийские языки сильно непохожими на другие МК языки при первом рассмотрении. Кроме того, в первой половине XX века АА языковедение еще не имело достаточного фонда знаний, который позволил бы

исследователям за своеобразием аслийских языков увидеть закономерности исторического развития МК прототипа.

Новый период изучения аслийских языков начался с исследований Ж. Дифлота, который с 1966 года собирал материал по целому ряду аслийских языков в ходе многочисленных полевых экспедиций. Он опубликовал грамматическое описание языка джах-хут (Diffloth 1976a), а также серию статей по фонологии, морфологии и классификации аслийских языков (Diffloth 1975, 1976b, 1976c, 1977). В 1976 году появились работы Ж. Бенжамена (Benjamin 1976a, 1976b) и А. Омара (Omar 1976) в сборнике *Austroasiatic Studies*, изданном по материалам Первой Международной конференции по австроазиатским языкам, которая произошла в Гонолулу в 1973 году. Используя лексикостатистический метод на материале двадцати языков и диалектов, Ж. Бенжамин подтвердил тройное деление аслийской семьи языков (Benjamin 1976b). В работе [Benjamin 1976a] дается краткое описание фонетики, фонологии и морфологии языка темиар, а также приводятся некоторые сведения по синтаксису. Статья [Omar 1976] посвящена описанию глагола в кентакбонг. В 2004 – 2005 г.г. вышли две грамматики: грамматика языка семелай Н. Круспе (Kruspe 2004) и грамматика джахай Н. Буренхульты (Burenhult 2005). Таким образом, мы имеем грамматические описания представителей всех трех групп аслийских языков – джахай (северная группа), джах-хут и темиар (центральная) и семелай (южная).

Хотя в научной литературе языки аборигенов Малакки обычно подразделяются на указанные три группы, нет единого мнения относительно того, какова их степень родства с МК и, шире – АА языками. Например, лексикостатистические подсчеты Д. Томаса и Р. Хидли показали, что аслийские языки не входят в состав МК семьи (Thomas, Headley 1970).

Еще раньше Ч. Благен при рассмотрении вопроса о включении языков п-ова Малакка в МК семью выдвинул теорию «двойного родства», в соответствии с которой языки южной группы включались в состав МК семьи, центральная

группа рассматривалась как отдельная, наряду с никобарскими, кхаси и палаунг-ва в составе АА семьи, а родство северной группы языков с МК и тем самым с АА языками было вообще поставлено под сомнение.

Ж. Дифлот объясняет ошибочность точки зрения Ч. Благдена, в частности, тем, что он не имел возможности опираться на более точные данные фонологии и морфологии как МК, так и аслийских языков. Как полагает сам Дифлот, его лексикостатистические подсчеты свидетельствуют о том, что степень родства центральных аслийских языков с МК группами такая же, какую эти группы имеют между собой (Diffloth 1976c). В работе [Diffloth 1976b] он продемонстрировал на морфологии аслийских числительных, что все три группы аслийских языков образуют одну ветвь МК семьи. Однако, как отмечает Ж. Дифлот, из всех аслийских языков наиболее развитую и продуктивную морфологию имеют центральные (сеноические) языки (Diffloth 1976a). Ж. Дифлот тоже подразделяет аслийские языки на три группы: 1) северную (семанг), куда входят языки кенсив, кентакбонг, джахай, менрик, батег, чхек вонг, 2) центральную (сеноическую), куда входят ланох, семнам, темиар, семай, джах-хут, 3) южную, куда входят семок бри, темок, семелай, мах мери. В работе [Benjamin 1976b] эта классификация подтверждается данными лексикостатистики, хотя сам Ж. Дифлот высказывается сдержанно как относительно самого метода, так и датировок, полученных Дж. Бенжамином (Diffloth 1976a). Основываясь на фонологической реконструкции, Ж. Дифлот дает внутреннюю классификацию аслийских языков и выдвигает предположения о раннем отделении джах-хут от прото-сеноического, которое, как он считает, произошло вскоре после разделения аслийских языков на три ветви, и более позднем разделении прото-семай-темиар единства (Diffloth 1976a). Для сравнения отметим, что в классификации И. Пейроса, полученной по результатам лексикостатистических подсчетов по семи аслийским языкам (джахай, кенсив, семай, темиар, джах-хут, семелай, семок бери), распре-

деление языков по трем ветвям остается тем же, что у Ж. Дифлота, но предлагается принципиально иная схема разделения. И. Пейрос постулирует более раннее отделение южной ветви, после которого, с разрывом приблизительно в пятьсот лет, последовало разделение на северную и центральную ветви, а спустя еще пятьсот лет – отделение темиар от центральной ветви, после чего произошло разделение джах-хут и семай (Пейрос 2004). Таким образом, главное отличие классификации И. Пейроса от классификации Ж. Дифлота заключается в том, что в ней постулируется объединение северной и центральной ветвей, а также относительно позднее разделение единства джах-хут – семай.

Во введении были отмечены некоторые факторы, которые могут влиять на результаты лексикостатистических подсчетов, получаемых на пространстве МК языков.

Аслийские языки исключительно важны для АА компаративистики. От других АА языков их отличает то, что они единственные испытали влияние языков сходной типологии – австронезийских, в частности малайского. Определенное типологическое сходство и типологическая совместимость австронезийских и австроазиатских языков предопределили характер этого влияния: оно не было «шоковым», какое испытали, например, языки мунда, оказавшиеся в ареале индоарийских и дравидийских языков, отчего их структура подверглась кардинальной перестройке и они начали свой стремительный отход от АА прототипа. Напротив, можно предполагать, что австронезийское влияние позволило аслийским языкам, с одной стороны, сохранить некоторые прототипические черты АА праязыка, а с другой – плавно и гармонично развиваться по тем путям грамматикализации, которые были заложены еще в праязыке. Таким образом, не исключено, что из всех групп АА языков именно аслийские в значительной степени сохранили и развили АА потенциал.

Рефлексы прото-МК морфологии в аслийских языках имеют двоякий характер. С одной стороны, в них не были ут-

рачены и получили дальнейшее развитие некоторые функции исконных АА аффиксов, полностью утраченные в других МК языках. Этот тип рефлексов мы находим, например, в языке джахай, что опровергает сомнения Ч. Благдена относительно принадлежности северных аслийских языков к АА семье. С другой стороны, морфологическая структура аслийских языков подверглась такой кардинальной перестройке, что прото-МК и прото-АА корни отдельных ее фрагментов не столь очевидны, и их сведение к праязыковым элементам и парадигмам – сложная задача. Такой тип морфологических рефлексов мы часто обнаруживаем в центральной (сеноической) ветви, которую Ч. Благден выделял в отдельную ветвь АА семьи.

Прономинальное субъектное маркирование и система аспектуальных форм – это типологические черты, которые сближают аслийские языки с языками мунда. При этом в аслийских языках представлены более ранние этапы общих с мунда путей грамматикализации, заложенных еще в прото-АА. Сравнение трех ветвей аслийских языков позволяет предполагать, что грамматикализация субъектных местоимений в качестве глагольных клитик началась в рамках тематической конструкции предложения с резюмирующим субъектным местоимением. Эта конструкция, как можно предполагать, имела достаточно высокую частоту употребления в прото-АА.

Для глагольной словоформы мунда характерно наличие трех типов прономинальных маркеров: субъектных, объектных, посессивных. В аслийском языке темиар прономинальные субъектные маркеры выступают как клитики, а местоимения, при помощи которых осуществляется референция к посессору, могут выступать и как слово, и как клитика, примыкающая к последующему ударному слову – глагольной словоформе, например: *kəwʒaas ʔəh na-ji?* ‘Его ребенок болен’ (букв. ‘ребенок 3SG(POSS) 3SG(SUB)-болеть’) или *kəwʒaas ʔə-na-ji?*

В языке темиар уже существуют условия успешности дальнейшей грамматикализации личных местоимений в каче-

стве субъектных и посессивных глагольных показателей. Здесь местоимения имеют три формы – ударную, безударную, связанную, и правила формирования фонетического слова таковы, что они позволяют безударным зависимым элементам присоединяться к последующему ударному слову, находящемуся с ними в одной ритмической группе, в частности к сказуемому. В темиар ударные формы выступают в вершине ИГ, не имеющей зависимых элементов, и в позиции посессивного модификатора под ударением, например: *deek 'yee?* ‘мой дом’, *kəwʒaqs 'yaar* ‘наш ребенок’. Безударные формы выступают в позиции посессивного модификатора в безударной позиции, например: *kə'wʒaqs yoh* ‘наш 'ребенок’; в постпозиции к сказуемому, выраженному прилагательным, например: *deek kelkəl yeh* ‘Мой дом разрушается’ (букв. ‘дом разрушаться 1SG’); в постпозиции к главному глаголу КПА, выступающему без зависимого глагола, например: *həj yeh* ‘Я уже [ушел]’ (букв. ‘уже 1SG’), *həj ʔi-ma-teh* (букв. ‘уже 1SG-к-вверх.по.реке’) или *həj yeh ma-teh* ‘Я уже [пошел] вверх по реке’ (букв. ‘уже 1SG к-вверх.по.реке’). Основная функция связанных форм – употребление в качестве личных показателей в сказуемом, например: *deek tənui? ʔi-reh* ‘Мой большой дом внизу’ (букв. ‘дом большой 1SG-внизу’), связанные формы также заменяют безударные формы в тех случаях, когда выступают в позиции модификатора, примыкая к последующему ударному слову. Выступая как личные показатели, связанные формы местоимений занимают первую позицию в глагольной словоформе, например: *təj na-lut* ‘Зуб появился’ (букв. ‘зуб 3SG-появляться’), *tataa? na-bə-halab* ‘Старик идет вниз по реке’ (букв. ‘старик 3SG-CONT-идти.вниз.по.реке’). Проминальные клитики могут выступать и в предложениях, не содержащих ИГ_{СУБ}, например: *həj ʔun-mi-kəw* ‘Они собирались звать’ (букв. ‘уже 3PL-*m*-звать’).

Однако в то время как грамматикализация резумптивных субъектных местоимений в качестве субъектных клитик в мунда и аслийских могла идти одними и теми же путями, грамматикализация объектных местоимений и местоимений посессора в мунда шла совершенно другим путем.

В аслийских языках представлен исходный этап грамматикализации еще одного явления, в той или иной степени представленного во всех трех ветвях АА семьи, – маркирования именных групп при помощи показателей, которые выступают и как маркеры зависимых предикаций. В ДКМ – это маркер актантных и сирконстантных ИГ и зависимых предикаций *ta*. В палаунг – это *ta*, которое выступает как маркер актантных и сирконстантных именных групп и как маркер зависимых предикаций в КПА, а также связанная форма личного местоимения *dee*.

Сюда же можно отнести явление, на которое обратил внимание Г. Пиннов (Pinnow 1963), считавший, что местоименный повтор ИГ_{СУБ} при различных членах простого и сложного предложения является общей чертой языков мунда и языка кхаси. Г. Пиннов квалифицировал это как грамматическое согласование и считал, что оно, возможно, восходит на прото-АА уровень. Рассмотрим пример из мундари, который он приводит:

- (1) *am gapa-m sen-re-do ka-m tebai-a*
ты завтра-ты идти-COND-(?)TOP NEG-ты приходить-FUT
'Если ты поедешь завтра, ты не приедешь'

Этот тип маркирования сирконстантных именных групп, с одной стороны, и зависимых предикаций – с другой, безусловно имеет те же корни, что и соответствующие явления в палаунг и в древнекхмерском.

В аслийских языках мы можем наблюдать начальный этап грамматикализации этого явления. Здесь существует квази-обязательная модификация именных групп при помощи раз-

ного рода дейктических слов – указательных местоимений, локативных и темпоральных наречий. Дж. Бенжамин отмечает, что для языка темиар характерно частое употребление указательных местоимений в позиции модификатора в именных группах, особенно часто они выступают там, где вершиной является личное местоимение, при этом они, как считает Дж. Бенжамин, не несут никакого смысла. Приведем примеры:

(2) *yee? doh ?i-m-?og ma-hãã na?*
 1SG здесь 1SG-DAT-давать DAT-2SG там
 ‘Я тебе дам’

(3) *ki-ciib ma-bəək lumpəəh tuu*
 мы-идти к-Куала-Лумпур в другом месте
 ‘Мы пойдем в Куала-Лумпур’

Аналогичное явление отмечается и в языке джахай:

(4) *pəntis/pəntis, he? des hala? tebæu*
 больной 1PL(IN) призывать Хала те-большой
ʔa tulugʔn he? t-aŋ, ʔa el
 чтобы помочь 1PL(IN) t-этот чтобы смотреть на
he? pəntis
 1PL(IN) больной
 ‘Когда мы болеем, мы призываем великого Хала, помочь нам, посмотреть на нас больных’

Важность аслийских языков для АА компаративистики еще в том, что фонология аслийского слога и слова, характер комбинаторных и позиционных изменений фонем, а также не тривиальные морфонологические процессы, затрагивающие исконные инфиксальные формы, заключают в себе определенный объяснительный потенциал, который можно использовать для толкования некоторых явлений, обнаруживаемых в других АА языках. В частности, имеются в виду такие особенности, как номинализирующий инфикс **-b-*, спорадически отмечающийся в некоторых МК языках, например, кхмерском и древ-

некхмерском, существование инфиксальных и префиксальных алломорфов одной морфемы, а также причины возникновения явления частичной и полной редупликации.

Аслийские языки предоставляют уникальный материал, который позволяет проследить дальнейшие пути развития исконных АА инфиксальных форм ЗП. Рефлексы инфикса **-n-* хорошо представлены во всех трех ветвях аслийских языков. С одной стороны, они выступают в отглагольных именах, чаще с процессуальной, реже с актантной семантикой. Но в некоторых аслийских языках они дали еще один функциональный ряд рефлексов. Например, в языке джахай сохранилось и получило дальнейшее развитие употребление инфиксальных форм, образующихся от имен общих и классификаторов в конструкциях с числительными и кванторными модификаторами, где инфиксы выполняют реляционную функцию. Аналогичное явление отмечается и в некоторых других аслийских языках – джах-хут, семай и семелай. В языке темиар исконные инфиксальные формы зависимой предикации также разошлись на две парадигмы: отглагольных имен и аспектуальных форм глагола, при этом аспектуальные формы, в свою очередь, могут выступать в качестве основ, от которых образуются новые отглагольные имена с тем же инфиксом.

Рассмотрим отдельные аслийские языки с точки зрения как консервативных тенденций, так и инноваций.

4.1. Джахай

Язык джахай относится к северной ветви аслийских языков. В. Шмидт считал, что те языки, которые теперь принято включать в северную подгруппу аслийских языков (группа семанг), сильно отличаются от МК и других языков аборигенов Малакки потому что в них присутствует значительный не мон-кхмерский субстрат (Schmidt, 1901). Ч. Благден вообще ставил под сомнение их принадлежность к МК семье (Blagden 1906). Это вызывает недоумение. Конечно, словарь джахай

содержит мало слов, которые были бы легко узнаваемы как МК, однако в нем обнаруживаются некоторые базовые, центральные для языковой системы грамматические единицы и формы, которые однозначно свидетельствуют о его принадлежности к МК языкам. Характерно то, что некоторые средства выражения грамматических значений могут не совпадать материально с изофункциональными средствами в других АА языках (т. е. не быть соответствиями и не восходить к одному слову или морфеме), но при этом они могут выражать полностью или частично совпадающий комплекс грамматических значений, который является лингвоспецифическим для МК языков. Материальное несовпадение средств выражения грамматических значений может объясняться не только таким, широко представленным в АА языках явлением, как заимствование грамматических элементов, но и внутренними факторами развития. Например, тем, что отделение от МК семьи произошло в момент начала процесса грамматикализации лексической единицы, когда в начальной точке шкалы грамматикализации могли оказаться разные лексемы с одинаковым или сходным значением. Другой фактор – появление синонимических средств, в том числе заимствованных, которые могут сосуществовать, взаимодействовать и вытеснять друг друга.

В статье (Schebesta, Blagden 1928) дается краткий грамматический очерк языка джахай, большое количество предложений и три небольших текста, достаточно репрезентативных. Анализ этого материала позволил выявить в джахай ряд прото-МК и общих для всех АА языков черт.

4.1.1. Коммуникативные типы предложений

Для АА языков характерна развитость грамматических средств, связанных с выражением таких коммуникативных типов предложения, как *тематические* и *предложения со сдвигом ремы*. Для АА предложения-высказывания характерно то, что его форма зависит от того места, которое оно занимает

в дискурсе. В МК языках даже кодировка грамматических значений в компонентах предложения может зависеть от характера его вхождения в дискурс. Например, в кхмерском языке правила употребления числовых компонент дескрипции, выражающих единичность/множественность, зависят от типа дескрипции: в интродуктивных дескрипциях числовая компонента обязательна, а в идентифицирующих – в общем случае, невозможна (Погибенко 2003б).

Тематические предложения в АА языках имеют свою специфику. Этим термином здесь мы обозначаем предложения с маркировкой топики, чаще всего, – подлежащего, выбранного из числа топиков, активированных в данном дискурсе или активизируемых данным дискурсом. Тематические предложения, в частности, противопоставляются: а) интродуктивным, в которых осуществляется интродукция нового топики и которые содержат первую номинацию партиципанта ситуации, описываемой дискурсом; б) предложениям, содержащим анафорическую идентифицирующую номинацию партиципанта; в) нейтральным, содержащим первую и единственную номинацию партиципанта; г) предложениям со сдвигом ремы.

В этой системе противопоставлений тематические предложения – это те, в которых осуществляется реинтродукция одного из топиков дискурса. Этот тип предложений в некоторых АА языках может иметь высокую частоту употребления, что, в частности, имеет место в джахай.

Понятие топики остается неоднозначным в современной лингвистике. В традиции пражской школы, например считалось, что каждое предложение делится на тему и ремю, однако это деление опиралось сугубо на интуицию. Топик или тема определялись в терминах «то, о чем говорится», «старая», «предполагаемая» или «данная» информация, «фокус эмпатии». В дальнейшем в лингвистике топик ассоциировался с «данным» и акцент делался на его связь с такими грамматическими явлениями, как определенность, анафора, контрастная топикизация, и с такими семантическими поня-

тиями как референтность и индивидуализация. Т. Гивон (Givon 1990) вывел понятие топика на новый уровень анализа – уровень дискурса – и указал на два квантифицируемых аспекта топикальности в дискурсе – «доступность» (accessibility) и «важность» (importance). Гивон утверждал, что топик – это не явление уровня предложения, хотя его кодировка происходит именно там, и подчеркивал, что на пространстве одного события/положения дел топик как то, о чем идет речь, или то, что является важным, не имеет смысла. Гивон считал, что топик является релевантным функциональным понятием только на уровне дискурса: о топике «говорят» и топик является «важным» только тогда, когда о нем говорят и он является важным на пространстве некоторого количества последовательных предложений. Исходя из функционального, когнитивного подхода к изучению языковых явлений, Гивон считал, что есть два функциональных свойства человеческой речи, которые обеспечивают отдельным пропозициям место в дискурсе – мульти-пропозициональность и тематическая связанность, под последней он понимал последовательную смену (continuity) суб-элементов связанности, главными среди которых являются референты/топики (Givon 1990, 902). Референциальная доступность, как ее понимает Гивон, имеет отношение к когнитивному поиску референта в памяти, а тематическая важность – к когнитивной активации важных топиков и неактивации – неважных.

Взгляды Гивона на топик как нельзя лучше согласуются с фактами АА языков, где тематические предложения занимают особое место. К сожалению, не во всех грамматических описаниях АА языков уделяется внимание коммуникативным типам предложения, а если и уделяется, то они описываются без обращения к категории дискурса.

Материалы, содержащиеся в статье [Schebesta, Blagden 1928], позволяют выявить основные коммуникативные типы предложений языка джахай, и, прежде всего, такой важный тип, как тематические предложения, поскольку три текста,

которые там даются, хотя и небольшие, но очень представительные в этом отношении. Авторы статьи, анализируя типы предложений, никак не связывают их с коммуникативной структурой дискурса.

В плане противопоставления различных коммуникативных типов предложений ситуация в джахай типично австроазиатская. Рассмотрим типы предложений, важных для сравнения с другими АА языками.

4.1.1.1. Тематические предложения в джахай

Тематические предложения в джахай интересны еще и потому, что они представляют собой морфосинтаксический тип, в рамках которого могла начаться грамматикализация личных местоимений в качестве субъектных показателей еще на прото-АА уровне. Конечный результат ее представлен, с одной стороны, в трех ветвях аслийских языков, а с другой – в мунда. Это предложения с тематическим подлежащим и местоименной репризой субъектной ИГ. В джахай этот тип предложений отмечается, когда в антецедентной субъектной ИГ выступает имя общее или имя собственное, реже – местоимение. Приведем примеры:

- (5) *ʔəgʔn əʔ teeg*
ребенок 3SG спать
‘Ребенок спит’
- (6) *kneʔ sideh əʔ pətis*
жена Сидех 3SG больной
‘Жена Сидеха больна’
- (7) *bəʔəʔ t-ani əʔ ɛdʔɛdʔ*
обезьянка тот 3SG умный
‘Та обезьянка умная’

-
- (8) *ɿei* *ɔs* *ɔʔ* *gvi*
 дым огонь 3SG щипать
 ‘Дым от огня ест глаза’
- (9) *ɿa pæn* *aʔ* *ɿa pæn* *cub* *ba* *hob*
 1PL(EX) здесь 1PL(EX) идти PREP лес
gydʔn *t-* *-ani* *gydʔn* *cub* *ba* *dəgʔn*
 2PL DPM тот 2PL идти PREP деревня
 ‘Мы пойдем в лес, а вы пойдете в деревню’

Как можно видеть, в последнем предложении, где репризе подвергаются местоименные ИГ_{СУБ}, использование стратегии тематизации в обеих частях сложного предложения создает эффект контрастивности. Т. Гивон отмечал, что функциональные области тематизации и контрастивности часто пересекаются, и многие средства выражения контрастивности используются для выражения тематизации (Givon 1990).

Частота тематических предложений в джахай очень высока, то же можно сказать и о тематических предложениях в кхмерском языке. Поэтому вполне реально, что этот тип предложения мог послужить отправной точкой для грамматикализации резюмтивного местоимения в качестве субъектного маркера в составе глагольной словоформы в аслийских языках и языках мунда.

Тематические предложения в джахай используются для выражения коммуникативной структуры предложения как отражение коммуникативной структуры дискурса, а именно: для выражения непрерывности топиков, доступных в дискурсе или активированных контекстом. В число доступных топиков входят референты, не только введенные в дискурс, но и входящие в общий фонд знаний участников коммуникации. Обеспечение непрерывности топиков означает, что в цепочке пропозиций, составляющих дискурс, переход к новому из доступных топиков осуществляется через стратегию его топикализации. Функциональное назначение этой стратегии заключается в

том, чтобы слушающий активировал соответствующий сегмент фонда знаний.

В корпусе примеров обнаружено несколько предложений со структурой, в которых личное местоимение выступает в двух позициях: перед и после субъектной ИГ: $M_{СУБ} - ИГ_{СУБ} - M_{СУБ} - Г$. Это похоже на эмфатический вариант тематического предложения:

- (10) *gydʔn mənʔraʔ gydʔn kəbys*
 3PL люди 3PL мертвый
 ‘Эти люди мертвые’

Еще один вариант тематического предложения представляет собой трансформацию предыдущего варианта, суть которой в перестановке глагольной и субъектной групп: $M_{СУБ} - Г - M_{СУБ} - ИГ_{СУБ}$. Он представлен в интродуктивном предложении текста *The Blood-Throwing Ceremony*:

- (11) *karei əʔ gyrr, gydʔn ɛbʔn gydʔn baboo,*
 Карей 3SG греметь 3PL резать 3PL женщина
gydʔn seei kəd karei, gydʔn ciəʔ baa
 3PL кидать DAT Карей 3PL лить LOC
tee kəd manɔidʔ
 земля DAT Манойд
 ‘Когда Карей гремит, женщины режут [себя], они брызгают кровь для Карей, они льют [ее] на землю для Манойда’

Не исключено, что эта структура предложения выражает и тематизацию, и сдвиг ремы: это первое предложение текста, описывающего церемонию жертвоприношения, совершаемого с целью умиловить Карей, когда первыми приносят жертву женщины, а если это не помогает, – жертву приносят мужчины. Предложения со сдвигом ремы будут рассмотрены ниже.

Приведем переводы двух текстов. В них одной звездочкой помечены тематические клаузы, а двумя звездочками – клаузы

со сдвигом ремы, знаком ↘ помечены те компоненты предложения, на которые сдвигается рема, звездочками в скобках – различные тактические модификации исходных структур.

(12)

«About Karei and the Hala»

I. (1) Когда *больны*, мы призываем великого Хала помочь нам здесь, посмотреть на нас больных. (2) Затем он [больной] дает зеркало туда для Хала, чтобы перенести к Карею. (3) Мы живем [если] он перенесет зеркало к Карею. (4) Конечно, я могу помочь Серлантесу. (5) Если не будет Хала, мы умрем. (6) ** Карей ↘ приносит болезни. (7) Если есть Хала, мы живем, он может перенести к Карею. (8) Если нет Хала, мы умираем, мы не будем знать, [как] перенести к Карею. (9) * Хала же молится Карею, (10) ** Хала ↘ дает зеркало. (11) * Карей же сидит прямо, он разостлал циновку около себя, у груди Карея. (12) (Когда) приходит зеркало, (13) ** [которое] перенес Хала ↘, (14) приходит на циновку зеркало, (15) ** Карей довольный ↘, ему нравится зеркало. (16) ** Карей дышит на Хала, он дает ему отражение, (17) ** а Хала дышит на нас, *больных*, потом мы выздоравливаем.

II. (18) Тень Карея горячая, [он] приходит к хижине, мы умираем.

«The blood-throwing sermony»

(19) * Когда Карей гремит, (20) (*) женщины делают порезы, (21) они брызгают кровь для Карея, они льют ее на землю для Манойда. (22) (*) Если Карей прекращает [греметь], все хорошо, (23) если он не прекращает, (24) если он продолжает греметь, (25) ** мужчины ↘ делают надрезы, (26) если он не перестает, – делаем надрезы по обеим сторонам ног.

Мы можем видеть, что использование различных коммуникативных типов предложения хорошо структурирует текст на языке джахай, придавая ему динамизм и законченность. Во втором тексте очень последовательно у всех клауз с анафорическими ИГ_{СУБ} – структура коммуникативно нейтральных предложений, а у клауз с ИГ_{СУБ}, в которых представлено имя

нарицательное или имя собственное, – структура тематических, кроме (25), – предложения со сдвигом ремы.

Первый же текст, хотя он и рассказан тем же информантом, имеет несколько более сложную структуру. Во-первых, в нем два тематических параграфа: второй – представляет собой an afterthought и логически никак не связан с первым. Это подтверждается тем, что первый параграф имеет симметричные в морфосинтаксическом плане начало и конец, в которых выступают рефлексы двух форм ЗП от глагола *pətis* ‘болеть’: рефлекс синтетической формы *pəntis* и аналитической формы *təpətis*, обе являются архаизмом и используются здесь только как фигура речи. В первом тексте, так же как и во втором, все клаузы с анафорическими субъектными ИГ имеют структуру коммуникативно нейтральных предложений. Все предложения с ИГ_{СУБ}, в которых представлены имена общие или собственные, имеют структуру либо тематических предложений, либо предложений со сдвигом ремы, за исключением клауз (12) и (14). В (15) сдвиг ремы происходит на утвердительный статус пропозиции. В (16) и (17) стратегия сдвига ремы используется для контрастивного противопоставления топиков.

4.1.1.2. Тематические предложения в других австроазиатских языках

Кхмерский

В кхмерском языке существует несколько структурных типов тематических предложений, т. е. – с топикализованной субъектной ИГ. Они используются для выражения иерархии топиков, доступных или активированных контекстом, или, другими словами, для активации такого топика в данном предложении. В кхмерском языке достаточно широко представлены предложения с репризой субъектной ИГ, аналогичные предложениям языка джахай, например:

- (13) *cən cet aakrək ciə tii kum num ciə tii sətʔvɔp*
 человек злой ненавидимый отвратительный
nəy nəək dətəy viə mɛɛn taɛy
 GEN другие 3SG на самом деле как правило
saw moɲ ruu viɲiəh dɔl khluən viə
 несчастный или вредить DIR RFL 3SG
 ‘Человек злой, которого ненавидят, к которому питают от-
 вращения, как правило, несчастный, другими словами, он
 вредит сам себе’ (Пхиесэт Самрай)
- (14) *puk kəət mun dael chuui tɛə ruup riəɲ*
 дядя 3SG NEG когда-нибудь болеть NEG тело
kəət put mɛɛn taɛ caɲ bɔntec taɛ miən
 3SG правда PTCL старый немного но иметь
sac dɔm təət miən nah
 мускул крепкий очень
 ‘Дядюшка никогда не болел, ну, конечно, телом он был непо-
 лод, но мускулы у него были крепкие’ (Конг Пончхиен)

Топикализация возможна при помощи союзов, например *sətɔrjəh* ‘что касается’ и *sətɔnək* ‘что касается’ (которые являются грамматикализированными рефлексам форм ЗП глаголов *sɔrjəh* ‘направляться к’ и *saek* ‘делить, выделять’), а также при помощи инверсии VS.

В качестве маркера топиализации может выступать *kɔv* – рефлекс древнекхмерского *kaa* – маркера зависимых предикаций и именных групп, функции которого пересекались с функциями маркера *ta*. Тематические предложения с маркером *kɔv* в некоторых стилях очень частотны. В этом отношении текст на джахай сильно напоминает текст на современном кхмерском: когда описывается ситуация с партиципантами, количество которых больше одного, выбор нового топика в любом предложении текста может осуществляться через тематизацию. Поэтому высокой частотности маркера *kɔv* в кхмер-

ском тексте в джахай будет соответствовать высокая частотность тематических предложений с местоименной репризой. Маркер *kvv* ставится между подлежащим и сказуемым⁵². Позиция этого маркера позволяет предполагать, что он может вести свое происхождение от какого-то резумптивного местоимения. Рассмотрим примеры:

- (15) *srap tae dbl tjaay tii pram pii khmaoc nuh kvv*
 вдруг PREP день седьмой усопший тот TOP
klaay ciə besaac doh cvykcoum thvəə
 превращаться COP демон расти клык делать
baap nǽk srok vñ craən khae tumrǽm
 вред крестьяне весь много месяц пока не
tae rǽk vithii bvykraap baan
 PTCL искать способ умирять REZ
 ‘Вдруг на седьмой день эта усопшая превратилась в демона, у которого проросли клыки, много месяцев кряду причиняла она вред селянам, пока не нашли способ ее умирить’ (Конг Пончхиен)

- (16) *nəw pèel dael chaarat nuŋ chaat niʔyiaŋ*
 PREP время когда Чхарат и Чхат говорить
baan trəm nuh naaruin kvv daə
 PRF точно тот Нарын TOP идти
təw dvl
 идти к достигать
 ‘Как раз в тот момент, когда Чхарат и Чхат разговаривали, появился Нарын’ (Конг Пончхиен)

⁵² В КРС он определяется как «Частица, указывающая на последовательность действий, на русский язык часто не переводится».

- (17) *sɔmnaek yiveʔ sɔən aena kɔv bɔnsɛj*
 что касается юноша там TOP CAUS-выходить
khluən pi̯i prɛu dae taam niərii yaaj
 RFL PREP лес тоже следовать девушка DPM
luən
 быстрый
 [Девушка ушла] ‘И наш юноша вышел из леса и поспешил за
 девушкой’ (Тие Срэнг)

В отличие от джахай, где функции тематических предложений и предложений со сдвигом ремы не пересекаются, в кхмерском языке предложения с маркером *kɔv* помимо функции тематизации еще имеют функцию сдвига ремы. Примеры:

- (18) *niw taam dey sɔndɔv mekoŋ miən prɔsiəsɔn*
 в вдоль дельта Меконг иметь(ся) народ
khmae miəu sɔmniən thom riəh niw
 кхмерский один количество большой жить в
tii nuh haw thaə khmae kraom kɛə
 место тот звать(ся) CONJ кхмер нижний 3PL
kɔv niʔyiəu khmae dae tae miən sɔmleəj
 RHM говорить кхмерский тоже но иметь звук
sʔiəj tuw phiəsaa viət naam
 склоняться к язык вьетнамский
 ‘В дельте Меконга живет много кхмеров, которые называются *khmae kraom*. Они (*kɔv*) тоже говорят на кхмерском, но с вьетнамским акцентом’ (Colloquial Cambodian)

В следующем предложении сдвиг ремы осуществляется на смысловой компонент «утвердительный статус пропозиции» (Падучева 1985):

- (19) *yiveʔ sɔən hak douc dəj cət niərii*
 юноша словно понимать чувства девушка

kvv thvvu ceɣ baat pii tii nuh pliəm
 RHM отступать выходить REZ из место тот быстро
 ‘Молодой человек словно прочитал мысли девушки и по-
 спешно ушел оттуда’ (Тие Срэнг)

Еще одна функция частицы *kvv* – это маркирование контрастивных предикатов или адвербиальных групп, например:

(20) *chaaraat mun twvp kvv stuh mɔək*
 Чхарат NEG отвечать бросаться подходить
baək kɔmnat svv sɔnsuɔm sɔnsuɔm
 открывать ткань белый медленно медленно
pii muk svvp
 от лицо усопший
 ‘Чхарат не ответил, он вдруг подошел и медленно открыл
 белое покрывало с лица усопшего’ (Конг Пончхиен)

(21) *niəu mɔək lɛeɣ ru kvv miən*
 вы приезжать отдыхать или иметь
kaa vveu
 дело какой
 ‘Вы приехали отдыхать или по делу?’ (Тие Срэнг)

Сантали

В сантали топиализация осуществляется при помощи маркера *-dɔ* (Neukom 2001). Л. Неуком обращает внимание на то, что его употребление коррелирует с типом ИГ: местоименные ИГ не могут подвергаться топиализации, так же, как в джахай. Однако это, скорее, следствие функции топиализации, которая заключается в том, чтобы активировать в данном предложении одного из доступных референтов, за исключением того, который был активирован последним. В дискурсе анафорические ИГ могут обозначать только уже активированные референты в идентифицирующих ИГ. И, наоборот,

активизация доступного референта может происходить только в дескрипции, в вершине которой имя общее или собственное. Последующие номинации данного референта будут идентифицирующими дескрипциями, ослабленными до анафорического выражения.

Маркер *-dɔ* в сантали может топикализировать адвербиальные группы и предикаты. Л. Неуком отмечает также употребление маркера *-dɔ* при предикате восклицательных предложений. По-видимому, это предложения со сдвигом ремы на утвердительный статус пропозиции, аналогичные предложениям с маркером *kbv* в кхмерском. Приведем пример, где маркер *-dɔ* выступает в двух функциях одновременно: топикализует доступного референта и сдвигает рему на утвердительный статус пропозиции:

- (22) *durre nui toyo-dɔ əd̪i bəʔic'-e*
 увы! этот шакал-TOP очень много-3SG
ɛʔɛ-ket'-bon-dɔ
 обманывать-PST-1PL-TOP
 ‘О боже, этот шакал нас так обманул!’ (Neukom)

4.1.1.3. Предложения со сдвигом ремы в джахай

В языке джахай представлен также тип предложений со сдвигом ремы. Они имеют несколько структурных вариантов, но во всех случаях ИГ_{СУБ} уходит из начальной позиции с маркером сдвига ремы *ka*. Приведем примеры:

- (23) *ɔʔ ɔrr ka kareɪ, ɔʔ ɔrr*
 3SG приказывать RHM Карей 3SG приказывать
ke juɔg ɣa kab ke tənʔraʔ
 DAT тигр AUX разрывать PREP человек
 ‘Карей ↘ приказал тигру разорвать человека’

(Карей – это дух смерти; по-видимому, в данном предложении объясняется, почему тигр разорвал человека.)

- (24) *ɔʔ* *ɛg* *nemsɔbʔn* *ka* *kareɪ*
3SG давать болезнь RHM Карей
‘Болезни приносит Карей ↘’

Это предложение взято из текста, приведенного в (12) где описывается порядок вещей в природе, связанный с болезнями. В данном предложении объясняется откуда берутся болезни.

Весьма любопытным представляется следующее предложение, где ИГ_{СУБ} остается на своем месте, а маркер выступает перед сказуемым. Такая структура в точности соответствует предложениям со сдвигом ремы в кхмерском с маркером *kʋv*.

- (25) *sigɔi* *ka* *ketuɲin* *kələgʔn* *kudn*
смола RHM кадить в могила
‘Смола кадит в могиле’

Рема может сдвигаться не только на субъектную ИГ, но и на ИГ инструмента:

- (26) *iɛʔ* *gos* *ka* *taji* *aŋeei*
1SG расщеплять RHM нож ротанг
‘Я расщепил ротанг ножом’

Есть примеры, из которых следует, что сдвиг ремы на объектную ИГ может происходить путем выноса ее в начало с анафорической репризой в исходной позиции:

- (27) *sərmin* *ɔʔ* *ɛg* *nai* *kɛ* *baboo*
зеркало 3SG давать один PREP женщина
‘Он дал женщине зеркало’

ИГ_{СУБ}, на которую сдвигается рема, может занимать конечную позицию:

- (28) *ja əʔ ueeg ba haŋa ka karɛi*
уже 3SG возвращаться PREP дом RHM Карей
‘Карей уже вернулся домой’

Возможно в этом примере сдвиг ремы происходит на утвердительный статус пропозиции.

В джахай маркер сдвига ремы *ka* выступает с ИГ_{СУБ} независимо от того, является ли предложение транзитивным или интранзитивным, т. е. независимо от того, какую семантическую роль – агенса или пациенса – она имеет. Например, в следующем предложении ИГ *caŋkei* ‘жаба’ с семантической ролью агенса и ИГ *bulan* ‘луна’ с семантической ролью пациенса одинаково маркируются при помощи *ka*:

- (29) *bulan əʔ kab ka caŋkei, ja əʔ*
луна 3SG пожирать RHM жаба уже 3SG
pətis ka bulan
больной RHM луна
‘Луну пожирает жаба, луна уже больна’

Авторы статьи [Schebesta, Blagden 1928] отмечают, что вместо *ka* иногда, хотя и очень редко, выступает *de*, функции которого в статье точно не обозначены, отметим только, что этот же элемент находится в отношении варьирования с полифункциональным предлогом *ba* в ИГ с семантической ролью реципиента. Кроме того, он отмечается как показатель посессива, хотя авторы статьи не особенно уверены в этом. Приведем пример на употребление *de* в качестве маркера сдвига ремы:

- (30) *ja cub de pai, ja sədap de pai,*
уже идти RHM 2SG уже легко RHM 2SG
ja de pai, ha sumpigʔn
уже RHM 2SG PTCL втыкать цветы за уши
‘Ты уже ушел, ты покоишься с миром, ты украшаешь себя цветами’

Подведем итог. В текстах на языке джахай, представленных в [Schebesta, Blagden 1928], превалируют три коммуникативных типа предложений: а) тематические с ИГ_{СУБ}, обычно представленной именем общим или собственным, б) предложения со сдвигом ремы, в) коммуникативно нейтральные с местоименной ИГ_{СУБ} и порядком слов SV, которые, как содержащие анафорическую идентифицирующую ИГ_{СУБ}, располагаются после тематического предложения, содержащего antecedентную ИГ_{СУБ}. Коммуникативно нейтральных предложений с ИГ_{СУБ}, в которой представлено имя общее или собственное с порядком слов SV, в текстах встречается мало. Например, в тексте «About Karei and the Nala», представленном в (12), такое предложение только одно, и оно не входит в логико-коммуникативную структуру текста, это мысль, пришедшая в голову по поводу данного текста, «an afterthought»:

- (31) *baïay harēi bəkud; sampēi haŋa, he?*
 тень Карея горячий подходить хижина 1PL(IN)
kəbys
 умирать
 ‘Тень Карея горячая, если он походит к хижине, мы умираем’

В данном случае ИГ_{СУБ} «тень Карея» не входит в число доступных топиков (т. е. введенных в данный дискурс) и не активируется контекстом, другими словами, в контексте нет такого компонента, понятийное поле которого могло бы активировать данную единицу (Падучева 1985), вот почему к этому предложению не применяется стратегия топикализации.

Мы так подробно остановились на коммуникативных типах предложений языка джахай, потому что это один из центральных компонентов его грамматической структуры, которому есть соответствия в других АА языках, и, стало быть, они являются важными для определения АА типа. Кроме того, грамматические элементы вроде маркера сдвига ремы *ka* в джахай, если их анализировать не на уровне коммуникативной

структуры, открывают широкое поле для ошибочных выводов, добавляющих к АА типу чуждые ему черты.

4.1.1.4. Предложения со сдвигом ремы в других австроазиатских языках

Предложения со сдвигом ремы в МК языках нас прежде всего интересуют потому, что в древнекхмерском в них выступают рефлексy двух маркеров зависимой предикации: **ka* и **ta*. В 3.1.4 говорилось о том, что в ДКМ функции маркеров *ka* и *ta* частично пересекаются, однако в ДКМ маркер *ka* еще выступает в предложениях со сдвигом ремы – функции, которая у него сохранилась в современном кхмерском языке. В ДКМ в функции маркеров сдвига ремы мы чаще находим маркер зависимой предикации *ta*, связку тождества *gi* или их комбинацию.

В языке бахнар находим маркер *kə*, являющийся соответствием *ka* в джахай, *ka* в ДКМ и *kvv* в современном кхмерском. Как уже говорилось в 3.5.2, он выступает как маркер сдвига ремы на ИГ_{СУБ} и маркер косвенно-объектных ИГ, он входит также в состав предлога причины (*kəlih*) *kə* и выступает как связка тождества.

Предложения со сдвигом ремы в бахнар очень похожи на предложения в джахай, различие только в том, что в джахай маркер *ka* ставится при ИГ_{СУБ}, смещенной со своей позиции, а в исходной позиции остается местоименная ИГ_{СУБ}, в бахнар ИГ_{СУБ} остается на месте, а маркер *kə* находится при местоименной репризе:

бахнар

- (32) *set* *gâ* (*hĩ*) *kə* *su*
Сет сломать PTL RHM 3SG
'Сет \ сломал'

джахай

- (33) *ɔʔ eg nemsɔbʔn ka kareɪ*
 3SG давать болезнь RHM Карей
 ‘Болезни приносит Карей ↘’

В табл. 6 мы видим функциональное поле маркеров **ka* и **ta* в джахай, древнекхмерском, современном кхмерском, бахнар и сантали.

Таблица 6

**Функциональное поле маркеров зависимой предикации
 в языках джахай, кхмерском, древнекхмерском,
 бахнар и сантали**

функции	я з ы к и						
	джа-хай	ДКМ	кхмер.	бах-нар	санта-ли	прото-МК	прото-АА
Тематизация			<i>kɔv</i>		<i>-dɔ</i>		
Сдвиг ремы	<i>ka,</i> <i>(de)</i>	<i>ta</i> <i>ka</i> <i>gi</i> <i>ta gi</i>	<i>kuuu</i> <i>kɔv</i>	<i>kə</i>	<i>-ge</i>	<i>*ka</i>	
Зависимые пре-дикации	<i>t-</i>	<i>ta</i> <i>(ka)</i>	<i>ɔvɔ</i>	<i>tə-</i>		<i>*ta</i> <i>*ka</i>	<i>*ta</i>
Косвенно-объектные ИГ	<i>de</i> <i>(ka)</i>	<i>ta</i> <i>(ka)</i>		<i>kə</i> <i>tə-</i>		<i>*ta</i> <i>*ka</i>	
Посессор	<i>de</i>	<i>ta</i> <i>(ka)</i>			<i>-ta-</i> <i>(SVO)</i>	<i>*ta</i> <i>*ka</i>	<i>*ta</i>

В табл. 6 представлены ДКМ маркеры зависимой предикации и косвенно-объектных ИГ *ta* и *ka*, а также их предполагаемые соответствия: кхмерский *ɔvɔ* и *kɔv*, бахнар *tə* и *kə*,

джахай *t-* и *ka*, сантали *-ta-*; представлены также маркеры, которые связаны с перечисленными отношением изофункциональности. Миграция маркеров ЗП и косвенно-объектных ИГ в функциональную сферу маркеров сдвига ремы наблюдается в КЯ (*kɔv*), ДКМ (*ta*), джахай (*ka*) и бахнар (*kə*). В кхмерском произошло такое перераспределение функций, что функциональные поля рефлексов маркеров **ka* и **ta* более не пересекаются. На прото-АА уровень реконструируются только две функции маркера **ta*.

Возможно, древнекхмерское *gi*, кхмерское *kuuu* и сантали *-ge* являются соответствиями. В этом нас убеждает то, что в сантали этот элемент обнаруживается в составе союза *khange* ‘и затем’, в котором Л. Неуком выделяет *khan* ‘когда’ и маркер фокуса (маркер сдвига ремы) *ge*. Однако *ge* здесь никак нельзя анализировать как маркер фокуса или сдвига ремы, поскольку его употребление в данном случае в данной функции ничем не мотивировано. Мотивировку мы находим в ДКМ, где слово *gi* сохранило дейктическое употребление. Здесь комбинация маркеров *ta gi* выступает в локативных и темпоративных ИГ, например:

(34)	<i>ta</i>	<i>gi</i>	<i>utsava</i>	<i>ta</i>	<i>pon</i>	<i>hvat</i>
			праздник		4	раз
	<i>ta</i>	<i>gi</i>	<i>cnam</i>	<i>ta</i>	<i>moʊʊ</i>	
			год		один	

‘во время четырех ежегодных праздников (букв. по праздникам четыре раза каждый год)’ K90N

Скорее всего, в ДКМ в этих случаях употребление *gi* мотивировано его дейктическим значением ‘в данном месте’, ‘в данное время’.

4.1.2. Полипредикативные конструкции

Для полипредикативных конструкций джахай характерна несжатость: нет кореферентного сокращения ИГ_{СУБ} при зависимом предикате, но имеет место ее кореферентная замена на личное местоимение. Каких-либо рефлексов маркеров зависимой предикации не обнаруживается, но наличие местоименной ИГ_{СУБ} обязательно. Рассмотрим различные типы ППК.

Конструкции с предикатными актантами

- (35) *ha pai əbʔn pai geei*
INTER 2SG хотеть 2SG есть
‘Ты хочешь есть?’
- (36) *henləbʔn caməʔ hɛʔ əbʔn hɛʔ ʔa*
рано завтра 1PL IN хотеть 1PL IN AUX
sub ba hoob hɛʔ ʔa ba(x) dɔŋʔ
идти PREP лес 1PL IN AUX доставать яд
‘Завтра утром мы пойдем в лес за ядом’

Сериальные конструкции

- (37) *ʔeʔ sub ʔe bəlaʔ*
1SG идти 1SG один
‘Я иду один’

Конструкции с сентенциальными адвербиалами

В джахай повтор субъектной ИГ отмечается при словах, выступающих в функции сентенциальных адвербиалов:

- (38) *ɔʔ teeg ɔʔ kaseŋʔn knɛʔ ɔʔ - -t-ani*
3SG спать 3SG раньше женщина 3SG тот
‘Раньше у него эта женщина была женой’

Определительные предложения

- (39) *ha* *йе* *tukaŋ* *ɔʔ* *edʔedʔ* *kəɾja*
INTER иметься рабочий 3SG знать работать
menæʔ *t-* *-aŋ*
как ATR этот
'Здесь есть рабочий, который знает, как это делать?'

4.1.3. Маркеры именных групп

В текстах, приведенных в работе [Schebesta, Blagden 1928], отмечается два случая, которые могут свидетельствовать о рефлексе маркера **ka* в функции маркировки дативных ИГ:

- (40) *ja* *ɔʔ* *εg* *cərmin* *ka-* *uŋ*,
затем 3SG давать зеркало DAT там
ka *halaʔ*
DAT Хала
'Затем он [больной] дает зеркало туда, к Хале'

Есть также одно предложение, в котором *ka* маркирует локативную ИГ:

- (41) *beraʔ* *йа* *lemaʔ*, *йεʔ* *laiŋa* *ka-* *-uŋ*, *асих*
NEG 3SG найти 1SG искать LOC там нет
'Он не нашел [это], я искал там, [там] нет'

В джахай мы находим много предлогов:

Предлог *ke(d)* выступает с ИГ с различными семантическими ролями. Тем самым объем его функций совпадает с функциями древнекхмерского маркера *ta* в именных группах за тем исключением, что *ke(d)* в джахай еще употребляется с

ИГ, имеющими роль пациенса, и в предложениях со структурой OVS – с ИГ, имеющими роль агенса, а *ta* в ДКМ употребляется еще с темпоральными ИГ. Приведем примеры употребления *ke(d)* в джахай:

Комитатив:

(42) *ʔe pʔas ʔa bəlaʔar ke(d) pai*
 1SG усталый AUX учиться с 2SG
 ‘Я устал изучать с тобой’

(43) *bəra gydʔn ʔa bisaʔ ke gob*
 NEG 3PL AUX привыкший PREP иностранец
 ‘Они не привыкли к иностранцам’

(44) *banʊ bux səkali ked bəlau*
 колчан класть тоже PREP духовая трубка
 ‘Колчан мы тоже кладем вместе с духовой трубкой’

Адресат:

(45) *ʔe pənsəʔn ke ʔux*
 1SG говорить PREP 2DU(EX)
 ‘Я говорю с вами обоими’

Реципиент, бенефактив

(46) *kəbet senelʔl, əʔ maligʔn nasi*
 старая морщинистая 3SG красть рис (вареный)
ked ʔeʔ, akeʔ eg ked əʔ tomaʔoʔ
 PREP 1SG NEG давать PREP 3SG табак
 ‘Старая морщинистая [женщина] украла у меня рис, не давай ей табак’

Локатив:

(47) *əʔ guson ke dada əʔ*
 3SG намазывать PREP грудь 3SG
 ‘Он намазывает себе на грудь’

Пациенс:

- (48) *sətatɪŋ əʔ təbɔʔ (kɛ-d) ʔe*
Семаму 3SG бить PREP 1SG
'Семаму бьет меня'

Агнс в предложениях со структурой OVS:

- (49) *ʔeʔ, təbɔʔ kɛ-d əʔ*
1SG бить PREP 3SG
'Меня бьет он'

(Это предложение может также иметь значение 'Я бью его')

- (50) *əʔ ləg kɛ ʃɪɔg*
3SG пожирать тигр
'Его сожрал тигр'

Посессив: такое употребление *kɛ(d)* отмечается в предложениях, где маркируемая ИГ имеет роль внешнего посессора:

- (51) *ʔɔgʔn [kɛ(d)] əʔ nai*
ребенок POSS 3SG один
'У него один ребенок'

Форма предлога *kɛd* выступает регулярно перед гласными, но и перед некоторыми согласными тоже. Поскольку в джахай в позиции финали не может быть глухих взрывных, не исключено, что /d/ является рефлексом АА маркера **ta*. Другими словами, особенности морфосинтаксиса предлога *kɛ(d)*, возможно, мотивированы тем, что он выступал в комбинации с маркером **ta*, что, как мы видели, в МК языках характерно для этапа перехода от аналитических маркеров ЗП к новым дифференцированным средствам связи.

В джахай нет пассивной конструкции предложения, однако есть стратегия маркирования агенса и пациенса неблагоприятного действия при помощи предлога *ked*. Например, у следующего предложения два разных смысла:

- (52) *ʔeʔ təbɔʔ ked ɔʔ*
 1SG бить PREP 3SG
 ‘Меня бьет он’ = ‘Я бью его’

Рассмотрим еще один пример, где пациент неблагоприятного действия представлен в актантной ИГ как посессор:

- (53) *ɔʔ maligʔn ka tənʔraʔ ke bab ʔeʔ*
 3SG красть RHM мужчина PREP вещь 1SG
ʔa sasaʔ
 AUX молотить
 ‘Если [этот] мужчина украдет мою еду, я поколочу его’

Предлог *ba* в джахай отмечается с ИГ со следующими семантическими ролями:

Локатив:

- (54) *ləsɛbʔn səkei ba ani*
 дождь большой PREP там
 ‘Там сильный дождь’

Директив:

- (55) *sub ba hob*
 идти PREP лес
 ‘идти в лес’

Пациенс:

- (56) *ǰe tǎbɔʔ ba ɔʔ*
1SG бить PREP 3SG
‘Я побью его’
- (57) *ǰe ǰi ba dǎgʔn ba gob*
1SG приводить PREP дом PREP иностранец
‘Я привожу домой иностранца’

Реципиент:

- (58) *ǰg ɔʔ- -t- -aŋ ba ǰe*
давать 3SG DPM этот DAT 1SG
‘Дай это мне’

Как отмечают сами авторы статьи, *ba* в джахай выступает как глагол со значением ‘go’.

Из примеров можно заключить, что, функции *ba* и *kɛ(d)* значительно пересекаются, поэтому не удивительно, что они могут выступать в комбинации:

- (59) *ɛl (ba) kɛd ʔɔ*
смотреть PREP PREP 3SG
‘Посмотри на него’
- (60) *ǰampun ɔs ba uʔi ba kɛ tǎbʔn*
Джампун огонь PREP запад PREP PREP вода
‘Джампун – это огонь на западе у воды’

Предлог *de*, как уже отмечалось выше, в редких случаях используется как маркер сдвига ремы, т. е. изофункционален *ka*. Кроме того *de* выступает в ИГ со следующими семантическими ролями:

Реципиент. Обычно в этой функции выступает предлог *ba*, но иногда отмечается *de*, когда ИГ реципиента занимает позицию перед объектной ИГ, предлог *ba* всегда заменяется предлогом *de*:

(61) *ɛg d- -iɛʔ ɔʔ- -t- -aŋ*
 давать 1SG 3SG DPM этот
 ‘Дай это мне’

(62) *ɛg d- -iɛʔ ɔs*
 давать 1SG огонь
 ‘Принеси мне огонь!’

Таким образом, с ИГ со значением реципиента возможны все три предлога:

(63) *ɛg ɔʔ- -t- -aŋ ba / ked / d- iɛʔ*
 давать 3SG ATR этот PREP 1SG
 ‘Дай это мне’

Посессор. В статье есть два примера, когда предлог *de* выступает как посессивный, однако авторы не уверены, можно ли у него выделять эту функцию (видимо, ввиду его редкой встречаемости). Приведем эти примеры:

(64) *taken de iɔgʔn*
 кто PREP ребенок
 ‘Чей ребенок?’

(65) *kilad de kareɪ*
 вспышка молнии PREP Карей
 ‘Вспышка молнии Карей’

4.1.4. Рефлексы маркера зависимой предикации *ta

Рефлексы АА маркера зависимой предикации *ta в джахай отмечаются в трех функциях: а) маркера атрибутивной формы глаголов качества (прилагательных), б) маркера атрибутивной формы указательных местоимений, в) показателя множественного числа в именах; при этом есть один случай, когда *ta в этой функции выступает в комбинации с инфиксом *-mn-.

4.1.4.1. Атрибутивные формы прилагательных и указательных местоимений

Авторы статьи [Schebesta, Blagden 1928] отмечают, что обнаруживаются как нерегулярные случаи отсутствия префикса *t-* в прилагательных, выступающих в атрибутивной функции, с одной стороны, так и нерегулярные случаи употребления префикса *t-* с прилагательными, выступающими в предикативной функции, – с другой. Можно предположить, что нерегулярности второго рода манифестируют тот факт, что некоторые атрибутивные формы подверглись лексикализации, в особенности в тех случаях, где гласный префикса изменился вследствие гармонии гласных, как, например, в слове *bədʔæd/te-bədʔæd* ‘хороший’, которое выступает в следующем предложении:

- (66) *cəg* *ʔeʔ* *ta-aʔʔ* *aŋ* *(tə-)bədʔæd*
корзина 1SG ATR- маленький этот (ATR-) хороший
‘Эта моя маленькая корзинка хорошая’

Приведем другие примеры на употребление *t-* в качестве маркера атрибутивной формы, выступающего с прилагательными и местоимениями:

(67) *kɛdʔn t-ani aʔʔ*
ребенок ATR- тот маленький
‘Тот ребенок маленький’

(68) *kɛdʔn t-ani ta-aʔʔ ʔa sub ba hoob*
ребенок ATR- тот ATR- маленький ? идти в лес
‘Тот маленький ребенок пошел в лес’

В статье [Schebesta, Blagden 1928] обнаруживается только один случай, когда *tə-* выступает в атрибутивной форме глагола состояния, это форма *təpətis* от *pətis* ‘болеть’, о которой шла речь в 4.1.1.1.

В указанной работе не говорится, что сегмент *-t-* в указательных местоимениях – это та же морфема, которая выступает в атрибутивных формах прилагательных, однако этот вывод очевидным образом следует из сопоставления с другими МК языками, например, древнекхмерским. Более того, указательные местоимения в джахай и древнекхмерском демонстрируют сходство еще по одному параметру. В джахай указательные местоимения часто выступают не в ИГ, образованной именем общим или собственным, а в ИГ, образованной личным местоимением, находящимся в анафорическом отношении к такому имени. Это имеет место и в субъектных, в объектных ИГ. Приведем примеры с объектными ИГ, в которых указательное местоимение присоединяется как к вершинному имени общему, так и к анафорическому местоимению:

(69) *ʔʔ teeg ʔʔ kasegʔn knɛʔ ʔʔ - t-ani*
3SG спать 3SG раньше женщина 3SG тот
‘Раньше его женой была эта женщина’

(70) *ʔeʔ ɛdʔɛdʔ har t-ani*
1SG знать дорога тот
‘Я знаю эту дорогу’

В отличие от джахай, в древнекхмерском указательное местоимение может выступать и в препозиции, и в постпозиции к имени, оно также часто выступает в обеих позициях одновременно. В остальном в древнекхмерском языке, особенно преангкорского периода, ситуация сходная. Здесь постпозиционное указательное местоимение тоже часто присоединяется не к имени общему, а к слову *roh/rohḥ* ‘вещь’, которое в данном случае выступает как анафор имени. При указательных местоимениях, как в препозиции, так и в постпозиции, часто отмечается маркер зависимой предикации *ta*. Рассмотрим примеры:

- (71) *^anak ta yok sre ta roh neḥḥ*
 люди DPM брат поле DPM вещь этот
 ‘Люди, захватывающие эти поля’ K190
- (72) *siddhi svāsti namaççivāya duk praçasta*
 удача счастье слава Шиве сочинять надпись
ta roh neḥ ta 1051 çaka
 DPM вещь этот TEMP шака
 ‘Удача, счастье, слава Шиве – эту надпись [я] сделал в 1051 году эры шака’ K254B
- (73) *ou snoi dravya ta rohḥ neḥḥ*
 отдать взамен вещи DPM вещь этот
man pul
 DPM брат в долг
 ‘Отдать взамен этих предметов, взятых в долг’ K153
- (74) *lvoḥ guṇa dravya ta roh noḥ*
 платить налог вещи DPM вещь этот
 ‘Уплатить налог с [этого] имущества’ K257N

Приведем примеры, когда указательное местоимение выступает в обеих позициях одновременно, при этом в одной из них – с маркером ЗП *ta*:

-
- (75) *pradhāna ta noḥ deça noḥ*
 верховный DPM этот страна этот
 ‘Знатные люди этой страны’ K351
- (76) *man mratāñ kuruiñ paṃvyatt neḥ aṃve*
 иметься Мратань Курунг признать этот поступок
ta roḥ neh
 DPM вещь этот
 ‘Мратань Курунг признал эти факты’ K682

Несмотря на значение слова *roḥ/roḥh*, в ДКМ такое оформление указательного местоимения используется с именами, обозначающими не только вещи, но и лица, например:

- (77) *^anak ta roḥh neḥh phon*
 люди DPM вещь этот PL
 ‘Все эти люди’ K380E

С другой стороны, не исключено, что слово *roḥ* в древнекхмерском могло обозначать и одушевленные сущности тоже, поскольку в современном языке глагол *riḥh* имеет значение ‘жить, существовать’. Слово со значением ‘вещь, предмет’ в современном кхмерском является производным от того же корня – *rɔbvh*, это же производное выступает как показатель посессива: *koun rɔbvh kōt* ‘его ребенок’.

На стратегию построения субъектной ИГ, содержащей указательное местоимение, в джахай, безусловно, оказывает влияние функциональная специфика позиции начала предложения. Как уже указывалось, предложения, в которых в вершине субъектной ИГ выступает имя общее, в джахай часто имеют форму тематических предложений с местоименной репризой субъектной ИГ. Указательное местоимение в таких случаях отмечается либо в ИГ, образованной именем общим,

либо и в ИГ, образованной резумптивным местоимением. Приведем примеры:

(78) *bəɾɔʔ t-ani ɔʔ ɛdʔɛdʔ*
 обезьянка тот 3SG умный
 ‘Та обезьянка – умная’

(79) *mənʔraʔ ɔʔ- t-aj ha ja pai ɛl*
 мужчина 3SG ATR-этот INTER REZ 2SG видеть
 ‘Этот мужчина уже видел тебя?’

4.1.4.2. Имена со значением множественности

Еще один рефлекс прото-АА маркера зависимой предикации **ta* обнаруживается в джахай в именах со значением множественности. В джахай, как и в других МК языках, нет грамматической категории числа; количество либо никак не выражается, либо выражается при помощи лексических средств, например, словом *kəbʔn* ‘много’. Однако некоторые слова, обозначающие лиц, имеют формы со значением множественности, образованные при помощи инфикса *-r-*, префикса *tə-* или комбинации обоих аффиксов, например:

	ед. число	множ. число
‘женщина’	<i>baboo</i>	<i>braboo, təbraboo</i>
‘юноша’	<i>kejuɣ</i>	<i>kərajuɣ, təkərajuɣ</i>
‘мужчина’	<i>bakes</i>	<i>brakes, təbrakes</i>
‘человек’	<i>mənʔraʔ</i>	<i>təmənʔraʔ</i>
‘мужчина или женщина, у которых есть ребенок’	<i>maɪɔɡʔn</i>	<i>mraɪɔɡʔn, təmraɪɔɡʔn</i>
‘старик’	<i>kəbet</i>	<i>krabet, təkrabet</i>
‘ребенок’	<i>kədʔn</i>	<i>təkədʔn</i>

Оставив пока в стороне вопрос об инфиксе *-r-*, который в некоторых МК языках со значением множественности отмечается в глаголе, выскажем предположение, что рефлексы префикса *tə-* в данном случае – результат лексикализации форм ЗП с маркером **ta*, выступавших в позиции модификатора в словосочетаниях с вершинным словом типа *kəbʔn* ‘много’. В этом нас убеждает также и то, что среди производных имен со значением множественности мы находим лексикализованные рефлексы синтетических форм ЗП, а именно: формы с инфиксами **-n-*, **-mn-*. Есть даже словоформа, содержащая рефлекс комбинации синтетического и аналитического маркеров зависимой предикации: **ta+*-mn-*. Более того, в джахай инфиксальные формы ЗП получили дальнейшее развитие в рамках счетной конструкции. Все рефлексы синтетических форм ЗП рассматриваются в следующем разделе.

4.1.5. Рефлексы инфиксальных форм зависимой предикации

В джахай мы находим разнообразные рефлексы синтетических форм ЗП, а именно: рефлексы с инфиксами **n-/-n-*, **-mn-*, а также с комбинацией синтетического и аналитического маркеров **ta+*-mn-*. По функции, рефлексы форм ЗП, которые мы выделяем в джахай, бывают трех типов: а) немногочисленные лексикализованные в именах со значением множественности, б) один рефлекс в глагольной форме, употребленной как форма ЗП, в) многочисленные рефлексы имен с инфиксом **-n-*, выступающие в конструкции с числительным или со словом *kəbʔn* ‘много’.

4.1.5.1. Имена со значением множественности

Как уже говорилось в предыдущем разделе, в джахай у некоторых слов, обозначающих лица, есть производные со

значением множественности. Большая часть таких форм образована при помощи инфикса *-r-*, префикса *tə-*, который, как мы предположили, восходит к аналитическому прото-АА маркеру зависимой предикации **ta*, или комбинации обоих аффиксов. Однако есть слово, которое имеет производное со значением множественности с синтетическим маркером зависимой предикации **-mn-* и даже форму с рефлексом комбинации синтетического и аналитического маркеров зависимой предикации **ta+*-mn-*:

	ед. число	множ. число	
‘ребенок’	<i>йэгʔn</i>	<i>минйэгʔn, тэминйэгʔn</i>	‘дети одной семьи’

Есть также отдельные формы множественного числа, образованные при помощи инфикса *-na-*, *-a-*:

	ед. число	множ. число
‘день, свет’	<i>kətəʔ</i>	<i>kənatəʔ</i>
‘муж’	<i>təmkal</i>	<i>təmakal</i>

4.1.5.2. Глагольная форма зависимой предикации

В статье [Schebesta, Blagden 1928] мы обнаружили только один пример, который можно рассматривать как рефлекс синтетической формы зависимой предикации с инфиксом **-n-*. Он выступает в тексте *About Karei and the Hala*, о котором мы говорили в разделе 4.1.1.1 Это рассказ о том, как джахаи, когда заболевают, обращаются к доброму духу Хала, который выступает как их посредник и заступник перед духом смерти Карей, и каким образом Хала исполняет свою миссию. Интересующая нас форма встречается в первом предложении текста, в самом его начале:

- (80) *pəntis/pətis, heʔ des halaʔ te-bəu*
 больной 1PL(IN) призывать Хала DPM-большой
ı̄a tulugʔn heʔ t-aŋ, ı̄a el
 чтобы помочь 1PL(IN) t-этот чтобы смотреть на
heʔ pətis
 1PL(IN) больной
 ‘Когда мы *болеем*, мы призываем великого Хала помочь нам,
 посмотреть на нас больных’

Как видим, форма, о которой идет речь, находится в отношении свободного варьирования с простой производной формой. Слово *pətis* ‘больной’, которое завершает предложение, скорее всего употреблено атрибутивно, а не предикативно, оно не имеет атрибутивного маркера, потому что, как было уже сказано, в джахай маркер атрибутивной функции выступает только с глаголами, обозначающими качество (прилагательными), что можно видеть и в данном предложении в случае *te-bəu* ‘DPM-большой’. С формой *pəntis*, в которой нам бы хотелось видеть рефлекс синтетической формы ЗП, в данном тексте параллельно выступает форма *te-pətis*, которую мы находим в предложении, заключающем дискурс:

- (81) *ɔʔ perlub ka halaʔ ke heʔ te-pətis,*
 3SG дышать RHM Хала в 1PL(IN) *te*-больной
ja heʔ sejuʔ
 затем 1PL(IN) поправляться
 ‘Хала дышит на нас, когда мы *болеем*, и затем мы поправляемся’

Обратим внимание на то, какую важную роль в организации данного дискурса играют формы *pə-n-tis* и *te-pətis*. Они составляют симметрическую пару в дискурсе, заключенном между двумя предложениями, в которых они выступают: «Когда мы *болеем* когда мы *болеем*.» Совершенно очевидно

но, что в данном тексте именно изофункциональность и вариативность этих форм используется для структурирования дискурса, в данном случае – как средство достижения симметричности его структуры, того, что называется «well-formedness».

Таким образом, несмотря на то что мы имеем только один пример рефлекса синтетической формы зависимой предикации, он демонстрирует хорошую синтагматическую и парадигматическую структурированность, особенности которой отражают то место, которое отведено синтетическим формам ЗП в диахронии АА языков: там они предшествовали аналитическим формам ЗП с маркером **ta* и вытеснялись последними на некотором диахроническом отрезке их совместного существования.

Итак, прото-АА маркер зависимой предикации **ta* в джахай имеет рефлекс в виде маркера атрибутивных форм глаголов качества и указательных местоимений, а также маркера множественного числа в лексикализованных атрибутивных формах имен. В последнем случае он отмечается в комбинации с инфиксом **-mn-*. Есть один случай, когда рефлекс маркера зависимой предикации **ta* выступает с глаголом состояния, причем в этой функции он коррелирует с инфиксальной формой зависимой предикации с рефлексом инфикса **-n-*.

В табл. 7 представлено поле рефлексов маркера **ta* в его взаимодействии с частью поля рефлексов инфиксальных форм зависимой предикации.

Более регулярный пласт рефлексов инфиксальных форм ЗП в джахай – это отглагольные имена и именные формы с инфиксом *-n-*. Первые появились в результате лексикализации форм ЗП глаголов, которая имела место во всех АА языках. Вторые – дальнейшее развитие грамматической функции инфиксальных форм ЗП, которое началось на прото-АА уровне, но получило полное развитие только в аслийских языках. В

джахай есть много имен, которые имеют формы с инфиксом *-n-*, выступающие в ИГ с числительными и словом *kəbʔn* ‘много’. Это не формы множественного числа, потому что за пределами таких конструкций используется только простая, непроизводная форма имен. Эти формы описаны в статье [Burenhult 2000], и мы их рассмотрим в следующем разделе.

Таблица 7

Рефлексы маркеров зависимой предикации в языке джахай

Ф о р м ы	Инфиксы	<i>*ta</i>	<i>*ta</i> + инфиксы
Атрибутивные: - прилагательных - местоимений - лексикализованные – имен со значением множественности	<i>*-n-</i> , <i>*-mn-</i>	+ + +	<i>*ta</i> + <i>*-mn-</i> (1)
Глагольные, зависимой предикации	<i>*-n-</i> (1)	<i>*ta</i> (1)	

4.1.5.3. Рефлексы маркера зависимой предикации **-n-/n-* от глагольных именах и счетных формах имен

Язык джахай интересен тем, что в нем исконный АА аффикс **-n-/n-* дал два ряда регулярных функциональных рефлексов: один – аффикс, при помощи которого образуются имена от глаголов, и это сопоставимо с рефлексам в других МК языках (хотя он и имеет свои особенности), другой – аффикс, образующий особую форму имени или классификатора, выступающую в счетной конструкции и в именных группах с кванторным словом *kət* ‘много’⁵³.

⁵³ В [Burenhult 2000] и [Schebesta, Blagden 1928] есть различия в записи одних и тех же лексем.

В других группах МК языков рефлексы второго рода есть, но они рудиментарны. В счетной конструкции в них более широко представлены рефлексы употребления аналитических маркеров зависимой предикации.

Подробное описание этих двух функций аффикса *-n-/n-* в аслийских языках дается в работе [Burenhult 2000]. Как отмечает автор статьи, первая функция характерна для всех аслийских языков, а вторая – отмечается в языках джах-хут, семелай и семай, где при помощи инфикса *-n-* образуются счетные формы от имен субстанций.

В языке джахай морфонология аффикса *-n-/n-* в обеих функциях одинакова: его алломорфы различаются в зависимости от слоговой структуры слова, от которого ведется образование. Здесь выделяются производные слова четырех типов: а) односложные (только с закрытыми слогами), б) двусложные с пресиллабом, в) двусложные с двумя полными слогами и г) трехсложные (этот тип представлен мало). Аффикс *n-/n-* выступает только в первых трех типах. В односложных и двусложных с пресиллабом основах в образовании алломорфа участвует процесс кода-копирования, т. е. копирования конечного согласного сильного слога. С односложными основами аффикс выступает в форме префикса, с двусложными с пресиллабом и двусложными с полными слогами – в форме инфикса:

$$C_1VC_f \rightarrow nvC_fC_1VC_f$$

$$C_1C_2VC_f \rightarrow C_1\partial nvC_fC_2VC_f$$

Приведем примеры. От односложных корней: *jim* ‘плакать’ – *nəmjim* ‘плач’, *ʔap* ‘тигр’ – *nəpʔap*. Если копируемый согласный палатальный, в префиксе выступает гласный переднего ряда [i], например: *baj* ‘копать’ – [nijbaj] ‘копание’, *sɛc* ‘мясо’ – [nicsɛc]. Если копируется *h* или *ʔ*, в префиксе выступает [a], например: *jiʔ* ‘жечь’ – [naʔjiʔ] ‘сжига-

ние'. При образовании форм от двусложных с пресиллабом корней в процессе кода-копирования образуется дополнительный пресиллаб с эпентетическим гласным, например: *ʒələj* 'класть внутрь' – *ʒənəʒləj* 'помещение внутрь'. Эпентетический гласный, возникающий во втором пресиллабе, реализуется как [i] или [a] по тем же правилам, что и в пресиллабе форм, образованных от односложных корней, например: *ʒənaj* 'купаться' – [*ʒənijɨj*] 'купание', *cətoh* 'плевать' – [*cənəhtoh*] 'плевание'. При образовании от двусложных корней с полными слогами кода-копирования не происходит, но между первым согласным корня и инфиксом возникает эпентетический гласный, чтобы инфикс стал инициалью второго слога:

$$C_1V_1(C_2)C_3V_2C_4 \rightarrow C_1\mathbf{ə}nV_1(C_2)C_3V_2C_4$$

Например: *sagup* 'облако' – [*sənagup*], *kərlep* 'забывать' – [*kənərlep*] 'забывание'.

При помощи аффикса *-n/-n-* в джахай обычно образуются отглагольные имена, которые выступают в тех же синтаксических позициях, что и простые непроезводные имена: они могут выступать в позиции вершины именных групп различных структурных и синтаксических типов. Все отглагольные имена могут выступать как номинализации действия или состояния, некоторые имена могут еще дополнительно выражать предметное значение различных аргументов глагола – пациен-са, инструмента, локатива. Так, например, *duwaʔ nəktək* ('два *n*-спать') может иметь значения: 'два сна', 'две ночи сна', 'сон двух людей'. Номинализация *kənajil* от *kajil* 'ловить рыбу' может иметь и процессуальное значение – 'ловля рыбы', и предметные значения – 'рыба', 'удочка', 'место ловли рыбы'. Номинализация *nəkək* от *kək* 'резать' может иметь значение 'порезанная вещь' или 'мужчина, которому сделали обрезание'.

Классификатор в джахай может выступать без имени, например: *dε=jε? nej kənaʔmε?* ‘одну для меня’ (букв. ‘для=1SG один *n*-CLF’).

(84) *təmkal ʔo=puje? duwa? nərbər*
 мужчина 3SG=иметь два *n*-мл. брат/сестра
 ‘Мужчина имеет двух младших братьев/сестер’

(85) *jəhũ? tani? ʔo=ʔεk kəm nahbəh*
 дерево этот 3SG=давать много *n*-фрукт
 ‘Это дерево дает много фруктов’

(86) *nej hənərkit je=ʔək ba=grik*
 один *n*-ночь 1SG=находиться в=Герик
 ‘Я провел одну ночь в Герик’

В джахай аффикс *-n/-n-* может употребляться и с именами субстанций, например *nej nəmtəm* ‘одно количество воды (капля, бутылка, река, озеро и т.д.)’ (букв. ‘один *n*-вода’).

Н. Буренхульт отмечает тот факт, что содержательно деление имен общих на два класса, которое задают первичные классификаторы языка джахай, образующие аффиксальные формы, больше напоминает систему языка кхаси и мало напоминает системы других МК языков. Это не совсем так. В других МК языках мы также находим свидетельства того, что классификаторы образуют два подкласса, различающиеся своими функциональными параметрами и семантическими характеристиками. Например, два подкласса классификаторов выделяются в языке кату. Как отмечается в работе [Costello 1969], в кату наиболее употребительными являются классификаторы, задающие разделение имен на личные, неличные, одушевленные и неодушевленные. Так, в диалекте низинных кату *nak* – классификатор для людей, *panəʔ* – для одушевленных объектов, *abeʔ* – для вещей; в диалекте горных кату *sanak* –

классификатор для людей, *anam* – для живых животных, *panəj* – для неживых животных, *abeʔ* – для вещей. Остальные классификаторы, например такие, как *tala* – для плоских тонких объектов, *talaj* – для пространств («земля», «небо»), *nləc* – для длинных тонких объектов, употребляются редко. В катуическом языке бру классификаторы также делятся на два класса, в один класс входят *lam* – классификатор для одушевленных неличных объектов, и *nəaʔ* – для людей. Они употребляются только в счетной конструкции, остальные классификаторы, число которых в бру доходит до тридцати четырех (Miller J. 1964), могут употребляться и в других функциях, в частности, для референции и, как можно предположить, для анафоры. Таким образом, ситуация в кату и бру, так же, как и в джахай, демонстрирует деление классификаторов на два подкласса: первичных, задающих наиболее общее деление имен по признакам «личный–неличный», «одушевленный–неодушевленный», и вторичных, задающих разделение имен по другим дескриптивным признакам – размеру, функции, родовым признакам и др.

Поскольку в джахай собственно классифицирующая функция первичных классификаторов сведена к минимуму, Н. Буренхульт не исключает, что их употребление больше связано с прагматикой дискурса, однако этот аспект пока остается неисследованным. Н. Буренхульт ссылается на мнение Ж. Дифлота⁵⁴, который предполагает, что отыменные инфиксальные формы существовали в МК языках до того, как эти языки развили систему классификаторов, которые сделали употребление отыменных инфиксальных форм избыточным.

Нельзя не согласиться с мнением Н. Буренхульт относительно того, что мотивация использования первичных классификаторов в джахай на данном синхронном срезе остается не-

⁵⁴ Высказанное ему в личной беседе в 1999 г.

ясной, поскольку их семантическая функция сведена до минимума, а грамматическая – дублируется аффиксом *-n-/n-*, который может выступать в имени без классификатора. Н. Буренхульт, ссылаясь, в частности, на идеи Р. Лангакера, пытается провести логико-семантическую параллель между процессом номинализации глаголов и процессом образования особых счетных форм имени при помощи одного и того же аффикса *-n-/n-*. Однако нам представляется, что две разные функции аффикса *-n-/n-* в языке джахай есть результат развития по двум разным путям исходных маркеров зависимой предикации и что тем самым мотивированность использования первичных классификаторов и образования аффиксальных форм от имен и классификаторов надо искать не в синхронии, а в диахронии.

Немотивированность в синхронии использования первичных классификаторов в языке джахай находит свое объяснение, если предположить, что счетная конструкция возникает в результате синтаксической компрессии исходной полипредикативной конструкции, где числительное является вершинным предикатом зависимой сентенциальной предикации, а *-n-/n-* выступает как маркер зависимой предикации: *Я застрелить обезьяны, n-обезьяны пять*, где в зависимой предикации изменяется порядок слов *SV* → *VS*, что закономерно. Дальнейшая синтаксическая компрессия вызывает следующие альтернативные преобразования: либо а) кореферентное сокращение: *Я застрелить [обезьяны] пять n-обезьян*, либо б) анафорическую замену в зависимой предикации кореферентной ИГ (замена на ослабленную дескрипцию): *Я застрелить обезьяны, пять n-клф*, в результате чего и могли возникнуть те два типа счетных конструкций языка джахай, которые мы рассмотрели выше. Заметим, что предложенная схема развития хорошо объясняет и разную позицию числительного относительно имени в двух типах счетных конструкций в джахай, и дополнительное распределение аффикса в именах и классификаторах. Но, самое главное, это позволяет дать простое, чисто функциональное объяснение происхождения первичных клас-

сификаторов от имен общих, которые первоначально выступали в качестве средства анафорической отсылки (ослабленная дескрипция).

4.1.5.5. Рефлексы аффикса *-n/-n- и маркера *ta в счетных конструкциях в других австроазиатских языках

Предположение о том, что числительное первоначально выступало как вершинный предикат зависимой предикативной конструкции, находит подтверждение в других МК языках, где отмечаются рефлексы употребления в счетной конструкции маркеров зависимой предикации двух типов – синтетического маркера *-n- и аналитического маркера *ta. То, что классификатор в счетной конструкции ведет свое происхождение от имени общего, выступавшего как средство анафорической отсылки (как ослабленная дескрипция) подтверждается существованием вариантов счетной конструкции, в которых при числительном используется средство анафорической отсылки другого семантического типа – местоимение, как, например, в языке кату, где в счетной конструкции может выступать относительное местоимение *du*, при наличии которого классификатор не употребляется.

В МК языках за пределами аслийской группы инфикс *-n*-спорадически отмечается в именах, образованных от имен. Как правило, это классификаторы и родовые слова. В частности, в южно-бахнарическом языке кэхо алломорфы инфикса *-n*- отмечаются в классификаторах, образованных от общих имен: *gənar* ‘классификатор для зернообразных предметов’ – *gar* ‘зерно’. Отмечаются они также в родовых словах: *kətən* ‘родовое слово, обозначающее родство с детьми сестры’ – *kən* ‘ребенок’, например: *kətən uur* ‘племянница’ (*uur* ‘женщина’), *kətən klau* ‘племянник’ (*klau* ‘мужчина’). Этот же инфикс отмечается в именах естественных объектов и артефактов, образованных от названий частей тела человека, напри-

мер: *nti* ‘ветка дерева’ – *ti* ‘рука’, *pərnūt* ‘набедренная повязка’ – *but* ‘поясница, талия’ (Dournes 1950, T[VK 1983).

В южно-бахнарическом языке чау инфикс *-n-* отмечается в именах-квантификаторах, образованных от общих имен: *panuu?* ‘кусок, часть’ – *puu?* ‘название сорта риса’, например: *dui panuu?* *piəŋ puu?* ‘один кусок риса «пук»’, *tanrəəy* ‘последовательность слов’ – *trəəy* ‘речь’, *kaniəp* ‘семья’ – *kiəp* ‘горшок (для риса)’ и др.

В древнекхмерском языке от имени *teṃ* образуется форма с инфиксом *tnəṃ*. Непроизводное слово употребляется и как имя общее со значением ‘корень, ствол, источник’, и как родовое слово, совмещающее функции знаменательного слова и классификатора, например:

- (87) *hai* *vraḥ* *mahā-* *vodhi* *hai* *ta* *man*
 PTCL TTL могучий бодхи PTCL DPM иметь
teṃ *ta* *gi* *vraḥ* *vrahma*
 корень DPM COP ID TTL Брахма
 ‘О ты, [дерево] бодхи, корень которого есть Брахма’ K484

- (88) *toñ* *tem* *āy* *ta* *gui* *100*
 кокосовая пальма CLF LOC LOC там 100
 ‘Кокосовых пальм там – 100 деревьев’ K54

Слово с инфиксом отмечается только в текстах преангкорского периода и употребляется только как классификатор в счетной конструкции, например:

- (89) *daṃriñ* *āy* *ñiñ* *viḥār* *slā*
 плантация находится с храм арековая пальма
ta *gui* *tnəṃ* *100 20 3* *toñ* *tnəṃ*
 LOC там CLF 123 кокосовая пальма CLF
100 20
 120

‘Плантация рядом с храмом, там 123 арековые и 120 кокосовых пальм’ K505

Еще один пример образования инфиксальной формы от имени в древнекхмерском – это *sanre, sanrey* ‘мера длины’ от *sre* ‘рисовое поле’, например: *sre sanre 1* (K76) ‘поле в 1 санре’.

В катуическом языке бру можно также найти примеры классификаторов с рефлексами инфикса **-n-*. В списке классификаторов, приведенном в работе [Miller J. 1964], есть *kansay* ‘классификатор для веревок, проволоки, ожерелий и т. д.’, ср. кхмерское *ksae* ‘веревка, шнур, тесьма’.

В древнекхмерском не только обнаруживаются случаи образования классификаторов от имен общих при помощи инфикса *-n-*, но и весьма распространены счетные конструкции с аналитическим маркером ЗП *ta*. Однако многофункциональный маркер *ta* в счетной конструкции имеет еще одну грамматическую функцию: его употребление связано с функцией числительного. Если числительное выступает в своей первичной синтаксической или семантической функции, т. е. – вершинного предиката или в составе ИГ, имеющей предикатный статус, то маркер *ta* не используется. Если числительное выступает в составе идентифицирующей ИГ, а именно, используется во вторичной, не предикатной функции, оно маркируется при помощи маркера *ta*, и в этом случае указывает не на объем, а на границы референциального множества, например:

- (90) *nivandhana chloñ ta mukhya ta pvāñ*
 поставка чхлонь DPM главный DPM четыре
srū thlvañ 2 je 2 mimvāy ^anak chloñ
 рис тхлванг две же каждый CLF чхлонь
kāri ta vyar _ _ _ thlvañ 5 mimvāy ^anak
karu DPM два тхлванг каждый CLF
 ‘Поставки четырех главных чхлоней: риса 2 [меры] тхлванг 2 [меры] две каждый, [поставки] двух чхлоней «кари» (букв. ‘чхлонь кари *ta* два’) _ _ _ 5 [мер] тхлванг каждый’ K56A

(91) *velā goṣāla neḥ ta vyar nu*
 когда стойло для быков этот DPM два FUT
kṣaya gi khoñ vnaṃ kulapati ...
 разрушаться COP кхлонь храм верховный
tamrvac gi ta puraskṛta viṇ sot
 смотритель COP DPM чинить снова еще
 ‘Когда эти два стойла для быков [букв. ‘стойло.для.быков этот
ta два’] разрушатся, чинить их должны настоятели храма ... и
 смотритель’ K71

(92) *varṇṇa neḥ ta vyar gi ta āc*
 категория этот DPM два COP (ID) DPM мочь
cval jā ācāryyahoma
 входит COP(PR)
 ‘Вот эти две категории людей могут стать духовными настав-
 никами ачарьяхома’ K175S’

Как видно из примеров, маркер *ta* может выступать вме-
 сте с указательным местоимением *neḥ*. В надписях числи-
 тельные, выступающие в прототипической, предикатной
 функции, часто графически записываются цифрами, в то вре-
 мя как числительные в идентифицирующей функции записы-
 ваются словами.

В древнекхмерском возможны различные структурные
 типы счетных конструкций:

Имя *ta* Числительное [Классификатор]
 [Указательное Местоимение] Имя *ta* Числительное
 Имя [Указательное Местоимение] *ta* Числительное
 Имя Классификатор Числительное

Приведем примеры:

(93) *ta gui utsava ta pon hvat ta*
 TEMP TEMP праздник DPM четыре CLF (раз) TEMP
gui snaṃ ta moṃ
 TEMP год DPM один
 ‘во время четырех ежегодных праздников’ K90

- (94) *neħħ anak ta piy*
 этот человек DPM три
 ‘эти три человека’ K216N
- (95) *aṃruññ sīmā neħ vraħ ta praṃṃ*
 размер граница этот храм DPM пять
 ‘размеры и границы этих пяти храмов’ K760
- (96) *sre anle prāṃ*
 поле CLF (место) пять
 ‘пять рисовых полей’ K230C
- (97) *sre kaṃnat vyar*
 поле кусок (*mn*-резать) два
 ‘два участка рисового поля’ K249

В отличие от древнекхмерского, где маркер зависимой предикации *ta* используется регулярно при числительных, выступающих в непредикативных ИГ, в бахнарических и катуических языках обнаруживаются только рефлексы такого употребления маркера зависимой предикации *ta-*, который в них выступает как префикс. Эти рефлексы отмечаются в отдельных типах устойчивых сочетаний. В языке бахнар (Banker E. M. 1964) префикс *tə-* употребляется с числительными *bar* ‘два’, *pey* ‘три’, *puən* ‘четыре’ в тех случаях, когда они выступают в позиции модификатора в ИГ со словом *tə* ‘размер’ в вершине: *tə təpey* ‘размером в три пальца’, *tə təpuən* ‘размером в четыре пальца’. Например:

- (98) *pəgee iṃ booh deel səkəe mah*
 утро 1SG видеть след кабан достаточный
tə təpuən
 размер *tə*-четыре
 ‘Утром я видел след кабана размером в четыре пальца’

С числительными ‘один’ и ‘пять’ префикс *tə-* не употребляется, в этих случаях выступают супплетивные формы: *tə bəvət* ‘размером в один палец’, *tə paah* ‘размером в пять пальцев’.

В бахнарическом языке седанг с числительным *моу* ‘один’ префикс *tə-* также отмечается в двух случаях: при выражении значения ‘каждый’: *təмоу* ‘каждый’, а также в выражениях типа *tə təbéa* ‘выставить два пальца’, *tə təpáу* ‘выставить три пальца’ и т. д. (*tə* ‘выставить палец’) (Smith 1969).

Не исключено, хотя на первый взгляд маловероятно, что в ДКМ выступает рефлекс аффикса **-n-/n-* в *mi моу* ‘каждый’ (*моу* ‘один’), например: *hvat mi моу* (K30) ‘каждый раз’. В словаре Лонг Сеама (Long Seam 2000) *mi*, *mī*, трактуется как слово со значением ‘каждый’ на основании того, что есть примеры, где оно может употребляться без числительного «один», как, например, в *ge kon ta ^anak mī* (K726) ‘дети каждого [из дарующих]’; однако это можно рассматривать и как эллипсис числительного. ДКМ *mi моу* в совр. кхмерском соответствует *nimúəу* ‘каждый’. Это может означать, что в ДКМ форме произошла ассимиляция инициали пресиллаба. В ДКМ при выражении данного значения может выступать и маркер зависимой предикации *ta*, например: *ta gi cnam ta моуу* (K90) ‘каждый год’ (букв. ‘ТЕМП ТЕМП год *ta* один’). Если предположение о том, что ДКМ *mi моу* ‘каждый’ содержит рефлекс аффикса **-n-/n-* верно, то морфонология ДКМ формы обнаруживает поразительные черты сходства с морфонологией производных с аффиксом *-n-/n-* в аслийских языках. Во-первых, с корнем SVC аффикс выступает в форме префикса. Во-вторых, кода-копированная фонема $C_f = /y/$ реализуется как [i], а инициаль префикса ассимилируется инициали корня, как это, например, имеет место в семай: *giшуу* ‘сидеть’ – *giгишуу* ‘быть сидящим’ (форма континуатива), хотя Ж. Дифлот описывает

такие случаи в семай как инфиксацию, при которой происходит копирование финали и инициали корня, и называет это «infixed reduplication» (Diffloth 1976с, 235). Однако форму *gigwuw* можно сравнить с кхмер. *ʔvykuu* ‘сидеть’, где сохранились следы аффикса *-n-/n-, в данном случае – префикса. Наконец, раздельное написание ДКМ *miʔmou* может свидетельствовать о наличии гортанной смычки в пресиллабе: /miʔmou/, что характерно для сеноических языков, в частности, для некоторых диалектов семай, в которых некоторые кода-копированные согласные переходят в /ʔ/ (Diffloth 1976, 236).

Как отмечается в работе [Costello 1966], в языке кату префикс *ta-* также выступает с числительными. Рефлекс употребления маркера зависимой предикации **ta* в счетной конструкции отмечается в ИГ со словом ‘часы’, при этом последнее является заимствованием. Такое употребление отмечается только с числительными «один», «два», «три», «четыре», «пять», «десять», «сто». С числительными *tapɔl* ‘семь’, *takɔl* ‘восемь’, *takiah* ‘девять’, префикс *ta-* не употребляется, как можно думать, потому, что они содержат пресиллаб *ta* в корне, а с числительным *sapat* ‘шесть’ – потому, что оно двусложное, хотя в кату слово может содержать до трех пресиллабов.

Отметим еще одно важное обстоятельство. В кату числительное с префиксом *ta-* также выступает в повторах и при сложении: *tamui tamui* ‘один + один’ или ‘один и один’. Повидимому, в сочетаниях этого типа также сохранился рефлекс маркера зависимой предикации, поскольку, как мы это видели в главе 3, в МК языках он может выступать во втором компоненте координативной структуры, в частности, полипредикативной. В следующем ДКМ примере маркер *ta* выступает в комбинации с координативным союзом *nu*:

-
- (99) *gi noḥ vnoḥ ka vraḥ ta nu*
 COP(ID) тот группа GEN TTL DPM и
poñ tāñ paṅre ta gi pramathagaṇa
 Понь Танг служитель LOC LOC Праматхагана
 ‘Эта группа служителей бога и Понь Танг – вот кто служит в
 Праматхагане’ K38

Повтор маркера *ta* в обоих компонентах координативной синтагмы, рефлекс которого мы предполагаем в кату в повторах числительного типа *tamui tamui*, мог быть мотивирован семантической и коммуникативной симметричностью компонентов координативной конструкции. Если это предположение верно, оно могло бы, в частности, объяснить и развитие у маркера ЗП *ta* функции показателя реципрока, в которой он отмечается, например, в кату (Costello 1966), бахнар (Banker 1964), седанг (Smith 1969).

В текстах, представленных в работе [Costello 1993], sporadически отмечается употребление префикса *ta-* при числительном и в счетной конструкции тоже, хотя в грамматических описаниях [Costello 1966], [Costello 1969] этот факт не отмечен. Приведем пример:

- (100) *ku svvt tangay ku ta-bəər bε? ndbl*
 1SG жать день 1SG *ta-*два CLF корзина
 ‘За день я собрал две корзины [риса]’ (Costello 1993, 650)

Отметим еще один пример, где, как можно предполагать, в счетной конструкции опущено числительное «один» и классификатор:

- (101) *kəl kapaaih ta-ndbl*
 покупать хлопок *ta-*корзина
 ‘Покупаем хлопок, одну корзину’ (Costello 1993, 800)

Не исключено, что сохранение префиксальной формы в этих случаях связано с позицией числительного с класси-

фикатором, а также с коммуникативной структурой. Ниже мы вернемся к этому вопросу. В работе [Costello 1966] отмечается еще один случай альтернативной позиции зависимого компонента с маркером *ta*. Переходные глаголы в синтаксической функции определения маркируются префиксом *ta-* и могут употребляться как в препозиции, так и в постпозиции к определяемому.

В кату находим многочисленные свидетельства того, что счетные конструкции возникают в результате синтаксической компрессии зависимой предикации с числительным в позиции вершины. Здесь все те этапы грамматикализации счетной конструкции, которые мы реконструировали выше для джахай, оставили свой след, но в кату этот процесс вышел на новый этап – продвижения числительного с классификатором в препозицию. В результате в кату счетные конструкции бывают трех типов: 1) несжатые, максимально близкие к исходным, прототипическим; 2) сжатые постпозиционные; 3) сжатые препозиционные.

Несжатость счетной конструкции может проявляться двумя способами – отсутствием анафорической замены и дистантным расположением частей конструкции. Рассмотрим конструкцию без анафорической замены:

- (102) *kadiel pe kadiel tət ε di? doŋ*
жена три жена находится FUT в дом
hadyə? tavay
тогда ругаться
'Три жены будут в доме, тогда они будут ругаться' (Costello 1993, 395)

Рассмотрим примеры дистантных конструкций. В кату в конструкциях с классификаторами и квантификаторами числительное с классификатором или квантификатором может располагаться дистантно по отношению к имени, например:

-
- (103) *kəl baay tɬɬ? aduok ruon masiəj*
 покупать ткань от вьетнамец четыре мера длины
 ‘[Они] покупают у вьетнамцев четыре меры ткани’ (Costello 1993)
- (104) *akoŋ akan dɔv ɲan kadiel dɔ pe ranəj*
 отец мать он просить жена он 3 CLF
 ‘Его родители попросили для него три жены’ (Costello 1993)
- (105) *hadyək danuor coo takɔvɬ jet manuih*
 затем народ возвращаться восемь десять человек
ɲkəu kah gayuək buəl
 почему NEG дым деревня
 ‘Затем все восемьдесят человек вернулись. Как тут не быть дыму в деревне’ (Costello 1993, 827)

Объектная счетная конструкция с классификатором может разбиваться на две ИГ путем повтора вершинного предиката, что в кату становится особой фигурой речи, например:

- (106) *mbiik maai? kadiel mbiik bəər nak*
 бить постоянно жена бить два CLF
 ‘Я все время бью двух своих жен’ (Costello 1993, 396)

В работе [Costello 1969] отмечается, что когда в препозиции к ИГ с препозитивным счетным комплексом выступает слово *bək* ‘многочисленный’, ИГ может разбиваться таким образом, что числительное уходит в постпозицию. Сравним примеры:

- (107) *bək ma-jet ranəj tarii? bək*
 много один-десять CLF буйвол много
 ‘Много, десять буйволов’ (Costello 1969)

(В кату, как отмечает Н. Костелло, связанная форма *ma-* числительного *mui* ‘один’ может выступать в классификаторе, вершинном имени и числительных «пять», «десять», «сто», «тысяча».)

- (108) *bək* *manuih* *voi?* *ma-hariau*
 много человек идти один-сто
 ‘Много человек пошло, сотня’ (Costello 1969)

Вообще, как отмечает Н. Костелло, для языка кату не характерно употребление ИГ с большим числом зависимых компонентов, вместо этого употребляются конструкции менее сжатых типов, как мы это уже отмечали для языка палаунг. Рассмотрим характерный пример:

- (109) *jəə?* *ləʊ* *liam* | *ləʊ* *liam* *jəə?*
 кувшин очень хороший очень хороший кувшин
asəh | *gamak* *bəp* *dv* | *ləʊ* *bvək*
 там большой горлышко 3SG очень белый
 ‘Вон тот очень хороший кувшин с большим белым горлышком’ (Costello 1969)

Анализ примеров в работе [Costello 1993] позволяет предположить, что в кату различные структурные типы счетных конструкций соотносятся с двумя разными функциями числительного – предикативной и идентифицирующей. Предикативное числительное может выступать в дистантном и препозитивном счетном комплексе, непредикативное – в препозитивном и постпозитивном, как правило, при наличии дейктических элементов. Рассмотрим пример двух интродуктивных предложений, которые начинают мифологический текст «The children of the creator spirit». В них интродуктивная стратегия на поверхностно-синтаксическом уровне реализу-

ется по-разному: в первом предложении в дистантном, а во втором – в препозитивном счетном комплексе:

- (110) *akvvn pleŋ hanua, bəər ranəŋ*
 ребенок дух-создатель давным-давно два CLF
akvvn padiił tət di? pleŋ, akon akan
 ребенок жен. находиться место небо отец мать
dyə? bəər ranəŋ padriuih tət di? katiek
 а два CLF муж. находиться место земля
 ‘Давным-давно жили-были двое детей духа-создателя. Эти две девочки жили на небе с отцом и матерью. А на земле жили два мальчика’ (Costello 1993, 89)

В работе [Costello 1969] также находим примеры, свидетельствующие о том, что числительное в препозиции предикативно, а в постпозиции имеет идентифицирующую функцию. Сравним примеры:

- (111) *bək ma-jet ranəŋ tarii? bək*
 много один-десять CLF буйвол много
 ‘Много десять буйволов, много’ (Costello 1969)
- (112) *tarii? bək ma-jet bək*
 буйвол много один-десять много
 ‘Эти многочисленные десять буйволов’ (перевод Н. Костелло:
 ‘The many ten buffalo’ (Costello 1969)

Закономерно, что при употреблении непредикативного числительного как в препозиции, так и в постпозиции именная группа, как правило, содержит дейктические слова – указательные или личные местоимения. Примеры:

- (113) *tariik acek bəər ranəŋ acek*
 буйвол здесь два CLF здесь
 ‘Эти два буйвола’ (Costello 1969)

- (114) *tariik acek bək majet ranəj*
 буйвол здесь много один-десять CLF
 ‘Эти многочисленные десять буйволов’ (Costello 1969)
- (115) *manuih majet yi*
 человек один-десять 1PL
 ‘мы, десять человек’
- (116) *dvv yua akan cek bəər ranəj padiil adek*
 3 SG/PL велеть мать искать два CLF жен. там
 ‘Он велел матери найти этих двух девочек’ (Costello 1993, 90)

Приведем пример из связного текста из [Costello 1992], где числительное в постпозиции используется в функции идентификации, но ИГ не содержит дейктических элементов:

- (117) *dv co leʔ dəj, dʌj co*
 3SG возвращаться к дом приводить возвращаться
akəvən, ma-jet tuii ranəj, dʌj
 ребенок один-десять один CLF приводить
co leʔ dəj
 возвращаться к дом
 ‘Он вернулся в дом и привел [этих] одиннадцать детей обратно в дом’ (Costello 1993, 73)

Топикализованные ИГ, содержащие счетный комплекс, могут обходиться без дейктических элементов. В следующем примере ИГ находится в позиции топика в предложении с сен-тенциальным сказуемым:

- (118) *bəər ranəj padruuih, dvv paləj sok*
 два CLF муж. 3 SG/PL CAUS-открываться волосы
dvv
 3 SG/PL
 ‘Эти два мальчика распустили волосы девочек’ (Costello 1993, 89)

(Здесь используется характерный для кату прием расчленения ИГ_{Об} на две части путем повтора сказуемого, о котором говорилось выше.)

Следует признать, что сформулированные выше правила употребления в кату трех типов счетных комплексов – дистантных, постпозитивных и препозитивных – верны для разговорного языка, они не учитывают специфику фольклорных текстов. Реальная картина их употребления в фольклорных текстах кату намного сложнее, на нее, в частности, влияют два мощных возмущающих фактора. С одной стороны, рассказчик может использовать интродуктивную дескрипцию вместо идентифицирующей, что связано со сложными механизмами реинтродукции, отражающими эмпатию говорящего, а с другой – наоборот, он может употребить идентифицирующую дескрипцию вместо интродуктивной, что связано со специфической денотативного пространства фольклорного текста, когда говорящий как бы исходит из того, что он осуществляет референцию к тому, что уже существует в фонде знаний слушающего.

В мон-кхмерском языкознании позиция числительного часто служила типологическим критерием. Препозицию числительного иногда объясняли влиянием других языков. Г. Пиннов считал ее возможным рефлексом того, что в прото-АА была препозиция определения. На наш взгляд, препозиция числительного есть закономерный этап грамматикализации счетной конструкции, мотивированный внутрисистемными факторами, а именно, асимметричностью синтаксической и коммуникативной структур, которая возникает в результате синтаксической компрессии отдельной счетной предикации в качестве зависимого компонента ИГ. Данные языка кату, где отмечается и препозиция, и постпозиция числительного, как нельзя лучше подтверждают это предположение.

В работе [Miller С. 1964] отмечается, что в языке бру числительное с классификатором так же, как и в кату, может выступать и в препозиции, и в постпозиции к вершинному име-

ни, и в последнем случае оно может располагаться после любого из зависимых компонентов. Однако примерами этот вывод не подтвержден.

Судя по всему, различная позиция числительного относительно вершинного имени, отражающая разную коммуникативную структуру предложения, связана с тем, что счетные конструкции возникают в результате синтаксического сжатия зависимой предикации с числительным в позиции вершинного предиката. Разная позиция числительного – следствие двух разных этапов грамматикализации счетной конструкции. Продвижение числительного в начало ИГ мотивировано тем, что после того, как оно на синтаксическом уровне становится зависимым компонентом ИГ, изменяется характер его вхождения в коммуникативную структуру дискурса. В исходной структуре имя и числительное имели симметричное вхождение: имя – как аргумент предиката первой пропозиции, а числительное – как предикат второй пропозиции. В результирующей структуре вершинное имя и числительное имеют разный коммуникативный ранг: коммуникативный ранг числительного, как модификатора, становится ниже коммуникативного ранга имени. С нашей точки зрения, продвижение числительного в начало ИГ – это стратегия повышения его коммуникативного ранга. Вот почему в составе идентифицирующей ИГ числительное не продвигается в препозицию: оно не входит в рему и поэтому в повышении коммуникативного ранга не нуждается.

В работе [Costello 1992] находим один пример, который, на первый взгляд, опровергает выдвинутое предположение, в этом примере предикативное числительное остается в постпозиции к вершинному имени:

- (119) *taduəm asou dv gamak kəi taduəm majet*
парень Асу 3SG сильный как парень один-десять
'Парень Асу был сильный как десять парней' (Costello 1992, 81)

На самом деле, этот пример не противоречит тому, что продвижение числительного в препозицию связано с повышением его коммуникативного ранга, а говорит о том, что продвижение связано с *иерархией* коммуникативных рангов имени и числительного: поскольку в данном примере вершинное имя не входит в рему, коммуникативный ранг числительного не нуждается в повышении, и оно может оставаться в постпозиции.

В языке бру (Miller С. 1964) находим еще одно подтверждение высказанному предположению. В том случае, когда в счетной ИГ с препозицией числительного происходит сдвиг ремы на вершинное имя, используется повтор классификатора: *tiuoj lam kon* ‘один ребенок’ (‘один CLF ребенок’) → *tiuoj lam lam kon* ‘один ребенок ↘’. Как можно заключить, дублирование классификатора – это стратегия повышения коммуникативного ранга имени, который был понижен в результате продвижения числительного в начало ИГ. При дублировании классификатора происходит расщепление исходной конструкции на два симметричных компонента, тем самым восстанавливается симметричное вхождение имени и числительного в коммуникативную структуру.

В свете высказанных предположений, вернемся к примеру, который мы уже приводили выше. В этом примере предикативное числительное с классификатором находится в препозиции и имеет маркер зависимой предикации *ta*:

- (120) *ku svvt tangay ku ta-bəər beʔ ndbl*
 1SG жать день 1SG *ta*-два CLF корзина
 ‘За день я собрал две корзины [писа]’ (Costello 1993, 650)

Напомним, что в кату маркер *ta* при числительных отмечается в устойчивых выражениях, где в позиции вершинного имени выступает слово «чась», и только с числительными «один», «два», «три», «четыре», «пять» «десять» «сто», а также в координативных синтагмах, ими образованных, в других случаях он не сохранился. Так что этот пример единичный.

Как следует из контекста, числительное в этом примере не только предикативно, но на него происходит сдвиг ремы. Отсюда возникает предположение, что маркер *ta*, унаследованный от исходной счетной зависимой предикации, сохранился в тех случаях, когда на числительное происходит сдвиг ремы. Аналогичное развитие получил древнекхмерский маркер зависимой предикации *ta*, который был полностью утрачен в современном кхмерском и сохранился только в тех случаях, когда синтаксическое определение предикативно. В данном предположении нас еще более убеждает то обстоятельство, что в кату со сдвигом ремы связано употребление другого маркера зависимой предикации – *du*.

Маркер *du* в кату – это еще одно свидетельство того, что счетная конструкция – это грамматикализация счетной зависимой предикации с числительным в позиции вершинного предиката, синтаксическая компрессия которой происходит в результате сокращения кореферентных ИГ или в результате анафорической замены второй из кореферентных ИГ на классификатор. Н. Костелло (Costello 1966, Costello 2000) квалифицирует *du* как относительное местоимение ‘кто, который’. Оно выступает с модификаторами, выраженными прилагательными, переходными глаголами и числительным «один». Слово *du* противопоставляется маркеру зависимой предикации – префиксу *ta-*, который выступает при модификаторах, выраженных переходными глаголами. Отсюда следует, что эти два маркера в современном кату протвоставляются как субъектный (*du*) объектному (*ta-*) или, если принимать во внимание случаи употребления *ta-* с числительными в устойчивых сочетаниях, – как субъектный субъектно-объектному. Эти два маркера представляют два разных типа бессоюзной стратегии маркирования зависимой предикативной конструкции, которые отмечаются в МК языках: *ta-* – это стратегия маркирования вершинного предиката, а *du* – стратегия маркирования ИГ_{СУБ} зависимой предикации. Вот почему в кату числительное *mi* ‘один’, употребляясь с *du*, выступает только в

субъектной позиции и не может иметь при себе классификатора. По-видимому, в кату эти две стратегии связаны с двумя разными диахроническими этапами развития. Как отмечает Н. Костелло, употребление *du* в кату не обязательно и связано с выделением модификатора, при котором оно выступает. Маркер *du* отмечается только в диалекте кату Вьетнама, в диалекте кату Лаоса его нет.

В языке сантали (ю. мунда) есть также рефлексы денального инфикса *-n/-n-* в формах числительных. Они образуются от числительных «два», «три», «четыре». Л. Неуком квалифицирует их как формы коллективной множественности (Neukom 2001): *bar* – *banar* ‘оба’, *pe* – *penε* ‘все трое’, *pon* – *ponon* ‘все четверо’. Употребление этих форм атрибутивное, и их сопровождают классификаторы как в счетной конструкции:

- (121) *uni raj-də ac¹-ren gidrə ar oʔak¹*
 этот король-TOP он-POSS ребенок и дом
həʔ ponon həʔ-ge-ko oʔok-calo-en-a
 человек четыре-*n* человек-FOC-3PL выходить-идти-PST-IND
 ‘Король, его дети и его жена – все четверо ушли’

В ДКМ в аналогичной функции выступает маркер *ta*:

- (122) ...*kaṃsteiṅ vraḥ vryaiṅ mūla [cañ]cañ vraḥ*
 Камстенг Врах Вриенг начальник *чаньчань* TTL
kralā ʔvañ yugapat ni mūla ta prām
 покои *лванг* объединяться с начальник DPM пять
kaṃsteiṅ vraḥ vryaiṅ...
 Камстенг Врах Вриенг
 ‘Камстенг Врах Вриенг, начальник *чаньчань* королевских покоев *лванг* объединился с начальниками впятером: Камстенг Врах Вриенг [далее следуют имена остальных]’ K205

Итак, рассмотренные факты АА языков позволяют предположить, что формы с аффиксом *-n-/n- в праязыке образовывались не только от глаголов, но и от имен общих и классификаторов, когда они выступали в счетной зависимой предикации, которая позже грамматикализовалась в счетную конструкцию. Мотивация употребления маркера *-n- в счетной зависимой предикации – та же, что и в зависимых предикациях других типов. В большинстве МК языков инфиксальные формы имен дали рефлекс в виде лексикализованных производных, входящих в лексико-грамматический класс классификаторов, и только в аслийских языках словоизменительная функция инфиксальных именных форм сохранилась и получила дальнейшее развитие.

Рассмотренные выше факты также свидетельствуют о том, что аналитический маркер зависимой предикации *ta тоже употреблялся в счетной зависимой предикации. Об этом однозначно говорят факты древнекхмерского, кату, бахнар. В кату и бахнар рефлекс этого употребления обнаруживается только в отдельных устойчивых выражениях с числительными. Консервация аналитического маркера зависимой предикации могла происходить под влиянием разных мотивирующих ее факторов. В древнекхмерском, например, маркер *ta сохранился только в идентифицирующих счетных конструкциях, а в кату – в предикативных счетных конструкциях со сдвигом ремы на числительное.

Остается объяснить только одно: почему маркер зависимой предикации *-n- мог выступать при имени, а не при предикате (т. е. числительном). Этому можно предложить следующее объяснение. Перенос маркера с предиката на имя мог произойти при компрессии счетной зависимой предикации в именное словосочетание на том этапе, когда порядок слов в зависимой предикации был S V, а маркер был клитикой: *Я застрелить обезьяны, n=обезьяны пять → Я застрелить [обезьяны] пять n=обезьяны, а в случае с анафорической за-

менной имени общего на неполную дескрипцию (т. е. классификатор) → *Я застрелить обезьяны, пять n=клф*, при этом при компрессии счетной зависимой предикации в именное словосочетание имя продвигается в позицию синтаксической вершины.

Возникает вопрос, есть ли в МК языках свидетельства того, что маркер зависимой предикации некогда выступал при/в числительном? Ответ можно найти в работе Ж. Дифлота «Mon-Khmer numerals in Aslian languages» (Diffloth 1976), автор которой рассматривает возможность выделения инфиксов *-m-* и *-n-* в аслийских числительных, а также префиксов *t-* и *k-*.

Как отмечает Ж. Дифлот, аслийские языки, за исключением семелай и семок бери, утратили МК числительные после '3' или '4' и заменили их на заимствования из малайского. В табл. 8 представлены аслийские числительные, которые собрал Ж. Дифлот.

В языках семелай и семок бери все числительные кроме '1' образуют предикативные формы (*verbal forms*) при помощи пресиллаба, образованного путем копирования инициала и финала сильного слога, от которой зависит гласный. Например: семелай *paʔpeʔ* 'быть три', *paʔpon* 'быть четыре', *saʔsəʔ* 'быть пять', семок бери *baʔba* 'быть два'. Аналогичные формы только с аспектуальным значением образуют глаголы, например: семелай *gəʔ* 'рубить' – *gaʔgəʔ* (форма континуатива). В южно-аслийских числительных 2, 3, 4, 5 выделяется префикс *m-* и корни **bar* '2', **peʔ* '3', **pon* '4', **səʔ* '5': **mbar* > *hma* – регулярное преобразование последовательности гоморганных носового и взрывного. Ж. Дифлот допускает, что это рефлекс числительного «один».

Ж. Дифлот отмечает, что в сеноических языках некоторые факты говорят о том, что в числительных 1, 2, 3 выделяется префикс *n-* и корни **ʔaar* ‘2’, **ʔeʔ* ‘3’, диалектные формы семай *ʔnaar*, *ʔniʔ* здесь особенно показательны. Префиксу *n-* в числительных можно поставить в соответствие непродуктивный инфикс *-n-* в семай, при помощи которого образуются имена от глаголов: *ʔaap* ‘нести на ремне’ – *ʔnaap* ‘ремень’. Однако есть факты, свидетельствующие о наличии корня **baar* ‘2’. Во-первых, это предикативная форма джах-хут *puʔbar* ‘быть два’, в которой Дифлот выделяет префикс *p-* и корень *bar* (ср. *cyek* ‘спать’ – *pəʔcyek* ‘укладывать спать’), префикс *p-* с тем же значением отмечается в темиар: *panaar* ‘быть два’, *paneʔ* ‘быть три’, а также в семай: *prnaar* ‘быть два’, *prniʔ* ‘быть три’. Во-вторых, это данные семай: *kbaar* ‘быть двойным’, *krbaar* ‘состояние быть двойным’, *kmbaar* ‘двойная вещь, близнец’. Ж. Дифлот указывает, что последнее производное явно древнее, так как оно было довольно рано заимствовано в австронезийские языки, где послужило основой для других производных. Ж. Дифлот отвергает и вероятность того, что это заимствование из малайского *kə̃mbar*, т. к. это бы дало в семай **kmaar*, откуда нельзя получить *kbaar*. Таким образом, Ж. Дифлот считает, что логичным объяснением было бы то, что прото-АА корень **biʔaar*, дал прото-сеноические **ʔaar* и **baar*.

Ж. Дифлот приводит аргументы также в пользу возможности выделения в числительных 6 и 7 префикса *t-*, и даже *tə̃t-*, рассматривая различные производные: семелай *taʔruʔ* ‘быть шесть’ и *paʔpə̃h* ‘быть семь’, семок бери *taʔruʔ*, *paʔruʔ* ‘быть шесть’ (последнее могло бы быть нормальной формой редупликации от корня *pruʔ* со стечением согласных в инициали). Форма *temperu*, которую приводят Скит и Благден для

языка семок бери, дает возможность говорить о более раннем префиксе *təm-*, который бы объяснял форму *paŋpəŋ* как регулярную редупликацию корня *pəŋ*.

Кроме того Ж. Дифлот считает возможным выделение префикса *kən* в числительных 8 и 9, при этом формы семелай предполагали бы регулярный процесс кода-копирования с ассимиляцией *k-m-tim* в *k-n-tim*.

Таким образом, Ж. Дифлот допускает возможность выделения префикса *m-* в числительных 2, 3, 4, 5 в южных аслийских и инфикса *n-* центральных аслийских числительных 2 и 3. Хотя он полагает, что префикс *m-* – это рефлекс числительного «один», не исключено, что это префикс *n-*, подвергшийся ассимиляции перед губным.

4.2. Темиар

Темиар входит в центральную подгруппу аслийской группы МК семьи языков. На нем говорят 10 тысяч человек, проживающих в северо-западной части Малайзии. Материалы по языку темиар взяты из работы [Benjamin 1976], где дается описание фонетики, фонологии, морфологии, а также некоторых синтаксических структур.

Морфонология производных имен

Как представляется, в темиар АА инфикс **-n-* и его алломорфы дали два вида рефлексов, различающихся как по форме, так и по функции: алломорфы инфикса *-n-*, при помощи которых образуются отглагольные имена от различных залогово-аспектуальных типов основ, и инфикс *-N-*, который выступает в различных залогово-аспектуальных формах.

В темиар есть рефлекс отглагольных имен, образованных при помощи инфикса **-n-*, как с процессуальным, так и с предметным значением. Например: *lek* ‘знать’ – *laney* ‘знание’, *ser* ‘срезать’ – *səner* ‘нож’, *serkuub* ‘закрывать’ – *səreŋkuub*

‘крышка’. Есть рефлексы и других инфиксов, например *-mn-*: *kəp* ‘закапывать’ – *kəmnət* ‘погребение’, что соответствует кхм. *kər* ‘зарывать’ – *kətnər* ‘клад, зарытый в землю’.

Инфиксы, как и неморфемные носовые в корне, участвуют в различных ассимилятивных процессах, которые делают морфологическую структуру слова непрозрачной. Ассимиляции может подвергаться как сам инфикс, так и другие согласные корня – инициаль пресиллаба и финаль сильного слога. Инфикс ассимилируется последующему взрывному согласному по месту образования (*cərkub* ‘закрывать’ – *cəreŋkub* ‘крышка’). Взрывная глухая финаль сильного слога ассимилируется по способу образования инфиксу, находящемуся в том же слоге (*lek* ‘знать’ – *lanəŋ* ‘знание’), хотя, как отмечает Дж. Бенжамин, ассимиляция факультативна, если слово содержит последовательность двух носовых: *bət* ‘кормить грудью’ – *bennət* / *bennən* ‘кормление грудью’, *taac* ‘плести’ – *tejnaac* / *tejnaaŋ* ‘плетение’. В южном диалекте темиар, где глухим финалям северного диалекта соответствуют звонкие, медиальные носовые кластеры частично ассимилируются звонкой взрывной финали, так что формам *bennət* / *bennən* и *tejnaac* / *tejnaaŋ* северного диалекта соответствуют формы *bednəd tejnaaj*. В рассматриваемой работе есть пример, указывающий на то, что в северном диалекте звонкие финали оказывают такое же воздействие на носовые кластеры: *ciib* ‘идти’ – *cebniiib* ‘уход’. Звонкая взрывная инициаль пресиллаба, содержащего носовую финаль, может ассимилироваться носовому по способу образования: *gentək* ~ *ŋentək* ‘ухо’.

Частичная ассимиляции носовому инфиксу, которой подвергалась звонкая взрывная инициаль пресиллаба и глухая взрывная финаль сильного слога, оставила в темиар любопытный след в виде гиперкоррекции фонологической структуры слов, заимствованных из малайского. В этих словах носовые

финали конечного слога переходят в гоморганные глухие взрывные (*kəbun* → *kəbud* ‘сад’, *raŋcaŋ* → *raŋcak* ‘программа’), а носовые инициалы начального слога – в гоморганные звонкие взрывные (*namoʔ* → *jamuʔ* ‘москит’) независимо от того, содержат эти слова носовые в других позициях или нет. При этом в фонологии темиар нет запрета на носовые финалы сильного слога и носовые инициалы пресиллаба. Описывая это явление, Дж. Бенжамин отмечает, что оно неординарно, поскольку фонологические преобразования в малайских заимствованиях прямо противоположны тем, которые идут в исконных словах, содержащих носовые в срединных позициях, такие процессы нельзя объяснить с точки зрения фонологии обоих языков, поэтому он связывает их с психолингвистической установкой, в соответствии с которой фонология заимствованного слова должна отличаться от фонологии исконного.

Пытаясь объяснить данное явление, Дж. Бенжамин выдвигает три гипотезы: а) в период самых ранних малайских заимствований в темиар происходил процесс оглушения некоторых носовых финалей, который затронул и заимствования, после чего все последующие заимствования подвергались выравниванию по аналогии; б) в темиар произошла нейтрализация противопоставления звонкий взрывной – носовой в позиции перед носовым, которая в исконных словах привела к свободному варьированию взрывного и носового аллофонов (*jenlap* ~ *nenlap* ‘убывание луны’), а в малайских заимствованиях к обязательной реализации взрывного аллофона (*namoʔ* → *jamuʔ* ‘москит’); в) в темиар и малайском в какой-то период, приходящийся на момент заимствований, существовали некоторые ряды преназализованных взрывных фонем, оставившие в качестве рефлекса описанные чередования.

Эти гипотезы имеют право на существование и должны быть подвергнуты тщательной проверке. Однако можно предложить еще одно объяснение, которое нам представляется более простым и естественным: малайские заимствования под-

вергались морфологической гиперкоррекции, суть которой заключается в том, что они таким образом выносились за рамки словообразовательных парадигм исконных слов. По-видимому, в исконных словах чередование звонкой взрывной ~ носовой в инициали пресиллаба, как, например в *jenlap* ~ *jenlap* ‘убывание луны’ от **jlap*, и глухой взрывной ~ носовой в финали сильного слога, как, например в *lek* ‘знать’ – *laney* ‘знание’, являются не просто позиционными чередованиями, а осознаются как морфологически значимые и связанные с наличием носового номинализирующего инфикса, позиция которого в слоговой структуре производного слова в АА языках зависит от структуры производящей основы, в связи с чем он может выступать то в инициали сильного слога, то в финали пресиллаба. Более того, чередующиеся носовые аллофоны в обеих позициях, по-видимому, осознаются как морфофонемы, т. е. как части номинализирующей прерывистой морфемы или как результат ее опрощения. Доказательством этому служит то, что в заимствованных словах, не содержащих носовую фонему, она может восстанавливаться, как, например, в случае *naga* → *dangaa?* ‘дракон’. Не случайно все заимствованные слова, которые приводит Дж. Бенжамин в своей работе, – это имена, за одним исключением: *bilan* → *bilak* ‘считать’, отметим, однако, что в малайском слово *bilan* может употребляться и как имя, и как глагол.

Определение этого явления как морфологической гиперкоррекции позволило бы считать, что в МК языках морфонологические ассимилятивные процессы, в которых участвуют исконные инфиксы, могли приводить к сегментному расширению исконного номинализирующего инфикса – образованию прерывистой морфемы с префиксальным или суффиксальным компонентом, после чего могло происходить ее опрощение за счет выпадения инфиксальной части, это, в свою очередь,

могло бы объяснить некоторые из многочисленных аномалий МК инфиксально производных слов.

Возвращаясь к вопросу о том, что аслийские языки в гораздо большей степени, нежели другие АА языки, сохранили и развили АА грамматический потенциал, отметим, что парадигма отглагольных имен в темиар продолжает существовать и развиваться на базе новых глагольных основ – видовых форм нескольких типов. К этому вопросу мы вернемся после рассмотрения глагольной морфологии языка темиар.

Рефлексы форм зависимой предикации в глагольной морфологии

На первый взгляд, глагольная морфология языка темиар кардинально отличается от морфологии МК языков других групп тем, что в ней существует система видовых форм. В языке темиар Дж. Бенжамин выделяет два залога – активный и каузативный, и три вида – перфективный, симульфактивный и континуативный, хотя все шесть форм образуются не от всех глаголов. Кроме того, он выделяет дезиративное наклонение, маркером которого является инфикс *-m-*. Характерная черта языка темиар – обилие отглагольных имен, которые образуются от различных видовых основ.

Однако вполне возможно, что система видовых форм сложилась как результат дальнейшей грамматикализации исходных инфиксальных форм. В этой связи следует обратить внимание на то, что залогово-аспектуальные формы в темиар строятся только на базе односложных и двусложных с пресиллабом глагольных корней, при этом последние образуют намного меньше форм: у них, как правило, отсутствуют перфективные формы, или же они образуют видовые формы только в каузативном залоге. Полисиллабические глаголы с полными слогами залогово-аспектуальных форм не образуют⁵⁵.

⁵⁵ Многосложные глаголы с полными слогами, число которых может доходить до четырех, не считая клитик, образуют только форму с

Рассмотрим парадигму форм односложных и двусложных с пресиллабом глаголов на примерах *kəw* ‘звать’ и *səlɔg* ‘ложиться’:

Таблица 9

Формы односложных и двусложных с пресиллабом глаголов в языке теиар

Залоги	Форма	Реконструкция	Форма	Реконструкция
<u>Активный залог</u>				
Перфектив	1. <i>kəw</i>		7. <i>səlɔg</i>	
*Симульфактив	2. <i>kakəw</i>		8. <i>salɔg</i>	* <i>sənlɔg</i>
Континуатив	3. <i>kewkəw</i>		9. <i>seɣlɔg</i>	* <i>sənlɔg</i>
<u>Каузативный залог</u>				
Перфектив	4. <i>terkəw</i>		10. <i>sərlɔg</i>	
*Симульфактив	5. <i>terakəw</i>	* <i>tərankəw</i>	11. <i>səralɔg</i>	* <i>səranlɔg</i>
Континуатив	6. <i>tərewkəw</i>	* <i>tərankəw</i>	12. <i>səreɣlɔg</i>	* <i>səranlɔg</i>

С моносиллабическими корнями с инициалами /c/ или /t/ выступает каузативный префикс *ber-*: *caa?* ‘есть’, *bercaa?*

префиксом *bar-* (*ba-*, *bə-*) с континуативным значением, например: *?i-bə-golap palo?* ‘Я несу хворост’ (1SG- *bə-*нести.на.плече хворост). У прилагательных форма с *bar-* выражает ингерентное свойство, например: *səwa? la?əs* ‘плохая собака’ (плохо ведет себя в конкретной ситуации), *səwa? bə-la?əs* ‘плохая собака’ (с дурным характером). С числительными форма с *bar-* выступает как атрибутивная, например: *kane? bar-ne? doh* ‘Мы трое’ (1DU *bar-*три здесь). Кроме того, префикс *bar-* может сочетаться с формами, образованными от односложных и двусложных с пресиллабом глагольных корней. Дж. Бенжамин отмечает два таких случая: с континуативом и при образовании реципрока от формы симульфактивного вида. Однако в его работе отмечается еще один случай: когда *bar-* присоединяется к форме симульфактивного вида при выражении длительного интенсивного действия (с. 173).

‘кормить’. Некоторые глаголы образуют каузативные формы с префиксами *pə-* и *tə-*: *jul* ‘лаять’ – *pəjul* ‘охотиться с собаками’, *lek* ‘знать’ – *təlek* ‘обучать’, *gɔs* ‘жить’ – *təgɔs* ‘добывать пищу охотой’. Из нечетких формулировок автора можно заключить, что статус форм симульфактива остается неясным (поэтому в табл. 9 они помечены звездочкой), он считает, что из всех форм наиболее дефектна форма каузатива-симульфактива, которая образуется только у некоторых глаголов, при этом всегда с каким-то новым значением.

Характер распределения форм по формальным типам глагольных корней, их фонологическая структура, а также их функциональные особенности, позволяют предположить, что симульфактив и континуатив – это рефлексы двух разных ступеней опрощения инфиксальных форм, т. е. установившаяся система – это результат дальнейшей грамматикализации исходных МК инфиксальных форм.

Дж. Бенжамин отмечает, что симульфактив и континуатив образуются путем частичной редупликации, при этом в редупликации континуативных форм участвует процесс кодакопирования, т. е. копирования конечной согласной сильного слога. Однако обратим внимание на то, что собственно сегментный повтор происходит только в формах 2, 3, т. е. на базе моносиллабического корня, а в остальных формах сегментного повтора не происходит. Формы симульфактива и континуатива, образованные от двусложных основ с пресиллабом, больше похожи на разные результаты опрощения инфиксальных производных. В опрощении пресиллабов, содержащих этимологический инфикс, в аслийских языках участвует также процесс кодакопирования, отмечающийся и на другом полюсе МК ареала – в кхмуических языках. Чередования гласных /ə, ɛ/ в этих формах связаны с общими законами фонотактики в предупредных (неконечных) слогах, где в открытых пресиллабах не выступают гласные /ɛ и ə/, а в закрытых пресиллабах – гласные /e ə и o/, поэтому в закрытых пресиллабах гласные

/e ə o/ заменяются на */i ε u/*. Однако чередование */ə, a/* в пре-силлабах можно объяснить, только если предположить существование носового согласного. В темиар гласные произносятся назализованно в позиции непосредственно перед носовым согласным, но поскольку на фонемном уровне носовые гласные представлены только в верхнем и нижнем подъеме, носовой аллофон [ə̃] фонемы */ə/* мог перейти в */a/*, после чего утратить назализацию после опрощения инфикса, поскольку, как отмечает Дж. Бенжамин, в пре-силлабах носовые гласные деназализуются всегда, кроме тех случаев, когда за ними следует носовой согласный. Поэтому после опрощения инфикса */a/* могла утратить назализацию.

Семантика континуатива и симульфактива связана не только с выражением вида как способа протекания действия, но и с семантическими ролями аргументов и их референциальными характеристиками. Например, у переходных глаголов в континуативе объект нереферентный, и на синтаксическом уровне ИГ_{об} факультативна: *?i sehluh (ɲam)* ‘Я пошел поохотиться’ (1SG CONT-стрелять зверь), *?i səluh ɲam* ‘Я застрелил зверя (зверей)’.

Интересную аналогию находим в языке кату: *peɲ* ‘выстрелить’ как обозначение одной конкретной ситуации – *rapeɲ* ‘стрелять’ как обозначение класса ситуаций, откуда *manuɪh voʊ? rapeɲ* ‘охотник’ (букв. ‘человек идти стрелять’). Однако в кату в аналогичной функции выступают и формы с префиксом *ta-/tra-*, например: *kəl* ‘продать–купить’ *takəl* ‘продавать–покупать’:

- (1) *manuɪh* *brəʔ* *dəɲ* *kəl* *kanuə*
 человек делать дом продать–купить пила
diʔ *dəɲ* *takəl*
 в дом продавать–покупать
 ‘Плотник купил пилу в магазине’ СЛЖ 2, Т

В кату аффиксальная форма не может употребляется в том случае, если объект выражен. Сравним примеры:

(2) *aku voy? trakəl*
1SG идти покупать–продавать
'Я иду что-нибудь купить' СЛЖ 2, Т-4

(3) *aku voy? kəl hvvt*
1SG идти продать–купить табак
'Я иду купить табак' СЛЖ 2, С-1

4.3. Семелай

Язык семелай принадлежит к южной подгруппе аслийских языков. Географически он является самой южной периферией материковых языков австроазиатской семьи. До недавнего времени он был одним из наименее описанных, однако в 2004 г. была опубликована грамматика языка семелай австралийской исследовательницы Н. Круспе (Kruspe 2004) – самое полное из всех описаний бесписьменных АА языков. Все данные о языке семелай нами взяты из этой грамматики.

4.3.1. Морфонология производных имен

В именной морфологии языка семелай сохранились некоторые архаичные черты, не обнаруживаемые в других АА языках. Хотя нет ничего удивительного в том, что именно на периферии ареала обнаруживаются архаизмы, в семелай есть другие, внутрисистемные факторы, которые способствовали сохранению архаичных черт.

В этом языке представлены две системы аффиксации – исконная АА с фузией и заимствованная малайская без фузии. При этом, как отмечает Н. Круспе, деление инвентаря аффиксов на исконные и заимствованные отчасти осложняется тем, что австроазиатские и австронезийские языки обнаруживают

поразительный параллелизм аффиксов, сходных по форме и значению. Например, она приводит каузативные аффиксы: АА **pa-/ap-*, **ka-*, АН **pa-*, **ka-*, **paka-* и номинализирующие агентивные аффиксы: АА *-*um-*, **ta-/at* и АН **tu-/ut*. Отметим, что префикс *paka* есть также в МК языке кату. Естественно предполагать, что такой морфологический параллелизм способствовал не разрушению, а сохранению исконных форм.

Другой важный фактор, который в семелай способствовал сохранению исконных инфиксальных производных, – это наличие морфонологических стратегий, направленных на укрепление слоговой структуры и корня, и аффикса, которые делали слово морфологически прозрачным, что в конечном счете способствовало тому, что морфология сохраняла свой продуктивный характер. Рассмотрим эти стратегии.

4.3.1.1. Корневая и внекорневая аффиксация в мон-кхмерских языках

В семелай существует запрет на размещение инфикса в последнем (сильном) слоге, который является просодической вершиной слова. Например, с моносиллабическими корнями номинализатор *pn* выступает как префикс: *ʔɔh* ‘стрелять из трубки’, *pn-ʔɔh* [*pən.ʔɔh*] ‘то, чем стреляют из трубки’. С дисиллабическими корнями он выступает как инфикс: *sɿ̃m* ‘обертывать, обматывать’, *српɿ̃m* [*sə.pən.ɿ̃m*] ‘сверток’. Хорошо поддерживая принцип морфологической значимости слога деления, данная стратегия в конечном счете способствовала сохранению исконной морфологии.

Итак, тогда как в семелай запрет на инфиксацию моносиллабического корня – абсолютный императив, в языке темиар корневая инфиксация остается продуктивной (Benjamin 1976).

Однако отдельные рефлексы корневой аффиксации в семелай все-таки присутствуют. В частности, от корня **kɛn* находим не только производные с внекорневой аффиксацией

(*kn-kən* ‘ребенок’, *nan-kən* ‘детство, молодость’), но и формы с корневой инфиксацией (*k-n-ən* ‘ребенок, ребенок говорящего; показ. уменьшительности’, *k-m-ən* ‘ребенок брата или сестры’, *k-nan-m-ən* ‘связанный родством как ребенок брата или сестры’).

Слово *k-m-ən* имеет соответствие в языке ксингмул: *k-əlm-ən* ‘девушка’ от *kən* ‘ребенок’. В ксингмул в производных с инфиксом в корне использовалась другая стратегия – восполнение открытого пресиллаба, возникшего в результате инфиксации, до полного слога при помощи плавного //.

В ксингмул есть отдельные рефлексy, свидетельствующие о том, что стратегия запрета инфиксации односложного корня здесь существовала тоже, например: *mən-lih* ‘спуск, склон’ от *lih* ‘спускаться’, *məl-tuul* ‘одеяло’ от *tuul* ‘накрывать’. Однако она не получила такого развития, как в семелай.

В кхмерском мы также находим рефлексy, свидетельствующие о сосуществовании двух стратегий аффиксации моносиллабических корней – корневой и внекорневой. Так, от корня ДКМ *^aras* ‘жить, быть живым’, кхмер. *rǐəh* ‘жить, существовать; быть подвижным’, для которого ЛКМ также дает значения ‘быть бдительным, живым, проворным’, имеем следующие производные: ДКМ *amras* ‘живые существа, люди, имущество’, ДКМ *amrah* ‘надсмотрщик, смотритель’, ДКМ *anrah* ‘живой’, которое отмечается в апеллятивах рабов, кхмер. *rəbvh* ‘вещь; показ. принадлежности’, в последнем случае имеем корневую инфиксацию, данное производное в ДКМ текстах не отмечается, в этом значении выступало непроизводное слово *roh*, *roh*.

Таким образом, мы видим, что стратегия внекорневой аффиксации моносиллабов существовала в разных ветвях МК языков, но утвердилась как императив только в семелай, и это способствовало сохранению продуктивности именной морфологии.

4.3.1.2. Стратегии достраивания пресиллаба до полного слога в мон-кхмерских языках

Другой важной морфонологической стратегией в семелай является копирование финали сильного слога или кода-копирование, которая реализуется в отглагольных производных с одногласным аффиксом *n-/n-*. Эта стратегия обеспечивает слоговую структуру аффикса и сохраняет прозрачность морфологического членения: *c^hək* ‘бросать’ – *nk-c^hək* [*nək.c^hək*] ‘бросание’, *pot* ‘чашка из латекса’ – *nt-pot* ‘чашка (мера)’, *stan* ‘рассказывать народное повествование’ *c-nn-tan* [*cə.nən.tan*] ‘рассказ народного повествования’. Данная стратегия поддерживает, как полагает Н. Круспе, тенденцию предпочтения закрытых предпоследних слогов (т. е. последнего пресиллаба) открытым.

Помимо аслийских языков кода-копирование используется в кхмуических языках (Swantesson 1983). В языке кхму, например, пресиллабы могут иметь финали *m, n, ŋ, l, r* либо кода-копированные финали *p, t, c, k, ñ, s, w, y*, например: *ʔət* ‘затыкать’ – *rɪʔət* ‘пробка’. Кода-копирование в кхму необязательно, и иногда отмечаются варианты: *hɔ́m* ‘связывать’ – *rnhɔ́m* ~ *rnhɔ́m* ‘связывание’.

В ксингмул также в качестве финалей в пресиллабах могут выступать носовые, но кода-копирование здесь не используется. В ксингмул в производных с инфиксом использовалась другая стратегия – восполнение открытого пресиллаба, возникшего в результате инфиксации, до полного слога при помощи плавного *l*. Таким образом, пресиллабы в производных словах в ксингмул могут иметь три вариативные фонетические реализации: [C ~ Cə ~ Cəl]. Однако в ксингмул эта стратегия приводила к полной асимметрии слоговой и морфологической структур, что затрудняло членимость слова на морфемы. Более того, в ксингмул инфикс *-n-* сохранялся только в произ-

водных от односложных корней (*p-əln-al* ‘крыло’ от *pal* ‘летать’) и пропадал в производных от двусложных корней (*psec* ‘подметать’ *pəlseç* ‘метла’). Все это способствовало тому, что в ксингмул инфиксация утратила свою продуктивность.

По всей вероятности, в семелай есть некоторые факты, указывающие на то, что здесь, как и в ксингмул, использовалась стратегия достраивания пресиллаба до закрытого слога при помощи плавных *l* и *r*. Об этом свидетельствуют алломорфы каузативных префиксов *par-*, *pan-*, *paŋ-*, *pa-*, *p^har-*, *tar-*, *taŋ-*. Н. Круспе исходит из того, что основные алломорфы – это *par-* и *tar-*, поскольку они наиболее частотные, однако, на наш взгляд, такой вывод не позволяет непротиворечиво описать комбинаторные правила, регулирующие выбор других алломорфов.

В некоторых непродуктивных словообразовательных моделях также обнаруживаются плавный */r/*, явно не морфемного происхождения, который иногда выступает в комбинации с кода-копированием, например: *g-ɾp-hɾp* ‘еда’, от *ghɾp* ‘быть горячим’. Показателен в этой связи также пример, который Н. Круспе анализирует как содержащий три инфикса: *j-m-r-n-tek* ‘первая корзина собранного риса, которую оставляют «спать»’ от *jtek* ‘спать’. Здесь нет оснований считать сегмент */r/* инфиксом. Приведем примеры из других МК языков, где от глагола «спать» образованы имена с комбинацией инфиксов *-m-* и *-n-*: кхмер. *d-vmn-eek* ‘сон (процесс); место сна’ от *deek* ‘лежать, спать’; кхму *s-niŋ-is* ‘кровать’ от *sis* ‘спать’.

Аналогичные возражения вызывает и плавный *//*, выступающий также в комбинации с кода-копированием в словах, по форме похожих на производные, в основном – названиях насекомых, обычно с незафиксированным корнем, от которого

велось образование: *klkɒk* ‘бабочка’, *klɒkɑp* ‘паук’, *klɒnoŋ* ‘стрекоза’, *klɒtɒp* ‘таракан’, *klmtɑm* ‘скорпион’, возможно, от *ktɑm* ‘краб’, *klɒdɒp* ‘торчащие во все стороны волосы, как у младенца’, возможно от *kdɒp* ‘родничок’. Аналогичные производные были отмечены в языке джах-хут Ж. Дифлотом, считающем их именными экспрессивами, в которых звуковой символизм передает идею хаотического движения.

Возможно, некоторые факты кхмуических языков могут свидетельствовать о том, что процессы достраивания пресиллаба до закрытого слога в производных словах – кода-копирование и расширение плавными – во-первых, могли расширять сферу своего применения и выходить за рамки производных отглагольных имен и, во-вторых, могли приобретать морфологический статус, в частности, не без влияния фактора звукового символизма. Так, например, в кхму кода-инфиксация используется для образования экспрессивов состояния от экспрессивов процесса, например: *lɛ̀màɑc* ‘(экспр.) быть застрявшим’ от *lmàɑc* ‘застрять’. Этот способ деривации в кхму зашел настолько далеко, что в случаях, когда кодой сильного слога является /h/, который не может выступать в качестве коды пресиллаба, или же сильный слог открытый, копируется также и гласный сильного слога, в результате чего первый слог перестает быть пресиллабом и становится сильным слогом. Например: *sɛ̀h mɛ̀h* ‘(экспр.) маленький’ от *smɛ̀h* ‘(экспр.) становиться маленьким’. Кроме того, как отмечает Я. Свантессон (Swantesson 1983), в кхму также есть ряд слов с кода-ассимилированными пресиллабами, которые не являются производными словами, однако их особый статус манифестируется тем, что они ведут себя иначе нежели другие дисиллабы при редупликации. В обычных дисиллабах при редупликации может изменяться рифма только сильного слога, тогда как в дисиллабах с кода-ассимилированными пресиллабами – и рифма пресиллаба тоже.

В языке ксингмул расширение пресиллаба до закрытого слога при помощи плавного // вышло за рамки инфиксально производных и затрагивает практически все дисиллабы таким образом, что они имеют варьирующие формы [C ~ Cə ~ Cəl ~ Chəl].

В кхмуическом языке млабри мы можем видеть последующий этап опрощения пресиллаба производных слов: например, ксм. *pal* ‘летать’ – [pəlnal] ~ [phəlnal] ‘крыло’ в млабри соответствует *par* ‘летать’ – *hmar* ‘крыло’.

Вместе с тем в млабри в словах с инфиксом находим рефлекс стратегии достраивания пресиллаба до полного слога при помощи плавного *r*. Здесь есть следующие алломорфы номинализирующего инфикса: *-rn-*, *-r-*, *-mn-*, *-n-*. Они комбинаторно распределены таким образом, что односогласные алломорфы выступают с корнями CCVC, а двусогласные – с корнями CVC, при этом алломорфы, содержащие /r/, не выступают с корнями, содержащими /r/. Примеры: *guh* ‘гореть’ – *grnuh* ‘пламя’, *tek* ‘ударять’ – *trnek* ‘молот’, *kap* ‘петь’ – *krnap* ‘пение’, *gla?* ‘говорить’ – *grla?* ‘речь, слова’, *klaap* ‘сжимать’ – *krlaap* ‘щипцы из расщепленного бамбука’, *juur* ‘спускаться’ – *jmnuur* в *juur jmnuur* ‘идти вниз по склону’ (ср. ксм. *mən-lih* ‘спуск, склон’ от *lih* ‘спускаться’), *chreet* ‘расчесывать’ – *chnreet* ‘гребень’. Ю. Ришель (Rischel 1995) отмечает: хотя синхронное описание упрощается если исходить из того, что односогласные инфиксы появляются в результате опрощения двусогласных, – в диахронии, возможно, шли другие процессы, в частности, унификация и сведение в одну парадигму алломорфов разных морфем. Одним из примеров того, как исторически разные морфемы в результате утраты противопоставления, которое они некогда выражали, становятся комбинаторными вариантами, являются каузативные префиксы *ber-* и *ter-* в темиар, на что указала Н. Круспе (Kruspe 2004).

Отметим, что аналогии типа млб. *juur* ‘спускаться’ – *jmnuur*, выступающее в *juur jmnuur* ‘идти вниз по склону’, и ксм. *lih* ‘спускаться’ – *mənlīh* ‘спуск, склон’ свидетельствуют о том, что выбор инфикса *-mn-* в таких случаях некогда мог иметь семантическую мотивировку.

В кхму нгеан слово со значением ‘склон’ образуется не от глагола *juur* ‘спускаться’, а от глагола *teer* ‘быть ровным, гладким’: *t-rn-eer* ‘склон’, от этого же корня имеем производное *t-mn-eer*, которое в словаре [Suwilai et al. 1998] выступает в словосочетании с обратным порядком следования компонентов *teer tmneer* ‘ровное место, равнина’ (букв. ‘ровный равнина’). Здесь следует отметить, что природа комплексов с обратным порядком слов типа *teer tmneer* в словаре [Suwilai et al. 1998] остается неясной. Возможно, что асинтаксичность порядка слов – это фигура речи.

Интересно, что в языке сора отмечается похожее явление, а именно: в некоторых случаях образования имен от глаголов при помощи инфикса повторяется глагол, например: *ga'ā* ‘есть’ – *g-an-ā'-gā'* ‘еда’, *g-ar-ā'-gā'* ‘сосуд, из которого едят’. В других случаях при инфиксальной форме остается вершинное имя, определением к которому она выступает, например: *id* ‘писать’ – *an-id-ōl* ‘написанное’, *ar-id-ōl* ‘то, на чем написано’, где *ōl*, *ōlan* ‘лист’ (Svara 1927).

Возможно также, что комплексы типа кхму нгеан *teer tmneer* в словаре появляются в результате неправильного анализа предложений с сентенциальным сказуемым, в котором возможен обратный порядок слов. В частности, выражение *trpak cʔaay* (*trpak* ломать, *cʔaay* кость) переводится как ‘сломанная кость’, что, скорее всего, произошло из-за неправильного членения предложения с сентенциальным сказуемым:

- (1)* *ʔoʔ* *trpak* *cʔaay* *tiʔ*
 я сломанный кость рука
 ‘У меня сломана рука’

Как можно заключить, /r/ в номинализирующих инфиксах млабри следует считать рефлексом стратегии достраивания пресиллаба до полного слога. Ю. Ришель отмечает, что инфиксы, содержащие r, в млабри намного более распространены, нежели другие (Rischel 1995, 87).

В МК языках в пресиллабе наряду с плавным /r/ неморфемного происхождения могут встречаться рефлексы плавного инфикса *-rV-. В семелай его рефлексом, возможно, является инфикс, образующий сравнительную степень, его рефлекс широко представлены во многих МК языках в предикатах, в семантической структуре которых содержатся компоненты «множественность партиципантов» или «интенсивность». В млабри, возможно, тоже есть рефлекс этого инфикса. Ю. Ришель, описывая правила распределения алломорфов -rn-, -r-, -mn-, -n- номинализирующего инфикса, приводит вариативные формы *bnliiy* ~ *braliiy* ‘неспелый, зеленый’, совершенно справедливо отмечая, что в данном случае альтернатива может быть мотивирована носовым согласным сильного слога. Тем не менее не исключено, что синонимический ряд *bnliiy* ~ *braliiy* ~ *bliiy* ‘неспелый, зеленый’, возможно, содержит рефлекс производного с инфиксом *ra(?). Отметим, что в млабри есть также примеры ассимиляции, идущей в противоположном направлении, это ассимиляция назального согласного корня назальному инфиксу, например, *kumɛɛt* ‘ребенок’ (ср. ксм. *kəlmɛɛn* ‘девушка’ от *kɛɛn* ‘ребенок’).

Таким образом, в МК языках наряду с разрушенем исконных словообразовательных рядов слов шли процессы, направленные на поддержание морфологической значимости слога деления, обеспечивавшие прозрачную членимость производного слова на морфемы. Эти процессы, возможно, начали действовать еще на прото-МК уровне. Однако только в семелай они были структурированы таким образом, что способствовали сохранению продуктивности исконных AA инфиксов.

Неудивительно, что в семелай остается относительно продуктивным агентивный инфикс **-m-*, почти повсеместно исчезнувший из МК языков, он здесь выступает только в двусложных основах, как простых, так и производных: *swel* ‘левосторонний’ – *smalwel* [*sə.mal.wel*] ‘левша’, *ʔlät* ‘гаснуть, об огне’ – *p^harlät* ‘гасить огонь’ – *p^hmarlät* [*p^hə.mar.lät*] ‘приспособление для гашения огня’.

В никобарском языке нанкаури, где на слоговую структуру слова не налагаются ограничения подобные тем, которые существуют в МК языках, также отмечается употребление номинализирующих аффиксов как в форме префиксов, так и в форме инфиксов. В этом языке есть отдельные примеры, в которых можно предполагать рефлексы стратегий кодирования и достраивания аффикса до закрытого слога: *op-lōp* ‘шаль’ от *lōp* ‘покрывать плечи’ и *momikâsha* ‘певец’ от *ikâsha* ‘петь’.

В нанкаури простые инфиксы выступают как в односложных, так и двусложных и трехсложных корнях, например: *henet* ‘долото’ от *het* ‘работать долотом, высекать’, *damāk* ‘гость’ от *dāk* ‘приходить’, *kenshin* ‘подпорка’ от *kashin* ‘подпирать’, *katapâh* ‘труп’ от *kapâh* ‘умирать’, *kentōka* ‘танец’, *kamatōka* ‘танцор’ от *katōka* ‘танцевать’.

В форме префикса в нанкаури часто выступает губной аффикс, образующий имена субъекта. Он отмечается в двусложных и трехсложных корнях или основах, в основном начинающихся на гласный, например: *menlūana* ‘шаман’ от *enlūana* ‘изгонять злых духов’, *mitūa* ‘гость’ от *itūa* ‘посещать’, *morēh* ‘первый (человек или животное)’ от *orēh* ‘первый’. Однако отмечаются и случаи употребления префикса с корнями и основами, начинающимися на согласный тоже, двусложными и трехсложными, например: *ma-huyōie* ‘пьяница’ от *huyōie* ‘пьяный’. Однако от корней или основ, начи-

нающихся на гласный, множество имен со значением объекта образуется при помощи префикса *h-*: *hokngôk* ‘еда’ от *okngôk* ‘есть’, *holyôl* ‘речь’ от *olyôla* ‘говорить’, *hokai* ‘что-то принесенное’ от *okai* ‘приносить’, *hori* ‘убитый’ от *ori* ‘убивать’, *hong-âng* ‘вареное мясо’ от *ong-âng* ‘варить мясо’, *holpâl* ‘сорная трава’ от *olpâl* ‘полоть’.

Таким образом, мы видим, что в нанкаури нет ограничений на инфиксацию односложных корней, но есть ограничения на употребление инфиксов в корнях и основах, начинающихся на гласный, с которыми дентальный номинализатор отмечается редко, а губной – выступает как префикс. Таким образом, можно заключить, что префиксальный и инфиксальный алломорфы номинализирующих аффиксов восходят на прото-АА уровень, хотя их комбинаторика получила разное развитие в никобарских и МК языках. При этом тогда как в большинстве МК языков префиксальные алломорфы утрачивали свою продуктивность, то в семелай они были хорошо встроены в систему морфонологических стратегий, поддерживающих фонологию слова.

4.3.2. Функции производных имен

Итак, морфонология производных имен в семелай прогрессивно развивалась таким образом, что смогла обеспечить морфологическую прозрачность слогаделения, благодаря чему номинализирующие аффиксы и сохранили свою продуктивность. Но морфосинтаксис производных имен в семелай обнаруживает черты, явно консервативные, которые могут служить серьезным аргументом в пользу того предположения, что отглагольные имена в прото-АА были формами зависимой предикации. Здесь прежде всего привлекают внимание несколько черт, аномальных в плане сравнения с другими МК языками.

Во-первых, во всех МК языках, где сохранились рефлекс производных имен, они могут выражать различные семанти-

ческие роли актантов и сирконстантов, таких как агенс, пациенс, фактитив, инструмент, локатив, темпоратив, и выступать в соответствующих синтаксических позициях в предложении. Однако в семелай, как отмечает Н. Круспе, отглагольные имена являются маргинальным подклассом имен, поскольку они обычно не выступают в качестве аргументов предиката, кроме как в функции подлежащего (Kruspe 2004, 96, 98). Это связано с их семантикой: отглагольные имена в основном обозначают абстрактные сущности, свойства, имена действия и состояния и, реже, им сопутствуют другие значения, такие как объект, возникающий в результате действия, и место, где происходит действие.

Скорее всего, синтаксис отглагольных имен так или иначе отражает тот факт, что они ведут свое происхождение от форм зависимой предикации. Перечислим маргинальные функции отглагольных имен, которые являются рефлексом их употребления как форм зависимой предикации.

а) Функция модификатора в именной группе

В позиции вершины именной группы отглагольные имена в семелай могут выступать только в субъектных ИГ. В остальных случаях они выполняют функцию модификатора. Некоторые примеры, где Н. Круспе квалифицирует имя как вершину объектной ИГ, мы считаем результатом неправильного синтаксического анализа, как в следующем примере [Kruspe 2004, 100]:

- (2) *b-jʔəu* *tikar* *pandan* *p-n-təm*
 MID-делать циновка панданус сажать-NMZ
soloŋ *tahon*
 первый год

‘Циновка была сделана из пандануса, посаженного в прошлом году’ (перевод Н. Круспе: ‘A mat was made from the new year’s planting (of) pandanus’)

Здесь обращают на себя внимание две аномалии. Во-первых, в семелай в именной группе, построенной по атрибутивной модели, не может выступить глагол – конструкция, распространенная в других МК языках, например: ксм. *gaay t̄baa* ‘сшитая одежда’ (букв. ‘одежда шить’), кхмер. *tii rumpuŋ* ‘надежда’ (букв. ‘место обдумывать’), кату *taŋ sarak* ‘ручка’ (букв. ‘вещь писать’). В семелай глагол в этих случаях должен пройти номинализацию. Во-вторых, в этой модели все-таки отмечаются глаголы, не прошедшие номинализацию, но они представляют собой только связанные корни: **uip* ‘спать укрытым’, который выступает в *ur-uip* ‘спать с покрывалом’, отмечается в *kaueŋ uip* ‘одеяло’ (букв. ‘ткань спать’). Н. Круспе считает, что эти случаи требуют дальнейшего исследования, чтобы окончательно решить, представляют ли они нулевую конверсию или же гетеросемию (Kruspe 2004, 94). Однако, по всей видимости, разумное объяснение этим фактам может быть то, что в атрибутивной модели в семелай первоначально выступали и глаголы тоже, при этом в основном они принимали форму зависимой предикации, которая в дальнейшем субстантивировалась, и модель «имя + глагол/форма ЗП» стала осознаваться как «имя + имя».

Интересно, что в семелай в глагольной группе в позиции модификатора выступают непроеизводные глаголы, что Н. Круспе квалифицирует как нулевую конверсию, например: *ʔauon* ‘медленный’, ‘медленно’. Однако это не означает, что в семелай в этой позиции форма зависимой предикации не использовалась. Подтверждение тому – случаи употребления отглагольных имен в адвербиальной функции.

б) Именные предложения

Отглагольные имена в семелай могут выступать в именных предложениях, как считает Н. Круспе, в функции сказуемого (Kruspe 2004, 98). Однако такой вывод требует уточне-

ния. Насколько можно судить по примерам, речь идет не о всех типах именных предложений, а только о предложениях идентификации, например:

- (3) *taŋkəl c-neŋ-teŋ rəm taŋkay*
 нести за ствол нести-NMZ с ствол
 ‘*taŋkəl* – это нести что-то, держась за ствол’

Предложения идентификации имеют семантическую и синтаксическую структуру, не сводимую к структуре предложений с характеризующим предикатом: то, что в них соединено связкой тождества, имплицитной или эксплицитной, – не подлежащее и сказуемое. В древнекхмерском языке в некоторых типах предложений, содержащих эксплицитную связку тождества, а именно, в предложениях со сдвигом ремы, связке тождества может сопутствовать маркер зависимой предикации *ta*, например:

- (4) *purohita vraḥ neḥ gi ta paripāla*
 пурахита храм этот COP(ID) DPM сохранять
āçrama
 храм
 ‘Пурахита этого бога – вот кто хранит это святилище’ K691

В современном кхмерском, где маркер зависимой предикации не сохранился, в предложениях со сдвигом ремы вместо связки тождества может выступать релятивизатор *daəl*, например:

- (5) *kaa nih kuuu // daəl klynom thvəə*
 работа этот COP(ID) // REL 1SG делать
 ‘Эту работу – я сделал’

В древнекхмерском языке употребление маркера зависимой предикации в предложениях со сдвигом ремы мотивировано их семантической структурой, которая является предло-

жением тождества $A=B$, где один из компонентов тождества содержит придаточное относительное: «Пурохита этого бога – тот, кто хранит это святилище». Таким образом, достаточно очевидно, что в семелай употребление отглагольного инфиксального производного в предложениях идентификации первоначально могло быть мотивировано тем, что это была форма зависимой предикации, которая со временем изменила свой грамматический статус⁵⁶.

Приведем еще один пример из семелай, где отглагольное имя выступает одним из компонентов предложения тождества:

- (6) *p-nam* *?ma?* *?ame*, *lantay*
 NMZ-чувствовать мать Амелия пол
 ‘Мать Амелии подумала, что это пол (буков. То, что мать Амелии подумала, – это пол)’ (с. 224)

(Предложение было произнесено в ситуации, когда мать Амелии оступилась, не рассчитав уровень понижения пола.)

Напомним, что в древнекхмерском языке, где инфиксальные формы уже лексикализировались, а маркерами зависимой предикации выступают *ta*, *ti*, находим отдельные примеры употребления инфиксальных форм как форм зависимой предикации в атрибутивных конструкциях. В следующем примере форма с инфиксом *-m-* и форма с маркером *ta* выступают параллельно:

- (7) *ge* *ta* *tap* *gui* *ge*
 люди DPM препятствовать здесь люди
cm̄er *ājñā* *ge* *daŋɗa*
*m-*нарушать указ короля 3PL наказаны
 ‘Те, кто чинит здесь препятствия и нарушает приказ короля, будут наказаны’ K940

⁵⁶ Аналогичное переосмысление инфинитной формы находим в некоторых конструкциях английского языка: *I don't mind him/his arriving late, I never suggested them/their dying their hair.*

Однако, как отмечает Лонг Сеам (Лонг Сеам 1989, 14), в ДКМ производные с инфиксом *-m-* могут употребляться и как имена деятеля, т. е. выступать в вершине ИГ, например, слово *stat* ‘хранитель’ от *sat* ‘охранять’: *stat gui va men* ‘хранитель этого Ва Мен’ (К451).

Аналогичным образом в древнекхмерском среди производных с инфиксом *-mn-* отмечаются и такие, которые могут использоваться только в позиции модификатора, и такие, которые могут выступать только в вершине ИГ, и такие, у которых отмечаются обе эти функции. Лонг Сеам считает, что производное *damnuñ* от *duñ* ‘купить’ в надписях преангкорского периода используется только в функции модификатора, а в надписях ангкорского периода оно уже отмечается и в функции модификатора, и в функции вершинного имени (Лонг Сеам 1995). Производное *amnoy* от глагола *ou* ‘давать’ в надписях преангкорского периода выступает в обеих функциях (Лонг Сеам 2000). Слово *sannom* ‘загон’ от *son* ‘огораживать’ в надписях преангкорского периода отмечается только в одной функции.

Таким образом, эти факты древнекхмерского языка говорят о том, что субстантивация инфиксальных форм зависимой предикации не препятствовала тому, что некоторые формы могли какое-то время употребляться в обеих функциях.

в) Употребление отглагольных имен в вопросительных предложениях

Третий тип конструкций, в которых употребляются отглагольные имена в семелай, – это вопросительные предложения различной структуры. Такое употребление также, возможно, отражает тот факт, что первоначально отглагольные производные выступали в вопросительном предложении как формы зависимой предикации.

- (8) *ga=te hñn ji s-n-wak*
ASP-к где 2 SG/PL идти-NMZ
‘Куда ты идешь?’

Первоначальная мотивировка использования отглагольных производных как форм зависимой предикации в вопросительных предложениях могла быть связана с исходной полипредикативностью вопросительного предложения, синтаксической и/или семантической. В связи с этим показателны различные структурные типы вопросительных предложений в языке ксингмул, среди которых находим и предложения с сентенциальным подлежащим и предложения тождества со связкой и местоименной репризой:

- (9) *saay root ʔɔɔm tɛɛ moh*
ветер дуть приходит от что
'Откуда дует ветер?' (ВПП 189)
- (10) *ʔun soo kuu tuh həmoh*
3SG болеть живот *болеть⁵⁷ что
'Как у него болит живот?' (ВПП 175)
- (11) *too kɔɔn ʔak ʔoo tuuu həmoh ʔun laa*
CLF ребенок тот от что 3SG COP
soo kuu
болеть живот
'Почему у ребенка заболел живот?' (ВПП 175)
- (12) *biʔ cəlaw ʔii thay biʔ ʔoh moh*
PL буйвол этот пахать делать как что
'Как пашут эти буйволы?' (ВПП 166)
- (13) *mih ʔə noh mih laa zuə khwaam ʔii*
2SG просить кто 2SG COP знать язык этот
'Кто тебе помог выучить этот язык?' (ВПП148)

⁵⁷ Судя по тому, что многие названия болезней в ксингмул построены по модели *soo/tuh* + название части тела, где *soo* – 'болеть', можно сделать вывод, что *tuh* – тоже глагол.

Кроме того, общие вопросы в ксингмул строятся как биполярные альтернативные структуры:

- (14) *tʔaay* *zui* *bii* *koʔ* *zui* *bii*
2SG идти работать NEG идти работать
'Идешь ли ты работать?' (ВПР 59)

Многие структурные типы вопросительных предложений языка ксингмул хорошо отражают компоненты формального описания, рассмотренные в работе [Падучева 1985], где предлагаются различные подходы к формализации семантики вопроса. В частности, говорится, что для формального описания смысла вопроса важен иллюкутивный компонент. «Задавая вопрос, говорящий совершает два действия: 1) Он намечает множество альтернатив, которое, по его мнению, исчерпывает ситуацию. (При этом общий вопрос – это такой частный случай альтернативного вопроса, когда множество альтернатив состоит из двух элементов – p и $\sim p$, а специальный – такой, когда множество альтернатив задается в «два хода»: выделяется свойство объекта и указывается область, к которой должен принадлежать объект. Например, в вопросе *Кого из однокурсников Мери пригласила на вечер?* свойство объекта x – ‘Мери пригласила x на вечер’, а область – однокурсники Мери.) 2) Он просит слушающего указать, какая (или какие) из альтернатив имеет место. В частности, в случае специального вопроса – идентифицировать интересующий его объект или множество объектов, т. е. указать те элементы из указанной области, которые обладают указанным свойством» (с. 240). Перформативный анализ вопроса, специально обращенный на его иллюкутивный компонент, Е. В. Падучева называет «важным “прорывом” в тайны семантики вопроса». В связи с чем возможен перифрастический подход к анализу вопросительных предложений, например, вопрос *Который час?* можно перефразировать как *Прошу тебя сказать, который час*. Тем самым возможно семантическое разделение вопроса, т. е. све-

дение вопроса к более элементарным семантическим составляющим. И наконец, в работе дается формула для вопроса с однозначной презумпцией существования типа *Кто срубил это дерево?*, которая в переводе на естественный язык выглядит следующим образом: *Про того, кто срубил это дерево, сделай так, чтобы я знал, что он срубил это дерево* или *Сделай так, чтобы я знал про того, кто срубил это дерево, что он срубил это дерево*. В работе также вводится понятие «исходное предположение вопроса» и говорится, что во многих работах исходное предположение вопроса приравнивается к презумпции.

Как можно заметить, синтаксическая структура вопроса в языке ксингмул часто включает те или иные компоненты формального описания вопросительных предложений, анализ которых дается в указанной работе Е. В. Падучевой. Например: синтаксическая трактовка общего вопроса как альтернативного, эксплицитное включение альтернатив ответа в структуру вопроса, а главное – обособление презумптивного компонента в отдельную сентенциальную структуру, при котором используются такие синтаксические средства, как реприза предиката презумпции, семантически ослабленная, выражающая только часть компонентов значения, реприза субъектной ИГ презумпции, а также введение служебного слова *laa* в позицию перед предикатом презумптивной части. Последнее для нас особенно значимо, имея в виду поиск мотивировки использования зависимых предикативных форм в вопросительных предложениях. Служебное слово *laa* в ксингмул отмечается и в функции предикативной связки, и в функции связки тождества. Кроме того, в отдельных случаях оно отмечается и как маркер зависимых предикатов – в конструкциях с предикатными актантами, а также в сложных предложениях с координативными частями. Как маркер зависимых предикатов оно обычно выступает в эмоционально окрашенных высказываниях.

Итак, сложная семантическая структура вопросительного предложения в языке ксингмул может отражаться на поверх-

ностном уровне двупредикативной структурой, предикаты которой имеют асимметричное вхождение в коммуникативную структуру, а предикат презумптивного компонента может иметь маркер зависимой предикации. Таким образом, мы видим, что вопросительные предложения *могут* входить в сферу полипредикативных конструкций с зависимыми предикатами, поэтому правомерно предполагать, что в семелай первоначальная мотивировка использования отглагольных производных в вопросительных предложениях, возможно, объясняется тем, что они выступали как формы зависимой предикации.

В кхмерском языке характер вопросительных частиц, которые участвуют в построении общего вопроса, также указывает на то, что он первоначально имел структуру биполярного альтернативного, как в ксингмул. Хотя специальный вопрос в кхмерском языке, как правило, образуется постановкой вопросительного слова в соответствующую позицию предложения-ответа, есть примеры с более сложной структурой:

- (15) *taə rədəw miəu naa dael nĕək*
 INTER сезон один какой REL 2SG
coul cət ciəu
 любить более

‘Какой сезон ты больше любишь?’ (Конг Кимной, 70)

- (16) *kaabour naa miəu dael nĕək svŋ baan*
 сумка какой один REL 2SG хотеть получить
 ‘Какую сумку ты хочешь?’ (Конг Кимной, 2)

Таким образом, формальная структура вопроса в кхмерском со словом *dael* отражает сложную семантическую и коммуникативную структуру, как она была описана Е. В. Падучевой: говорящий исходит из того, что в области объектов «сезоны» существует объект X, обладающий свойством «ты X больше любишь» и просит идентифицировать объект X в указанной области: *Сезон, который ты любишь, это какой сезон?* Данная перифраза имеет структуру тождества, где один

из компонентов содержит относительное предложение. Напомним, что *dael* в древнекхмерском в придаточных относительных употреблялся наравне с маркером зависимой предикации *ta*, иногда они выступают вместе – *ta tel*. Есть примеры, где *tel* выступает вместо *ta* в предложении со сдвинутой ремой, при этом сказуемое, как можно предполагать, выражено инфиксальной формой зависимой предикации⁵⁸:

- (17) *gi nā ge tel kaɲvon doŋ ge*
 COP там 3PL REL *находиться с 3PL
pitāmātā ge
 отцы и матери 3PL
 ‘... вот где они будут пребывать с их отцами и матерями’ K728

Таким образом, можно заключить, что некоторые структурные особенности вопросительных предложений в ксингмул и кхмерском указывают на то, что в вопросе могли выступать формы зависимой предикации. Стало быть, имена, которые, согласно трактовке Н. Круспе, выступают в позиции вершинного предиката вопросительных предложений в семелай, вполне вероятно, суть рефлексы форм зависимой предикации, выступавших в вопросительных предложениях.

г) Адвербиальная функция отглагольных имен

В семелай находим другие конструкции с отглагольными именами, существование которых можно объяснить только тем, что первоначально отглагольные производные в них выступали в функции формы зависимой предикации, например:

⁵⁸ Этот пример мы уже разбирали в главе 3, в связи с замечанием Ж. Седеса о том, что, возможно, *kaɲvon* соответствует современному *квтриу* – показателю длительного вида, который, как мы предполагаем, представляет собой грамматикализованный рефлекс формы зависимой предикации глагола *кэу* ‘жить, поселяться (о короле и монахах)’.

-
- (18) *jděʔ* *pt-kʰət* *nɔʔ*
 прекрасный NMZ-быть беременной этот
 ‘[Она] выглядит хорошо [во время] этой беременности’

Наиболее интересные случаи связаны с употреблением отглагольных имен с инфиксом *-m-*, который, как отмечает Н. Круспе, в семелай – наименее продуктивный по сравнению с другими аффиксами. Рефлексы имен с аффиксом *m-/m-* отмечаются далеко не во всех АА языках. Кроме аслийских языков, они есть в никобарских, в кхмерском и древнекхмерском, в монском, а также реконструируются Ж. Дифлотом для прото-монского (Diffloth 1984). Как мы уже отмечали в главе 2, для прото-монского Ж. Дифлот реконструирует две функции этого аффикса – образование имен агента от переходных глаголов и образование атрибутивных форм – от стативных, в то время как в нанкаури и кхмерском представлена только функция образования агентивных имен. Ж. Дифлот считает, что этот аффикс восходит к очень ранним этапам прото-АА.

В семелай при помощи *-m-* образуются имена агента или субъекта, обладающего свойством, обозначенным в корне, от которого ведется образование, а также имена инструмента. Производящей основой может быть как глагольная, так и именная основы. Примеры: *s-m-rdər* ‘тот, кто хорошо запоминает’ от *sdər* ‘помнить’, *k-m-bəc* ‘удочка’ от *kbəc* ‘удить’, *pʰ-m-ar-lət* ‘приспособление для тушения огня’ от *pʰar-lət* ‘тушить огонь’ от *?lət* ‘гаснуть’.

Характерны те случаи употребления производных с инфиксом *-m-*, которым, как нам кажется, Н. Круспе затрудняется дать точную атрибуцию. Рассмотрим пример:

- (19) *ye=təŋ* *s-mal-wel*
 1SG/PL=ткать правая рука-NMZ
 ‘Я тку левой рукой (букв. Я тку, как тот, кто пользуется левой рукой)’

Хотя производное *s-mal-wel* может иметь значение ‘тот, кто пользуется левой рукой; левша’ (с. 80), в данном примере Н. Круспе его анализирует как имя инструмента на основании того, что есть следующая перифраза:

- (20) *ye=tan* *rəm* *sawel*
1SG/PL=ткать с правая рука
‘Я тку при помощи левой руки’

Как можно видеть, рассуждения Н. Круспе не лишены противоречия. По нашему мнению, здесь возможны две синтаксические интерпретации производного *s-mal-wel*: либо это падежная форма, либо это вторичный предикат или адвербиал (различие между этими двумя типами адъюнктов проводится в работе [Himmelman, Schultze-Berndt 2005]). Оба объяснения равновероятны и оба выводят нас на поле полипредикативных и смежных с ними конструкций в АА языках. Если *s-mal-wel* вторичный предикат или адвербиал, то данное употребление, безусловно, является рефлексом формы зависимой предикации. Если это падежная форма, в таком случае надо вспомнить о том, что в ряде АА языков, например, нанкаури, палаунг и древнекхмерском, маркер *ta*, совмещает две функции – маркера зависимой предикации и маркера косвенно-объектных и сирконстантных ИГ. Здесь же следует отметить, что, например, в современном кхмерском находим рефлексы инфиксальных форм зависимой предикации, которые лексикализировались и как имена, и как наречия, например: *dvmlvɔ* ‘глухой человек’ и ‘оглушительно’ от *thlvɔ* ‘быть глухим’.

4.3.3. Маркер именных групп *hn/=hn*

Можно предположить, что в ряде случаев мы имеем рефлексы употребления **n-/n-* в функции маркера семантических

ролей именных групп и грамматических связей слов в предложении.

В семелай есть клитика $hn \neq hn$, имеющая несколько разных функций. Эта морфема имеет фонологический статус неконечного (т. е. слабого) слога. В качестве энклитики она не изменяет фонологическую структуру слова, т. е. не вызывает смещения словесного ударения и ресиллабации. Фонетически в речи она реализуется как глухой альвеолярный носовой [ŋ]. В корпусе данных в работе [Kruspe 2005] /hn/ помимо клитики отмечается только в двух словах: *hne* ‘затем’ и *hnən* ‘межд. согласия’. Эта клитика отмечается в следующих функциях:

а) Проклитика $hn =$ – маркер не начальной ИГ прямого объекта, также некоторых не центральных ИГ с предлогами (комитативной, локативной), например:

(21) *pʔət* *rət* $hn = ʔən$
оставаться с 1SG
‘Останься со мной’

б) Энклитика $=hn$, выступая в глаголе, маркирует объектную ИГ, когда она имеет нулевую репрезентацию.

в) hn отмечается в двух маркированных субъектных местоимениях третьего лица, что выглядит как результат межсловной фузии: *kəh* ‘3S’ – *kənh* ‘3SGS’, *deh* ‘3PL’ – *denh* ‘3PLS’.

г) Энклитика $=hn$, выступая в имени обладаемого, маркирует одушевленный посессор 3-его л. как в не начальных, так и в начальных ИГ, при этом посессор должен быть одним из центральных аргументов (S, A, O, IO).

д) Энклитика $=hn$ выступает с некоторыми союзами, например: *lalu = hn* ‘затем’.

Таким образом, функции $hn \neq hn$ в семелай и функции ДКМ *ta* пересекаются – оба употребляются как маркеры семантических ролей и зависимых предикаций.

4.3.4. *n/-n-*: деривация от имен

В главе 2 на примере кэхо мы видели, что дентальный инфикс может использоваться для деривации имен от именных корней. В этом случае образуются имена с измененной областью референции (с измененным экстенционалом). В этой категории производных во многих МК языках мы находим имена-классификаторы и имена-квантификаторы, образованные от имен общих.

В семелай при помощи этого аффикса образуются не только имена-классификаторы и имена-квантификаторы, но также имена с измененной областью референции, которые Н. Круспе называет «индивидуализированные имена» (Kruspe 2004). В семелай отмечают различные алломорфы этого инфикса: *nC-/-n-*, *-nC-*, *-N-*⁵⁹.

а) Классификаторы и квантификаторы

В отличие от большинства других МК языков, где производные от имен классификаторы отмечаются только спорадически, в семелай все исконные классификаторы являются производными от имен общих. Приведем примеры:

kasaw ‘стропило, балка’ – *k-n-asaw* ‘клф.’

das ‘секция рисунка в плетении циновки’ – *ns-das* ‘клф.’

dləy ‘дерево’ – *d-ŋ-ləy* ‘клф. для длинных тонких объектов’

təy ‘ухо; лист (эвфемизм)’ – *ny-təy* ‘клф. для листьев бетеля’

В функции квантификаторов в семелай, как и в других МК языках, могут использоваться и имена общие, образованные от глаголов, например: *s-ŷim* ‘заворачивать’ – *s-pn-ŷim* ‘сверток’:

- (22) *gvrət* *mə=c-pn-ŷim*
соль один=заворачивать-*pn*
 ‘один пакет соли’

⁵⁹ «C» в данном случае обозначает кода-копированную согласную.

Однако квантификаторы могут образовываться и от имен общих при помощи алломорфов аффикса *n-/n-*:

rɔʔ ‘корзина’ – *nʔ-rɔʔ* ‘корзина (объем)’
kʰou ‘голова’ – *ny-kʰou* ‘область головы’
malaŋ ‘бок’ – *m-n-alay* ‘область бока’
pereŋ ‘тарелка’ – *p-n-ereŋ* ‘тарелка (объем)’
ptɔm ‘ночь’ – *p-n-tɔm* ‘ночь (продолжительность)’
som ‘утро’ – *nonsom* ‘утро (продолжительность)’

Как исключение, квантификатор, используемый как мера измерения риса, образуется не от слова, обозначающего контейнер, а от слова, обозначающего содержимое:

- (23) *mə=b-nh-nih* *baba*
один=зерно-*nh* неочищенный рис
‘Одна корзина неочищенного риса’

б) Индивидуализированные имена

Другая категория имен, которые в семелай образуются от имен общих при помощи различных алломорфов аффикса *n-/n-* суть имена, обозначающие конкретный объект данного рода. Помимо семелай, они еще отмечаются в никобарских языках. Н. Круспе и Э. Мэн (Man 1889) настаивают, что эти имена обозначают подкласс класса, включая в перевод слова «тип», «вид» Приведем примеры из семелай:

cim ‘птица’ – *nm-cim* ‘один вид птиц’
dak ‘вода, жидкость’ – *nk-dak* ‘один вид жидкости’
skɔʔ ‘дух’ – *s-nʔ-kɔʔ* ‘один из видов духов’
kaueŋ ‘материя’ – *k-n-aneuŋ* ‘определенный вид материи’

- (24) *dmɔh* *d-nʔ-ləŋ*
какой дерево-*nʔ*
‘Какое это дерево?’

По всей вероятности, производные имена этого типа служат для осуществления референции к объекту посредством указания на то, что он наделен некоторыми видовыми свойствами, наличие которых и позволяет его индивидуализировать. Другими словами, индивидуализация обеспечивается не при помощи дейктических или параметрических актуализаторов, а посредством указания на то, что объект обладает некоторыми свойствами, отличающими его от других объектов данного рода. Эти производные имена обозначают индивидуализированную сущность, а не подкласс класса, выраженного именем общим. На трактовку этих имен у Э. Мэна и Н. Круспе, видимо, оказали влияние объяснения информантов, которые их воспринимают как индивидуализированную сущность, наделенную родовыми признаками, например: *nk-dak* (от *dak* ‘вода, жидкость’) это ‘нечто, имеющее свойство воды’.

Не случайно в семелай с именами этого класса связано использование пейоративного префикса ?i= , который помимо этого отмечается в следующих функциях:

а) Присоединясь к имени или глаголу, образует имя, использующееся в основном для референции к особам мужского пола, например: *miskin* ‘быть бедным’ – ?i=miskin ‘мистер Бедняк’, *gvv* ‘кусать’ – *pargvv* ‘EXCESSIVE-кусать’ – ?i=pargvv ‘мисс Кусачка’.

б) Образует эвфемизмы, например: *sət* ‘маниока’ – ?i=sət , *səs* ‘свистеть’ – ?i=səs ‘болтун’.

в) Часто отмечается с именами в отрицательных экзистенциальных предложениях, как своего рода «перенесенный эпитет»:

- (25) *da?* *da?* ?i=batu
NEG быть ?i=камень
‘Нет там никаких [проклятых] камней’ (93)

Ж. Дифлот (Diffloth 1976, 100) выделяет маркер референции *ʔi-* в джах-хут, и кроме того отмечает, что такая же по форме морфема в семай имеет функцию определенного артикля и посессивного маркера 3-его л., а в темиар – маркера подлежащего (Benjamin 1976, 164).

В семелай клитика *ʔi=* отмечается с индивидуализированными именами с аффиксом *n-/-n-*, где она выражает пейоративное значение, например: *pʔlaʔ* ‘животное’ – *p-nʔ-laʔ* – *ʔi=p-nʔ-laʔ* ‘проклятое животное’. Аналогично в отрицательном экзистенциальном предложении:

- (26) [Мать теряет терпение и кричит ребенку, который не хочет уходить с веранды]
<i>sar</i>	<i>sar</i>	<i>daʔ</i>	<i>daʔ</i>	<i>ʔi=pnʔlaʔ</i>
спускаться	спускаться	NEG	иметь	<i>ʔi=nʔ</i> -животное
- ‘Спускайся! Спускайся! Здесь нет никаких [проклятых] животных’ (219)

Употребление дентального инфикса в именах для образования имен с измененной областью референции (с измененным экстенсионалом) отмечается в семелай в словах, образованных по моделям, которые уже утратили свою продуктивность. В семелай, существует абсолютный запрет на инфикацию моносиллабического корня (в отличие от, например, близкородственного темиар, где корневая инфикация остается продуктивной (Benjamin 1976)). В связи с этим аффикс с моносиллабическими корнями выступает в форме префикса, однако от корня **kɛn* в семелай образованы не только производные с внекорневой аффиксацией, такие как *kn-kɛn* ‘ребенок’, *nan-kɛn* ‘детство, молодость’, но и формы с корневой инфикацией, такие как *k-n-ɛn* ‘ребенок, ребенок говорящего; показ. уменьшительности’, *k-m-ɛn* ‘ребенок брата или сестры’, *k-nan-m-ɛn* ‘связанный родством как ребенок брата или

сестры'. Слово *k-m-ən* имеет соответствие в языке ксингмул: *k-əlm-ən* 'девушка' от *kən* 'ребенок'. Как и в большинстве случаев такого рода, здесь трудно сказать, имеем ли мы рефлекс аффикса *n-/-n-*, подвергшегося диссимиляции или же аффикса *m-/-m-*; в последнем случае было бы допустимо полагать, что агентивный аффикс используется для выражения социального дейксиса.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиографические сокращения

- AS Austroasiatic Studies. Jenner Ph. N.,
Thompson L. C., Starosta S., eds. P. I, p. II,
Honolulu, The Univ. Press of Hawaii, 1976.
- ASEMI Asie Du Sud-Est et Monde Insulindien
(Bulletin du Centre de Documentation et de
Recherche), Paris.
- BEFEO Bulletin de l'École Française d'Extrême-
Orient (Hanoi–Saigon–Paris).
- BSOAS Bulletin of the School of Oriental and Afri-
can Studies, London.
- BSOS Bulletin of the School of Oriental Studies,
University of London.
- LCSEAP Linguistic Comparison in South East Asia
and the Pacific. ed. Shorto H. L. London
1963.
- MKS Mon-Khmer Studies (The Linguistic Circle
of Saigon – The Summer Institute of Lin-
guistics – Mahidol University).

Апресян Ю. Д. Принципы описания значения грамем // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. С. 61–65.

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Интегральное описание языка и системная лексикография, т. II. М., 1995.

Балли Шарль. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Издательство иностранной литературы. М., 1955.

Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., Наука, 1987.

Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М., Наука, 1985.

Бурлак С. А., Старостин С. А. Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2001.

Гак В. Г. Структурная и семантическая деривация конструкций с предикатным актантами // Типология конструкций с предикатными актантами. М., 1985.

Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. М., Наука, 1966.

Горгониев Ю. А. Кхмерско-русский словарь, под редакцией Лонг Сеама. М., Русский язык, 1984.

Ефимов А. Ю. Проблемы фонологической реконструкции прото-катуического языка. Канд. дисс. М., 1983.

Ефимов А. Ю. Историческая фонология южно-бахнарических языков. М., Наука, 1990.

Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. Л., 1977.

Еловков Д. И. Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика. С.-П., 2006.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1998.

Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания, № 2, 1995.

Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1987.

КРС – *Горгониев Ю. А.* Кхмерско-русский словарь, под редакцией Лонг Сеам. М., Русский язык, 1984.

Крылов Ю. Ю. Вопросы фонологии монского языка. Канд. дисс., С.-П., 2001.

Лекомцев Ю. К. Австроазиатские языки. Мунда языки. Никобарские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Лонг Сеам. Очерки по лексикологии кхмерского языка. М., Наука, 1975.

Лонг Сеам. Исследования по лексикологии и грамматике древнекхмерского языка (по надписям Камбоджи VI – XIV вв.). М., Наука, 1989.

Лонг Сеам. Словарь древнекхмерского языка (по надписям Камбоджи VI – XIV вв.). М., 1994.

Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул. М., Наука, 1990.

Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года. Язык ма (не опубликовано).

Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1986 года. Язык кату (не опубликовано).

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Пейрос И. И. Генетическая классификация австроазиатских языков. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. РГГУ, М., 2004.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Погибенко Т. Г. О значении префикса *ка в мон-кхмерских языках // Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников. М., 1975. С. 147–149.

Погибенко Т. Г., Буй Кхань Тхе. Язык ксингмул. Лингвистический очерк // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул. М., Наука, 1990.

Погибенко Т. Г. Маркеры зависимой предикации в древнекхмерском // VI Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. С.-П., 2001.

Погибенко Т. Г. Зависимые предикативные конструкции в палаунгических языках // VII Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М., 2003.

Погибенко Т. Г. Именная группа в кхмерском: число и референция // Восточное языкознание. М., 2003. С. 233–247.

Погибенко Т. Г. Древнекхмерский и палаунгические языки: зависимые предикативные конструкции // Актуальные вопросы японского и общего языкознания. М., 2005. С. 359–388.

Погибенко Т. Г. К вопросу о реконструкции форм зависимой предикации в австроазиатских языках // Известия РАН, Серия литературы и языка, 2008, том 67, № 5. С. 55–62.

Сирк Ю. Х. Бугийский язык. М., 1975.

Соколовская Н. К., Нгуен Ван Тай. Язык мыонг. Лингвистический очерк // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык мыонг. М., 1987.

Солнцева Н. В., Хоанг Ван Ма. Язык лаха. Лингвистический очерк // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык лаха. М., 1986.

Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М., 1989.

Типология конструкций с предикатными актантами. Л., Наука, 1985.

Храковский В. С. Предисловие // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., Наука, 1985. С. 3–9.

Язык ксингмул // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул. М., Наука, 1990.

Язык лаха // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык лаха. М., Наука, 1986.

Язык ма // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1981 года. Язык ма (не опубликовано).

Язык мыонг // Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык мыонг. М., 1987.

Anderson, Gr. D. S., Zide, N. H. Issues in proto-Munda and proto-Austroasiatic nominal derivation: The Bimoriac Constraint // Papers from the 10th Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistic Society. Arizona State University, 2002. С. 55–74.

Anderson, Gr. D. S. The Munda verb: typological perspectives. Mouton de Gruyter, Berlin – New York, 2007.

Austroasiatic Studies. Ph. Jenner, L. C. Thompson, S. Starosta (eds.). Honolulu, The University Press of Hawaii. Vol. 1, 2. 1976.

Asmah, O., H. The verb in Kentakbong // AS. C. 951–970.

Banker, E., M. Bahnar Affixation // MKS I. Saigon, 1964. C. 99–119.

Banker, J., E. Transformational Paradigms of Bahnar Clauses // MKS I, Saigon, 1964. C. 7–41.

Benjamin, G., (1976a). An Outline of Temiar Grammar // AS. C. 129–187.

Benjamin, G., (1976b). Austroasiatic subgrouping and prehistory in the Malay Peninsula // AS. C. 37–128.

Blagden, C., O. «Language» in W. W. Skeat and C. O. Blagden, Pagan races of the Malay peninsula. London, 2 vol, 1906 .

Brown, Gillian, Yule, George. Discourse analysis. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge University Press, 1996.

Burenhult, Niclas. A bibliographical guide to Aslian linguistics. MKS 29, 1999. C.133–141.

Burenhult, Niclas. Unitizer and nominalizer: the /n/ affix in Jahai // The Fifth International Symposium on Languages and Linguistics, Ho Chi Minh City, Nov. 16–17, 2000.

Burenhult, Niclas. A Grammar of Jahai. Canberra, Pacific linguistics. 2005.

Burton, E. A Brief Sketch of Cua Clause Structure // MKS III, Saigon, 1969. C. 5–9.

Cœdès, George. Inscriptions du Cambodge, vv. 2–8. Hanoi–Paris, 1942–1966.

Cohen, N. Some Interclausal relations in Jeh // MKS V, Manila, 1976. C. 153–165.

Cohen, P. The Noun Phrase in Jeh // MKS V, Manila, 1976. C. 139–153.

Comrie, Bernard. Aspect. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge University press, 1993.

Costello, N. A. Affixes in Katu // MKS II, Saigon, 1966. C. 87–99.

Costello, N. A. The Katu Noun Phrase // MKS III, Saigon, 1969. C. 21–37.

Costello, N. A. Katu Folktales and Society. Ministry of Information and Culture, Institute of Research on Lao Culture. Vientiane, 1993.

Costello, N. A. Affixes in Katu of the Lao P.D.R. // MKS 28, Mahidol University, 1998. C. 31–42.

Costello, N. A. Dialect Differences for Katu Prepositional Phrases // MKS 30, Mahidol University, 2000. C. 65–75.

Costello, N. A. Aspect and tense in Katu of the Lao P.D.R. // MKS 31, Mahidol University, 2001. C. 121–125.

DC – Dictionnaire Cambodgien. Cinquième édition. Phnom Penh, Edition de l'Institute Bouddhique, 1967–1968.

Diffloth, Gerard. Les Langues Mon-Khmere de Malaisie, Classification historique et innovations // ASEMI, v. VI, n. 4, Paris, 1975. C. 1–21.

Diffloth, Gerard (1976a). Jah-Hut, an Austroasiatic Language of Malaysia // Pacific Linguistics, series C, n. 42, Canberra, 1976. C. 73–118.

Diffloth, Gerard (1976b). Mon-Khmer numerals in Aslian languages // Linguistics 174. Mouton Publishers, 1976. C. 31–38.

Diffloth, Gerard (1976c). Minor-syllable vocalism in Senoic languages // AS, 1976. C. 229–248.

Diffloth, Gerard. Towards a History of Mon-Khmer: Proto-Semai Vowels. // Tonan Ajia Kenkyu (South East Asian Studies), v. 14, № 4, 1977. C. 463–495.

Diffloth, Gerard. The Wa Languages // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. V. 5, № 2, 1980.

Diffloth, Gerard. Registres, dévoisement, timbres vocaliques: leur histoire en katouïque // MKS XI, Hawaii, 1982. C. 47–83.

Diffloth, Gerard. The Dvaravati Old Mon Language and Nyah Kur. Bangkok. Chulalongkorn University printing house, 1984.

Diffloth, Gerard. Austro-Asiatic Languages // Encyclopaedia Britannica (16th edition). Macropaedia, 1986.

Diffloth, Gerard. Proto-Austroasiatic Creaky Voice // MKS 15, 1989. C. 139–154.

Diffloth, Gerard. On the Bulang (Blang, Phang) Languages. // MKS XVIII–XIX, Mahidol University, 1992. C. 34–44.

DAK – *Jenner, Philip N.* A dictionary of Angkorian Khmer. Pacific Linguistics 598, 2009.

DKA – *Long Seam.* Dictionnaire du Khmer Ancien. Phnom Penh, 2000.

DPAK – *Jenner, Philip N.* A dictionary of pre-Angkorian Khmer. Pacific Linguistics 597, 2009.

Donegan, P., Stampe, D. Rhythm and the Synthetic Drift of Munda. <http://www.ling.hawaii.edu/faculty/stanley/>.

Donegan, P., Stampe, D. Rhythm and the holistic organisation of language structure // Richardson, John F., Marks Mitchell, and Chukerman Amy (eds.). Papers from the Parasession on the Interplay of Phonology, Morphology, and Syntax. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1983. C. 337–353.

Donegan, Patricia. Rhythm and vocalic drift in Munda and Mon-Khmer // Linguistics of the Tibeto-Burman Area, 16. 1, 1993. C. 1–43.

Dournes, J. Dictionnaire Srô (Kôho)–Français. Saigon, 1949.

DSKF – *Dournes, J.* Dictionnaire Srô (Kôho)–Français. Saigon, 1949.

DVK – *Pou, Saveros.* Dictionnaire vieux khmer – français – anglais. An Old Khmer – French – English dictionary. Paris, 2004.

Evans, N., Osada, T. Mundari: The myth of a language without word classes // *Linguistic typology* 9, 2005. C. 351–390.

Ferlus, Michel (1974a). Les Langues du Groupe Austroasiatique-Nord // *ASEMI*, v. 5, n. 1. C. 39–69.

Ferlus, Michel (1974b). Lexique souei–français // *ASEMI*, v. 5, n. 1. C. 141–159.

Ferlus, Michel (1974c). Le Groupe Viet-Muong (Recherches dans le cadre de l’Atlas Ethnolinguistique) // *ASEMI*, v. 5, n. 1. C. 69–79.

Ferlus, Michel (1977a). L’infixe instrumental rn en khamou et sa trace en vietnamien // *Cahiers de Linguistique Asie Orientale*, 2, Paris. C. 51–55.

Ferlus, Michel (1977b). Etude d’une strate de changements phonétiques dans l’ancien Cambodge // *MKS* 5. C. 59–69.

Ferlus, Michel (1992a). Sur l’origine des langues Viet-Muong // *MKS* 18–19. C. 52–60.

Ferlus, Michel (1992b). Essai de phonétique historique du khmer // *MKS* 21. C. 57–89.

Forbes, C.J.F.S. On the connection of the Mons of Pegu with the Koles of Central India // *Journal of the Royal Asiatic Society*, VIII. London, 1881.

Gainey, J. Causativation in Nyah Kur // *MKS* 16–17, 1990. C. 25–30.

Givon, T. Syntax. A functional-typological introduction, vol. 1, 2. John Benjamins publishing company. Amsterdam/Philadelphia, 1990.

Gradin, D. Word Affixation in Jeh // MKS V, Manila, 1976. C. 25–43.

Gradin, D. The Verb in Jeh // MKS V, Manila, 1976. C. 43–76.

Headley, R. K. Jr. Some considerations on the classification of Khmer // AS, 1976. C. 431–453.

Headley, R.K. A Pearic Vocabulary // MKS VI, Hawaii, 1977. C. 69–151.

Henderson, E. Vestiges of morphology in Modern Standard Khasi // AS. C. 477–523.

Himmelmann, N. P., Schultze-Berndt, E. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: an introduction // N. Himmelmann & Eva Schultze-Berndt, editor(s.). Second predication and modification: The typology of depictives. Oxford University Press. 2005. C. 1–67.

Hoàng Văn Ma, Tấ Văn Thông. Tiếng bru-vĕn kiĕu. Hà Nội, 1998.

Hoffmann, J. Mundari Grammar. Calcutta: Bengal Secretariat Press, 1903.

Hoffmann, J. Encyclopedia Mundarica, vol. I. Bihar, Patna, 1950.

Holmer, N. M. The Morphological Structure of the Austroasiatic Languages // LCSEAP. C. 17–24.

IC – *Cædès, George.* Inscriptions du Cambodge, vv. 2–8. Hanoi–Paris, 1942–1966.

Jacob, J. M. Prefixation and Infixation in Old Mon, Old Khmer and Modern Khmer // LCSEAP. C. 62–71.

Jacob, J. M. Some Comments on the Relationship between Khmer Words Having Identical Vowel Nuclei and Final Consonants // MKS XVIII–XIX, Mahidol University, 1992. C. 67–78.

Jansen, H. Structure and function of clauses and phrases in Pale // AS. C. 669–691.

Jenner Philip. Anomalous Expansions in Khmer Morphology // MKS VI. The University Press of Hawaii, 1977. C. 169–191.

Jenner, Philip. A dictionary of pre-Angkorian Khmer. Pacific Linguistics 597, 2009.

Jenner, Philip. A dictionary of Angkorian Khmer. Pacific Linguistics 598, 2009.

Jenner Philip, Pou Saveros. A lexicon of Khmer morphology // MKS IX–X. Hawaii. 1980–1981.

Jenner, Philip, Sidwell Paul. Old Khmer grammar. Canberra, 2010.

Jiranan, K. Lawa pronouns // MKS XXI. Mahidol University, 1992. C. 199–205.

Keane, A., H. Des rapports ethnologiques et linguistiques des races indo-chinoises et indo-pacifiques. Annales de l'Étrange-Orient, 83, 5, 1882. C. 238–250, 264–278.

KEEK – Khmer–English, English–Khmer Dictionary. Phnom Penh, 2000.

Kruspe, Nicole. A Grammar of Semelai. Cambridge Grammatical Descriptions. Cambridge University Press, 2004.

Lehmann, Winfred, P. A structural principle of language and its implications // Language, 49, 1973. C. 47–66.

Lewitz, S. La dérivation en cambodgien moderne // Revue de l'École Nationale des Langues Orientales, 4, 1967. C. 65–84.

Lindell, Kristina, Svantesson, Jan-Olaf, Tayanin Damrong. Kammu Yüan–English Dictionary. Preliminary version (manuscript).

LKM – *Jenner, Ph., Pou, Saveros.* A Lexicon of Khmer Morphology // Mon-Khmer Studies IX–X. The University Press of Hawaii, 1980–1981.

Logan, J.,R. Ethnology of the Indo-Pacific Islands. Part II. Journal of the Indian Archipelago and East Asia, N. S., Singapore, 1856.

Long, Seam. Dictionnaire du Khmer ancien (D'après les inscriptions du Cambodge du VI-e–VIII-e siècles). Phnom Penh, 2000.

Luce, Gordon H. Danaw, a dying Austroasiatic language // *Lingua*, 14, 1965. C. 98–129.

Man, E., H. Dictionary of the Central Nicobarese Language. London, 1889.

Martin, M., A. Remarques Generales sur les Dialectes Pear // *ASEMI*, v. V, n. 1, Paris, 1974. C. 25–39.

Maspero, G. Grammaire de la langue khmère (cambodgien). Paris, 1915.

Maspero, H. Études sur la phonétique historique de la langue annamite. Les initiales // *BEFEO*, 1912, t. 12, n. 1. C. 1–127.

Maspero, H. Les langues mon-khmer // *Les langues du Monde*. Paris, 2 ed., 1952. C. 609–622.

Miller, Caroline. The Substantive Phrase in Brou // *MKS I*, Saigon, 1964. C. 63–81.

Miller, Caroline. Structural ambiguity in the Vietnamese Relative Clause // *MKS V*, Manila, 1976. C. 233–267.

Miller, John. Word Classes in Brou // *MKS I*, Saigon, 1964. C. 41–63.

Miller, John, Miller Caroline. Lexical comparison of Katuic Mon-Khmer languages with special focus on So-Bru groups in Northeast Thailand // *MKS 26*, 1996. C. 255–290.

Milne, L. An Elementary Palaung Grammar. Oxford, 1921.

Mourner, A. Les Khasi, une Population Mon-Khmer de l'Inde // *ASEMI*, v. V, n. 1, Paris, 1974. C. 79–97.

Nagaraja, K. S. Khasi dialects: a typological consideration // *MKS 23*, Summer institute of linguistics & Mahidol University, 1994. C. 1–11.

Neukom, Lukas. Argument Marking in Santali // MKS 30, Mahidol University, 2000. C. 95–115.

Neukom, Lukas. Santali. Linkom Europa, 2001.

Nguyễn Hữu Hoàn, Nguyễn Văn Lợi. Tiếng katu. Hà Nội, 1998. (Язык кату).

NPTK – Ngữ pháp tiếng kôho. 1985. Tỉnh LÊm [òng. (Грамматика языка кэхо).

Peiros, Ili. Katuic Comparative Dictionary. Pacific Linguistic Series C-132. Canberra, Australian National University, 1996.

Peiros, Ili. Comparative Linguistics in Southeast Asia. Pacific Linguistic Series, 1998.

Pinnow, H., J. Versuch einer historischen Lautlehre der Kharia-Sprache. Wiesbaden, 1959.

Pinnow, H., J. The Position of the Munda Languages within the Austroasiatic Language Family // LCSEAP. C. 140–153.

Pinnow, H., J. A Comparative Study of the Verb in the Munda Languages // Studies in Comparative Austroasiatic Linguistics, 1966. C. 96–193.

Pogibenko, T. Towards the reconstruction of the meaning of two Austroasiatic infixes *-m-* and *-n-* // Linguistics. A Soviet Approach. M. S. Andronov, Bhakti P. Mallik (eds.). Indian Journal of Linguistics. Calcutta, 1988. C. 262–272.

Pogibenko, T. Copula of identity in Old Khmer // MKS 39, Mahidol University, 2010. C. 61–74.

Pou, Saveros. Notes de Morphologie Khmère // ASEMI, v. VI, n. 4, Paris, 1975. C. 63–71.

Pou, Saveros. Dictionnaire vieux khmer – français – anglais. An Old Khmer – French – English dictionary. Paris, 2004.

Przyluski, J. Les langues austroasiatiques // Les langues du monde. Paris, Centre National de la recherche scientifiques, 1952. C. 385–403.

Rabel, Lili. Khasi, a language of Assam. Baton Rouge, Louisiana State University Studies Humanities Series, 1961.

Rabel–Heymann, Lili. Gender in Khasi Nouns // MKS VI, Hawaii, 1977. C. 247–273.

Raid, Lawrence. The Nicobarese evidence for Austric // Oceanic Linguistics, 33 (2), 1994. C. 323–344.

Rischel, Jorgen. Minor Mlabri. Copenhagen, 1995.

Roberts, H., A. A grammar of the Khasi language. London, 1891.

Röpstorff, F., Ad., De. Dictionary of the Nancowry Dialect of the Nicobarese Language; in two parts: Nicobarese–English and English–Nicobarese. Calcutta Home Department Press, 1884.

Sebeok, Th. An examination of the Austroasiatic language family // Language, 1942, 18. C. 206–217.

Schebesta, P., Blagden, C., O. Grammatical Sketch of the Jahai Dialect, Spoken by a Negrito Tribe of Ulu Perak and Ulu Kelantan, Malay Peninsula // BSOS, University of London, v. 4, n. 4, 1928. C. 803–826.

Schmidt, Pater, Wilhelm. Die Sprachen der Sakei und Semang auf Malacca und ihr Verhältniss zu den Mon-Khmer Sprachen // Bijdragen tot de Taal-, Land-, en Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, 52, 1901.

Schmidt, Pater, Wilhelm. Grundzüge einer Lautlehre der Khasi-Sprache in ihren Beziehungen zu derjenigen der Mon-Khmer Sprachen. Mit einem Anhang: die Palaung-Wa, und Riang-Sprachen des mittleren Salwin. Abh. Bayrischen Akademie der Wissenschaft, 1904, 1.22.3. C. 677–810.

Schmidt, Pater, Wilhelm. Les peuples mon-khmer, trait d'union entre les peuples de l'Asie centrale et de l'austronesie // BEFEO, 1907, VII. C. 213–63. 1908, 8. C. 1–35.

Schmidt, Pater, Wilhelm. Einiges, über das Infix mn und dessen Stellvertreter p in den austroasiatischen Sprachen. Breslau, 1916.

Sharma, D. Munda sub-stratum of Tibeto-Himalayan languages // Studies in Tibeto-Himalayan languages VII. New Delhi, 2003.

Shorto, H., L. A dictionary of modern spoken Mon. London, Oxford Univ. Press, 1962.

Shorto, H., L. The structural pattern of Northern Mon-Khmer languages // LCSEAP. C. 45–61.

Shorto, H., L. Mon bilabial clusters // BSOAS 32. London, 1969. C. 104–114.

Shorto, H., L. A dictionary of the Mon inscriptions from the sixth to the sixteenth centuries. London, Oxford Univ. Press, 1971.

Sidwell, Paul. Proto-Katuic phonology and the sub-grouping of Mon-Khmer languages // Papers from the 15th meeting of the Southeast Asian Linguistic Society. Canberra, Pacific linguistic, 2005. C. 194–204.

Sidwell, Paul. Mon-Khmer languages, lecture series. <<http://www.anu.edu.au/~u9907217/languages/languages.html>>. 2006.

Skeat W., W., Blagden, C., O. Pagan Races of the Malay Peninsula, v. 1, 2. London, Macmillan, 1906.

Smith, K. Sedang Affixation // MKS III, 1969. C. 108–129.

Somsonge, Burusphat. The Functions of *kaʔ* in Oral Kui Narrative // MKS XVIII–XIX, Mahidol University, 1992. C. 223–232.

Stankewich, N., Nguyen Tai Kan. The problem of the word in its relationship to the grammatical system of Vietnamese // Vietnamese studies. Linguistic essays, n. 40. Hanoi, 1975.

Starosta, S. Sora Combining Forms and Pseudo-Compounding // MKS XVIII–XIX, Mahidol University, 1992. C. 78–106.

Suwilai, Premsrirat, Mayuree, Thawornpat, Lo Van Tuan, Trinh Dieu Thinh. Nghe An Khmu–Vietnamese–Thai–English Dictionary. Institute of Language and Culture for Rural Development, Mahidol University. 1998.

Svara. Language handbook. Catholic Orphan Press, Calcutta, 1927.

Swantesson, J.-O. Kammu phonology and morphology. Lund, 1983.

T[VK – Từ {iẻn viẻt–kỏo. Tinh Lẻm [ỏng, 1983 (Вьетнамско-кỏo словарь).

Thomas, David. A Survey of Austroasiatic and Mon-Khmer Comparative Studies. MKS I, Saigon, 1964. C. 149–163.

Thomas, David, Headley, P., K. More on Mon-Khmer subgroupings // *Lingua*, 25, n. 4, 1970. C. 398–418.

Thomas, Dorothy. A phonological reconstruction of Proto East Katic. MA thesis, University of North Dakota, SIL microfiche publications, 1967.

Thomas, Dorothy. Chrau Affixes // MKS III, 1969. C. 90–107.

Thomas, Dorothy. A Chrau Noun Phrase Battery // MKS V, Manila, 1976. C. 135–139.

Từ {iẻn viẻt–kỏe, v. 1, 2. Hà-Nỏi, 1978 (Вьетнамско-кỏe словарь).

Wallace, J., M. Katu Personal Pronouns // MKS II, Saigon, 1966. C. 55–63.

Watson, Richard. Pacoh Phonemes // MKS I, Saigon, 1964. C. 135–149.

Watson, Richard. Discourse Elements in a Pacoh Narrative // MKS VI, The University Press of Hawaii, 1977. C. 279–322.

Watson, Sandra, K. Personal Pronouns in Pacoh // MKS I, Saigon, 1964. C. 81–99.

Watson, Sandra, K. Verbal Affixation in Pacoh // MKS II, Saigon, 1966. C. 15–30.

Watson, Sandra, K. The Pacoh Noun Phrase // MKS V, Manila, 1976. C. 219–233.

Whitehead, G. Dictionary of the Car-Nicobarese language. New Delhi – Madras, 1993.

Wilkinson, R., J. A Vocabulary of Central Sakai // Papers on Malay Subjects, Second Series. Federated Malay States Government Press. Kuala Lumpur.

You Sey. Old Khmer Affixation // MKS V, Manila, 1976. C. 85–97.

SUMMARY

Austroasiatic languages is one of the major families in South and South-East Asia. Geographically dispersed, they have long been evolving in contact with other language families. This resulted in an unprecedented typological diversity ranging from the polysyllabic polysynthetic Munda languages in the west and the monosyllabic isolating Vietnamese language in the east with many examples of typological melange in between. However, this wide typological variety provides clues to some puzzling issues in linguistic analysis such as the origin of complex predications, the evolutionary drift from parataxis to hypotaxis via clause chaining, the rise and loss of grammatical markers.

This book surveys the aspects of Austroasiatic affixation and multiverb predication which have to do with the rise and fall of markers of dependent predication. It is argued that words containing nasal infixes found in Austroasiatic languages mostly as nouns derived from verbs go back to forms of dependent predication which were once used in multiverb constructions of various types. It is also suggested that in Proto-Austroasiatic the infixed forms of dependent predication coexisted with the analytic ones with the marker **ta*, which in descendant languages were driven to periphery by new grammatical means, i.e. conjunctions, copulas and prepositions having left behind lexicalised and grammaticalised reflexes of various types.

The analysis presented in this book aims to prove that the proposed diachronic underpinning allows for a consistent description of the otherwise discrepant reflexes of infixed forms and the marker **ta* in Austroasiatic languages. Another claim is that grammatical reconstruction is a reliable tool for determining language relationship within the Austroasiatic domain.

Научное издание

Погибенко Тамара Григорьевна

**Австроазиатские языки:
проблемы грамматической реконструкции**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор А. З. Алмазова
Корректор Л. В. Хохлова
Художественное оформление обложки Д. И. Стребков
Верстка А. В. Горюнова

28.01.2013

60 90/16.

Усл. печ. л. 23,6. Уч.-изд. л. 20.

Тираж 150 экз. Зак. №

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Информационно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361 Москва, ул. Озерная, 46
781-86-28, 625-38-13